

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 (16)

Киров
2007

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
М. С. Судовиков (отв. секретарь),
К. С. Лицарева, Л. А. Мосунова,
Н. И. Поспелова, В. Н. Оношко,
Т. Я. Ашихмина, Г. И. Симонова,
М. И. Ненашев, Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Данюшенков В. С.</i> Вятский государственный гуманитарный университет – классический университет гуманитарной направленности	6
---	---

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Юлов В. Ф.</i> Становление специализированного мышления	10
<i>Орлов В. В.</i> Научный материализм о сущности мира	15

ИСТОРИЯ

<i>Кувшинов В. А.</i> Кадетские эмигрантские организации после раскола в 1921 г.	27
<i>Судовиков М. С.</i> Факторы развития купеческого сословия дореволюционной России	34
<i>Костин А. А.</i> Суд над Д. Михайловичем и позиция США (1946 г.)	43
<i>Воробьева Т. А.</i> США, СССР и Китай в 1945–1946 гг. (по материалам новейших документальных публикаций)	52

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Акопян К. З.</i> Предмет культурологии и его гипотетические границы	60
<i>Осипова Н. О.</i> Полифункциональность музыки в системе интермедиальной поэтики Н. С. Гумилева	64
<i>Поспелова Н. И.</i> Текст и способы его интерпретации в музыке постмодерна	70

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ившина И. Н.</i> Становление суверенитета Канады в рамках Британской империи и Объединенного Содружества Наций (1867–1982 гг.)	76
<i>Стахов А. И.</i> О систематизации и унификации административно-казуальных мер обеспечения безопасности в Российской Федерации	81
<i>Редикунцева Е. Н.</i> Коллективно-трудовые отношения	88

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ануфриев А. Е.</i> Космологические фантазии В. Хлебникова («Кол из будущего»)	91
<i>Сандакова М. В.</i> Прилагательное в позиции атрибута и предиката	94
<i>Карпов И. П.</i> Авторологическая парадигма (к методологии анализа литературно-художественного произведения)	100
<i>Осипова Н. В.</i> О «вегетарианском» стиле позднего Льва Толстого	105

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Мосунова Л. А.</i> К определению смыслового восприятия художественного произведения	112
<i>Ходырева Е. А.</i> Поликультурность как педагогический принцип	118
<i>Бутырский Г. А.</i> Проблемы обучения школьников решению физических задач	123

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Бердинских И. В.</i> Проблемы истории архивов ГУЛАГа (об архиве Вятлага НКВД–МВД СССР)	129
<i>Бушкова-Шиклина Э. В.</i> Представления менеджеров о должных отношениях в трудовом коллективе	134
<i>Метелева У. В.</i> К вопросу о понятии внесудебного (административного) производства по разрешению административных споров	140
<i>Соловьева Е. Г.</i> Взаимодействие городских общественных и полицейских учреждений по решению вопросов городского благоустройства	143

ПЕРСОНАЛИИ

Татьяна Владимировна Петрусь	146
Людмила Александровна Мосунова	147
Анатолию Евдокимовичу Ануфриеву – 55 лет	148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Агафонова Е. А.</i> Применение современных технологий в вузовском образовании как основа повышения качества обучения студентов (о результатах проведения межвузовской научно-практической конференции)	149
<i>Ненашев М. И.</i> Проблемный семинар «Перспективы образования в XXI веке»	150
<i>Судовиков М. С.</i> 59-я научная сессия по итогам научно-исследовательской работы ВятГТУ за 2006 г.	151
<i>Ашихмина Т. Я.</i> Расширение научных связей ученых Республики Коми и Кировской области (по материалам выездного заседания бюро президиума Коми научного центра Уральского отделения РАН в г. Кирове)	152

РЕЦЕНЗИИ

<i>Останина О. А.</i> «Листая истории страницы...»	154
<i>Александрова Н. С.</i> Новый взгляд на известную проблему	155

CONTENTS

- Danyushenkov V. S.* Vyatka State University of Humanities as a classical university oriented on Humanities
- Yulov V. F.* The Way of Specific Thinking Appearance
- Orlov V. V.* Scientific materialism about essence of the world
- Kuvshinov V. A.* Cadet emigrant organizations after the split in 1921
- Sudovikov M. S.* Factors of merchant development in pre-revolutionary Russia
- Kostin A. A.* The trial of D. Mikhailovich and the position of the USA (1946)
- Vorobyeva T. A.* USSR, USA, China in 1945–1946 (on the materials of the newest documentary publications)
- Hakopyan K. Z.* The subject of culturology and its gypotetic boundaries
- Osipova N. O.* Polifunctionalism of music in Gumilev's system of intermedial poetics
- Pospelova N. I.* The text and the ways of its interpretation in postmodern music
- Ivshina I. N.* Establishment of Canadian sovereignty within the framework of the British Empire and the United Commonwealth of Nations (1867–1982)
- Stakbov A. I.* About systematization and unification of the administrative casual measures of security provision in the Russian Federation
- Redikultseva E. N.* Collectively-labor relations
- Anufriyev A. E. V.* Khlebnikov's cosmological fantasies («The Stake from the future»)
- Sandakova M. V.* Attributive and predicative adjectives
- Karpov I. P.* Authorological paradigm (to methodology of the fiction analysis)
- Osipova N. V.* About vegetarian style of later Leo Tolstoy
- Mosunova L. A.* To definition of semantic perception of literary work
- Khodyreva E. A.* Multiculturalism as a pedagogical principle
- Butyrsky G. A.* Teaching problems in solving physical tasks in a secondary school
- Berdinskikh I. V.* Problems of GULAG historical archives (the USSR Vyatlag NKVD–MVD archive)
- Bushkova-Shiklina E. V.* Manager's views about proper relations in the working group
- Metelova U. V.* To a question on concept of extrajudicial (administrative) execution under the sanction of administrative disputes
- Solovieva E. G.* Interaction of city public and police establishments under the decision of questions of a city accomplishment
- Agafonova E. A.* Modern technologies in university teaching for improvement of quality of students' education (the results of interuniversity scientific-practical conference)
- Nenashev M. I.* Problem seminar «Prospects of education in the XXI century»
- Sudovikov M. S.* The 59-th scientific session on the results of research work of VSUH in 2006
- Asikhmina T. Ya.* Scientific ties expansion of scientists of Komi Republic and Kirov region (Ural brunch of the Russian Academy of Science. Komi research centre. The bureau of the presidium exit research session papers)
- Ostanina O. A.* «Turning over the pages of history...»
- Alexandrova N. S.* A new view on a well-known problem

**ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ –
КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Процессы интеграции высшего образования в мировую систему должны в обязательном порядке сохранять и развивать достижения и традиции отечественной системы образования. Это является одним из ведущих принципов государственной политики. Целью современной высшей школы должна быть ориентация на формирование личности с опорой на социально-экономические и гуманитарные знания, интегрируемые с профессиональными умениями и навыками специалиста.

В связи с этим особое место и роль в учебно-воспитательном процессе вуза должны отводиться гуманитарным наукам, призванным осуществлять научное прогнозирование социально-экономического развития общества, психолого-педагогических основ поведения личности, ее организаторской и исполнительской роли в жизни. Однако гуманитарные науки на сегодняшний день вместо прогнозирования развития социально-экономического общества продолжают выполнять функции разъяснения и пропаганды уже принятых, иногда не полностью продуманных решений.

В современных условиях мы наблюдаем последствия поверхностного отношения российского общества к гуманитарному образованию.

К сожалению, сегодня не осознается принципиальная и решающая роль высшего гуманитарного образования и его влияние на социально-экономическое развитие общества и культуры. При этом следует отметить, что нет единства мнений среди носителей передовых взглядов на гуманитарные знания. Мы видим, как Минобрнауки каждый год сокращает число бюджетных мест на гуманитарные и педагогические специальности. Мировая практика показывает, что на устойчивость общества в целом оказывают влияние в первую очередь природный, производственный и человеческий ресурсы, в связи с этим основным фактором активизации человеческого потенциала является система образования. Образовательный процесс, точнее, его базовая часть, понимается как процесс первичной социализации человеческой личности. При этом необходимо учитывать, что первичным в развитии человека являются мироощущения, несущие общественные, социально-экономические знания об окружающем его мире, а значит, они являются гуманитарными знаниями и заслуживают того, чтобы на их основе формировались специальные и профессиональные знания, навыки и умения.

Кроме этого современное гуманитарное профессиональное образование дает возможность развития способностей человека не только для того, чтобы жить в гармонии с самим собой и окружающим миром, но обеспечить основу продолжения человеческого рода.

На современном этапе развития общества гуманитарные науки призваны обеспечить безопасность его духовной сферы. Система массового

информирования, ее доступность зачастую деформируют сознание современного гражданского общества России. Необходимо подчеркнуть, что гуманитарное образование является важнейшим фактором, который формирует межличностные отношения, влияющие на социально-экономическую стабильность общества.

Какие же типы учебных заведений отвечают за фундаментальное гуманитарное образование?

Российской высшей школе XIX века была близка модель Гумбольдта, согласно которой университет – это элитарное высшее учебное заведение, где обучение и научные исследования находятся в неразрывном единстве и главный акцент делается на подготовку и воспитание творческой личности, способной к саморазвитию. Отсюда следует, что основой классического университета являются наука и научно-педагогические школы, при этом в науке преобладает доля именно фундаментальных научных исследований, а в учебном процессе предполагается сочетание естественнонаучных и гуманитарных дисциплин.

Вятский государственный гуманитарный университет, имеющий почти 100-летнюю историю, соответствует критериям классического университета, предложенным вузами Урала (Прокопьев В. П. О признаках классического университета // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2). ВятГГУ воздействует на социально-культурные процессы, протекающие в регионе и обществе, через профессиональную деятельность выпускников и результаты своих фундаментальных научных исследований. В отличие от других типов вузов в университете ра-

ботают специалисты широкого спектра областей знаний, что дает возможность открывать новые специальности и направления, вводить новые специализации. Значительную часть выпускников ВятГГУ составляют бакалавры, специалисты и магистры в области гуманитарных и социально-экономических наук. Именно эти науки отвечают в значительной степени за развитие культурной традиции нации, формируют представление у людей об общественном развитии и показывают пути решения сложных социальных проблем.

Сегодня ВятГГУ – это региональный гуманитарный центр не только науки и образования, но и профессионального становления, самореализации и адаптации студента к современным условиям жизни.

Достоинством университета является высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав. Сегодня в ВятГГУ работают более 600 научно-педагогических работников, 384 преподавателя имеют ученые степени и звания, 83 доктора наук и профессора, 33 академика, члена-корреспондента российских и международных академий. В штате университета – кандидаты и доктора наук, известные своими профессиональными и научными достижениями далеко за пределами Кировской области и за рубежом.

В настоящее время в структуре ВятГГУ 16 факультетов (исторический, филологический, лингвистики, культурологии, психологии, социально-гуманитарный, юридический, физико-математический, естественно-географический, химический, педагогический, физической культуры, тех-

нологии и дизайна, экономики, управления, информатики) и 51 кафедра.

Университет располагает современной материальной базой, позволяющей обеспечить высокий уровень образовательного процесса: 6 учебных корпусов, 4 студенческих общежития, научная библиотека, компьютерные классы, вычислительный центр, отдел информации и рекламы, центр по развитию творческой инициативы студентов, музей истории университета, издательский центр, ботанический сад и агробиостанция, оздоровительно-спортивный клуб, спортивный комплекс с плавательным бассейном, загородная учебно-тренировочная база. Ведется строительство учебно-спортивного комплекса площадью 12 тыс. кв. м.

В результате реализации университетского проекта по информационному обеспечению научных исследований и учебного процесса основные лекционные и исследовательские лаборатории оснащены современными компьютерами, телекоммуникационным и мультимедийным оборудованием. Университет имеет филиалы и представительства в Кировской области, Удмуртии (Ижевск), Коми Республике (Сыктывкар).

Научная библиотека ВятГГУ – одна из крупнейших в Кирове. Хранилища библиотеки насчитывают свыше 950 тыс. экземпляров научной, учебной и художественной литературы, 445 наименований периодических изданий. К услугам студентов и преподавателей – 5 абонементов, 6 читальных залов, в том числе зал для научных работников и зал электронных ресурсов. Фондами библиотеки пользуются более 17 500 читателей.

В вузе обучается почти 16 тысяч студентов. Ведется подготовка по 72 направлениям и специальностям высшего профессионального образования, 18 основным образовательным программам среднего профессионального образования, 36 специальностям послевузовского профессионального образования (аспирантура, докторантура), 3 программам дополнительного образования, 16 программам профессиональной подготовки рабочих со сроком обучения до 6 месяцев; 18 программам повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов по профилю вуза.

Вятский государственный гуманитарный университет – один из самых крупных образовательных центров Волго-Вятского региона, который плодотворно сотрудничает с вузами России: МГУ, МПГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, РГГУ, АГУ, – имеет тесные контакты с вузами Приволжского федерального округа: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Волжским государственным инженерно-педагогическим университетом, Глазовским госпединститутом им. В. Г. Короленко, Елабужским госпедуниверситетом, Коми научным центром Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар) и другими.

В университете функционируют информационная система управления вузом; попечительский совет; экспертный научный совет, осуществляющий оценку качества научных исследований и проектов; учебно-методический совет, выполняющий функцию экспертизы учебно-методическо-

го обеспечения образовательного процесса; студенческий совет.

Университет активно расширяет международные связи. В настоящее время реализуются договоры о сотрудничестве с Тройским государственным университетом (Алабама, США); Канзасским государственным университетом (Канзас, США); Педагогическим институтом (Канн, Франция); Каоянским технологическим университетом (Каошун, Тайвань); Национальным университетом (Пэнху, Тайвань), Цицикарским университетом (Цицикар, Китай) и другими.

В университете успешно работает студенческое научное общество. Студенты ВятГГУ – постоянные участники и победители региональных, всероссийских и международных конкурсов научных работ, предметных олимпиад, выставок.

Наличие квалифицированных кадров, авторитетных научных школ, современной материально-технической базы позволяет вести масштабную исследовательскую деятельность.

В вузе функционируют Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр РАО; 21 научно-исследовательская лаборатория. Научные исследования проводятся совместно с РАН, РАО, РАЕН.

Сознание современного человека не успевает охватить важнейшие изменения, обусловленные развитием технического прогресса. Поэтому неизбежно возникают проблемы адаптации, глобализации, демографии и т. п.

Так будет до тех пор, пока человечество не осознает необходимость и важность гуманитарных знаний и ценностей, которые в значитель-

ной степени формируют структуру человеческой личности, воспитывают чувства долга, ответственности, толерантности, сострадания, патриотизма, помогают реализовать постулат древнего философа: «Ты человеком рожден – будь человеком!»

История последних десятилетий наглядно демонстрирует, что человечество накопило огромный научно-технический потенциал, позволяющий радикально воздействовать на все стороны развития общества, причем это воздействие имеет разнообразные, далеко не однозначные измерения. Можно утверждать, что большинство современных глобальных проблем человечества возникло в результате узкоутилитарного, по сути своей, коммерческого подхода к определению целей науки и образования в современном мире. В результате сегодня мы наблюдаем прорывы в сфере технологий, позволяющие создавать производство принципиально новых видов товаров потребления, информационный бум, впечатляющие сдвиги в области производства новых материалов, прогресс в сфере сервиса и услуг. Одновременно во все более возрастающем масштабе проявляются негативные процессы деградации отдельных регионов, отрицательной демографической динамики, повышения экологических и техногенных угроз и ряд других. Многие из этих проблем приобрели глобальный характер и своим происхождением обязаны недостаточным вниманием к развитию гуманитарных наук и гуманитарного образования. Устранение этого отставания – миссия современного гуманитарного университета.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

В. Ф. Юлов

СТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО МЫШЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме становления и развития различных типов мышления: научного, мировоззренческого, технически-практического.

Эволюция жизни развивает интеллект. Все живое выживает и совершенствуется за счет целесообразных действий в условиях среды. Это возможно только при наличии информационных и телесных средств. Основатель гештальт-терапии Ф. Перлз выделял в любом организме два блока: систему ориентации и систему овладения. В первую входят органы чувств и интеллект, во вторую – моторно-мышечные органы, осуществляющие должные преобразования среды. Человек существенно развил аппарат жизни, доведя интеллект до уровня разума и обеспечив органы чувств усиливающими приборами. В целом сознание способно обеспечивать информационную ориентацию человека как в мире наличных качеств, так и в области возможных свойств. Соответственно и система овладения была усовершенствована словесным языком и искусственной техникой [1].

У дочеловеческих форм жизни информационный аппарат представлен преимущественно инстинктивными программами, которые отличаются высоким быстродействием: на внешний стимул мгновенно вызывается определенная реакция. Такая скорость реагирования очень существенна для выживания, но она оборачивается радикальной несвободой для единиц жизни. Все решает не сам организм, а его родовидовой опыт. У животных есть прижизненный когнитивный опыт, который предполагает некий временной интервал для распознавания необычного стимула и установления должной реакции. Если место и роль данного опыта у животных незначительны, то человек, выбрав путь культуры, сделал его основным информационным аппаратом. Автоматизм стимульно-ответных сцеплений уступил место свободе принятия решения, которая меж-

ду действием среды и поведением предполагает «паузу обдумывания». В контексте этого временного интервала и возник феномен мышления. Хотя он типичен для любого человеческого индивида, через специфические признаки мышления можно характеризовать специалиста.

Специалистом является тот, кто способен ставить специальные проблемы и решать их. Если проблемы представляют собой разного рода конструкции интеллектуальных затруднений, то в качестве методов решения выступают теории, правила и операции. В деятельности специалиста реализуется особая практичность. Человек может выстраивать различные виды практик, выбирая определенные целевые (проблемные) установки и получая разные результаты в ходе одной и той же деятельности. Такую многозначность нес в древности акт вскрытия туши животного. Для охотника или скотовода это означает получение мяса как пищи. У колдуна данный акт является предсказанием будущего, жрец считает это обрядом жертвоприношения, а ученый – актом познания.

Историческая связь знаний и практического действия: от синкретизма к противостоянию. На характере временной связи представлений и практического поведения лежит отпечаток исторических изменений. В архаических обществах установилось нерасчлененное соотношение когнитивных образов и внешней деятельности. Здесь из знания прямо и непосредственно следовал определенный акт. Если затмение представлялось в виде поедания Солнца и Луны каким-то хищным животным, то при затмении люди стреляли в небо горящими стрелами с целью отогнать хищника. Когда древние люди попадали в ситуации сложной практики, где изобиловали неопределенность, множество случайностей и был высок риск значимой ошибки, то здесь они использовали магию. По мнению Б. Малиновского, она помогала заполнять брешь в той деятельности, которой человек еще не овладел [2]. Есть все основания считать магию первой формой человеческого мышления. Простая практика (глушение рыбы, резьба по дереву и т. п.) не вызвала особых трудностей, знание, закрепленное традиционным способом, почти автоматически вело к успешному действию. Но вот предстояла опасная охота на акул или изготовление каноэ. Здесь уже различные представления трудового опыта явно не-

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГУ
© Юлов В. Ф., 2007

достаточны, действие на время парализуется и в этой паузе начинается мышление. Оно сводится к обдумыванию ситуации затруднения (проблема), нахождению оптимального средства выхода из положения (метод). Здесь остается только обращение к ресурсам мифа, из них берутся священные имена предков, формулы заклинаний, образы героических поступков. Ментальное содержание органично вписывается в ритуальные действия, и такая мыследеятельность создает эффект устранения опасных информационных пробелов и внушает веру в успех будущей практики.

С появлением городских цивилизаций объем предварительного обдумывания значительно вырос и соответственно увеличился временной промежуток между знанием и действием. Так, у древних египтян и шумеро-вавилонян затмения истолковывались как предвестники смерти, что вело уже не к прямому действию, а к серии актов, где в конце концов царь заменялся символическим царем. Сложное ирригационное земледелие, практика измерений пространства, времени и благ требовали реальных знаний, и в контексте магии стали возникать элементы науки.

Радикально новую ситуацию вызвало возникновение философии и теоретической науки в античной культуре. Появились два типа знания, которые оказались противоположными по своим качествам. Если теоретическое эпистеме стало знанием ради знания, то практическое технэ своей целью имело жизненные блага. Если эпистеме разрабатывалось в виде философских учений и теоретических систем (геометрия Евклида), то технэ рождалось и существовало в форме рецептурных правил и расчетных формул. Последние обрели своеобразную двойственность – наряду с практическим опытом тружеников здесь появились расчетные эмпирические формулы, обусловленные научным знанием. Так, при создании метательных устройств их калибр рассчитывался путем извлечения кубического корня из веса каменного ядра и количества ядер, умноженного на сто. Более сложная математика и геометрия использовалась для прокладки водопровода Эвпалина, что позволило вычислять элементы, недоступные для непосредственных измерений. Теоретическая астрономия имела практическую ориентацию, предсказывая лунные и солнечные затмения, восход и заход Луны и планет, определяя их долготу и широту. Стало быть, у греков одна часть научного знания и философские этические учения демонстрировали единство с практикой, другая часть науки (геометрия Евклида) и философские концепции в виде чистой теории бытия, познания противостояли опыту жизнедеятельности.

В древности и в средние века научный эксперимент был под мировоззренческим запретом. Когда Новое время их сняло, то открылись возможности для формирования новой научной и научно-технической практики. Г. Галилей одним из первых стал ориентировать теоретические концепции на проектирование научных экспериментов. Реальный эксперимент у него предвлялся как разработкой теоретической модели, где привлекались не только математические и физические знания, но и технический опыт ремесленников, так и мысленным экспериментом. Новый специалист (ученый-экспериментатор) должен был в мышлении соединять математическую теорию с эмпирическими абстракциями, что и обеспечивало способность мысленного и практического экспериментирования. Прообраз инженера как нового специалиста предложил Х. Гюйгенс. Если ремесленник обходится рецептами сугубо производственного опыта, то инженерная деятельность должна быть основана на союзе научной теории с технической практикой. Для соединения этих двух противоположностей потребовался посредник-медиатор, и им стало прикладное исследование, или эмпирическая разработка. Уже Аристотель указывал на то, что если наука познает общие формы, то «искусство» практика состоит в создании единичных вещей. В Новое время место общих форм заняли общие законы, а единичные проявления вещей стали трактоваться в виде фактов реальности. Если научная теория отражает объективные законы, то переход к артефактам техники требует выяснения частных особенностей, через которые универсальные связи могут конкретизироваться в единичные изделия. Изучением этих особых связей и должна заниматься прикладная разработка, или техническая наука. Так, сам Гюйгенс провел теоретическое исследование о центре качания и осуществил разработку конструкции маятниковых часов. Техническим следствием таких изысканий стали механические часы с изохронными маятниками.

Свои метаморфозы пережила связь теории и практики в медицине. Древние врачи исходили из идеала синкретической целостности. Так, Гиппократ полагал, что медицинская теория действительна только в практическом опыте лечения. Если болезнь понималась как нарушение равновесия между основными элементами тела, то и терапия сводилась к восстановлению нормального баланса. В средневековой Европе произошел разрыв между «словом и делом». Официальное медицинское знание стало герменевтическим истолкованием симптомов болезни, имеющим самодовлеющее значение, а хирургическая практика была отдана цирюльникам. Радикальный зазор между представлениями и практикой су-

ществовал в отношении лечения безумия. Практика изоляции и пыток душевнобольных никак не была связана с религиозными и антропологическими концепциями своего времени. Сближение теории и терапии началось в конце XVIII в. Англичанин С. Тьюк и француз С. Пинель спроектировали новую практику лечения на основе идей гуманизма и буржуазной юриспруденции. Тем самым были заложены основы современной психиатрии [3].

Циклическая структура профессионального мышления. После своего возникновения все виды специальной человеческой деятельности закрепляются обществом в качестве определенных профессий. Соответственно в структуре мышления устанавливается соотношение общих и специфических характеристик как проявление универсального в особенном. Все общее в мышлении предстает в виде циклически конституированных актов: а) постановка проблемы; б) формирование метода; в) инструментальное применение метода к проблеме; г) оценка и обоснование результата. Если проблему уподобить цели, а метод – средству, то налицо классическая схема деятельности: цель – средство – результат. Очевидно, что номенклатура специальностей накладывает на нее всю палитру своеобразия, что дает многообразие специфических циклов.

Еще Аристотель выделял цепочку практических циклов ремесленника (гончара): целевая нужда в амфоре – создание идеального образа или формы – нахождение средств воплощения (глина, гончарный круг) – материализация идеального образа посредством деятельности. У других специалистов этапы имеют разное качество и количество. Если взять деятельность врача, то здесь уже представлены: а) диагноз; б) принятие врачебного решения; в) лечение. Представитель литературного искусства также обходится своей триадой: замысел – создание текста – оценка произведения. Его сюжетная канва имеет свою троичность: завязка – кульминация – развязка. Для характеристики технического творчества в 1910 г. П. Энгельмейер предложил следующую триаду: «замысел» (интуиция выдвигает идею), «план» (логика создает схему конструкции), «поступок» (воплощение плана в материал). Данную модель можно признать с той поправкой, что здесь упущен самый первый акт – постановка технической задачи.

Таким образом, все рассмотренные формы практики подтверждают единый цикл, где присутствуют: проблема (диагноз болезни, задача), метод (идея, план и т. п.) и результат (излечение, изобретение и т. п.). Только следует отметить, что в некоторых циклах основные элементы мышления «замаскированы». Так, постановку диагноза можно считать выдвижением меди-

цинской проблемы, а принятие врачебного решения – нахождением должного метода.

Проблемное поле специальной деятельности. Всех специалистов можно разделить на две группы: теоретики и практики. К первой группе относятся те специалисты, которые заняты разработкой чистой теории, не имеющей явных практических приложений. В номенклатуру теоретиков входят ученые-теоретики и те, кто творит мировоззренческие концепции и доктрины: философы, теологи, эстетики и этики. Что же касается практиков, то в их мышлении возможны теории, но обязательно с применением к практическим задачам.

Проблемность – универсальное состояние жизни. Оно сводится к диссонансу внутренних стремлений организма с наличной ситуацией внешней среды. К примеру, животное испытывает потребность в пище, которая сейчас отсутствует. Такое несоответствие, или рассогласованность, и является основной задачей жизни, которую решают все единицы жизни. Сугубо биологическим задачам человек придал не только культурное значение, но и внес целевую активность. Если организм ставится внешней средой в заданное положение, то человек чаще всего сам ставит задачи, хотя часть проблем сваливается и на него, как снег на голову.

Первобытные кроманьонцы делили все проблемы на два типа: обычные и необычные. Если к первым имел прямое отношение вождь, то ко вторым – шаман. Первый был гарантом устойчивой традиции и поддержки нормативной активности без риска. Для решения задач здесь было достаточно наличного практического опыта. Совсем с другими проблемами имел дело шаман, он выступал на передний план, когда нормальная жизнь и ритуал начинали давать сбои: природные катаклизмы, болезни, войны и т. п. К этим нестандартным задачам харизматический герой применял методы магии, где дефицит знаний компенсировался аффективно-энергетическими и психическими приемами [4].

Греки античного периода открыли другой тип экстраординарных задач. За многие тысячи лет земледелие, скотоводство и ремесло сформировали в Элладе традиционный образ жизни. Но вот с севера пришли темпераментные племена, резко выросла рождаемость, и актуальной стала колонизация. Развитие морского дела вызвало к жизни пиратское ремесло, где ситуации обновляются как в калейдоскопе. Некоторые исследователи полагают, что массовидная пиратская практика с ее инновационными проблемами (пирату приходилось быть моряком, воином, плотником, купцом и т. п.) стала одной из причин становления творческого мышления, инициировавшего философию и науку [5].

Античные греки внесли важный вклад в конституирование теоретических проблем, в которых оцениваются отклонения от рационально-логического идеала знания – противоречия и пробелы между понятиями. Фалеса можно считать основоположником философской проблематики: «Какая единая сущность (первоэлемент) лежит в основе всего многообразия явлений?» По этому образцу последующие мыслители конституировали онтологические, антропологические, гносеологические и другие проблемы.

Вместе с философскими загадками сложился тип теоретической проблемы науки. В качестве образца здесь выступили апории Зенона. Геометрия Евклида является конечным результатом, где аксиомы, постулаты и теоремы связаны в единое целое. Несомненно то, что в начале исследования исходные элементы находились в проблемном диссонансе. Античные ученые разработали и тип научно-практической задачи. В книге «О плавающих телах» Архимед задается вопросом: «Какая геометрическая форма поперечного сечения корабля является наиболее устойчивой?» Здесь явно присутствуют понятие геометрической формы и закон гидростатики, и все это замкнуто на практическую пользу. Ученые и инженеры Возрождения восстановят подобного рода задачи в качестве образца.

Историческое развитие проблемной культуры выявило несколько общих тенденций. Одна из них сводится к росту осознанности акта проблематизации. Об этом можно судить уже по степени частотности употребления термина «проблема» в исследовательских текстах. Впервые он встречается в логических трактатах Аристотеля и имеет явно периферийное значение. Но, начиная с работ Р. Декарта, термин «задача – проблема» обрел высокую частоту использования и сейчас он является самым универсальным понятием. Все это не случайно. Хотя считается, что в любом деле учатся на ошибках, здесь следует внести уточнение – новый опыт рождается только во взаимосвязи проблемы и ошибки. Ошибка – это неудачный ответ на предварительно заданный вопрос, лишь в контексте последнего становится ясным расхождение реального результата с ожидаемым. Вообще важна рефлексия не только в отношении ошибок, но и в плане достижений. Так, Г. С. Альтшуллер собрал данные по десяткам тысяч технических изобретений и провел анализ. В результате он сформулировал концепт «изобретательская задача» и выделили пять этапов ее решения [6].

Знаковой тенденцией является становление «сетевых» проблем и рост их значимости в современном обществе. Обстоятельный анализ таких задач провел немецкий исследователь Дёрнер. Речь идет о социальных проблемах высокой

сложности, которую можно представить рядом качеств. 1. Комплексность, т. е. проблемная ситуация, имеет очень много разных переменных, образующих мелкоячеистую сетевую структуру. Познать такое многообразие весьма трудно. 2. Сетевидность, т. е. все переменные взаимно влияют друг на друга. Отсюда субъекту нельзя делать что-то одно без учета действия других элементов. 3. Динамичность, т. е. ситуация развивается не только быстро, но и протекает независимо от субъекта с ярко выраженными опасными для человека побочными и дальними последствиями. 4. Непрозрачность, т. е. человек не может предвидеть все древо последствий. Типичный пример сетевидной проблемы – авария на Чернобыльской АЭС [7].

И еще одна современная тенденция – появление глобальных проблем. Их роднит новое определение человека как такого существа, которое способно поставить себя под вопрос. И действительно, ведь экологическая проблема есть такое влияние человека на биосферу, которое поставило на грань выживания все живое. Техника войны доведена до такого уровня, при котором могут погибнуть все таксоны жизни. Единственную надежду на этом мрачном фоне вызывает тенденция универсализации этики. Человек начинает применять моральные заповеди не только к себе, но и ко всему многообразию жизни, постепенно проникаясь ответственностью за судьбу всего живого (биоэтика, «благоговение перед жизнью» А. Швейцера).

Инструментальные структуры мысли. Как средство решения проблемы метод имеет несколько синонимических названий – подход, стратегия, план, программа, когнитивный инструмент, аппарат мысли. Если все живое имеет свои проблемы, то в этих границах существует и метод. У дочеловеческих видов информационный аппарат представлен в основном инстинктивными программами, функционирующими в форме постоянно действующих установок. В эту жесткую регулярность человек внес радикальную свободу и новые качества инструментального знания.

Обязательным компонентом метода являются интеллектуальные операции, многообразие которых отнюдь не покрывается словами-терминами («анализ-синтез», «индукция-дедукция» и т. п.). Формирование и функционирование относительно простых умственных действий определяется более содержательными когнициями, отражающими внешнюю реальность, которые можно условно назвать «теориями». Такая операция мифологического мышления как отождествление («подобное вызывает подобное») неразрывно связана с представлением о духах как связующих силах.

На разных исторических этапах цивилизационного развития можно выделять доминирующие операции. Чаще всего такая значимость определяется своеобразием методологической рефлексии. Античное мышление демонстрировало самые разнообразные приемы: критику, абстрагирование, идеализацию, философскую метафору, индуктивное обобщение. Однако логические исследования элеатов и Аристотеля вывели на первый план процедуру логического вывода и рациональное доказательство. Средневековая культура формировалась калейдоскопом умственных действий: понимание и истолкование текста, казуистическая аргументация («за» или «против»), диалектический анализ и т. п. И все же знаковыми здесь остались теологическое доказательство и алхимические приемы («свадьба металлов» и т. п.). Новое время породило экспериментальное естествознание с его обилием специфических приемов, но философский спор Ф. Бэкона и Р. Декарта выделил оппозицию индукции и дедукции. Что же касается современности, то ее символами можно считать системный анализ, прогнозирование и операции синергетического метода (неравновесность, бифуркация и т. п.).

Следующим значимым структурным уровнем метода являются правила. Хотя сознание выбирает операции в соответствии со спецификой задачи, они нуждаются в особой организации, для установления их последовательности. Такое организующее начало и представлено правилами. Они действуют на нормы-предписания и оперативные схемы.

Когнитивные схемы присущи практическому мышлению и выражают своеобразие таких учений, где знание сплавлено с практическим действием. «Знать что-то, значит, уметь это делать» (П. Жане). С самого раннего детства индивид осваивает разнообразные схемы – образцы деятельности. Современные исследования (Е. А. Сергиенко) показали ложность гипотезы Ж. Пиаже о сенсомоторном интеллекте ребенка, лишенном всяких знаний. Другое дело, что ранние когнитивные формируются в виде схем, весьма отличных от обычных эмпирических образов и понятий. Если последние выражаются словами и другими внешними репрезентациями, а также поддаются осознанию, то оперативные схемы всегда пребывают внутри умелого действия, являются молчаливыми, неявными и личностным знанием (М. Полани). Если между обычными когнитивными и действиями есть некий разделяющий «ззор», то практические проявления интеллекта не требуют двойного акта: предварительного рассмотрения правил и последующего их выполнения. Здесь реализуется одно умное действие.

Оперативные схемы формируются в ходе многочисленных пробных актов. Когда ребенок на-

чинает овладевать речью, то перед ним представит около ста тысяч возможных фонемных форм и около миллиона моторных реакций. В этом океане потенциалов ребенок относительно быстро находит несколько десятков правильных фонемных форм и нужные артикуляции, совершая множество ошибок и ориентируясь на образцы речи взрослых. Примерно так же происходит научение у любого начинающего специалиста: ученик учится у мастера, пытается совершать те же действия, которые производит последний. Этот путь проб и ошибок, ведущий к становлению оперативных схем, сцепленных с умениями, проходят ремесленник, музыкант, спортсмен, водитель, ученый-экспериментатор и другие специалисты-нетеоретики.

Совершенно другой характер имеют правила-предписания. Им присуща явная и открытая форма функционирования, они четко вербализованы и регулируют решение предварительной ориентацией. Предписания делятся на эмпирические рецепты и теоретические нормы. Первыми полны книги с практическими рекомендациями (кулинарные, медицинские и т. п.). Вторые связаны с наукой и мировоззренческими концепциями, на них лежит отпечаток высокой социокультурной динамики. Так, от античной логики отпочковалось правило: «Истинно все то, что мыслится непротиворечиво». Позднее средневековье дало «бриту Оккама»: «Не умножай сущности сверх меры». Ему родственна максима И. Ньютона – «гипотез же я не измышляю», поскольку речь идет об умозрительных догадках. Современную науку могло бы представить основное правило синергетики: «рождение радикальных новаций следует искать в точках бифуркаций».

Самый высокий уровень метода представлен теориями. В отличие от операций и правил теоретической структуры в качестве инструмента деятельности весьма желательны, но вовсе не обязательны. Как в прошлом, так и в настоящем специалисты разного профиля обходились и обходятся без теорий. В науке и технике творчество без привлечения теоретических форм получило название «эвристики». Теоретический уровень метода может быть представлен однокомпонентными и многокомпонентными структурами. К первым следует отнести идею и принцип, ко вторым – теорию как систему понятий и такие объединения теорий, которые возникают в проблемных ситуациях, требующих комплексного подхода.

В историческом развитии инструментальных структур можно выделить некоторые сквозные тенденции. Прежде всего, в структуре метода возрастает роль теоретических элементов. Мировоззренческие и научные теории совершенствуются, возникают новые понятийные образования,

и эти когнитии входят в состав различных информационных аппаратов деятельности. Функциональное обращение результатов в предпосылочные начала лежит в основе интеллектуального прогресса человечества. Развитие операциональной и нормативной структур определяется теоретическими основаниями.

Другой тенденцией можно считать усиление междисциплинарного заимствования. Обычная практика сводится к тому, что «социальная эстафета» знаний (М. А. Розов) обслуживает специалиста в рамках определенной дисциплинарной традиции. Но уже ряд выдающихся открытий в науке (Ч. Дарвин, А. Вегенер и др.) и технике показал, что привлечение идей со стороны весьма эффективно. Вот почему во многих национальных системах образования разработаны или разрабатываются программы широкой и интегративной подготовки специалистов, где должны места занимать гуманитарные науки, мировоззренческие дисциплины, естествознание и основы современной техники. Такая комплексность диктуется и необходимостью решения «сетевидных» социальных проблем. Мало кого удивляет весьма богатый и разнообразный перечень дисциплин, которые изучают будущие системотехники.

В последние годы обострилась проблема соотношения мировоззренческих теорий с этнокультурной спецификой и научных теорий, ориентированных на общечеловеческую значимость. Это рельефно выразилось в дискуссии о глобализации. Одни видят в этом процессе прогрессивное устранение этнических различий, мешающих становлению информационного общества; другие – регрессивное нивелирование культур. К каким противоположным практикам (военное искусство, дипломатия и т. п.) могут привести этнокультурные теории Древнего Китая и Греции, хорошо показал французский исследователь Ф. Жюльен [8]. Разнообразие является законом жизни этнических культур, существование которых – залог бытия человечества. И этому отнюдь не должна противостоять разумная глобализация, уделом которой выступают общечеловеческие проблемы. Здесь возможна только мудрая дополнительность глобализации с полноценным развитием этнических культур.

Примечания

1. Перлз, Фр. С. Внутри и вне помойного ведра [Текст] / Фр. С. Перлз // Перлз Фр. С., Гудмен П., Хефферлин Р. Практикум по гештальттерапии. СПб., 1995. С. 134–135.
2. Малиновский, Бр. Миф в примитивной психологии [Текст] / Бр. Малиновский // Малиновский Бр. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 136.
3. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху [Текст] / М. Фуко. СПб., 1997. С. 419–497.

4. Касавин, И. Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии [Текст] / И. Т. Касавин. М.; СПб., 2000. С. 61–70.

5. Петров, М. К. Самосознание и научное творчество [Текст] / М. К. Петров. Ростов н/Д, 1992. С. 65–71.

6. См.: Альтшуллер, Г. С. Творчество как точная наука [Текст] / Г. С. Альтшуллер. М., 1979.

7. Дёрнер, Д. Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях [Текст] / Д. Дёрнер. М., 1997. С. 49–54.

8. См.: Жюльен, Ф. Трактат об эффективности. [Текст] / Ф. Жюльен. СПб., 1999; Жюльен, Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции [Текст] / Ф. Жюльен. М., 2001.

В. В. Орлов

НАУЧНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ О СУЩНОСТИ МИРА

В статье дается анализ с позиции современного марксизма важнейших философских категорий, таких, как материя, объективная реальность, бесконечность мира, сознание, сущность человека, смысл человеческого существования.

1. Донаучные концепции сущности мира

Сущность мира – важнейшая, «предельная» проблема человеческого познания. В донаучной философии можно выделить несколько вариантов ее решения: религиозная, субъективно-идеалистическая, объективно-идеалистическая, материалистическая. Согласно первой из них мир сотворен богом, бог – высшая сущность мира, творец мира, «форма форм», «неподвижный перво-двигатель». Однако все доказательства существования бога (онтологическое, космологическое, телеологическое, психологическое и др.), выработанные за тысячелетия существования религии, являются *паралогизмами*, основанными на ошибке «предвосхищения принципа», т. е. в посылках рассуждения в той или иной форме уже присутствует мысль о существовании бога, которую они должны были бы доказать. Понятие бога возникает в глубокой древности на основе бессознательной *антропоморфной*, или фантастической, парадигмы (способа мышления). Оно появляется в результате переноса на предметный мир человеческих качеств – сознания, воли, действия, творчества, милосердия и т. д., которые к тому же чрезмерно преувеличиваются, гипертрофируются. Понятие бога – это, в сущности, *понятие-фантом*, понятие о несуществующем, несостоявшаяся мысль. Всякое действительное понятие представ-

Орлов Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, г. Пермь
© Орлов В. В., 2007

ляет собой *логически связную* мысль. Понятие бога, включая одновременно мысль о боге как *перводвигателе* всего сущего и мысль о *неподвижности* бога, т. е. его абсолютной полноте, совершенстве, законченности, представляет собой логическое противоречие. Попытки преодолеть противоречие понятия бога не удалось ни в религиозной, ни в философской мысли. Не удалось этого сделать ни Гегелю, ни Бердяеву.

С позиций субъективного идеализма мир есть тоже своего рода фантом, хотя и в ином смысле: мир – это комплекс ощущений («элементов», «капель опыта», «атомарных фактов» и т. п.). Субъективный идеализм находится в полном противоречии не только со здравым смыслом, но и с естественными и социальными науками, которые свидетельствуют о том, что природа существует до, вне и независимо от сознания. В основе субъективного идеализма лежит ряд софизмов, давно опровергнутых философской наукой. Важнейшим аргументом субъективного идеализма является ссылка на то, что человек якобы не имеет средств проверить, существует ли что-либо за ощущениями, ибо проверять ощущения он может только с помощью ощущений. Однако научная философия показала, что искомый способ проверки ощущений существует: это материальная человеческая деятельность, *общественно-историческая практика*. Открытие критерия практики полностью выбивает почву из-под ног субъективно-идеалистической философии.

С точки зрения объективного идеализма исходная реальность есть объективное сознание, дух, мистическое или рациональное (логическое) мышление, которое в своем развитии порождает природу и человека. Высшая форма такой философии – система Гегеля, но и она оказалась в конечном счете несостоятельной. Гегелю не удалось совместить трактовку мира как *логической идеи* с идеей *бесконечного развития* мира, на которой Гегель совершенно справедливо настаивал.

Материализм с античных времен опирался на *реалистическую парадигму*, т. е. стремился объяснить мир из него самого, не перенося на мир человеческих качеств. С этих позиций мир представляется как материя, которую материалисты античности отождествляли с какой-либо конкретной ее формой (водой, воздухом и т. п.) либо с неделимыми частицами (атомами), а материалисты Нового времени представляли материю как природу. Материализм прошлого в принципе шел в правильном направлении, однако не смог подняться до уровня научной философии, ибо, во-первых, так и не выработал предельно широкой абстракции материи, охватывающей бесконечное многообразие природы и общества, во-вторых, не сумел соединить материализм с идеей бесконечного развития. Вместе с тем материализм прошлого спо-

собствовал возникновению и развитию естественных наук и развивался сам на основе материалистического духа естествознания.

Трудность постижения сущности мира связана с его *бесконечностью*, которую человек должен обобщить, обладая всегда *конечным* опытом. Познание действительной сущности мира требует поэтому выработки *принципиально нового типа философского мышления, нового типа интеллекта, сложнейших форм научной абстракции*, к которым философия прошлого только приближалась. Такой способ мышления был создан марксистской философией.

2. Научная концепция материи

Понятие материи – сложнейшая философская абстракция, которая раскрывается с максимально возможной полнотой только всей системой понятий философии. Уяснить содержание и значение категории материи – значит пройти весьма серьезное испытание абстракцией.

Определение материи, кратко выражающее суть этой центральной философской категории, первоначально представляется достаточно простым и очевидным. Кажущаяся на первый взгляд простой и даже *само-собой-разумеющейся* (ибо кто из нормальных людей сомневается в том, что вещи существуют вне человеческой головы?), категория материи в действительности выступает абстракцией огромной сложности. Поэтому перед тем как обратиться к разбору содержания понятия материи, необходимо хорошо *поставить проблему* материи.

Для этого следует ответить на две группы вопросов: во-первых, *с какой целью* создается понятие матери, какую *проблему* разрешает это понятие и каким *потребностям* оно отвечает; во-вторых, каковы *пути* или *способы* формулировки абстракции материи.

Понятие материи – ответ на вопрос о глубинной сущности мира, его «первоначале» или первооснове. *Мир* с позиций научного материализма, – *это материя в ее бесконечных проявлениях*.

Понятие материи возникает в силу двух фундаментальных потребностей познания и практической деятельности: *обобщенной потребности познания и практической деятельности* в «последнем объяснительном понятии науки». То есть речь идет о понятии, объясняющем, *на что в конечном счете направлены человеческое познание и практическая деятельность*. Познавая вещи и явления, мы должны знать, существуют они объективно, как элементы бесконечного материального мира, или они суть фантомы нашего собственного сознания, наших ощущений. Практическая деятельность человека может быть успешной, если он уверен в том, что она направлена на преобразование объективно существующих вещей, подчи-

няющихся объективным, не зависящим от сознания и человеческого произвола законам.

Не имея научного объяснительного понятия о сущности мира, человек не способен решить вопрос и о своей собственной сущности, месте в мире, сущности и смысле своего существования. Познание и практическая деятельность человека неминуемо ставят его перед вопросом о «первооснове» мира.

Каким путем мы можем прийти к научной абстракции материи? Каждое понятие создается путем *обобщения фактов*. Создать абстракцию материи, действительно отображающую сущность мира, — значит найти такой *общий признак*, который присущ всем вещам и всем их свойствам, т. е. признак *универсальный, всеобщий, абсолютный*.

Но *мир бесконечен*. Поэтому, чтобы получить искомое понятие, необходимо обобщить бесконечное число вещей и их свойств, а это для человека, имеющего *всегда конечный опыт*, связанный с освоенной конечной частью мира, оказывается невозможным. Иными словами, в силу бесконечности мира и конечности человека последний, по-видимому, способен познать сущность освоенной им *части мира*, но не способен когда-либо постичь сущность бесконечного мира в целом. С этих позиций получается, что научное мировоззрение в собственном смысле этого слова оказывается невозможным; человек в лучшем случае способен создавать своего рода «местное», «провинциальное мировоззрение», в то время как сущность бесконечного мира остается для него вечным неизвестным, кантовской неуловимой *вещью-в-себе*.

Домарксистский материализм оказался неспособным найти тот путь, по которому должна пойти научная абстракция в поисках неуловимой сущности бесконечного мира. Античный материализм возводил в ранг материи какую-либо ее *конкретную форму* — воду, огонь, «четыре стихии» или атом. Самое большее, до чего смог подняться домарксовский материализм XVII–XIX вв., включая материализм Фейербаха, — это представление о материи как *природе*, или *бесконечной совокупности вещей*. Признак «природности», помимо того, что он не имел достаточно ясного и богатого содержания, заведомо не мог быть отнесен к наиболее сложной реальности — социальному бытию, человеку. Философия должна была найти такое универсальное свойство или признак, который включал бы в себя бесконечное многообразие материи, в том числе и человеческую природу.

Однако так ли непреодолимо «проклятие», наложенное Кантом на действительное, не априорное, мировоззрение?

Понятие бесконечности. Понятие бесконечности, одно из важнейших в философии, было создано марксизмом в наиболее общих и прин-

ципальных чертах на основе глубоких идей, высказанных Гегелем. Используя рациональное содержание этих идей, понятие бесконечности можно определить, введя предварительно понятие о *ряде*, составленном *конечными* вещами, явлениями и т. д.

Полагая, что этот ряд конечных вещей и явлений никогда не может быть закончен, мы вводим первоначальное, непосредственное и абстрактное понятие о бесконечном как *отрицании всякой конечности, определенности, особенности*. Этим непосредственным и абстрактным понятием бесконечности можно широко пользоваться, до определенного момента не впадая в противоречие.

Введенное нами определение бесконечности как отрицания всякой конечности, определенности обладает предельной широтой, выражено в универсальных, предельных философских терминах, т. е. имеет философский характер. Некоторые отечественные философы предлагали определить бесконечность как неисчерпаемость [1]. Однако неисчерпаемым может быть и «очень большой», но конечный мир для «очень маленького» конечного человека. На деле само понятие неисчерпаемости производно от понятия бесконечности: мир неисчерпаем потому, что бесконечен, а не бесконечен, потому что неисчерпаем.

Наряду с предельно общим понятием бесконечности в науке существуют понятия о частных формах бесконечности: потенциальной и актуальной бесконечности, теоретико-множественной (например, счетной бесконечности, бесконечности континуума), метрической бесконечности, бесконечности топологической и др. Все эти формы бесконечности представляют собой ограничения исходного понятия бесконечного вообще. Но такое ограничение позволило математiku Г. Кантору создать теорию бесконечных множеств, основанную на признании существования многих бесконечных множеств. В отличие от абсолютной бесконечности, т. е. бесконечности вообще, Кантор называл изучаемые теорией множеств бесконечности «родственными конечному», или трансфинитумом (*transfinitum*).

С позиций абстрактного определения бесконечности утверждение о материальности мира уже является ограничением, которое противоречит понятию бесконечности и, следовательно, должно быть отброшено, как, впрочем, и любое другое утверждение о мире: о его духовности, сотворенности и т. д. Мы приходим, таким образом, к заключению, что о мире, *если он бесконечен*, нельзя сказать ничего определенного: мир не имеет никакой определенности, качества или сущности, ибо последние суть уже определенности и ограничение. Кажется бесспорным, что мы опять попали в теоретическую ловушку, «проклятие Канта» нас вновь настигло!

Однако вернемся назад, к исходному абстрактному и непосредственному понятию бесконечности. Все ли с ним «в порядке»? Уже Гегель с замечательной глубиной показал, что непосредственные, абстрактно-всеобщие понятия таят в себе глубокий порок, незаметный для неискушенного «здорового смысла». Войдя глубже в смысл понятия бесконечности как «отрицания всякой конечности или определенности», мы обнаружим, что с некоторого момента, если быть последовательным и логичным, это понятие... исчезает, становится бессмысленным. *Отрицание всякой конечности», если не наложить на него никаких ограничений* (что противоречило бы определению бесконечности), должно быть распространено на всякое ограничение, определенность, особенность, т. е. и на само отрицание (поскольку оно есть определенность, ибо существует еще и противоположность отрицания – *утверждение*).

Таким образом, понятие бесконечности, если быть логически последовательным, вступает в противоречие с самим собой, приводит к парадоксу, самоуничтожается, «коллапсирует». Примерно по той же логике самоуничтожается, например, понятие универсального множества в теории множеств Кантора, которое приводит к неразрешимому, в пределах этой теории, парадоксу.

Однако Гегель понял, что непосредственное понятие бесконечности, имеющее чисто *негативный* характер, должно быть поднято на новую мыслительную ступень («отрицания отрицания»). *Негативная бесконечность*, понятая только как отрицание всякого конечного, – это, по Гегелю, «дурная», бесплодная бесконечность. Истинная бесконечность – это бесконечность, не только отрицающая всякое конечное, но и *включающая в себя все конечное*.

Таким образом, диалектико-материалистическое понимание бесконечности коренным образом отличается от трактовки бесконечности мира в метафизическом материализме Спинозы, у которого, как глубоко подметил Гегель, бесконечная субстанция *не порождает из себя* все новые конечные образования, а *уничтожает* в себе все конечное.

В отказе от абстрактного, негативного понимания бесконечности, несовместимой с признанием какой-либо *определенности* мира, наличием у него *определенной* сущности, уже неявно проступает то направление мысли, которое приводит нас к решению «проклятого вопроса»: *как возможно действительное мировоззрение*.

Определить что-либо – значит *отличить* его от другого. Но от чего можно отличить мир в целом, вне которого, «по самому определению», ничего *нет*? *Наиболее общие понятия* науки, возникающие на пределах человеческого познания, обладают особым, необычным характером. С ними нельзя обращаться так, как с обычными, частными, понятиями науки.

Если бесконечный мир как целое нельзя отличить от чего-то *вне его*, то нельзя ли его отличить от чего-либо *в нем самом*? Такая особая часть мира, явление, или, иначе, *особенное* должно находиться *в реальном отношении* ко всему миру в целом, к его сущности. Это отношение должно быть, следовательно, *универсальным, всеохватывающим, всесторонним*. Искомое явление, если оно существует, должно быть *универсальной противоположностью* мира как целого, универсальной противоположностью его сущности.

Таким особенным не может быть, например, электрон, так как он *не находится в отношении* к сущности мира; электрон в качестве мельчайшей отрицательно заряженной частицы мог бы выступить противоположностью по отношению к «очень большой» и «положительно заряженной» либо «нейтральной» части мира, но не по отношению к бесконечному миру.

Искомым особенным явлением, *универсальной противоположностью бесконечного мира* как целого является *человеческое сознание*. Открытие способа постижения сущности бесконечного мира, способа абстрагирования важнейшего понятия научной философии – понятия материи через отношение к сознанию – *является величайшим открытием марксизма* в философии, которое сняло «кантовское проклятие», наложенное на саму возможность действительного научного мировоззрения, отображающего подлинную сущность бесконечного мира. *Материальная сущность мира может быть схвачена, определена через противопоставление ее универсальной противоположности – сознанию*.

Тем самым открывается и способ постижения человеческой сущности, поскольку последняя может быть понята только в сопоставлении с сущностью бесконечного мира. Человек возникает, существует и действует на арене бесконечного мира, в духовном и практическом диалоге с миром.

Вывод о сознании как таком универсальном особенном, в противопоставлении которому открывается сущность бесконечного мира, заставляет думать, что в самой природе мира и способе его развития заложены такие фундаментальные предпосылки и законы, которые приводят к формированию сознания, становящегося в отношении к сущности бесконечного мира в целом. Развитие материи, следовательно, таково, что оно ведет к появлению формы материи, обладающей сознанием, которая получает универсальный характер и становится в универсальное практическое отношение к миру.

Хотя научное понятие материи возникает вместе с марксизмом, строгое научное определение материи дал лишь В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». «Материя, – писал Ленин, – есть объективная реальность, данная нам в ощущении» [2].

Обратим внимание на то, что указание в самом определении материи на ее познание (данность) через ощущения отличает марксистское понимание объективной реальности от кантианского. Кант признавал существование объективной реальности, но отрицал ее познаваемость, что превращало понятие объективной реальности в бессмыслицу.

Непосредственный смысл понятия объективной реальности обнаруживается, когда мы выясняем содержание терминов *реальность* и *объективность*. Термин *реальность*, или *бытие*, интуитивно понятный каждому, означает действительное, невымышленное существование. Выдвинуто немало способов определения понятия существования: быть воспринимаемым, находиться в отношении к чему-либо, быть практически осуществимым и т. д. Понятие существования также относится к предельным понятиям науки и поэтому обладает рядом «странностей». Так, понятие существования является более широким, чем понятие материи, ибо и материя и сознание одинаково существуют, являются двумя формами реальности – объективной и субъективной.

Может создаться впечатление, что существование является более фундаментальным понятием философии, чем материя, и обладает большей объяснительной ценностью. Однако «странность» предельных понятий обнаруживается здесь в том, что более общее понятие существования оказывается отнюдь не более фундаментальным, чем «более частное» понятие материи. Сущностью мира является не просто «предельно общее», а такое общее, которое охватывает все качественное многообразие мира. Понятие же существования фиксирует лишь наиболее общее и бедное свойство вещей – то, что они *есть*, но не фиксирует их качественную сторону или сущность.

Это является признаком того, что за ним стоит более содержательное и мощное понятие философии – понятие объективной реальности, которую можно определить как *существующее до, вне и независимо от сознания*.

Термин *сознание*, таким образом, входит в определение материи как объективной реальности, но в его предельно широком значении – как *сознание* вообще: индивидуальное и общественное, земного человека и любых мыслящих существ. Некоторыми авторами высказывалась мысль, что объективным может быть определено также индивидуальное и тем более общественное сознание, выступающее в отношении к некоторому индивидуальному сознанию, от которого оно не зависит [3]. Действительно, мысли всего человечества не зависят от того, что думает, например, данный человек. Не следует ли поэтому считать сознание общества объективной реальностью по отношению к любому индивидуальному сознанию? Так полагали философ В. П. Тугаринов и психолог

С. А. Рубинштейн [4]. Такое представление об объективности сознания возникло и у некоторых ученых-юристов.

Бесспорно, что отношения *независимости* существуют и в области сознания (независимость индивидуальных сознаний друг от друга, общественного сознания от единичного сознания, одной идеи от другой и т. д.). Однако на каком основании независимость *моментов духовной жизни* общества подводится под понятие *объективности*? Независимость сознания, существующая в пределах *духовного мира*, мира идей, имеет принципиально иную природу, чем *независимость материального мира* от сознания. Поэтому подвести глубоко противоположные отношения – *внутри сознания* и *между* внешним миром и сознанием – под одно и то же понятие *объективности*, выражающее природу материального мира, – это значит отождествить духовное и материальное, снять основной вопрос философии и тем самым сделать шаг к отождествлению материализма и идеализма.

Еще Г. В. Плеханов прекрасно разъяснил точку зрения диалектического материализма: «С точки зрения Маркса, невозможно противопоставление „субъективных“ взглядов личности взглядам „толпы“, большинства и т. д. как чему-то *объективному*. Толпа состоит из людей, а взгляды людей всегда „субъективны“, так как те или другие взгляды людей составляют одно из свойств *субъекта*. Объективны не взгляды „толпы“, объективны те отношения в природе и обществе, *которые выражаются в этих взглядах*. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня» [5].

При поверхностном подходе может сложиться впечатление, что дискуссия о том, считать ли сознание объективной реальностью, есть спор о словах, о том, *как назвать* то или другое. На самом деле, однако, дискуссия имеет очень серьезный характер. Провести грань между объективным и субъективным, между реальным положением дел, реальной действительностью и мыслями о ней – значит не впасть в заблуждения, знать истинное положение дел, познавать знание объективных законов и условий и опираться на них, сообразовывать мысли и деятельность с реальной действительностью. Используя образное сравнение Канта, можно сказать, что отождествить материальное и духовное – это то же самое, что не видеть различия между «ста талерами в уме и ста талерами в кармане».

Поскольку сознание отображает объективный мир, термин «объективное» в ослабленном значении применим и к описанию природы сознания: сознание, если оно правильно отображает мир, имеет «*объективное содержание*» и «*объективную значимость*». В плане объективного содержания сознания вполне допустимо проти-

вопоставление индивидуальных сознаний или общественного и индивидуального сознания: то или иное сознание может обладать большей или меньшей объективностью, что значит – более или менее полно отображать объективный мир. Индивидуальное сознание, если оно глубже и полнее отображает объективную реальность, может обладать даже большей объективностью и большей объективной значимостью, чем наличное общественное сознание, сознание подавляющего большинства людей. Взгляды Маркса и Энгельса, первоначально возникнув, обладали несравненно большей объективной значимостью, чем господствовавшие в общественном сознании идеи и представления. Такова вообще ситуация, связанная с появлением новых идей в обществе.

Термины «до», «вне» и «независимо», раскрывающие (наряду с термином сознания вообще) содержание понятия объективного, также имеют определенный строгий смысл. Существование *до сознания* означает *предшествование* материи сознанию, что вовлекает в определение понятия объективности понятие бесконечного времени существования материи, ссылку на один из важнейших атрибутов материи. Существование *вне сознания* указывает на то, что внешний мир, как таковой, не *принадлежит* сознанию, не является *содержанием* сознания. В определенной мере это также указание на пространственное бытие материи вне сознания, поскольку существование сознания связано с пространственными пределами его материального органа – мозга. *Независимость от сознания* имеет более широкое и общее значение: включая в себя содержание терминов *до* и *вне*, она означает, что внешний мир *обладает самостоятельным существованием и собственным содержанием*, не нуждаясь для своего существования в сознании.

При переносе понятия объективного на содержание сознания происходит некоторое ослабление его смысла: объективное содержание сознания существует в сознании, и в этом смысле понятие объективного не имеет здесь прежнего абсолютного смысла. Однако объективное содержание сознания *не зависит* от сознания в основном и главном, ибо оно «заимствуется» во внешнем мире, «пересаживается» (Маркс) в голову из объективного мира, определяется объективным миром. От сознания, активной творческой деятельности человека в весьма существенной степени зависит, насколько глубоко и полно будет отображен объективный мир, но не зависит *природа* объективного содержания сознания, определяемая природой самого объективного мира. Сознание имеет «содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» [6]. Следует добавить, что само существование сознания в конечном счете зависит от того, может ли оно отражать объективную реальность.

Независимость внешнего мира от сознания и зависимость сознания от внешнего мира означают первичность одного по отношению к другому. Отношения независимости–зависимости и первичности–вторичности в сущности тождественны.

Независимость, или первичность, материи выступает в *трех основных отношениях*: 1) независимость внешнего мира, существующего до сознания; 2) независимость высокоорганизованной материи (человека), обладающей сознанием; 3) независимость внешнего мира как оригинала от своего мысленного отображения.

С тремя главными отношениями независимости связана система аргументации материализма, которая подразделяется на три основных совокупных аргумента: существование природы до человека, зависимость сознания (психического вообще) от высокоорганизованного материального субстрата, зависимость сознания как образа от его оригинала – внешнего мира.

Понятие объективного существования, объективной реальности приобретает наиболее сложный характер применительно к обществу, которое представляет собой новую сверхприродную реальность, возникающую и существующую при активном участии сознания. Это означает, что в некотором «ближайшем» плане общественное бытие обнаруживает существенную зависимость от сознания. Так, человек осуществляет трудовую деятельность, создающую материальные вещи и само материальное бытие общества, при непосредственном участии сознания. Однако эта *ближайшая зависимость* общественного бытия от сознания скрывает под собой более глубокую и изначальную зависимость сознания от общественного бытия, которую вся предшествующая марксизму философия не смогла обнаружить. Обосновывая материалистическое понимание истории, Энгельс определил эту зависимость как зависимость в *конечном счете* [7].

По Ленину, материальные, экономические отношения, в отличие от идеологических, складываются, *не проходя через сознание* [8]. Этот высказанный Лениным признак выражает теперь уже применительно к материальным общественным отношениям наиболее общее содержание понятия объективности – существование до, вне и независимо от сознания. Однако некоторыми учеными этот критерий материальных отношений оспаривался для случая экономических отношений социализма, которые, как известно, складываются и развиваются отнюдь не только стихийно и бессознательно. Однако с этим возражением нельзя согласиться.

Экономические отношения «не проходят через сознание» в том смысле, что люди в своей деятельности никогда полностью не осознают, какие материальные отношения при этом складываются, никогда полностью «не сознают того,

по каким законам они развиваются и т. д.» [9]. Так, крестьянин, продавая на рынке хлеб, не знает, в какие товарно-экономические отношения он вступает, по каким законам товарного производства эти отношения развиваются.

И даже когда экономические отношения осознаются — в виде соответствующей теории, все равно существуют вне сознания и уже поэтому не зависят от него.

В марксистской философии понятие материи, таким образом, в отличие от всего предшествующего материализма, включило в себя и «общественную материю», сущность общества и человека. Поэтому признак объективно-реального существования — универсальный признак, охватывающий как природу, так и человека.

Раскрыв общий смысл понятия объективной реальности, мы затронули только начальный, простейший уровень марксистской теории материи. Следующий, более глубокий уровень теории связан с ключевым вопросом о способе постижения материи, способе ее определения, решение которого позволяет выяснить не только богатейшее содержание исходного понятия научной философии, но и природу научного мировоззрения в целом.

Как уже отмечалось, центральным моментом здесь является мысль, что сущность внешнего человеку мира не может быть определена иначе, как через *противопоставление сознанию*. Этот подход был положен Лениным в основу определения материи. «...По сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, — писал Ленин, — кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. ...Есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду *всегда* возможных изменений *номенклатуры*) не пошла до сих пор и гносеология» [10].

Отсутствие иного пути к познанию наиболее общей сущности мира обусловлено, как мы уже рассматривали, «предельным» характером понятия материи, соответственно вопроса о сущности бесконечного мира, невозможностью отличить мир от чего-либо вне него. Важной особенностью такого подхода является то, что бесконечный мир противопоставляется его универсальной, всесторонней и всеобщей противоположности — сознанию вообще. Только в *таком универсальном отношении* сущность бесконечного мира *реально выражена и может быть* схвачена.

Противоположность материи и сознания имеет *абсолютный* и *относительный* характер [11]. Абсолютность противоположности материи и сознания заключается в независимости материи от сознания и производности сознания от материи, т. е.

содержится в отношении первичности — вторичности. Эта противоположность *абсолютна*, т. е. *безусловна и неустранима в конечном счете*. Иными словами, хотя духовные явления существенно влияют на материальные, в конечном счете первичными являются последние. В то же время противоположность материи и сознания относительна, поскольку само сознание *порождено* материей и, следовательно, *родственно* материи. Сознание в известной мере становится первичным по отношению к определенным материальным явлениям, которые *возникают при содействии сознания*: мысленный проект вещи, создаваемой человеком, в определенном смысле первичен по отношению к ней.

Отношение первичности — вторичности, таким образом, включает не только противоположность, но и единство материи и сознания. При этом *диалектика противоположных понятий такова, что категории материи и сознания сохраняют свой смысл, будучи противоположными в своем единстве и едиными в своей противоположности*. Как только мы упускаем из виду какую-либо из сторон — противоположность или единство, философские категории распадаются. Сущность бесконечного мира и человеческая сущность находятся в глубокой взаимной связи, вне которой они становятся для нас непостижимыми.

Иногда высказывается точка зрения, что определение материи через понятие объективной реальности указывает скорее на адрес материи — *вне сознания*, но не на ее *собственный, позитивный признак*. Отображает ли понятие материи собственную природу мира, подобно тому как, например, физические понятия воспроизводят позитивную природу вещества или поля, элементарных частиц и т. д., или же понятие материи фиксирует только тот факт, что внешний мир, с его неизвестной нам природой, существует до, вне и независимо от сознания? Или иначе: является ли понятие объективной реальности только *негативным*, утверждением только о том, *чем мир не является* (не является сознанием), или же оно указывает также, *что есть мир сам по себе*? Рассмотрим эту сторону дела.

Когда мы определяем внешний мир как объективную реальность, мы тем самым утверждаем, что мир обладает своим *собственным существованием, собственными свойствами и закономерностями* и не нуждается для своего существования в нашем понятии о нем, в его осознании, в боге, идее и т. д. Понятие объективной реальности выступает поэтому как высшая ступень абстракции, в которой в чрезвычайно *сжатом и концентрированном* виде выражены *собственное бытие и собственная сущность* или природа бесконечного мира. Возникающая при этом *иллюзия* негативности понятия материи (оно указывает, *чем* материя не является, но не указывает, *что* она есть) вызвана чрезвычайной

степенью обобщенности и сжатости абстракции материи.

«Свойство» внешнего мира «быть объективной реальностью» на самом деле выводится не как негативная противоположность сознания, а из действительных признаков и свойств многообразных вещей внешнего мира. Суть дела заключается в том, что предельно сжатую характеристику мира как такового можно осознать, вывести, фиксировать только через противопоставление внешнего мира сознанию как универсальной противоположности мира. Противопоставление мира сознанию – это не *источник* содержания понятия материи, а *логическая процедура, средство* формирования понятия материи на основе *огромного массива конкретно-научных фактов*.

Понятия материи и сознания возникают в философии путем обобщения двух массивов положительных фактов науки: наук о внешнем мире и наук о психической деятельности человека. *Содержание* понятий материи и сознания определяется этими массивами фактов, а *способ обобщения* этих массивов фактов заключается в противопоставлении их друг другу.

Таким образом, введение понятия материи как объективной реальности приводит к тому, что предметом исследования для научной философии становится уже не *общий факт* объективности мира, который отныне не подлежит сомнению, а *внутреннее содержание* «свойства» объективно-реального существования мира. Это содержание *бесконечно и неисчерпаемо*. А это означает, что с каждым крупным открытием в области естественных, общественных и технических наук понятие материи должно претерпевать существенное изменение, оставаясь тем не менее понятием *объективной реальности*. Смысл, который мы вкладываем в понятие объективности, является функцией от уровня понимания окружающего нас мира, который определяется уровнем развития системы наук.

Понимание объективной реальности претерпело в XX в. существенные изменения в связи с появлением квантовой механики, теории относительности, развитием современной математики, с накоплением нового исторического опыта. Эти изменения заключаются в кардинальном усложнении смысла понятия объективности. Как понять, например, объективно-реальное существование микрообъекта, если, с позиций квантовой механики, он в одной экспериментальной ситуации ведет себя как корпускула, обладающая определенной локализацией в пространстве, а в другой – как нечто совершенно противоположное, как волна, простирающаяся в бесконечность и не имеющая строгой пространственной локализации.

Весьма существенный вклад в понятие объективности внесла теория относительности с ее представлением об относительности пространства и

времени. Серьезный пересмотр смысла понятия объективно-реального существования связан с осмыслением отношения математических абстракций к реальной действительности. Еще более сложным, вопреки обыденному представлению, является способ объективно-реального существования человека и общества. Социальное материальное бытие настолько тесно переплетено с различными формами его осознания и переживания, что абстрагировать его как таковое в его собственном содержании несравненно труднее, чем схватить способ объективного существования микрообъекта.

Материя как субстанция. Признак «быть объективной реальностью» – это универсальный, интегральный признак, в котором обобщено бесконечное многообразие свойств вещей окружающего нас мира. Этот признак включает в себя все *всеобщее, особенное и единичное*. Материя – это не только *всеобщая сущность* мира, но и все ее *проявления*, все *многообразие* особенного и единичного.

Поскольку материя – это и сущность мира и вся совокупность ее проявлений, логично ввести понятие *о сущности*, или *природе, материи* и совокупности материальных и духовных явлений. Материя – это *весь бесконечный мир*, включая его сущность и бесконечные ее проявления. К числу последних надо отнести и явления психики, духовные явления, принадлежащие высокоорганизованной материи.

Следующее крупное подразделение в рамках понятия материи как объективной реальности связано с понятиями *субстрата, субстанции* и ее *атрибутов*.

Каждая вещь обладает специфическим субстратом и свойствами, принадлежащими этому субстрату. Так, можно различать живое вещество как субстрат всех жизненных свойств. В таком же смысле материя выступает как *всеобщий субстрат*, который является *носителем* всех свойств материи. *Субстанция – это материальный субстрат в единстве с его свойствами*. Материя как субстанция – «причина самой себя». Всеобщие свойства материи называются ее атрибутами. Субстанция несет в себе свои атрибуты как свои внутренние свойства.

Принято различать три важнейших атрибута материи, выступающие в качестве ее *внутренних форм бытия* (существования): *пространство, время и движение*, или *развитие*. К атрибутам материи относится также еще ряд ее свойств нескольких иного рода: *отражение, бесконечность, бесконечное качественное и количественное многообразие материи*. Если пространство и время – формы бытия материи, то бесконечное качественное и количественное многообразие характеризует *содержание* материи. Материя – бесконечно (качественно и количественно) многообразный мир, существующий в перечисленных выше

формах бытия. Бесконечное качественно-количественное многообразие содержания материи определяет бесконечное многообразие форм ее бытия.

Субстрат, субстанция, атрибуты, формы бытия и т. д. — это «определения» материи, имплицитно содержащиеся в понятии объективной реальности.

3. Человек, или социальная форма материи

На вопрос, *какие причины обусловили появление человека?* — обычно дают ответ: *человека создал труд*. Включая большую долю правды, этот ответ является далеко не полным и лишь частично выражает научно-философскую концепцию возникновения человека в бесконечном материальном мире. Более того, этот ответ в некотором смысле парадоксален: способность к труду — важнейший признак человека, и поэтому сказать, что человека создал труд — значит утверждать, что причиной появления человека в мире является... сам человек. Хотя, повторим, это в глубоком смысле верно.

Замечательной особенностью научно-философской концепции человека, в отличие от ходячих ее имитаций, является то, что она *затрагивает фундаментальнейшие стороны мироздания*, выясняет, опираясь на данные всей системы наук, отношение человека к самой природе бесконечного мира, его место в едином закономерном мировом процессе, раскрывает сущность человека как части бесконечного мира, как *микрокосма*, своеобразно выражающего собой бесконечный космос. И на этой основе стремится понять смысл и перспективы человеческого существования в мире.

Парадокс случайного человека. В современной науке, включая философию, широко распространено представление о случайности появления человека в ходе биологической эволюции, развитии природы, или, иначе, о случайности человека по отношению к природе мира в целом. Некоторые ученые утверждают, что появление человека — это «болезнь умирающей Вселенной», жизнь — всего лишь «благородная ржавчина Земли». С точки зрения известного генетика Ж. Моно, человек — результат случайной генетической ошибки. «Вселенная, — утверждает Моно, — не была чревата жизнью, как и биосфера — человеком. Наш номер выпал в монте-карловой рулетке» [12].

Нередко утверждают, что тезис о случайности человека по отношению к эволюции природы и к миру в целом следует из сути научной философии. Не опровергая пока тезиса о «случайном человеке» по существу, подойдем к нему первоначально как бы «с конца», рассмотрим, какие выводы следуют из его принятия. Утверждение о

случайности человека по отношению к миру означает, что человек находится в *поверхностном*, «внешнем» (именно случайном) отношении к миру, к его сущности, человек возникает не на «магистрали», а на «задворках» мирового развития. Он обладает, таким образом, *случайным, несущественным* содержанием, природой и, следовательно, не может с достоверностью судить о природе мира!

С позиций «случайного человека» природа мира оказывается непознаваемой, достоверное мировоззрение — невозможным. Более того, не находясь в отношении к самой сущности мира, обладая *случайным содержанием и случайной сущностью*, человек не может судить и о своей случайности или необходимости. Только человек, несущий в себе, в своей сущности не только случайное, но и необходимое, может судить о своей необходимой или случайной сущности. Можно сказать и так: поскольку человек способен задавать вопрос о своей случайности, постольку он является не случайным существом.

Тезис о «случайном человеке», ничтожном атоме в бескрайних просторах Вселенной, оказывается, в сущности, скрытой формой *парадокса лжеца*. Парадокс лжеца, выраженный в сильной форме, содержится в утверждении «Высказывание, которое я сейчас произношу, ложно». Парадокс состоит здесь в том, что высказываемое утверждение о ложности обращено само на себя и, принимая это утверждение за истинное, мы тем самым признаем это утверждение ложным, а значит оно является истинным, а это означает, что оно ложно, и т. д. Утверждение о случайности человека в скрытом виде содержит ту же логику: если верно, что человек случаен, то такой человек не может судить о своей случайности или необходимости.

Концепция случайности человека по отношению к миру, его сущности, с необходимостью приводит к заключению о *бессодержательности и бессмысленности человеческого существования*, ибо случайное и есть бессодержательное и, следовательно, бессмысленное. «Случайный человек» не имеет глубоких корней в мире, является всего лишь флуктуацией мировых процессов («вероятностный мир»!), ошибкой в транскрипции или трансляции информации, внезапно вспыхнувшей в мире искрой, которая так же внезапно, как и приличествует случайности, должна угаснуть, не оставив никакого следа во Вселенной. «Случайный человек» — «свеча на ветру». Таковую «концепцию» человека некоторые философы пытаются принять за «единственно научную» и «единственно материалистическую»!

Некоторые ученые полагают, что неизбежная деградация «случайного человека» уже началась. Одни связывают ее с исчерпанием случайно скон-

центрированных в человеке ограниченных возможностей развития, другие – с истощением ресурсов Земли и ее глобальным загрязнением, третьи – с вырождением биологической природы человека (с начавшимся ухудшением его генетического качества), четвертые – с самоубийственной тенденцией к войне. Наконец, всякая религиозная философия связывает неизбежный конец человека с его ограниченной материальной «земной» природой. Религиозная философия исходит из древнего и наивного, сколь и предвзятого, представления о материальном как косном, простом, конечном. Выражая философию «конечного человека», Э. Фромм писал, что если смыслом XIX в. было утверждение Ницше «Бог умер», то смыслом XX в. оказывается исчерпание человеческой сущности: «человек умер» [13].

Таким образом, если исследовать основания и смысл утверждения о случайности человека по отношению к бесконечному мировому целому, мы неизбежно приходим к выводу, что это утверждение противоречит самому себе и поэтому лишено смысла.

С позиций научной философии возникновение человека (общества) как высшей формы материи вызвано тремя группами факторов или причин: *всеобщими, особенными и единичными*. К всеобщим относится природа (сущность) бесконечного мира. *Возможность и необходимость* появления человека заложена в самой природе материи. Напомним, что признание необходимого – по отношению к самой сущности материи – характера возникновения человека Энгельс рассматривал как один из важнейших теоретических элементов, отличающих научный материализм от метафизического и механистического. «Для него (метафизического материализма. – В. О.) тот факт, – писал Энгельс, – что материя развивает из себя мыслящий мозг человека, есть чистая случайность, хотя и необходимо обусловленная шаг за шагом там, где это происходит. В действительности же материя приходит к развитию мыслящих существ в силу самой своей природы, а потому это с необходимостью и происходит во всех тех случаях, когда имеются налицо соответствующие условия (не обязательно везде и всегда одни и те же)» [14].

К *особенным* причинам появления человека необходимо отнести прежде всего эволюцию биологической формы материи, закономерно порождающую высшую форму жизни – мыслящие существа. Биологическая эволюция движется противоречием в самой сущности жизни – *между тенденцией жизни к самосохранению и всегда ограниченными биологическими средствами ее реализации путем приспособления*. Тенденция самосохранения возникает вместе с первичной живой материей и развивается в ходе эволюции живого. Известный биолог Э. С. Бауэр считал,

что эволюция жизни заключается в *интенсификации* всех свойств живого, а М. М. Камшилов интерпретировал эволюцию как процесс, в котором *живое становится все более живым*. Вместе с тем тенденция самосохранения изначально возникает как выражение фундаментальной всеобщей тенденции материи к развитию и имеет в этом смысле *абсолютный* характер. В то же время формы приспособления живого к среде, как средство выживания живого, всегда имеют ограниченный, *относительный* характер.

Противоречие жизни выражается в интегральном показателе эволюции – *выживаемости* организмов. Известно, что выживаемость одноклеточных организмов чудовищно мала. Многие рыбы мечут миллионы икринок, из которых выживает и выводится ничтожно малое количество взрослых рыб. Выживаемость высших животных не превышает 10–30%.

Абсолютная тенденция живого к самосохранению является, по нашему мнению, фундаментальной основой прогрессивного развития живой материи. Такая интерпретация сущностной тенденции жизни включает весьма важный и необходимый теоретический компонент – философскую концепцию абсолютной тенденции материи к развитию, движению от низшего к высшему. Без этого философского компонента, как нам представляется, нельзя решить коренные проблемы теории биологической эволюции.

Абсолютная тенденция жизни к самосохранению закономерно приводит к появлению более *эффективного и радикального способа существования*, способа выживания, чем приспособление к среде. Таким новым способом выживания может стать только *преобразование среды и, на этой основе, преобразование самого живого, т. е. производство жизни*.

Производство самого себя на основе преобразования среды – новый, высший способ существования и развития человека, социальной формы материи. Жизнь, таким образом, в силу своего внутреннего противоречия, закономерно выходит за свои собственные пределы, порождая социальную жизнь, человеческое общество.

Среди факторов, названных нами *особенными*, весьма важное место принадлежит труду. Труд как процесс преобразования природы и самого человека с момента своего зарождения и в процессе дальнейшего формирования служил вначале активным, а затем – определяющим фактором *формирования* человека. «...Мы в *известном смысле* должны сказать: труд создал самого человека», – писал Энгельс [15].

Определение роли труда как средства формирования человека отнюдь не исключает действия других факторов – всеобщих, биологических, географических и других. Огромную

роль в формировании человека сыграли биологические факторы, включая естественный отбор. Зарождающийся и формирующийся труд мог привести к возникновению человека, лишь становясь в то же время и биологическим фактором – фактором естественного отбора.

Труд – процесс взаимодействия человека с природой, который осуществляется с помощью вырванных из природной среды и преобразованных природных элементов – *средств труда* (прежде всего *орудий труда*). Энгельс считал, что главное отличие человеческого труда от орудийной деятельности животных заключается в изготовлении орудий.

Труд имеет *коллективный* характер и выступает основой формирования общества как *сложного коллектива людей*, объединенных социальными, прежде всего экономическими, связями. Труд и коллективность обуславливают появление человеческого языка как средства общения между людьми, сохранения и передачи человеческого опыта. *Труд, коллективность и язык* обуславливают возникновение человеческого сознания.

Современная наука подтвердила представление Дарвина о том, что род *Ното* ведет начало от африканских человекообразных обезьян. Отделение ветви гоминид (ветви высших приматов, ведущей к современному человеку) от человекообразных обезьян произошло в пределах от 6 до 15 млн лет назад. Первым биологическим видом человека был, вероятно, человек умелый (*Ното habilis*), на смену которому около 1,5 млн лет назад приходит человек прямоходящий (*Ното erectus*). Человек современного типа (*Ното sapiens*) появился не позднее 40 тыс. лет назад. Эволюция формирующегося человека происходила на основе формирующегося труда, связанного с усложнением орудий труда.

Следует выделить также *единичные* факторы возникновения человека, к которым можно отнести локальные условия Земли, определившие специфические черты земного человечества. Человек, представитель космического «типа» мыслящих существ, обладает как общими для них, так и специфическими чертами, связанными с конкретными условиями Земли. Однако различить эти общие и специфические черты человека мы сможем лишь тогда, когда обнаружим космических «братьев по разуму».

Человеческая сущность. В наиболее общем виде сущность человека можно определить через выясненный нами выше его способ существования. Человек – *это существо, которое производит самое себя, свое бытие и сущность*. Преобразуя природу, человек производит необходимые для своего существования условия, которые не могли возникнуть в природе, или, иными словами, *человек живет тем, что в природе не существует*, что он должен непрерывно создавать.

Главное в человеческом способе существования – производство самого себя, своего собственного бытия и своей сущности. Производство предметов (материальных благ) – *средство* существования человека, его бытия и сущности.

Человек, человечество – высшая форма материи, обладающая наиболее сложным способом существования и развития, «высший цвет материи» [16]. Если все предшествующие формы материи существуют *непосредственно*, или, в лучшем случае, путем приспособления к окружающей среде, то человек живет *универсальным* способом – путем преобразования среды, создания «второй природы» (Маркс).

Человеческая сущность выражена в «сущностных свойствах», или «сущностных силах» человека (Маркс). К ним можно отнести прежде всего два «яруса» свойств. Важнейшими сущностными силами человека являются *труд*, или преобразовательная материальная деятельность человека, *мысль*, или универсальная и неограниченная способность познания мира, *общение*, т. е. социальная связь с себе подобными. Вторым «ярусом» человеческих сущностных сил выступают *способности и потребности*.

Важными сущностными свойствами человека, связанными с обеими группами свойств, являются *коллективность и индивидуальность, свобода и ответственность*.

Двумя важными сторонами человеческой сущности являются *родовое и индивидуальное*. Понятие рода в философии имеет два взаимосвязанных смысла; *человек вообще и человечество* в целом. Родовое в человеке – все то, что свойственно каждому человеку, *человеку вообще*. Под родовыми свойствами человека понимается также все присущее человечеству как совокупности людей. Родовые черты существуют только через реальных индивидов. Индивидуальное – не внешнее выражение человеческой сущности, а необходимый момент или черта человеческой сущности. В сущности человека заложено *быть индивидуальностью*, несущей в себе все черты человеческого рода. Единство родового и индивидуального в человеческой сущности выступает основой социальных связей между людьми. Совокупность человеческих индивидов, или человеческий род, образует *общество*. Последнее – не механический агрегат индивидов и не «совокупность связей» между людьми, а *сложно организованный коллектив людей*, находящийся в социальных отношениях друг к другу. Человек, таким образом, есть *социальное существо*.

Производящий способ существования человека как высшей формы материи определяет возникновение другой сущностной черты человека – *сознания*. Поскольку человек производит свое бытие, последнее должно возникать первоначаль-

но в виде мысленного *прообраза*. Человек поэтому – *производящее и сознющее* существо. Разумеется, приведенный перечень сущностных свойств человека далеко не полон. Сущностные свойства человека – проявления или моменты неисчерпаемой и единой человеческой сущности.

Человеческая сущность противоречива: она несет в себе противоречия между потребностями и способностями, трудом и мыслью, трудом и формами общения, коллективностью и индивидуальностью, свободой и ответственностью и др. Развитие человеческой сущности происходит на основе ее внутренних противоречий.

Сущностные свойства человека не являются случайными по отношению к сущности мира в целом. Так, труд и мысль выражают способность человека к бесконечному познанию и преобразованию природы, причастность человека к бесконечному миру.

Определив человека, или социальную форму материи, как производящее себя и сознющее бытие, мы раскрыли лишь *наиболее общую и интегральную* сторону человеческой сущности. Необходимо поэтому идти далее, обнаруживая новые уровни этой сущности.

О *смысле человеческого существования*. Смысл человеческого существования определяется сущностью человеческого существования, но не тождествен с нею. Реальная сущность человека, человеческого существования составляет *объективную основу* смысла существования. Вторым элементом последнего выступает *осознание* (осмысленность) человеческой сущности, сущности человеческого существования. Этот компонент смысла существования не вытекает механически из действительной сущности человека. Осознание человеком своей сущности, которое становится смыслом существования, происходит исторически, зависит от уровня развития общества, его производительных сил и производственных отношений, социальных, классовых, индивидуальных и других факторов общественного развития, т. е. является бесконечным процессом.

Сущность человека, человеческого существования имеет наиболее общие и постоянные, *вечные черты*, поскольку она всегда заключается в производстве человеком своего собственного бытия. Однако вместе с тем человеческая сущность *исторична*, получает исторические модификации, проходит сложный процесс исторического развития. Смысл жизни меняется поэтому на основе изменения реальной сущности человека, ее модификаций.

Научно-философская концепция мира и человека раскрывает первый, наиболее общий и фундаментальный, «круг», или уровень, смысла человеческого существования. Его содержание можно свести к нескольким моментам. Прежде

всего смысл человеческого существования нельзя искать *вне* человеческой жизни – в природе, боге, идее и т. п. *Смысл заложен в самом человеческом существовании*. Материя – это причина самой себя; человек – высший цвет материи, высшая форма материи и, следовательно, *высшая ценность* в мире. Человек производит свое собственное существование, что и составляет его сущность и смысл.

Смысл человеческого существования, далее, заложен *в человеческом творчестве – труде и мысли*, в познании и материальном преобразовании мира и самого себя.

Смысл существования состоит не просто в существовании, а *в углублении человека в свою собственную родовую всеобщую человеческую сущность*. Иными словами, смысл существования – не в бессмысленном течении времени человеческого бытия, а *в движении человека в свою собственную сущность*, в углублении человека в свою бесконечную человеческую сущность.

Будучи движением к всеобщей человеческой сущности, смысл человеческого существования имеет глубоко индивидуализированный характер, неразрывно слит с индивидуальностью, представляет собой *движение в свою индивидуальность*.

Наконец, будучи неисчерпаемым, осмысление человеческого существования и сущность человека всегда разделены *временем, в котором спрессована человеческая история*, ибо и сущность человека, и процесс ее постижения историчны.

Примечания

1. См., например: Кармин, А. С. Познание бесконечного [Текст] / А. С. Кармин. М., 1981. С. 128.
2. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. [Текст] / В. И. Ленин. Т. 18. С. 149.
3. См.: Тугаринов, В. П. Соотношение категорий диалектического материализма [Текст] / В. П. Тугаринов. Л., 1959.
4. См.: Рубинштейн, С. А. Бытие и сознание [Текст] / С. А. Рубинштейн. М., 1957.
5. Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю [Текст] / Г. В. Плеханов. М., 1933. С. 115.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.
7. Маркс, К. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 20. С. 26.
8. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. [Текст] / В. И. Ленин. Т. 1. С. 137.
9. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 343.
10. Там же. С. 149.
11. Там же. С. 151; Ленин, В. И. Полн. собр. соч. [Текст] / В. И. Ленин. Т. 29. С. 104.
12. Monod, J. Le Hasard et la necessité [Text] / J. Monod. P., 1970. С. 161.
13. Fromm, E. The Sane Society [Text] / E. Fromm. N. Y., 1962. С. 36.
14. Маркс, К. Указ. соч. Т. 20. С. 523–524.
15. Там же. С. 486.
16. Там же. С. 363.

ИСТОРИЯ

В. А. Кувшинов

КАДЕТСКИЕ ЭМИГРАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЛЕ РАСКОЛА В 1921 г.

В статье рассматриваются причины раскола кадетской партии, обсуждавшиеся в ходе полемики либерального русского Зарубежья. Автор констатирует, что полемика приняла эмоциональную остроту в немалой степени под воздействием личной непереносимости так называемой «эмигрантской психологии». Статья написана на основе обширного документального материала.

Изучение истории российской эмиграции после Октябрьской революции разворачивается все более широким фронтом, охватывая новые проблемы. Одной из них является углубленное исследование различных сторон либерального Зарубежья. В этом плане внимание привлекает оживленная полемика в кадетской эмиграции после ее раскола в июле 1921 г. [1] В ходе ее были поставлены и обсуждены многие вопросы, представляющие не только исторический интерес, но и актуальные для сегодняшнего дня. На какое-то время это событие стало главенствующим в жизни кадетской эмиграции. Подводя на заседании Берлинской группы 14 ноября 1921 г. итоги истекшего года партийной работы, В. Д. Набоков сделал вывод, что «в сущности вся деятельность партии свелась лишь к так называемому расколу» [2]. Особо в этом плане следует выделить две Парижские группы: старую и новую (группа новой тактики).

Первый залп, как и следовало ожидать, был дан группой милюковцев, принявших на своем третьем заседании название «Парижская демократическая группа партии Народной Свободы» [3]. В прилагаемом к протоколу заседания заявлении после краткого изложения событий, произошедших с мая 1920 г. по июль 1921 г., утверждается, что, до тех пор пока разногласия касались чисто тактических вопросов (отношение к эвакуированной из Крыма армии и о ее дальнейшей судьбе, о сотрудничестве с социалистическими членами Учредительного собрания), соглашение казалось возможным. Но, когда обрисова-

лись принципиальные разногласия по коренным вопросам современности, расхождение стало неустранимым. В основе его, подчеркивалось в заявлении, «лежало разное отношение к народу и его роли в русской революции. Отсюда истекала и разница взглядов на способ создания власти в освобожденной России и на отношение партии к защите крестьянской собственности» [4]. Далее перечислялись основные взгляды, отличающие сторонников новой группы в этих вопросах: положительное отношение к русской революции и ее приобретениям; вера в творческие силы русского народа и убеждение в невозможности навязать ему власть извне; готовность защищать интересы народных масс, особенно крестьянства, от притязаний старого помещичьего класса.

Другая же сторона подчеркивала отрицательные стороны революции и извращенность воли масс. Она затуманивала социальные задачи партии и выдвигала вперед политический либерализм партийной программы. Результатом явилось сближение этой части партии с политическими течениями, открыто стоящими на стороне интересов помещиков, за восстановление монархии при помощи вооруженной силы. В связи с этим в заявлении критиковалось предлагаемое В. Д. Набоковым в Национальном съезде название «конституционная демократия», наметившееся там в связи с объединением с более правыми группами.

Ближайшей задачей Демократической группы, указывалось в заявлении, являлось установить связь со своими единомышленниками в других центрах расселения русской эмиграции, а где возможно и создание местных групп [5].

Ответ основного противника новой группы не заставил себя долго ждать. Утвержденный на заседании Парижской группы партии народной свободы 25 августа 1921 г., он в первых же строках обвинил авторов заявления Парижской Демократической группы в приписывании не разделяемых ими взглядов и, прежде всего, мнения об «извращенности воли масс». В качестве доказательства приводится часть резолюции (раздел V, пункт б), принятой 19 июля тогда еще единой Парижской группой: «В связи с происходящими ныне глубокими изменениями в условиях борьбы, надлежит обратить преимущественное внимание на процессы, совершающиеся в России, и на происшедший в ходе исторически неизбежной революции громадный сдвиг в сознании

народных масс и отделившихся народностей, считаясь с желаниями тех и других и устраняя из своей заграничной деятельности все то, что могло бы затруднить взаимное понимание между заграничными группами партии и широкими слоями русского народа» [6]. Но авторы ответа «забыли» упомянуть, что данный пункт был сформулирован П. Н. Милюковым, его же оппоненты предлагали другую редакцию, опускали вторую очень важную часть [7].

Далее в ответе подчеркивалось, что Парижская группа действительно настаивает на своем внеклассовом характере, каковые позиции партия занимала всегда, но при этом она якобы «никогда не затушевывала своих социальных задач». Не соглашалась группа и с утверждением, будто она как-то особенно выдвигала вперед свой политический либерализм и свое сближение с реставрационными течениями эмиграции [8]. И опять в качестве доказательства приводится пункт резолюции от 19 июля, принятый в редакции П. Н. Милюкова [9].

Полемика между двумя Парижскими группами разгоралась. Милюков ответил на документ старой группы передовой статьей в «Последних Новостях» под заголовком «Правый кадетизм». В ней он выделяет два течения в партии, характеризуя их как «среднее» и «крайне правое», и приходит к заключению, что за «1917–1920 гг. члены партии разошлись так далеко, что никакое новое объединение их в прежнем составе невозможно». Причину такого положения он видел в том, что часть партии оказалась не в состоянии своевременно оценить глубокие изменения в характере той борьбы, в которой они участвовали, и разорвать с источниками ошибок, за которые несли солидарную ответственность» [10].

Но Милюков не ограничился одной статьей. На заседании Демократической группы 1 сентября он высказал пожелание отозваться на этот документ и всей группе. После обмена мнениями, во время которого были и противники милюковского предложения (П. П. Гронский и И. С. Шнеерсон: «Это может вызвать новую партийную полемику в печати, надоевшую уже публике» [11]), ответ был единогласно признан необходимым, так как молчание могло быть расценено как знак согласия с заявлением Парижского комитета. Милюков огласил проект ответа, который заготовил заранее, он подвергся некоторым изменениям и доработке и был опубликован в «Последних Новостях».

В ответе прежде всего указывалось, что Парижская группа в своих опровержениях делает простые ссылки на примирительную резолюцию от 19 июля, которая была принята еще до выхода членов Демократической группы отчасти их голосами и нескольких членов центра против

теперешнего большинства старой группы [12]. Все же указания декларации на постепенное развитие разногласий внутри партии, на превращение их из тактических в принципиальные оставлены в стороне, так же как и характеристика взглядов новой группы.

Ответ вскрывает противоречия текстов приводимых формул с политическим поведением членов Парижской группы. Так, «совместные шаги и контакт с реставрационными течениями» признаются недопустимыми на словах, в то время как на деле члены этой группы играли руководящую роль в создании «Национального объединения», в состав которого входят реставрационные течения. Участие членов партии в «организациях, стремящихся создать русскую власть за границей», также признано недопустимым. В действительности же отношение членов группы к правительству генерала Врангеля (и добавим от себя – к «Русскому Совету». – В. К.) более чем примирительное. В ответе имеется еще ряд такого же рода противоречий.

Важным моментом ответа являлся вывод, что действительные разногласия между Демократической группой и Парижской группой выясняются не из того, что принято ими сообща в примирительной формуле 19 июля, а из того, что правым большинством Парижской группы при участии центра из предложений П. Н. Милюкова отвергнуто: а) упоминание о положительном отношении к группам, преследующим те же (однородные) цели; б) необходимость создания общего демократического фронта с этими группами [13]; в) безоговорочная защита интересов демократических элементов крестьянского и городского населения и г) упоминание о новых условиях, созданных победой народа. Конечно, подчеркивалось в ответе, это лишь минимум разногласий, который не исчерпывает мотивов, вызвавших необходимость расхождения» [14].

В заключение Демократическая группа заявляла, что доказать неверность ее обвинений могут не простые ссылки на уклончивые выражения примирительных формул, а только дальнейшее политическое поведение Парижской группы, и объявляла, что будет первой «приветствовать всякий шаг своих старых товарищей по тому пути, на котором только и возможно сохранить прежнюю политическую физиономию партии и остаться верными ее демократическому духу» [15].

Но еще раньше этого ответа Демократической группы на заседании Парижской группы 2 сентября был доложен и после обсуждения принят исправленный текст сообщения Парижской группы о причинах происшедшего раскола. Текст был весьма объемным, не публиковался в печати, а был разослан всем (в том числе и Демократической) группам партии народной сво-

боды, а также Почетному Председателю ЦК партии И. И. Петрункевичу и Секретарю Совещания членов Центрального Комитета (26 мая – 2 июня 1921 г.) [16]. Как видно из названия документа и из его содержания, основной упор в нем делался не просто на расколе партии, а на его причинах и виновниках. Тем самым по инициативе Парижской группы рамки полемики в кадетской среде были расширены. В связи с тем, что в сообщении естественно вошли и основные мысли первого документа («Ответ»), а также то, что значительная его часть была посвящена истории разногласий, которую мы подробно освещали в первой книге, остановимся только на его новых моментах.

В самом начале сообщения утверждается, что большинство Парижской группы употребило все усилия, чтобы избежать раскола, но он произошел по воле меньшинства (т. е. милюковцев), которое не хотело отказываться от своего намерения навязать во что бы то ни стало свою точку зрения. Поэтому Комитет Парижской группы считает своим долгом высказать свои соображения о причинах происшедшего раскола. Приведя отдельные моменты из постановления от 19 июля, авторы сообщения делают вывод, что группа признала допустимость сосуществования исканий в различных направлениях впредь до пересмотра всей партией «возникших вопросов и вытекающих из их разрешения практических шагов» [17]. Таким образом, подчеркивалось в документе, группа стремилась устранить неизбежность раскола, тем более, что и Милюков признавал, что новая тактика не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд. Осуждение новой тактики, отмечалось далее, «было лишь неудачным предлогом для раскола, к которому упорно стремилась группа, руководимая П. Н. Милюковым» [18]. По мере устранения самой жизнью поводов к тактическим расхождениям, руководители ныне образовавшейся группы выдвигали новые поводы, придавая им все более принципиальный характер. Далее в сообщении излагается история этих разногласий, в том числе германская ориентация Милюкова весной и летом 1918 г., разногласия осенью того же года, когда лидер партии стоял на ее правом фланге, выступая против неограниченного народовластия. И тем не менее, подчеркивалось в сообщении, «жизнь сгладила и эти разногласия, и партия не раскололась» [19].

Далее авторы документа прямо пишут, что раскол в партии произведен П. Н. Милюковым и его группой в тот момент, когда новая тактика, стремясь освободиться от всех старых традиций, объявила, что партия не должна быть внеклассовой, а должна обрести себе новый фундамент в классовой идеологии. Когда «была выдвинута эта новая идеология, – отмечается в документе, – раскол

стал объективной необходимостью... Отказаться от своего внеклассового характера партия, конечно, не может, не перестав существовать» [20]. В заключение сообщения еще раз подчеркивалось, что «Парижская группа продолжает видеть огромную ценность во внеклассовом характере партии... В этом вопросе она ни на какие уступки пойти не может» [21]. В связи с рассылкой документа всем заграничным группам кадетской партии, высказывалась просьба обсудить его и высказать свое мнение.

Прежде чем ответить на вопрос, как отреагировали на это сообщение другие кадетские группы, мы кратко осветим новый фронт полемики, открывшийся также в начале сентября. Речь идет о заявлении «четырех». «Старый и новый кадетизм», который явился ответом на декларацию Демократической группы. Его авторы – И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, Н. И. Астров и С. В. Панина – изложили свое понимание партийного конфликта. По их мнению, расхождение началось из-за отношения сторонников «новой тактики» к армии и вступления их «на путь соглашательства с социалистами», в дальнейшем же «милюковская группа» совершила «явную подмену партийной программы утверждениями и действиями, противоречащими ее духу». Авторы заявили о своей готовности, в случае необходимости, после возвращения в Россию пересмотреть программу партии, однако до этого они считали необходимым защищать основы старой партии, отказываясь признать, что «неокадетизм делает его приверженцев более демократами, чем верное понимание основных идей конституционно-демократической партии» [22]. Текст заявления был опубликован в «Последних Новостях» 7 сентября.

В том же номере газеты помещен «Мой ответ» П. Н. Милюкова. В нем особо отмечалось, что защита крестьянских интересов есть государственная необходимость, а не классовая точка зрения, что действительно демократической партией в России может быть только партия, ставящая защиту крестьянских интересов во главу угла своей программы. Дальше мы не будем анализировать «Ответ», так как основные его мысли нами уже изложены при освещении декларации (заявления) Демократической группы партии народной свободы, статьи П. Н. Милюкова «Правый кадетизм», «Ответе на заявление Парижской группы партии народной свободы». Интересна реакция на статью Милюкова его товарищей по группе. На ее очередном заседании 8 сентября слушали сообщение П. Н. Милюкова о мотивах, побудивших его ответить от своего имени на «заявление четверых» (мотивы в протоколе не раскрываются), не дожидаясь решения по этому вопросу группы, мнение которой

относительно содержания его ответа он хотел бы, тем не менее, знать. А. С. Безчинский заявил, что «он вполне удовлетворен этим ответом, написанным живо, популярно и являющимся по содержанию таковым, что у него... исчезли последние сомнения относительно правильности занятой П. Н. Милюковым позиции» [23]. И. С. Шнеерсон считает ответ исчерпывающим даже в отношении армии. Н. К. Волков и другие также находят его вполне удачным и верно отражающим общее настроение членов группы. Было принято соответствующее постановление [24].

А теперь остановимся на вопросе, какое участие другие группы кадетов приняли в полемике по поводу раскола партии и как они отреагировали на просьбу Парижского комитета обсудить его сообщение от 2 сентября и высказать свое мнение. Демократическая группа приняла решение на «Сообщение Парижской группы» не отвечать, так как оно, в сущности, смазывает причины раскола [25].

Берлинская группа в числе первых включилась в обсуждение вопросов, связанных с расколом. Уже на заседании 23 августа П. И. Новгородцев доложил проект записки по этому вопросу. В прениях выявились разные, иногда прямо противоположные, точки зрения. Так, председатель группы И. В. Гессен охарактеризовал проект как углубляющий разногласия. А между тем, по его словам, «в декларации демократической группы нет ничего, что бы вызывало разногласия. Что значит положительное отношение к революции? Мы все ее не желали, но раз она произошла, то надо извлечь из нее все положительное. Отрицательное же отношение означает возврат к старому... Мы недовольны тем, что Милюков пошел с социалистами-революционерами, но он опасается нашей дружбы с правыми, и в этих опасениях есть много справедливого». В заключение он призвал «стараться сгладить происшедшее, а не обострять его» [26]. И. Г. Коган, Г. И. Виленский, В. В. Келлер поддержали И. В. Гессена.

Но В. Д. Набоков не согласился с председателем. «По любому вопросу практической политики, – заявил он, – сторонники Милюкова и мы смотрим различно. Нам нельзя приветствовать революцию, так как она разрушила Россию...» В то же время, подчеркнул Набоков, «мы остаемся противниками самодержавия», но «мы отрицаем и отрицаем революционные пути». «В этом, – подчеркнул он, – основа нашего разногласия» [27] (подчеркнуто мною. – В. К.). С таких же позиций выступили О. Е. Бужанский, С. И. Розенфельд. Автор проекта резолюции П. И. Новгородцев согласился выбросить только острые выражения, но остался на прежней точке зрения. «Я боюсь, сказал он, что тактика И. В. Гессена все равно ни к чему не приведет...

Нас разделяет различное отношение к революции» [28].

Интересны итоги голосования по проекту резолюции, хотя сама она отсутствует и в «Протоколах...», в примечаниях к ним, и в архиве: единогласно был принят первый тезис проекта, как правило, носящий общий характер; второй тезис приняли только 7 голосами против 4 при 2 воздержавшихся; третий был снят с баллотировки докладчиком [29].

Таким образом, и Берлинская группа, отличавшаяся обычно монолитностью мнений, фактически раскололась на две части, выделив из своих рядов сторонников некоторых принципиальных положений «новой тактики».

Ответ Берлинской группы на сообщение Парижской группы был оформлен постановлением от 7 сентября и включал в себя также ответ на декларацию Демократической группы [30]. В документе указывалось, что «постановление Парижской группы отвечает и ее основным взглядам» и она всецело присоединяется и к тем отрицательным выводам, которые высказаны «в отношении к новой тактике и связанным с нею выводами», до сих пор не принесшими разрешения основной задачи – создания Национального Комитета. Как и в документах Парижской группы, авторы Берлинского постановления считали, что в значительной мере противопоставления демократической группой своих взглядов позиции Парижской группы «искусственные», ибо «приписывают противникам такие воззрения, от которых они решительно отрешиваются» [31].

В постановлении утверждается, что противники новой тактики не отрицали происшедшую в России в марте 1917 г. революцию, а выступали против бунтарского, разрушительного духа, порожденного ею. Их целью всегда было утверждение в России демократических свобод и социальной справедливости как условий для сохранения ее мощи и единства. Партия Народной Свободы является «носителем идей государственной демократии», а не «революционной демократии», под знаменем которой выступали левые группы [32].

Защищая надклассовый характер партии, авторы документа утверждали, что тем самым «она обессилила тот центр политических группировок», который стоит на пути неизбежной реакции, которая «безгранично усилила давление справа... натиск против свободы» [33]. Далее следует зачеркнутый абзац, смысл которого заключался в том, что для новой тактики нужны «другие люди и другой состав» партии. А «в таком состоянии бессилия и изолированности, в каком мы видим ее сейчас, она оставаться не может». Она должна развиваться, и, так как, в силу ее существа и связей, «движение вправо, в сторону

сближения с демократическими буржуазными течениями для нее закрыто, ей остается двигаться только влево, в сторону более крепкого сочетания с группами революционно-социалистической демократии» [34].

В связи с этим авторы постановления полагают, что члены Парижской группы «правильно поступили, отвергнув предложение П. Н. Милюкова... что партия не может остаться внеклассовой в том смысле, как это она всегда понимала... Место кадетов в грядущем восстановлении России не в рядах реакции, но и никоим образом не в рядах революционной демократии. Старое зная и старые традиции и призывают их стоять посередине, в том центре событий, около которого справа и слева могут быть обрывы и провалы, но который сам остается незыблемым и твердым» [35].

После доклада автора проекта постановления В. Д. Набокова было доложено особое мнение председателя группы И. В. Гессена, в котором он возражал против его полемического характера, полагая, что в сложившихся условиях нужно «всячески стремиться к тому, чтобы прекратить» дискуссию. По мнению Гессена, «основания для раскола лежат в настроениях, а не в отчетливых разногласиях» [36]. В результате его «Особого мнения», а также поддержки в ходе прений со стороны некоторых членов группы проект постановления был значительно смягчен и принят единогласно.

Интересна и даже несколько неожиданна реакция П. Н. Милюкова на постановление Берлинской группы. На заседании Демократической группы 15 сентября, когда он предложил не отвечать на записку Парижской группы, он в то же время сообщил, что в полученном в этот день «Руле» «напечатан, несомненно, более тонко составленный ответ Берлинской группы на нашу декларацию» [37]. Возможно, на такую оценку повлияло то, что в берлинском документе указывалось, что есть пункты в парижской записке, «которые могут представляться спорными и допускающими новую форму изложения», но они являются второстепенными и «скорее теоретического характера» [38]. Несомненно и то, что постановление Берлинской группы составлено в более спокойных тонах и более аргументировано.

Как и обещал, П. Н. Милюков посвятил разбору берлинского ответа передовицу ближайшего номера «Последних Новостей» под заголовком «Полемика Берлинской группы». В ней он подвергает критике намерение берлинских кадетов «стоять посередине» как непринципиальное. По его мнению, центр событий «бесцеремонно передвигается то вправо, то влево, безжалостно оставляя Берлинскую группу на жертву всем провалам и обрывам» [39].

Что касается Парижской группы, то она в заседании 29 сентября, заслушав постановление Берлинской группы, решила принять его к сведению, сообщив ей, что «Парижский комитет единодушно разделяет все те взгляды Берлинской группы, которые приняты в ее постановлении в дополнение положений Парижской группы» [40].

Константинопольская группа, продолжавшая и в это время активную деятельность, основательно обсудила вопросы раскола партии уже 13 августа на своем заседании. По поручению Бюро группы доклады сделали И. Н. Альтшуллер и В. М. Бухштаб как представители двух противоположных течений. Помимо вопросов партийных, они освещали также другие вопросы, на некоторых из них мы остановимся позже.

По словам Альтшуллера, Милюков «убедительно доказывает», что раскол – результат не тактических, а программных расхождений. «Аграрный вопрос вместе с национальным, – подчеркнул он, – пробные камни для многих из нас». И сейчас мы боимся попыток поместного класса «оттяпать так или иначе свои земли у крестьян». Кн. П. Долгорукому не удалось на Национальном съезде «доказать непричастность Высшего Командования к тому, что творилось в отношении евреев» на фронтах гражданской войны. В заключение он заявил: «Во вновь образовавшуюся Парижскую группу ка-де я не могу войти, ибо мне с Федоровым и Мейнгартром не по пути... Я не могу признать в них настоящих носителей кадетизма... Я лично ближе всего к Милюкову, хотя и против ряда его тактических позиций и действий» [41].

В. М. Бухштаб в своем докладе основное внимание уделил поискам причин и виновников раскола партии. По его мнению, таких причин не было, а потому он сделал вывод, что раскола можно было избежать, но этого не захотел П. Н. Милюков, который выдвигал в его пользу один довод за другим. В заключение этой части своего доклада он обвинил Альтшуллера в стремлении расколоть и Константинопольскую группу [42].

Бурные прения по докладам, которые состоялись на двух последующих заседаниях (17 и 21 августа), показали глубокие разногласия в группе. Если выступивший первым С. Н. Сирин заявил, что принимает новую тактику «безоговорочно», хотя «против объединения левых либералов и правых социалистов» [43], то взявший после него слово кн. Павел Д. Долгоруков сказал, что «с речью Сирина не согласен... П. Н. Милюков воткнул в наш муравейник кол, а отсюда пошла вся суэта... Я отношусь сдержанно ко всему, что исходит от П. Н. Милюкова» [44]. И тем не менее в ходе прений обнаружилось явное превосходство в большей или меньшей мере сторонников новой тактики, что вынужден был учесть

В. М. Бухштаб в заключительном слове. «По существу основных построений, выдвинутых в Париже, — говорил он, — Константинопольская группа мыслит и чувствует так же, как и сторонники “новой тактики”. По вопросам о необходимости партии опираться в будущем на демократические крестьянские и городские круги, о возможности для партии защищать поместные владения, о неизбежности революционного взрыва (19)17 г. и тщете мечтаний о возврате к прошлому, — “по всем этим вопросам константинопольцы стоят на новых позициях так же, как и Париж и, по всей вероятности, другие многие группы нашей партии” (ценное признание! — В. К.). Но Бухштаб выразил опасение, что существенные разногласия «могут у нас возникнуть... по вопросу о демократическом или авторитарном способе создания власти в России» [45].

Преобладание промилюковских настроений в Константинопольской группе выразилось и в принятой резолюции. При ее обсуждении было отклонено дополнение М. И. Пучковского (всеми при одном воздержавшемся) о внесении в резолюцию осуждения новой тактики [46]. При этом товарищ председателя П. В. Ратнер, исполняющий его обязанности, разъяснил, что «громадное большинство Константинопольской группы приемлет прогнозы Милюкова и не приемлет проведения в жизнь основ новой тактики» [47].

Софийская группа обсудила вопросы раскола партии 30 августа в присутствии всего 8 человек. Председатель В. И. Снегирев, предложив выявить свое отношение прежде всего к «новой тактике», сделал краткий исторический доклад «раскола, или откола, как некоторые его называют». Он напомнил прежнее отношение к этому вопросу группы и высказал мнение, что «современно это отрицательное отношение группы подтвердить» [48].

С ним фактически согласились все выступившие (5 человек) в прениях. Особое внимание было уделено борьбе с соглашательской деятельностью в рядах кадетских групп, «вредной и нас компрометирующей», которая «на руку только Милюкову» [49]. После споров было решено выработать специальную резолюцию, в которой «коснуться вопроса по существу раскола, определенно отмежеваться от Милюкова и «новой тактики» и прекратить всякие попытки соглашательства» [50]. Но хотя было решено принять резолюцию на одном из ближайших заседаний, она так и не была принята, что объясняется затуханием деятельности группы.

В Белградской группе вопросам положения в партии было посвящено заседание 5 сентября с участием члена ЦК А. В. Карташева (он и делал доклад) и члена Константинопольской группы Е. И. Новицкого. Основное место в своем выс-

туплении докладчик отвел бывшему лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову, его политической позиции. Он утверждал, что «то место, по которому П. Н. Милюков решил расколоть партию, избрано им правильно» [51]. Основные черты его тактики заключаются прежде всего в отрицательном моменте — он подвергает строжайшей критике все то, что боролось с большевизмом. «Его формула: завоевания революции уже закреплены», что означает «признание положительной роли большевиков» [52]. По мнению Милюкова, монархии в России не будет, а будет крестьянская республика, причем республика классовая, так решили крестьяне своим умом. Карташев подчеркнул, что он видит в этом «историческую близорукость», и пояснил, что «крестьянская масса находится в догосударственном состоянии; это обросшая травой болотная кочка, которая во всякий момент может предать» [53].

Последнее заявление Карташева показывает, как низко он оценивал роль основной массы населения в тогдашней России и в чем было его и многих других правых кадетов расхождение с Милюковым!

В последовавшем за докладом выступлении председательствующего А. В. Маклецова было выявлено настроение Югославянской группы как неоднородное: большинство высказалось за участие в съезде Национального Объединения, но в ней были и сторонники «новой тактики», и промежуточные мнения. Тем не менее она сохраняет организованное единство, ибо «раскол был бы для нас губителен» [54]. Эту оценку политической позиции группы подтвердили выступления других ее членов.

Варшавская группа в заседании 15 сентября слушала материалы по вопросу о расколе партии в Париже, в т. ч. резолюцию Парижской группы в окончательном виде, принятую 19 июля; декларацию демократической группы партии народной свободы; заявление Парижского комитета партии народной свободы по поводу декларации; письмо И. И. Петрункевича и др.; постановление Берлинской группы. Постановили: «ввиду важности вопроса предоставить членам группы возможность еще раз ознакомиться со всеми документами и отложить решение его до следующего заседания. Пока продолжать сноситься с обеими группами» [55]. Но такое заседание так и не состоялось.

Старая Парижская группа также подвела итоги полемики по поводу ее раскола. Опираясь на полученные постановления Берлинской, Константинопольской и Белградской групп, а также на письмо председателя Варшавской группы об их отношении к выходу из состава Парижской группы 22 ее членов, Н. В. Тесленко указал, что «этот

факт единичный». Если в других группах отдельные члены партии и придерживаются по вопросам тактики взглядов, близких к взглядам П. Н. Милюкова, то они все же остаются в группах и из них не выходят. «Таким образом, – сделал он вывод, – выход 22 членов из Парижской группы не повлек за собой раскола партии... Все попытки расколоть партию к этим результатам не привели» [56].

Более чем сомнительное утверждение и в отношении «отдельных, очень немногих», и в отношении того, что партия «не раскололась». Во всех кадетских группах были не только сторонники демократической группы, но и ее иногородние члены, которые оставались формально в составе прежних групп, критикуя их правокадетскую ориентацию, пропагандируя «неотактические» взгляды и влияя в этом смысле на все большее число их членов. То, что этот вывод соответствует действительности, подтвердила дальнейшая история кадетской эмиграции.

Таким образом, во всех действовавших в Европе кадетских группах, в той или иной форме, с разным уровнем интенсивности и чаще всего неоднократно прошло обсуждение вопроса раскола партии. Разгоревшаяся полемика показала, что его причинами были не только вопросы тактики (отношение к эвакуированной из Крыма армии, о сотрудничестве с социалистическими членами Учредительного собрания), но и принципиальные положения: положительное или отрицательное отношение к русской революции и ее приобретениям, разное отношение к народу и его роли в революции, о классовом (преимущественно прокрестьянском) или внеклассовом, т. е. чисто либеральном, характере партии, а также такие коренные программные вопросы, как аграрный и национальный, о будущей русской государственности – монархической или республиканской и др.

Полемика приняла особую эмоциональную остроту в немалой степени под воздействием личной нетерпимости, так называемой «эмигрантской психологии». Это проявилось, в частности, в тех негативных оценках, которыми награждали друг друга участники развернувшихся баталей [57].

Примечания

1. О расколе в кадетской эмиграции мы подробно писали в статье «Кадетская эмиграция» (КЛИО. 2000. № 1 (10). С. 130–131), а также в монографии: Кадетская эмиграция: историография, организация, политика. Год первый (май 1920 – июль 1921). М., 2005. С. 213–246.

2. Протоколы Центрального Комитета и Заграничных групп Конституционно-демократической

партии (далее – Протоколы...). М., 1997. Т. 5. С. 413.

3. См.: Там же. С. 175.

4. Там же. С. 496.

5. См.: Там же. С. 497.

6. Протоколы... С. 505.

7. См.: Там же. С. 110.

8. См.: Там же. С. 506.

9. См.: Там же. С. 111.

10. Последние Новости. 1921. 1 сент.

11. Протоколы... С. 251.

12. Последние Новости. 1921. 6 сент. В ответе указывается, что из трех мест резолюции от 19 июля, приведенных в виде возражений, первое и последнее приняты в редакции Милюкова: естественно, что не в них надо искать источник расхождения.

13. Под этими группами, безусловно, подразумеваются прежде всего социалисты: эсеры и часть социал-демократов.

14. Последние Новости. 1921. 6 сент.

15. Там же.

16. См.: Протоколы... С. 255.

17. Там же. С. 509.

18. Там же. С. 510.

19. Протоколы... С. 514.

20. Там же.

21. Там же. С. 515.

22. Последние Новости. 1921. 7 сент.

23. Протоколы... С. 266.

24. Там же.

25. См.: Там же. С. 289, 290.

26. Протоколы... С. 236.

27. Там же.

28. Там же. С. 237.

29. См.: Там же.

30. Опубликовано в газете «Руль» 13 сент. 1921 г. Автор статьи анализирует документ по «Протоколам...».

31. Протоколы... С. 262.

32. См.: Там же. С. 264.

33. Там же. С. 265.

34. ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

35. Протоколы... С. 264, 265.

36. ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.

37. Руль. 1921. 13 сент.

38. Протоколы... С. 260.

39. Последние Новости. 1921. 16 сент.

40. Протоколы... С. 314.

41. Там же. С. 178, 179, 181, 184.

42. См.: Там же. С. 186.

43. Там же. С. 194.

44. Там же. С. 195, 196.

45. Там же. С. 230.

46. Там же. С. 234.

47. Там же. С. 233.

48. Там же. С. 245.

49. Там же.

50. Там же. С. 246.

51. Там же. С. 256.

52. Там же. С. 257.

53. Там же.

54. Там же. С. 256.

55. Там же. С. 286.

56. Там же. С. 341–342.

57. См., напр.: Протоколы... С. 41, 50, 462.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается комплекс факторов (природно-климатические условия, исторические традиции, государственная политика и др.), оказавших влияние на формирование купеческого сословия России. Особое внимание уделяется роли субъективного фактора в истории предпринимательской корпорации. Автор приходит к выводу, что целый ряд условий сдерживал развитие профессиональных занятий купцов, замедлял формирование их самосознания и в конечном итоге определил незрелость дореволюционной российской буржуазии.

До середины XIX в. Россия оставалась феодальным государством с присущей для него сословной системой, разделявшей общество на привилегированные и непривилегированные слои населения. Ее формирование в нашей стране имело свои особенности, на которые обратил внимание Б. Н. Мионов, отметивший, что еще в XVI – первой половине XVII в. Московское государство являлось «бесклассовым и бессословным» и только в XVIII в. процесс образования сословий «пошел более быстрыми темпами» [1]. Решающее значение в этом сыграли петровские и екатерининские реформы, сближавшие Россию и Западную Европу. В силу продолжительной политической и экономической замкнутости страны, наиболее проявившейся в допетровскую эпоху, специфики ее развития в более поздний период на процесс становления купеческого сословия воздействовали прежде всего внутренние факторы – природно-климатические условия, исторические традиции, государственная политика.

Природно-географические условия повлияли главным образом на развитие профессиональной деятельности российского купечества. В исторической литературе уже отмечался целый ряд изначально неблагоприятных для становления предпринимательства условий, связанных с природно-географической средой [2]. Конечно, нельзя не обращать внимания на такую ее специфику, как суровый климат на значительной части территории страны, характеризовавшийся холодными и долгими зимами, коротким летом, неравномерными осадками. Особенно ярко и часто эмоционально о климатических условиях России писали иностранцы, приезжавшие сюда из более теплых широт. «В зимнее время вообще во всей России сильные холода, так что едва удастся уберечься от них... Никто из нас с открытым лицом не мог пройти даже 50 шагов по улицам,

не получив впечатления, что у него отморожены нос и уши», – писал Адам Олеарий [3], побывавший в стране в начальный период становления всероссийского рынка, в XVII в.

Климатические условия весьма негативно сказывались на эффективности сельскохозяйственного производства. Из-за холодной погоды в России был короче, чем на Западе, сезон сельскохозяйственных работ, непродолжительным являлся и вегетационный период, то есть время роста и развития растений [4]. Северный климат ограничивал возможность выращивания в стране многих фруктовых, овощных, ягодных культур. Отличительной особенностью российского климата была его неустойчивость, выражавшаяся в резких температурных перепадах, чаще в осенне-весенний период, в выпадении большого количества осадков и т. д. [5] Крестьянам, особенно северо-восточных регионов, сельским хозяйством приходилось заниматься в условиях малоплодородных почв (например, для Европейского Севера было характерно преобладание подзолистых почв, обладавших высокой кислотностью и нуждавшихся в применении специальных агротехнических средств и приемов обработки) и бесконечных лесов («лесных пустынь»), что требовало от них колоссальных затрат труда и огромного перенапряжения и, в свою очередь, вовсе не означало, что будут обеспечены высокие урожаи [6]. Негативное влияние оказывали и засухи, характерные для плодородных черноземных губерний. Данные обстоятельства весьма ограничивали возможность извлечения высоких доходов от предпринимательства в сельском хозяйстве.

Более низкий показатель урожайности в России сельскохозяйственных культур, в частности хлебов, по сравнению с западными государствами прослеживается в статистических материалах (см. таблицу).

Из таблицы видно, что урожайность пшеницы, сельскохозяйственной культуры наиболее распространенной на юге России, в 1913 г. была в два-три раза ниже, чем в Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Швейцарии, Швеции; урожайность ржи, ячменя и овса также значительно уступала этим же государствам. Влияние климатического фактора в этом, безусловно, сказалось, как и преобладание в крестьянском хозяйстве по-прежнему архаичных орудий труда, примитивной обработки земли, хотя нельзя не отметить, что после отмены крепостного права в сельском хозяйстве страны произошел целый ряд изменений, связанных с развитием капиталистических отношений в деревне (росла товарность зернового производства и животноводства, улучшалась сельскохозяйственная техника, наблюдался рост кооперативного движения) [7]. Вместе с

тем реалии оставались зачастую не в пользу сельского жителя. «Русское крестьянство, осваивая бескрайние земельные просторы Восточно-европейской равнины, – отмечал А. В. Милов, – на каждом этапе развития общества получало уровень урожайности основных сельскохозяйственных культур, явно несоизмеримый с громадной массой вложенного труда» [8].

Неблагоприятные климатические условия способствовали устойчивости общинной организации сельского населения, имевшей повсеместное распространение в Европейской России [9]. Преодолеть неурожай и несостоятельность при холодной зиме, коротком лете, малоплодородных почвах было эффективнее с помощью совместного производства и коллективизма, проявлявшегося, например, в обычае помочей, которые обеспечивались общиной. Однако эта самоуправляющаяся организация с характерным для нее патриархальным бытом и ограничением частной инициативы, экономической свободы крестьянства тормозила развитие капитализма в деревне. Для общины были свойственны такие черты, как коллективная взаимозависимость в отношениях с государством, совместная собственность, приоритет общих, или групповых, интересов перед индивидуальными, и поэтому она так же, как и крепостничество, сдерживала развитие частного предпринимательства. В общине признавалась инициатива крестьянина «настолько и до тех пор, пока она не нарушает обычая, традиций и интересов мира» [10]. Вместе с тем нормы общинной жизни крестьяне свято хранили, так как они являлись гарантом их социальной стабильности. По мере развития капиталистических отношений

общинный коллективизм хотя и ослабевал, но община как социальная организация не утрачивала своего значения даже после известной Столыпинской реформы. К 1917 г. верность общине сохранили 2/3 русских крестьян, а к 1922 г., уже в Советской России, 85% всей земли находилось в общинной собственности [11].

Особенно сильными общинные традиции оставались на Севере – в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях. В годы реформы личными собственниками здесь стали 30 048 домохозяев, или только 8,5% от всех крестьянских дворов (для сравнения: в Европейской России было 22%), а количество укрепленной земли составило – 3,7% (349 380 дес.) от всей наделной земли (по России в среднем – 12,0%) [12]. Причины этого коренились, конечно, не только в природных условиях, но и в экономических проблемах: смена формы собственности не решала, например, такого важного вопроса, как малоземелье. Из общины же выходили главным образом малоземельные крестьяне [13].

Климат оказывал влияние и на процесс общественного разделения труда. В России в зависимости от региона земледелием можно было заниматься от 4 до 6 месяцев, и, стало быть, от 6 до 8 месяцев в году крестьяне не вели полевые работы (для сравнения: в западноевропейских государствах они не осуществлялись только два месяца – декабрь и январь) [14]. В этот период крестьяне были вовлечены в различные не земледельческие занятия – в промыслы (охота, рыболовство, изготовление кустарных изделий), торговлю (особенно на севере и востоке страны), отходничество. Эти виды деятельности, так или

Урожайность хлебов в России и других странах в 1913 г. (пудов с десятины)

Страна	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Россия	55	56	62	63	491
Австрия	89	92	107	94	602
Венгрия	88	82	92	91	470
Великобритания	149	–	127	117	1086
Бельгия	168	147	180	171	1338
Болгария	80	75	81	60	–
Германия	157	127	148	146	1057
Голландия	160	122	168	148	1176
Испания	52	61	64	45	–
Румыния	94	70	71	68	641
Сербия	72	58	65	46	–
Франция	89	71	92	86	571
Швейцария	153	123	130	150	1038
Швеция	161	94	139	123	–
Канада	94	61	108	102	750
США	68	68	85	70	408

Источник: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 80.

иначе связанные с рынком, способствовали развитию капиталистических отношений [15].

Географические условия, так же как и климатические, были значимы в развитии предпринимательства, поскольку они, во-первых, определяли специфику ведения хозяйственной деятельности на той или иной территории, во-вторых, оказывали воздействие на формирование деловой инфраструктуры (наличие удобных путей сообщения, рынков сбыта), в-третьих, способствовали или усложняли взаимодействие с другими купеческими сообществами (ввиду близости или отдаленности от ведущих торговых и промышленных центров) и цивилизациями, обмену с ними передовым опытом или, наоборот, отдаляли город или государство в целом от выгодных деловых партнеров. Роль географических условий особенно была ощутима в XVIII–XIX вв. и в более раннее время в силу отсутствия совершенной системы связи и развитого транспортного сообщения.

Территория России как государственного образования исторически сложилась на северо-востоке Европейского континента, и дальнейшее расширение ее границ происходило как в западном, так и восточном, азиатском, направлении. С присоединением к ней в XVIII в. балтийских земель, украинских и белорусских территорий, Северного Причерноморья и Крыма, а впоследствии, в первой четверти XIX в., Финляндии, герцогства Варшавского прочно закрепляли за Россией геополитическое преимущество в Восточной Европе.

В начале XX в. протяженность территории государства с севера на юг составляла 4383,2 версты, или 4675,9 км, с запада на восток – 10060 верст, или 10732,3 км, причем на долю сухопутных границ с европейскими государствами приходилось 4220 верст, а с азиатскими – 14410 в. [16] Общая же длина сухопутных и морских границ измерялась в 64909,5 верст, или 69245 км. [17] Располагаясь на двух континентах, в Европе и Азии, Россия, таким образом, получала возможность активного взаимодействия с разными историческими типами государств, моделями хозяйствования, культурами.

В ранний период, в XVI–XVII вв., важное экономическое значение для страны имели сухоно-двинский водный путь, по которому осуществлялись торговые поставки в Архангельский порт, а оттуда – в Западную Европу, и волжский путь, соединявший Россию через Астрахань с восточными государствами. Традиционными торговыми партнерами страны в допетровский период были Англия, Голландия, Швеция, Дания, немецкие города, среднеазиатский регион (Бухара, Хива) и Иран [18]. Однако развитие торговых отношений с Западом долгое время сдержи-

валось ввиду отсутствия выхода России к Балтийскому и южным морям, существования воинственного окружения (Швеция, Речь Посполитая, Османская империя) и наличия экономических ограничений для русских купцов как нежелательных конкурентов. Ситуация в этом плане меняется лишь в годы петровской модернизации. В Прибалтике у России появляются новые форпосты внешней торговли с Западом – С.-Петербург, Выборг, Нарва, Рига, Ревель, и уже в 1725 г. стоимость товаров, вывезенных из страны через Петербургский, Архангельский и Рижский порты, составила 4,2 млн руб., а импортных – 2,1 млн руб., что свидетельствовало о курсе России на достижение активного внешнеторгового баланса в экономических отношениях с Западом [19]. Дальнейшему расширению контактов с западными государствами и Ближним Востоком способствовал выход России во второй половине XVIII в. к Черному морю.

Территориальные приобретения Правобережной Украины, Белоруссии, Финляндии, герцогства Варшавского отодвигали западные границы страны вглубь европейского континента. В итоге пограничными с Россией государствами, помимо Швеции, стали Норвегия, Пруссия, Австрия. Появилась возможность более тесного экономического взаимодействия русского государства уже не только со странами Северной Европы, но и центральной ее частью. О многом говорит тот факт, что во второй половине XIX в. свыше 60% российского импорта поступало из Германии, Великобритании, Франции и Австро-Венгрии [20]. Лидирующее положение во внешней торговле страны в тот период занимали Великобритания и Германская империя, причем наиболее интенсивно развивались торговые отношения с Германией: если в 1891 г. объем торговли с Англией в сравнении с 1856–1860 гг. увеличился в 2,2 раза, то с Германией – в пять раз [21].

Несмотря на выгодное, казалось бы, географическое положение Российской империи – государства, соединявшего Европу и Азию, имелся и целый ряд негативных проявлений, связанных с его местонахождением. Имея обширную территорию и в течение долгого времени успешно расширяя границы в северо-азиатском направлении, Россия отдалялась от южных морей – очагов торговли с богатыми традициями, уходящими корнями в античные цивилизации, и важных европейских экономических центров. Неблагоприятные последствия географического фактора были связаны и с природно-климатическими условиями, что уже отмечалось, и с весьма растянутыми с севера на юг и особенно с запада на восток внутренними коммуникациями, при этом многие регионы России из-за обилия лесов, болот, рек являлись вообще недоступными или труд-

недоступными для рыночного освоения. Огромные пространства страны затрудняли связи и между ее регионами.

Акцентируя внимание на неблагоприятных последствиях природно-географического фактора, не следует забывать о природных богатствах страны – полезных ископаемых, уникальных флоре и фауне. Их освоение занимало важное место в хозяйственной жизни россиян. Во все времена ценился русский мех, в повседневной жизни широко использовался лес, во второй половине XIX – начале XX в. интенсивно велась угле- и нефтедобыча. Природа, как видим, давала богатые ресурсы для развития предпринимательства в России.

Таким образом, в целом влияние природно-географических условий на развитие торгово-предпринимательской деятельности российского купечества было неоднозначным. С одной стороны, они существенно сдерживали, особенно из-за климатических условий, рост прибавочного продукта, без которого невозможно поступательное развитие предпринимательства и, соответственно, профессиональной деятельности купечества, а с другой – купцы имели реальную возможность расширять свои предпринимательские дела, осуществлять торговые контакты внутри страны и строить деловые отношения с крупнейшими центрами мировой торговли как в западном, так и в восточном направлении.

На процесс становления купеческого сословия существенное влияние оказывали исторические факторы, включавшие в себя традиции и особенности политического, социально-экономического и духовного развития государства. Прежде всего сказывалась специфика политического устройства России; это – сильная государственная власть с ее всеобъемлющей экспансией в экономическую, общественную, корпоративную и частную жизнь, окончательно утвердившаяся в стране в ходе петровских преобразований, особая идеология абсолютизма с приоритетом государственного интереса и весьма разветвленный бюрократический аппарат с жесткой централизацией и системой контроля за общественной жизнью. В результате всего этого в России сложился особый тип отношений между властью и населением, для которого была характерна вполне легитимная тотальная регламентация со стороны государства прав и обязанностей и жизнедеятельности в целом различных слоев населения, включая купечество.

Государственный механизм фактически определял не только правовой статус изучаемого сословия, но и его профессиональную деятельность. В начальный период складывания всероссийского рынка вводятся Торговый 1653 г. и Новоторговый 1667 г. уставы, затем – Таможенный та-

риф 1724 г., устанавливавшие протекционистские меры по защите деловых интересов российских купцов. Правительство предоставляло им подряды, то есть право на заготовку и поставку товаров для казны, и различные откупа (на торговлю казенными товарами, на взимание сборов), которые стали важнейшим источником накопления капиталов. Например, в середине XVIII в. винные операции с казной приносили удачливым откупщикам до 110% торговой прибыли [22]. Купцы-откупщики освобождались от посадских казенных служб, получали другие привилегии. В правление Петра I (1682–1725) и в последующее время государственные предприятия (и необязательно убыточные) передавались в частные руки, владельцы заводов получали беспроцентные ссуды и пошленные льготы, пользовались монопольным правом выпуска определенных видов продукции и т. д. [23], что тоже являлось весомым стимулом для развития предпринимательской деятельности и мерой ее поощрения. Утверждение на внутреннем рынке российского купечества, таким образом, происходило при самом активном участии государства.

Данная ситуация в конечном итоге вела к зависимости торговцев и промышленников от административных властей. Государство практически всецело подчинило себе российского купца. Это прослеживалось и в личностном аспекте, так как статус купца устанавливался законодательно и купеческое звание включало в себя набор привилегий и льгот (освобождение от подушной подати, от рекрутской повинности, от казенных служб и т. д.) [24], исходящих от государственного аппарата. Особенность купеческого статуса заключалась и в том, что он не являлся наследственным. Купеческие гильдейские свидетельства выдавались ежегодно, на определенный срок до нового их подтверждения, и поэтому состав этого сословия был мобильным. Не получив по каким-либо причинам (банкротство, несостоятельность, в случае не объявления капитала) гильдейского документа, российские купцы теряли сословные привилегии и льготы и право на ведение прибыльных торгово-промышленных дел. Все эти обстоятельства сдерживали развитие самосознания купцов и определяли ведущую роль государства в формировании их корпоративной организации.

Важным фактором, влиявшим на становление российского купечества, являлся религиозный. Идеология самодержавной власти, общественное сознание тесно переплетались с православной верой. Каноны Русской православной церкви, не поощряя богатство (в народе говорили: «Богатство перед Богом – большой грех», «Копил, копил, да черта и купил», «Деньгами души не купишь», «Богатому черти деньги куют», «Пус-

ти душу в ад – будешь богат» [25]) и осуждая стремление к индивидуализму, способствовали, в свою очередь, формированию эгалитарного, опирающегося на уравнильность, идеалы справедливости, добра, нестяжательства, мировоззрения [26]. Православная этика во многом противоречила сути предпринимательской деятельности, которая без движения капиталов, получения прибыли, инициативы, риска, решительности существовать не могла. Церковь не поощряла развитие кредитного дела и ростовщичества, что отразилось в Соборном Уложении 1649 г.: «...росту на те заемные денги не править потому, что по правилом святых апостол и святых отец росту на заемные денги имати не велено» (Гл. XX, ст. 255) [27]. Учитывая высокую религиозность населения, в том числе и купечества, сдерживающее влияние религиозного фактора в развитии предпринимательства было ощутимо.

Вместе с тем в России был выработан особый механизм взаимодействия между православной церковью и купечеством. Его четко охарактеризовал в своих воспоминаниях известный московский предприниматель П. А. Бурыйшкий, писавший, что «на свою деятельность (купцы. – М. С.) смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом и судьбою» [28]. Далее Бурыйшкий отмечал, что не случайно в купеческой среде получили развитие благотворительность, коллекционерство, на эти явления смотрели «как на выполнение какого-то свыше назначенного долга» [29]. Автор указывал и на отсутствие в России культа богатых людей, который наблюдался на Западе. «Даже в купеческих группировках и на бирже богатство не играло решающей роли. Почти все главные руководители отдельных организаций обычно бывали не очень богатые люди», – писал он [30].

Религиозный фактор насыщал профессиональную деятельность российского купечества духовно-нравственной основой, определявшей его моральный облик. Православная этика способствовала развитию таких качеств, как сострадание к окружающим, чем зачастую объяснялась широкая благотворительная деятельность купечества; трудолюбие, терпение – черты, важные в предпринимательстве.

Обратим внимание еще на один аспект. Среди российского купечества особое место занимали старообрядцы, люди зачастую весьма удачливые в предпринимательских делах. Фамилии Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Солдатенковых были хорошо известны в деловых кругах России. Секрет их коммерческого успеха, по всей видимости, заключался и в качествах, присущих старообрядческой этике, формировавшейся в условиях гонений со стороны светских и официаль-

ных духовных властей. Купцы-старообрядцы отличались трудолюбием, считая, что искупление греха возможно каждодневной работой, целеустремленностью, отказывались от праздной жизни, не оставляли друг друга в беде [31]. В предпринимательстве эти качества имели ценность, так как они ориентированы на интересы дела. Старообрядческий аскетизм не способствовал распылению капиталов, трудолюбие, сочетаемое с добросовестностью, взаимопомощью и взаимовыручкой, выступало гарантией успеха в торгово-промышленной деятельности. Следует также иметь в виду, что последняя в старообрядчестве имела духовный подтекст. По мере эволюции этого движения изменялись и его нравственные установки. Со временем предпринимательство, направленное на благо общины, рассматривалось старообрядцами как средство спасения души, и это являлось достаточным основанием для активизации их экономической деятельности [32].

В Европе идеологической основой накопления капиталов и утверждения буржуазных ценностей стал протестантизм. В этом отношении интересны некоторые параллели со старообрядцами. «В России, – писал В. П. Бойко, – слабое подобие протестантизма, как это ни парадоксально, проявилось в старообрядчестве» [33]. «Протестантская этика с ее культом честности и старообрядческая этика очень похожи одна на другую, – считает А. А. Галаган, – поэтому не случайно именно из их среды вышло наибольшее число самых известных предпринимательских фамилий – на Западе и в России» [34]. Действительно, старообрядчество – целое течение в корпорации российского купечества, отличавшееся не только своим менталитетом. О нем можно говорить как об одной из форм накопления капиталов и «одном из выражений национального пути развития буржуазных отношений» [35]. Кроме того, среди последователей старой веры постепенно выделилась группа купцов-реформаторов, открыто заявившая о себе в период Первой русской революции. Предприниматели из старообрядческих семей А. И. Гучков, П. П. Рябушинский стояли у истоков либеральных партий («Союза 17 октября», умеренно-прогрессивной партии). А. И. Гучков поддержал реформы, направленные на «успокоение» страны, в частности одобрил введение военно-полевых судов [36]. П. А. Столыпиным он был приглашен на должность министра торговли и промышленности, но отказался от этого предложения. Однако свою преданность столыпинскому курсу А. И. Гучков подтвердил, став в марте 1910 г. председателем Государственной Думы.

П. П. Рябушинский же являлся сторонником синтеза русских исторических традиций допетровской России, в особенности старообрядчес-

ких, с институтами западного капитализма. Будущее политическое устройство России он связывал с парламентской формой правления и людьми «дела», то есть предпринимателями [37]. По мнению Рябушинского, указывавшего на прямую связь предпринимателей с народом, старообрядчество будет способствовать сохранению в стране народных ценностей. Он полагал, что общество и власть должны разделить права и обязанности, и в отличие от А. И. Гучкова не принял столыпинский курс «успокоения» России, настаивая на мирном обновлении страны [38]. Оппозиционный настрой П. П. Рябушинского проявился на страницах издаваемой им с сентября 1907 г. газеты «Утро России», в которой врагами купечества назывались помещики-землевладельцы и чиновники [39]. Предприниматели в России не стали цельным общественным организмом с единой идеологией, совместной программой преобразований, о чем и свидетельствовала деятельность двух крупнейших представителей бизнеса и политики начала XX столетия А. И. Гучкова и П. П. Рябушинского.

Купеческое сословие долгий период развивалось в условиях крепостнической системы, утвердившейся в стране по Соборному Уложению 1649 г. и просуществовавшей вплоть до 1861 г. Безусловно, крепостничество являлось неблагоприятным фактором в развитии предпринимательства, поскольку оно ограничивало рынок свободной рабочей силы, лишало зависимых людей заинтересованности в результатах своего труда, сдерживало возможности занятий торгово-промышленными делами самого многочисленного слоя населения – крестьянства. Конечно, крестьянская среда была крайне неоднородна. Большую роль в ее дифференциации играли социально-экономические особенности регионов, положение крестьян различилось в зависимости от форм феодальной ренты: барщинные селения отличались от оброчных или денежно-оброчных [40]. Если барщинная система практически полностью поглощала крестьян, то оброчная – побуждала их к поиску источников доходов и, следовательно, давала им определенную свободу. Однако дух крепостничества в отношении непривилегированного населения распространялся повсюду. Он сказывался на положении и лично свободных, государственных крестьян, так как их жизнедеятельность также сковывалась феодальной рентой (в пользу казны), различными натуральными повинностями, насильственным переселением, приписками к заводам, переводом на положение военных поселян, сдачей в аренду и т. д. [41]

В разрушении крепостнической системы было заинтересовано не только крестьянское население, среди которого к середине XIX в. имелось немалое число зажиточных людей, но и купечест-

во, в особенности та его часть, которая была связана с производственной деятельностью. Купцы-промышленники нуждались в расширении рынка наемного труда, в увеличении спроса на их товары. В первой половине XIX в. правительство провело ряд реформ (указы: 1803 г. – о вольных хлебопашцах; 1809 г. – об отмене права помещиков ссылать крестьян в Сибирь за маловажные поступки; 1842 г. – об обязанных крестьянах; 1847 г. – о предоставлении крестьянам права выкупаться на волю с землей при продаже имения помещика за долги; и др.), направленных на некоторое смягчение крепостничества, но кардинальные преобразования произошли только в правление Александра II (1855–1881). Несмотря на незавершенность и отчасти половинчатость буржуазных реформ 1860–1870-х гг., их значение для развития свободного предпринимательства неоспоримо. С ликвидацией крепостнической системы отменялись частная феодальная собственность на работников, крестьяне получали личную свободу, право юридического лица, а это означало, что они могли совершать сделки, приобретать и продавать недвижимость и, как следствие, крестьяне стали более активно втягиваться в предпринимательскую деятельность [42]. Так, в 1870 г. в Москве крестьянам было выдано 488 свидетельств по 2-й купеческой гильдии, в 1896 г. – 1432, и эта тенденция была характерна и для других городов [43].

Купеческое сословие пополнялось за счет выходцев и из других слоев населения. В пореформенный период активизировалась предпринимательская деятельность дворянства. Немалое число «окупеченных» дворян появилось в южных регионах России, где темпы развития капиталистических отношений были весьма интенсивными [44]. Тем не менее отзвуки крепостничества еще долгое время накладывали отпечаток на деловые отношения, качества и сознание предпринимателей. Изжить феодальные пережитки в одночасье было невозможно. Тем более развитие экономической активности крестьян по-прежнему сдерживалось общинной организацией сельскохозяйственного производства, что также являлось одним из важных исторических условий в формировании предпринимательства.

Как видим, перечисленные условия развития купеческого сословия имели как свои позитивные, так и негативные оттенки, причем влияние последних было весьма существенно. Особенности природно-географической среды, сильная государственная власть, жесткая сословная политика, долгое существование крепостничества, патриархальность быта основной части населения страны, несомненно, сдерживали развитие профессиональных занятий изучаемого слоя населения, замедляли процесс формирования его

самосознания, что, в свою очередь, и определило дальнейшую незрелость российской буржуазии, ее зависимость от государства и неспособность целенаправленно и самостоятельно решать политические проблемы.

Предпринимательская деятельность, лежавшая в основе профессиональных занятий купцов, не могла существовать без активности субъективного фактора, и поэтому важнейшей предпосылкой развития купечества как экономической общности выступали личностные качества представителей этого сословия. Эти качества сочетали в себе природные свойства, наклонности, способности купцов и черты, сформированные под воздействием объективных естественных (природно-географической среды) факторов, исторических условий и семьи.

Для российского купечества были характерны сила воли, стойкость, самообладание, трудолюбие, расчетливость, целеустремленность [45]. Многие из этих деловых качеств вытекали из народного характера и менталитета россиян. Близость купцов к народной культуре объяснялась прежде всего тем, что весомая часть их представителей являлась выходцами из непривileгированного населения – посадских людей либо крестьян. К их числу относились те же Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Коноваловы, Боткины, Губонины, Найденовы – цвет российского предпринимательства XIX – начала XX в. У них деловые качества, как правило, стояли на первом плане, поскольку именно они позволяли обеспечить высокий социальный статус. В этом отношении показателен пример, связанный с деятельностью основателя рода Рябушинских – Михаила Яковлевича, жившего в первой половине XIX в. Его деловые качества заключались в железной воле, соединенной с мировоззрением «хозяйственного мужика». «Все для дела – ничего для себя» – девиз жизни М. Я. Рябушинского [46]. Такой подход к профессиональной деятельности вполне себя оправдал. Своим наследникам Михаил Яковлевич передал солидное состояние – имущество (в том числе несколько мануфактур, торговых заведений, землю) общей стоимостью свыше 2 млн рублей ассигнациями [47].

Социально-экономические условия развития купеческого сословия способствовали формированию такой черты, как осторожность в ведении предпринимательских дел. Твердость духа и характера русских купцов зачастую сочеталась именно с этим качеством. Данная черта отличала их от иностранных предпринимателей. «Англичанин в душе всегда игрок, даже если он серьезный деловой человек, а наши совсем не игроки, а очень осторожны и медлительны, решение принимают не сразу, но раз оно принято, гнут ли-

нию упорно и тягуче, несмотря на неудачи», – вспоминал современник [48].

Деловые качества, присущие российским купцам, контрастировали с иностранными в целом ряде случаев. Создатель картинной галереи в Москве П. М. Третьяков говорил: «Слово мое было всегда крепче документа» [49]. Менталитет же купцов-европейцев строился на другом: все сделки и отношения в обязательном порядке скреплялись соответствующим документом, иначе дело не начиналось. Стало быть, есть полные основания говорить о многих деловых чертах российских купцов как особенных, обусловленных социально-экономическими, политическими, историческими предпосылками действительности.

На формирование личностных качеств представителей купеческого сословия большое влияние оказывала семья. Купеческие семьи зачастую отличались патриархальностью, религиозностью [50], что впитывало в себя и молодое поколение, для которого уважение к старшим, повиновение им, ответственность за порученное дело, терпение являлись первичными качествами. Подобный уклад наблюдался в семье выходцев из г. Зарайска Рязанской губернии, московских предпринимателей Бахрушиных. После смерти Алексея Федоровича (1792–1848) во главе их семейной фирмы встал старший сын Петр. «Своим братьям, которые были значительно его моложе, он говорил «ты», «Саша», «Вася», но они обращались к нему: «Вы, батюшка-братец Петр Алексеевич». До прихода его в столовую никто не мог сесть. Потом младшая дочь читала молитву... и начинался обед, после которого все подходило к его руке и к руке его жены», – вспоминал П. А. Бурыйшкин [51].

С ранних лет купеческие дети приобретали деловой опыт, знакомясь с азами торговли и предпринимательства в отцовских лавках и магазинах, заводах, бывая на ярмарках и в крупных торговых городах. Уже в 15 лет сын елабужского купца И. И. Стахеева Дмитрий самостоятельно вел в Кяхте чайное дело, оборот которого достигал больших сумм [52], братья Павел и Василий Рябушинские служили «мальчиками» в лавке отца с 14–15 лет [53], П. М. Третьяков с малых лет ходил в лавку отца, учился вести торговые книги и выполнял разные поручения [54], и таких примеров было немало. Приобретенный в малолетстве опыт в дальнейшем становился серьезной основой для приумножения семейных капиталов и сохранения фамильного купеческого звания.

В то же время хорошо известно, что в русской классической литературе рисовался довольно неприглядный купеческий портрет. В произведениях Н. В. Гоголя, И. А. Крылова,

М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, А. М. Горького чаще всего характеризовались морально-нравственные качества деловых людей [55]. Купцы-«надувалы», «протобестии» (слова Н. В. Гоголя) действительно встречались, но одновременно морально-нравственные качества порой были не на высоте и у представителей других сословий, о чем писали и М. Е. Салтыков-Щедрин, и тот же Н. В. Гоголь [56]. В данном случае, на наш взгляд, необходимо учитывать морально-нравственные устои общества в целом на конкретном историческом этапе. Еще Н. И. Костомаров обратил внимание на одну важную закономерность. Он выявил взаимосвязь между общим уровнем культуры (или «степени образованности» – слова Н. И. Костомарова) общества и теми формами и методами, которые преобладали в предпринимательстве [57]. Таким образом, по Костомарову: чем выше уровень культуры, тем более совершенные и более цивилизованные формы имеет предпринимательство, и, наоборот, обществу с невысокой культурой соответствуют и подобные формы деловой активности. «Не должно приписывать плутоватость русского торговца какой-нибудь народной порче. Нет, это было необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой общественной образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоем и набегами; на низкой степени цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности», – писал он [58].

Говоря о морально-нравственных качествах, не следует забывать, что купеческий статус в России не являлся наследственным. В силу этого предприниматели, особенно чьи состояния были невелики, в целях сохранения правового положения часто думали не о морали, а о том, как сохранить статус, и, следовательно, были готовы использовать любые методы и формы ведения предпринимательских дел. Кроме того, в соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. и другими законодательными документами купеческое сословие в России являлось открытым, то есть в него могли записываться практически все желающие при условии объявления гильдейского капитала и уплаты в казну определенных денежных сборов [59]. Таким образом, купеческая корпорация ежегодно обновлялась, что вело к нарушению традиций, преемственности между поколениями, и, как результат, снижался общий уровень предпринимательской культуры.

Во второй половине XIX в. иным становится статус купечества и ситуация заметно меняется. В этот период, в эпоху бурного развития капитализма в России, отменялись важные сословные привилегии купцов (освобождение от воинской службы, от уплаты подушной подати), а после выхода в 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге для ведения предпринимательских дел уже не требовалось в обязательном порядке приобретать купеческие свидетельства [60]. В это время представители торгово-промышленных кругов осознали, что гарантией делового успеха являются уже не их сословные привилегии, а собственное доброе имя, деловая репутация, хорошее образование, умение проявлять свои способности. В пореформенное время повышалась активность купечества в общественно-политической, культурной жизни страны и создавались в целом благоприятные условия для дальнейшего развития его морально-нравственных устоев. Их эволюция позволила современникам говорить о купцах как о «высокочтимых русских деятелях», о людях «неподкупной честности», «доблестных гражданах» и т. д. [61]

Таким образом, факторы развития купеческого сословия можно разделить на две основных группы: первая включает в себя объективные условия становления изучаемой сословной корпорации, вторая – субъективные. Влияние климата, особенностей государственной власти с жесткой сословной политикой, крепостничества, то есть объективных условий, сдерживало развитие в стране предпринимательства – главного направления профессиональных занятий купцов и замедляло процесс складывания их самосознания. Существенную роль в истории российского купечества играли субъективные факторы. Их значимость объяснялась, во-первых, тем, что купеческий статус в России не наследовался и, соответственно, от деловой активности предпринимателя зависело правовое положение самого купца и его семьи и их экономическое благополучие, во-вторых, в условиях существования большого числа неблагоприятных для развития купечества факторов роль личности в становлении предпринимательства в России была велика.

В XVIII – начале XX в. в стране прослеживалась эволюция исторических условий развития купечества. Кардинальная модернизация социально-экономической системы, начавшаяся в правление Петра I, привела к оформлению, в соответствии с екатерининской Жалованной грамотой городам, купеческого сословия и укрепляла правовой статус этой группы населения. В то же время государство брало на себя функцию не только регулятора развития купечества как сословной организации, но и подчиняло его экономически. В дальнейшем, с буржуазными рефор-

мами 1860–1870-х гг., зависимость купцов от административного аппарата ослабевает, что свидетельствовало о постепенном разрушении в России сословной системы и формировании капиталистической структуры общества, где на первый план выходил новый слой населения – буржуазия, состоявший из выходцев разных сословий. Одновременно с этим шел процесс трансформации самосознания купечества, который выразился в повышении его деловых качеств, общественно-политической активности.

В целом же влияние как объективных, так и субъективных факторов в развитии купеческого сообщества было неоднозначным.

Примечания

1. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. СПб., 2000. С. 78–80.
2. Предпринимательство и предприниматели России: От истоков до начала XX в. [Текст]. М., 1997. С. 9–11; История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. [Текст]. М., 2000. С. 9.
3. Россия XVII века: Воспоминания иностранцев [Текст]. Смоленск, 2003. С. 343.
4. *Милов, А. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / А. В. Милов. М., 1998. С. 554–556.
5. Там же. С. 9–12.
6. Там же. С. 15–17; 555–556; *Колесников, П. А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве [Текст] / П. А. Колесников. Вологда, 1976. С. 37–40.
7. Предпринимательство и предприниматели России... С. 48; История северного крестьянства. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма [Текст]. Архангельск, 1985. С. 48–103, 193–275.
8. Очерки русской культуры XVIII века [Текст]. Ч. 1. М., 1985. С. 40.
9. *Милов, А. В.* Указ. соч. С. 418–434, 556; *Миронов, Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 429–486.
10. *Миронов, Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 454.
11. Там же. С. 483.
12. История северного крестьянства. Т. 2... С. 171.
13. Там же. С. 174.
14. *Милов, А. В.* Указ. соч. С. 485, 554.
15. *Буганов, В. И.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы [Текст] / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. М., 1980. С. 261–263.
16. Россия 1913 год [Текст]: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 11; Россия [Текст]: энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 1.
17. Там же.
18. Предпринимательство и предприниматели России... М., 1997. С. 17; *Ионичев, Н. П.* Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.) [Текст] / Н. П. Ионичев. М., 2001. С. 71–74, 83–86, 88–92.
19. *Ионичев, Н. П.* Указ. соч. С. 118.
20. Там же. С. 224.
21. Там же.
22. История предпринимательства в России... С. 232; В середине XVIII в. крупнейшим откупщиком

в России был Савва Яковлев. Указанная в тексте цифра торговой прибыли была связана с его именем.

23. Там же. С. 258.

24. Об этом свидетельствует, например, екатерининская Жалованная грамота городам.

25. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа [Текст] : сборник: в 2 т. / В. И. Даль. Т. 1. М., 1984. С. 60–62.

26. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов [Текст]. М., 1995. С. 25–26.

27. Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии [Текст]. Л., 1987. С. 61.

28. *Бурыйшкін, П. А.* Москва купеческая [Текст]: мемуары / П. А. Бурыйшкін. М., 1991. С. 113.

29. Там же.

30. Там же.

31. *Бойко, В. П.* Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии [Текст] / В. П. Бойко. Томск, 1996. С. 230; *Галаган, А. А.* История предпринимательства российского: От кушца до банкира [Текст] / А. А. Галаган. М., 1997. С. 60; История предпринимательства в России. Кн. 1... С. 149–150; *Мирошніченко, Е. А.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века (из истории российского предпринимательства) [Текст] / Е. А. Мирошніченко // Отечественная история. 2006. № 5. С. 36–37.

32. *Мирошніченко, Е. А.* Указ. соч. С. 36.

33. *Бойко, В. П.* Указ. соч. С. 230.

34. *Галаган, А. А.* Указ. соч. С. 60.

35. История предпринимательства в России. Кн. 1... С. 150.

36. *Боханов, А. Н.* А. И. Гучков [Текст] / А. Н. Боханов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 93.

37. *Барышников, М. Н.* Деловой мир России [Текст]: историко-биографический справочник / М. Н. Барышников. СПб., 1998. С. 325–326.

38. *Петров, Ю. А.* П. П. Рябушинский [Текст] / Ю. А. Петров // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 127.

39. Там же. С. 130.

40. *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 251.

41. Там же. С. 253 – 257.

42. Предпринимательство и предприниматели России... С. 47–49; История северного крестьянства. Т. 2... С. 21, 48–103, 245–275.

43. *Хорькова, Е. П.* История предпринимательства и меценатства в России [Текст] / Е. П. Хорькова. М., 1998. С. 343.

44. Там же. С. 342–343.

45. Предпринимательство и предприниматели России... С. 10; История предпринимательства в России. Кн. 1... С. 286; 1000 лет русского предпринимательства... С. 6.

46. *Петров, Ю. А.* Династия Рябушинских [Текст] / Ю. А. Петров. М., 1997. С. 13.

47. Там же. С. 12.

48. Там же. С. 13.

49. *Боткина, А. П.* Павел Михайлович Третьяков [Текст] / А. П. Боткина; предисл. В. С. Кеменова. М., 1986. С. 6.

50. История предпринимательства в России. Кн. 1... С. 287, 434; *Судовиков, М. С.* Вятское купечество в воспоминаниях современников [Текст] / М. С. Судовиков. Киров, 2005. С. 17–18.

51. Бурыйшин, П. А. Указ. соч. С. 135.
52. Валеев, Н. М. Дмитрий Стахеев: Судьба и творчество [Текст] / Н. М. Валеев. Уфа, 1996. С. 19; В дальнейшем Д. И. Стахеев (1840–1918) стал известным писателем, автором 12-томного собрания сочинений.
53. Петров, Ю. А. Династия Рябушинских... С. 13.
54. Боткина, А. П. Указ. соч. С. 17.
55. Подробнее см.: Бурыйшин, П. А. Указ. соч. С. 50–63; Поликарпов, В. С. История нравов России: Восток или Запад [Текст] / В. С. Поликарпов. Ростов н/Д., 1995. С. 237–238.
56. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках», Н. В. Гоголь в «Ревизоре».
57. Костомаров, Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях [Текст] / Н. И. Костомаров // Земские соборы: Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 174–175.
58. Там же.
59. Жалованная грамота городам гласила: «...92. Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей до 50000 рублей, записаться в гильдию. 93. Срок записания в гильдии да будет с 1 декабря по 1 января; сей же срок означаетается и для ежегодного платежа в гильдии записанных по одному проценту с объявляемого ими по совести капитала...» (ПСЗ. I. Т. 22. № 16188).
60. ПСЗ. III. Т. 28. № 15601.
61. Бурыйшин, П. А. Указ. соч. С. 160; Ратьков-Рождов, В. А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Я. А. Прозоров [Текст] / В. А. Ратьков-Рождов // Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 3; В г. Ярославле на Леонтьевском кладбище сохранился памятник купцу Н. П. Пастухову (1820–1909) с надписью: «Почетному гражданину города Ярославля, высокопочинному русскому деятелю с благоговением и с сердечной признательностью благодарное потомство».

А. А. Костин

СУД НАД Д. МИХАЙЛОВИЧЕМ И ПОЗИЦИЯ США (1946 г.)

В статье исследуется американская позиция по делу арестованного в ФНРЮ четнического генерала Дражи Михайловича. Показаны настроения общественности Соединённых Штатов и усилия государственного департамента по предотвращению его казни. Раскрывается общая канва американо-югославских отношений в первой половине 1946 г.

17 июля 1946 г. по решению военного трибунала Федеративной Народной Республики Югославия был казнён человек, который в годы войны для многих американцев был олицетворением свободолюбия балканских народов. Именно таким в 1942 г. многие американские газеты и жур-

налы представили общественности четнического генерала Дражу Михайловича. В тот период американская пресса пестрела публикациями, восхвалявшими четников и их лидера. Среди этих периодических изданий были «Washington Evening Star», «Washington Post», «New York Times», «Tribune» [1]. В них «превосходные достижения генерала Михайловича и его бесстрашных людей» были описаны как «пример бескорыстного желания победить врага». В сознании американской общественности был утверждён образ «балканского Робин Гуда» Михайловича, взявшего на себя бремя спасения страны в один из самых тяжёлых моментов её истории. В середине июля 1942 г. нью-йоркская газета «Daily Worker» опубликовала фотографию генерала Михайловича, назвав его «великим лидером южнославянских сил Сопротивления против Гитлера» [2].

Что же произошло за четыре года, превративших югославского национального героя в государственного преступника, казнённого в родной стране? Ответ на этот вопрос для многих американцев в то время был очевиден. В общих чертах его можно выразить следующим образом. В ходе освобождения Югославии при поддержке Красной армии к власти в стране пришли коммунисты. Новый режим Тито для удержания власти начал уничтожение своих противников, главным из которых был Михайлович. После ареста он был несправедливо обвинён в сотрудничестве с врагом и расстрелян. Дело было сфабриковано.

Примерно таким было американское восприятие событий, произошедших с лидером одного из двух оппозиционных друг другу лагерей югославского Сопротивления. В настоящем исследовании не ставятся цели определения справедливости обвинений, предъявленных судом ФНРЮ Михайловичу, и рассмотрения борьбы между четниками и партизанами. В современных условиях, когда Вашингтон имеет возможность фактически самостоятельно вершить суд над лидерами суверенных государств, такими, как С. Милошевич и С. Хусейн, наибольший интерес представляет исследование американского поведения в иной, обратной ситуации суда над политической фигурой, в сохранении которой Соединённые Штаты были заинтересованы. К тому же актуальность изучения американской позиции по делу Михайловича дополняется полным отсутствием работ на эту тему в отечественных исследованиях.

До войны Драголюб Михайлович был офицером разведотдела Генштаба югославской армии, затем военным атташе в Праге и Софии. Участь на высших офицерских курсах во Франции, он был хорошо знаком с Ш. де Голлем. Во время оккупации и расчленения Югославии в чине полковника Михайлович объединил под своим ру-

ководством избежавшие плена части около местечка Равна Гора в западной Сербии. Так под антиоккупационными лозунгами зародилось четническое (от слова «чета», то есть «отряд») движение. Четники провозгласили себя патриотами и выдвинули лозунг восстановления независимости страны. Их группировки действовали в различных частях Сербии, а затем Боснии и Герцеговины, Черногории и некоторых других районах страны, в основном населённых сербами. 7 декабря 1941 г. Михайлович получил от югославского короля Петра II, находящегося со своим правительством в эмиграции в Лондоне, звание бригадного генерала. 13 января 1942 г. глава четников был включён в состав нового кабинета С. Йовановича в качестве военного министра. Четнические отряды стали называться королевской армией на родине [3].

В ходе освободительной войны в оккупированной Югославии оформилась новая военно-политическая сила — партизанское движение, руководимое коммунистами во главе с Иосипом Броз Тито. Партизаны не только сыграли решающую роль в борьбе с оккупантами, но и сумели завоевать политическую власть. После утверждения режима Тито судьба Михайловича была предreshена. 13 марта 1946 г. он был арестован тайной полицией ОЗНА (Органы защиты народа) к востоку от Вишеграда около боснийско-сербской границы. Место, где он скрывался, очевидно, было раскрыто, умышленно или невольно, Николой Калабичем, одним из его офицеров. До сих пор неизвестно, был ли Калабич частью сложного плана по захвату Михайловича или стал предателем, надеясь, что те, кто искал Михайловича, спасут его и никогда не выдадут [4].

Во время захвата Михайловича Тито ехал в поезде в Варшаву для подписания югославо-польского соглашения. Министр внутренних дел ФНРЮ Александр Ранкович телеграфировал Тито всего два слова: «План выполнен» [5]. После прибытия в Варшаву Тито телефонирует Сталина, который остался доволен этим известием, но сердился, что не получил его напрямую от МВД Югославии [6].

Югославы не стали скрывать факт задержания лидера четников. Хотя Белград не делал никаких официальных заявлений на международном уровне, считая определение дальнейшей судьбы Михайловича внутренним делом суверенной Югославии, известие об этом быстро попало в американские СМИ. 13 марта министр Ранкович объявил в Народном собрании, что Михайлович схвачен и предстанет перед судом. Заявление Ранковича уже в последней декаде марта вызвало в американском обществе бурю протеста [7].

Первыми выступили представители сербской эмиграции. 27 марта в передовице «New York

Times» было опубликовано обращение бывших членов эмигрантского югославского правительства. Они просили передать дело Михайловича в международный трибунал [8]. Затем в Госдепартамент с просьбой защитить Михайловича обратились более 600 лётчиков американских ВВС, спасённых четниками.

В конце концов настроения, царившие в американском обществе, вынудили официальный Вашингтон предпринять определённые шаги. 30 марта 1946 г. Госдепартамент направил Министерству иностранных дел Югославии соответствующую ноту [9]: «Нота Правительства Соединённых Штатов выражает реакцию на официальное объявление по белградскому радио от 24 марта Белград о заявлении министра иностранных дел А. Ранковича в Народном собрании об аресте генерала Дражи Михайловича 13 марта.

Когда в 1941 г. немцы оккупировали Югославию, именно генерал (тогда полковник) Михайлович организовал и руководил крупными силами Сопротивления против оккупантов... Генерал Михайлович являлся командующим югославской армией и военным министром до мая 1944 г. После этого он перестал быть политической фигурой.

Как известно югославским властям, представители Армии Соединённых Штатов для координации действий союзников находились при Генеральном штабе Михайловича в течение основного периода его военной деятельности. Югославские власти также должны знать о том, что несколько сотен американских лётчиков были спасены и возвращены на Родину усилиями бесстрашных сил генерала Михайловича. Эти спасённые и многие другие в Соединённых Штатах, кто был тесно связан с генералом Михайловичем, являются непосредственными свидетелями того, что никакого сотрудничества с врагом, в котором югославские власти обвинили Михайловича, не было.

В сложившейся ситуации Правительство Соединённых Штатов считает, что в интересах правосудия югославскому Правительству следует принять необходимые меры для представления в суде показаний американских свидетелей по делу генерала Михайловича. Быстрое выражение мнения югославских властей по этому вопросу, а также указание места и времени суда вместе с теми шагами, которые югославское правительство готово предпринять для того, чтобы облегчить представление показаний американских свидетелей, будет высоко оценено Правительством Соединённых Штатов» [10].

Текст ноты говорит о том, что американцы сделали ставку на подчёркивание заслуг Михайловича в организации югославского Сопротивления и спасении союзных лётчиков, сбитых в небе Югославии. Нота ставила установление пол-

ноценных дипломатических отношений между двумя странами в прямую зависимость от согласия югославской стороны представить в суде показания американских свидетелей.

Не следует рассматривать это условие весомым козырем, позволявшим Вашингтону оказать необходимое давление на Белград. Свёртывание начавшегося 22 декабря 1945 г. процесса дипломатического признания не могло привести к падению режима Тито. Во-первых, в Югославии и за её пределами в тот момент уже не было личности или движения, способного составить конкуренцию партизанскому лидеру. Единственным исключением мог стать Михайлович, судьба которого теперь уже была предreshена. Во-вторых, югославские партизаны ещё на Тегеранской конференции были признаны союзной силой. В-третьих, ФНРЮ уже признал Советский Союз. В-четвёртых, необходимо было мирным, дипломатическим путём урегулировать проблему Триеста, что в условиях отсутствия дипломатических отношений между Вашингтоном и Москвой вряд ли было возможно. Совершенно фантастическим явилось бы предложение выменять Михайловича на Триест. В-пятых, значительная часть югославских эмигрантов в США негативно воспринимала режим маршала Тито, но при этом сербо-хорватское лобби не допустило бы отсутствие дипломатических отношений с их прежней Родиной. Наконец, в-шестых, было опасно игнорировать военный потенциал и боеспособность ФНРЮ. Ущемление интересов Югославии, внесшей немалый вклад в борьбу с нацизмом, могло привести к повторению ситуации с соседней Италией, брошенной союзниками по Антанте после окончания Первой мировой войны. Провоцировать новые великодержавные настроения на Балканах сразу после завершения Второй мировой войны Вашингтон не мог.

Всё это понимали в Белграде. 1 апреля Тито выступил в Народном собрании. Его речь ясно связала вопрос признания, проблему территориальных требований и арест Михайловича в единое целое, настроив югославское общественное мнение, а отчасти и международное, против США. Югославский ответ на американскую ноту по делу Михайловича продемонстрировал твёрдость позиции Белграда. 5 апреля руководство Соединённых Штатов получило следующую ноту:

«...Правительство ФНРЮ сожалеет, что оно не может удовлетворить желание Правительства США, чтобы офицеры американской армии, которые находились при штабе Дражи Михайловича, выступили свидетелями следствия и дали показания в суде по делу предателя Михайловича. Это прерогатива Военного суда, который будет рассматривать дело. Исключительно Военный суд может вызвать того свидетеля, которого сочтёт

необходимым, и Правительство ФНРЮ не имеет права оказывать какое-либо давление на суд.

Кроме того, Правительство ФНРЮ не может согласиться с содержанием ноты, отрицающей предательскую позицию Дражи Михайловича в течение войны. Самое удивительное, что после всего того, что было ранее опубликовано и установлено по факту предательства Дражи Михайловича и его сотрудничества с немцами, по факту совершения множества преступлений против наших народов, нота пропускает эти факты. Нота выражает мнение, которое не верно уже потому, что на многочисленных судах над предателями – офицерами Михайловича, где показания свидетелей давались абсолютно свободно, подтверждены все факты измены Дражи Михайловича, известные Правительству ФНРЮ. Эта измена подтверждена десятками тысяч боровшихся с врагом членов югославской армии. Эта измена подтверждена десятками тысяч живых свидетелей, у которых погибли родственники или было уничтожено имущество в результате действий Михайловича и его людей. В конце концов, эта измена подтверждается самим Дражей Михайловичем.

Кроме того, было бы большой исторической ошибкой согласиться с тем, что Дража Михайлович начал освободительную борьбу югославских народов против немцев в 1941 г., как это было заявлено в ноте. Он организовал свои отряды в 1941 г., это верно, но с тем лишь исключением, что до ноября 1941 г. ничего не предпринимал, со стороны наблюдая за борьбой партизан против немцев. 2 ноября 1941 г. он открыто напал на силы национального Сопротивления – партизан и с тех пор до конца войны напрямую или косвенно постоянно сотрудничал с немцами, итальянцами и усташами [11], действуя против партизан и Народно-освободительной армии. На настоящий момент без всякого сомнения доказано, так как есть живые свидетели, что Дража Михайлович впервые вступил в переговоры с немецким командованием в августе 1941 г. в бронированном поезде около небольшого города Лиг [12], где были скоординированы совместные действия против национально-освободительного движения.

...Правительству ФНРЮ точно известно, что, начиная с 1941 г., при штабе Михайловича была британская военная миссия и что эта миссия покинула Михайловича в 1944 г. Мы видели, что весь мир уже знает о сотрудничестве Дражи Михайловича с немцами. После того, как британская военная миссия покинула Михайловича, насколько это известно Правительству ФНРЮ, в августе 1944 г. в штаб Дражи Михайловича прибыла военная миссия американской армии, что вызвало в рядах национально-освободительного движения большое удивление и непонимание.

В ответ на протест Верховного штаба НОАЮ, союзническое командование заявило, что задачи миссии ограничены функцией эвакуации сбитых лётчиков.

Правительство ФНРЮ допускает и верит, что Дража Михайлович вёл себя так, словно он имел лояльное отношение к Америке, и что множество американских лётчиков, вынужденных приземлиться на территории, подконтрольной ему, было спасено. Но мог ли он поступать иначе, ведь он ждал помощи продовольствием и оружием от подобного покровительства? По этому поводу Правительство ФНРЮ должно напомнить, что силы Народно-освободительной армии, зачастую не жалея собственной жизни, спасли около двух тысяч [13] союзнических лётчиков, большинство из которых американцы. Они просто считали это своим долгом по отношению к товарищам по оружию.

Преступления предателя Дражи Михайловича против народа Югославии являются слишком большими и ужасными, чтобы можно было обсуждать, виновен он или нет» [14].

Жёсткость формулировок текста ноты, её стиль и содержание свидетельствовали о полной уверенности нового югославского режима в своей правоте, о неготовности и нежелании идти на какие-либо компромиссы. Это во многом определялось пониманием того, что никаких реальных возможностей оказать помощь Михайловичу у Вашингтона нет.

Ответ Соединенных Штатов был очевиден, но в основном выражал всего лишь эмоциональную реакцию и был мало рассчитан на какой-либо результат.

19 апреля в прессе было опубликовано заявление президента Г. Трумэна, в котором сообщалось, что правительство Соединенных Штатов вынуждено приостановить процесс юридического признания ФНРЮ и доводит до сведения Белграда, что признание не означает одобрения политики югославского правительства [15].

Это заявление не противоречило духу предыдущей политики Вашингтона в отношении Югославии, но в первую очередь явилось результатом давления американского общественного мнения и было адресовано американскому народу, а не режиму Тито. Если официальный Вашингтон понимал безрезультатность своих действий, то американское общество, движимое антикоммунистическими настроениями, продолжало добиваться оказания помощи Михайловичу.

В конце апреля Национальный комитет американских лётчиков, надеясь помочь генералу Михайловичу, сформировал и отправил делегацию в составе восемнадцати человек к президенту с целью поддержать его намерение до конца добиваться удовлетворения требования Соединен-

ных Штатов, чтобы лётчикам позволили свидетельствовать в суде [16].

14 мая Госдепартамент вынужден был повторить своё требование, чтобы американским лётчикам разрешили свидетельствовать в суде по делу Михайловича:

«...Ответ югославского Правительства содержит утверждение, которое для Правительства Соединенных Штатов никак не согласовывается с принципом судебного определения виновности, “что преступления генерала Дражи Михайловича против народа Югославии являются слишком большими и ужасными, чтобы можно было обсуждать, виновен он или нет”.

Между тем, к Правительству Соединенных Штатов обратились различные американские граждане и группы, которые заявили о своей готовности свидетельствовать по делу генерала Михайловича. Основная масса этих людей – лётчики ВВС США, которые были сбиты над Югославией, спасены и эвакуированы силами Михайловича. Так, например, группа из 20 американских лётчиков, которые парашютировались в Югославии между январем и декабрем 1944 г., лично звонили в Госдепартамент и выразили своё желание обнародовать информацию, которой они обладают, и явиться в суд лично или представить показания в письменной форме, если это будет необходимо. Многочисленные подобные заявления были также получены по почте.

В сложившейся ситуации Правительство Соединенных Штатов повторяет свой запрос к югославскому Правительству относительно того, возможно ли предпринять меры для представления в суде над генералом Михайловичем показаний американских граждан и безотлагательно информировать Правительство Соединенных Штатов относительно этих мер...» [17].

Югославы просто не стали отвечать на эту ноту. Через неделю, 22 мая, министр иностранных дел Югославии Станойе Симич [18] заявил в Народном Собрании, что американский запрос о представлении американских свидетелей в суде будет игнорироваться и что Правительство Федеративной Народной Республики Югославии считает это вторжением во внутренние дела суверенной страны [19].

Тогда американцы попытались надавить на Белград, пригрозив лишить Югославию экономической помощи, предоставляемой через механизм Администрации по оказанию помощи и восстановлению Объединённых Наций. В конце мая подкомиссия Палаты представителей Конгресса США провела расследование по сообщениям о препятствиях, чинимых югославскими властями в отношении Администрации по оказанию помощи и восстановлению. Удивительно, но эти сообщения не были подтверждены. Тем не менее под-

комиссия обратилась в Госдепартамент с просьбой, чтобы он продолжал добиваться справедливого суда над Михайловичем путём передачи дела в международный трибунал [20].

Все усилия Вашингтона оказались тщетными. 10 июня 1946 г. начался суд над Михайловичем. В этот день Тито вернулся из Москвы, где ему и нескольким его соратникам по партизанской борьбе (Ранковичу, Кидричу и Коче Поповичу) был устроен торжественный приём. Тито был принят как равный Сталину глава недавно возникшего коммунистического государства и вскоре был приглашён в Кремль для личной беседы с советским лидером.

Скорее всего, дело Михайловича в беседе не обсуждалось. В этом не было необходимости. Сталин спросил Тито о судьбе И. Шубашича [21] и М. Грола [22], подчеркнул сложность решения вопроса Триеста, поинтересовался положением дел в албанской коммунистической партии, говорил с югославами о Венгрии и Болгарии [23]. По сравнению с процессом «законного устранения» Михайловича, это были намного более серьёзные вопросы, требовавшие согласования между Белградом и Москвой. Визит югославского лидера в Кремль не был обусловлен необходимостью получения от «старшего брата» установок по делу четнического генерала. Судьба Михайловича была предreshена заранее. Советское отношение к аресту Михайловича и преданию его суду было доведено до американской общественности через «New York Times» ещё в начале апреля: оно сводилось к полной поддержке Тито и критике позиции Соединенных Штатов [24].

В Вашингтоне это и так понимали без помощи «New York Times». Когда известие об аресте Михайловича достигло Вашингтона, Государственный департамент уже был ознакомлен с «Длинной телеграммой» Дж. Кеннана и наверняка разделял взгляды У. Черчилля, высказанные им в Вестминстерском колледже. В опубликованных документах по американо-советским отношениям в 1946 г. имя генерала Михайловича не упоминается. Вашингтон трезво оценивал позицию Кремля по этому делу и никаких иллюзий в отношении возможности оказать давление на Белград через Москву не питал. На следующий день после начала суда 11 июня госсекретарь Джеймс Бирнс объявил, что нет никаких шансов помочь Михайловичу [25].

Мало что давало и взаимодействие в этом вопросе с англичанами. Вначале Лондон большой заинтересованности в судьбе Михайловича не проявлял. В мае министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин сообщил Палате общин, что Правительство Его Величества готово послать письменные свидетельства пяти офицеров, находившихся при штабе Михайловича, но

не будет делать официальных заявлений на правительственном уровне [26]. Но сразу после начала заседаний Военного трибунала ФНРЮ, когда государственный департамент признал безрезультатность всех усилий, англичане бросились защищать Михайловича. Они заявили, что полковник Бэйли, капитан Хадсон и бригадный генерал Армстронг готовы выступить в суде для поддержки Михайловича [27] и Форин Офис сделал об этом официальное заявление югославскому правительству, которое также никакого результата не имело [28].

Тем не менее Вашингтон, несмотря на заявление Бирнса, продолжил попытки нажима на югославов. Во-первых, американцы проверили твёрдость намерений Белграда, сыграв на нервах Тито демонстрацией своей военной мощи. 20 мая боевой корабль «Fargo», самое крупное судно военно-морского флота США в Средиземном море, пришвартовался в гавани Триеста. Рост напряжённости спровоцировал ряд опасных инцидентов между англо-американскими и югославскими частями, стоявшими в Триесте, поставив бывших союзников на грань вооружённого столкновения [29].

Во-вторых, параллельно с расследованием условий деятельности в Югославии Администрации по оказанию помощи и восстановлению Вашингтон предоставил Белграду возможность ощутить последствия прекращения поставок. В конце мая Командование воздушного транспорта Соединенных Штатов, обеспокоенное действиями югославской стороны, наложило запрет на полёты личного состава американской армии на самолётах, доставлявших в Югославию помощь от Объединённых наций. Кроме того, на случай задержания югославской стороной американских пилотов, были введены ограничения на состав экипажей и использование на самолётах новейшего оборудования. Наконец, в середине июня, когда суд над Михайловичем уже начался, еженедельные рейсы на Белград были приостановлены [30]. Тем самым фактически был закрыт один из каналов поставок продовольствия и предметов первой необходимости югославскому народу со стороны ООН.

В-третьих, Соединенные Штаты попытались противопоставить белградскому трибуналу свой, как они утверждали, «справедливый» суд. Не добившись югославского согласия на выступление в защиту обвиняемого спасённых им лётчиков, американцы активизировали деятельность «Комитета справедливого суда по делу генерала Михайловича», сформированного ещё в начале мая в Нью-Йорке [31]. Секретарём этого комитета был Дэвид Мартин, автор работы о судьбе Михайловича «Союзник, которого предали». Мартин взял показания многих свидетелей [32],

наиболее ценным из которых был полковник Р. Макдауэлл [33]. Макдауэлл заявил, что Михайлович боролся с немцами и отверг предложенное ему сотрудничество. Он объяснил, что встреча с Р. Штаркером [34], агентом немецкой разведки, была обусловлена перспективой сдачи нацистских сил в плен четникам и не являлась сотрудничеством [35]. В защиту Михайловича свидетельствовали и многие американские лётчики. 14 июня в передовице «New York Times» было вновь опубликовано требование передать Михайловича суду международного трибунала [36].

Как показала история, все эти усилия в деле Михайловича оказались тщетными. В связи с этим возникает риторический вопрос: почему Соединённые Штаты не помогли Михайловичу бежать из страны ещё до установления в Югославии режима Тито?

В конце войны американцы неоднократно предлагали ему эвакуироваться в Италию, а англичане предоставили Михайловичу политическое убежище [37]. По некоторым данным, он отказался от всей предложенной помощи, заявив: «Мое место – с моими народами, которых я не имею права покинуть в час серьезной опасности» [38]. 2 февраля 1946 г. он написал письмо друзьям за границей:

«Ни при каких обстоятельствах я не брошу свою страну и своих людей. “Вы не можете унести свою страну с собой на подошвах ваших ботинок”, – сказал Дантон, когда ему предложили покинуть Францию. Сегодня я не могу сделать иначе, как повторить эти слова... Я понимаю, чем закончится восстание в настоящее время. Национальное восстание достигнет успеха только при условии, если в нашей стране больше не будет иностранных войск, поддерживающих террористический режим, который находится у власти сегодня... Мои силы фактически состоят из всей нации, и внутри страны и за её пределами. В подконтрольных нам горных районах более 100 000 вооружённых людей... Вы знаете мою стратегическую цель: устоять и сохранить себя любой ценой для выполнения большой задачи, которая стоит передо мной. Возможно, я погибну в нашей святой борьбе. Но вы прекрасно понимаете, что это не будет означать, что то справедливое дело, за которое борется наш народ, погибнет вместе со мной» [39].

Эти слова звучат несколько пафосно, большое сомнение вызывает их достоверность. Сомнительно утверждение о 100 000 верных вооружённых людей. Однако показателен тот факт, что в сентябре 1944 г., когда Красная армия вступила в Сербию, Михайлович сумел ускользнуть от преследовавших его партизан и скрывался до марта 1946 г. Это было возможно только при условии значительной поддержки населения.

Насколько верно утверждение, что Михайлович сам отказался от предложения покинуть страну? Судя по всему, это всего лишь красивое оправдание. Ещё в конце 1944 г. четники продолжали контролировать часть Боснии. Перед тем как покинуть Югославию в ноябре 1944 г., полковник Макдауэлл предложил Михайловичу продвигаться к итальянской границе навстречу американским войскам [40]. Это было легко сказать, но трудно сделать. Путь в Италию был заблокирован объединёнными немецкими и хорватскими силами. Позади Михайловича были партизаны. Начиналась зима со всеми её трудностями, ненастной погодой и нехваткой обмундирования и продовольствия.

Михайлович пытался пробиться к союзникам. Потеряв много людей в результате столкновений с усташами и немцами и из-за мороза и голода, он оставил эту идею. Кроме того, в январе 1945 г. много четников умерло из-за эпидемии сыпного тифа. В марте один из соратников Михайловича офицер Павле Джурижич с 7–9 тысячами солдат и беженцев, очевидно без согласия генерала, вновь попытался выйти в Италию. Они попали в усташскую западню, и только около одной трети из них смогли выйти из окружения.

В конце марта Михайлович решил сделать попытку вернуться в Сербию. В начале мая три колонны четников достигли реки Дрина близ Фочи. Однако 10 мая приблизительно 6 тысяч четников столкнулись с партизанами и около половины погибли. Другая половина прорвалась, но была фактически уничтожена в другом сражении два дня спустя. Только 300–400 четников бежали. Был потерян последний радиопередатчик, а с ним и вся связь с внешним миром. Михайлович вынужден был скрываться в округе Закмур около Фочи и распустить свою организацию, надеясь когда-нибудь её возродить [41].

Этим надеждам не было суждено сбыться. 13 марта 1946 г. Михайлович был арестован. Из членов его семьи только жена посетила его в тюрьме. Сын и дочь ещё во время войны разорвали с ним отношения как с предателем и перешли на сторону партизан [42].

Суд над генералом Михайловичем открылся чтением обвинительного акта против Михайловича и ещё двадцати трех подсудимых. Среди обвиняемых были Стеван Мольжевич [43], Младен Жуйович [44], Живко Топалович [45], а также заочно: Слободан Йованович [46], Божидар Пурич [47], Момчило Нинчич [48], Петар Живкович [49], Радойе Кнежевич [50], Милан Гаврилович [51] и Константин Фотич [52]. Михайлович, вне всякого сомнения, был основным подсудимым, а включение в число обвиняемых нескольких прежних глав правительств, министров и президента Конгресса Св. Савы, наряду с извест-

ным полицейским агентом, имело целью дискредитировать не только подсудимых, но и великосербский национализм, а также предыдущие югославские правительства и поддерживавших их Соединенные Штаты и Великобританию. Суд был закрытым для иностранной и внутренней прессы и напоминал советские политические процессы 1937 г. Чтобы нейтрализовать враждебную пропаганду, обвинение сосредоточило основное внимание на сотрудничестве Михайловича с немцами, а не на оппозиции коммунистам и его монархических убеждениях.

Факты переговоров четников с оккупантами бесспорны, хотя их содержание вряд ли когда-нибудь будет правдиво документально раскрыто. Партизаны тоже вели переговоры с немцами об обмене военнопленными. Грань между коллаборационизмом и стремлением сохранить свои силы для нанесения новых ударов по врагу очень прозрачна. Размышления об этой грани лежат в несколько иной плоскости, нежели данное исследование, для которого намного важнее выявить американское восприятие тех событий.

Во время войны точные сведения, подтверждающие коллаборационизм Михайловича, за исключением обвинений в его адрес, предъявленных советской стороной, у Вашингтона отсутствовали. На все запросы к югославскому эмигрантскому правительству государственный департамент получал лишь свидетельства героической борьбы военного министра и его четников с оккупантами, в чём, судя по всему, в тот период не сомневались сам югославский король и его окружение [53].

В феврале 1944 г. американцы получили сообщения вернувшихся от Михайловича сотрудников Управления стратегических служб подполковника Альберта Зейца [54] и капитана Уолтера Мэнсфилда [55]. Вместе с ними прибыл и четнический капитан Борислав Тодорович [56]. Мэнсфилд уверял, что «Михайловича в Северной и Центральной Сербии воспринимают как “мессию”, и спокойствие сербского населения – это его заслуга». Отчёты гласили, что четники контролируют всю Сербию и большую часть Черногории, Боснии и Герцеговины; что нет никаких фактов коллаборационизма самого Михайловича. Можно говорить лишь о немногочисленных отрядах не подчиняющихся ему четнических командиров, и, что, получив союзную помощь, Михайлович способен мобилизовать армию в количестве 250 тысяч человек и более [57]. Эти новости тогда произвели впечатление на государственный департамент и президента.

К началу сентября 1944 г. немецкое командование в Белграде через сербского эmissара установило контакт с главой прикомандированной к штабу Михайловича американской миссии под-

полковником Робертом Макдауэллом. Целью германской стороны было соглашение о капитуляции, при этом немецкие войска на Балканах предпочитали сдаться западным союзникам и четникам, нежели русским и партизанам.

Состоялись две встречи Макдауэлла и Михайловича с Рудольфом Штаркером, который выступал от имени Германа Нойбахера [58] – полномочного представителя Германии на Балканах. Штаркер пытался добиться американского согласия на использование сдавшихся германских частей против продвижения Красной армии. Содержание бесед через главу югославского отделения УСС Роберта Джойса [59] было передано союзному командованию. 5 сентября 1944 г. Объединённый комитет начальников штабов предписал Макдауэлла строго следовать союзному принципу «безоговорочной капитуляции». По этой причине переговоры закончились ничем [60].

17 марта 1945 г. немецкий эmissар Штаркер, который до этого трижды встречался с Михайловичем, посетил его штаб в боснийской деревне Дуго Поле в горах около Дервента. В ходе переговоров Штаркер потребовал, чтобы Михайлович передал в штаб союзников в Италии секретное немецкое предложение о капитуляции. Михайлович передал это предложение в Казерту. Это было одно из его последних сообщений [61].

Чем на самом деле был этот эпизод для американской политики? Единственная версия, фигурирующая в исследованиях, сводится к тому, что американцы пытались спасти престиж Михайловича путём немецкой капитуляции [62]. Скорее, Михайлович здесь ни при чём, он выступил простым связующим звеном между союзной разведкой и германскими представителями, а сами переговоры – попыткой зондажа германской решимости продолжать сопротивление в этой части Европы. Тем не менее, как и в случае с переговорами Аллена Даллеса с генералом Карлом Вольфом в Цюрихе в начале марта 1945 г., любая утечка информации об этом событии могла вызвать острый кризис в союзных отношениях, крайне нежелательный в тот момент. Именно этим объясняется жёсткое предписание ОКНШ Макдауэлла.

Как бы то ни было, все эти события фигурировали в качестве доказательства вины Михайловича во время работы следственной комиссии. Поздно вечером 10 июля Михайлович закончил свою заключительную речь, которая продолжалась почти четыре часа. Существует несколько версий драматической речи Михайловича [63]. Почти сразу после завершения суда Союз журналистов ФНРЮ опубликовал сокращённую версию его стенограмм, наверняка подвергнутых цензуре. Тем не менее более достоверной версии до сих пор не опубликовано. В конце своего выступления четнический генерал подытожил:

«Я был представителем правительства в оккупированной стране. Я получал послания через направленных ко мне агентов. Правительство имело возможность знать всё, что происходило в стране. Западные державы имели своих людей при мне. Хадсон привёз послание, позже Бэйли прибыл с сообщением, затем сообщение доставил Воя Лукачевич [64], и, наконец, со мной работал Макдауэлл. Всё это в целом влияло на мои действия и позицию.

Я оказался в водовороте событий и интриг. Я оказался в водовороте событий и соперничества. Я был противопоставлен целям и устремлениям моего правительства. Я был окружен всеми возможными разведывательными службами, британской Интеллидженс Сервис, Гестапо и многими другими разведками мира.

Судьба была беспощадна ко мне, когда ставила меня в самые сложные ситуации. Я хотел многого, я рьяно взялся за дело, но вихрь, вихрь мировых событий унес меня, и моё дело оказалось далеким от намеченной цели.

Я прошу Суд быть справедливым ко мне» [65].

Через пять дней Военный Совет Верховного Суда вынес приговор. Все двадцать четыре обвиняемых были признаны виновными. Михайлович и ещё десять человек были приговорены к смерти, остальные получили большие тюремные сроки. Тито приветствовал решение суда как действие против «международной реакции» [66]. Рано утром 17 июля Михайлович и другие обвиняемые, приговорённые к смертной казни, были расстреляны на поле для гольфа [67].

После суда последовал трагический эпилог. Адвокат Драгич Йоксимович, который защищал Михайловича, был арестован и приговорен к трём годам тюремного заключения. Йоксимович умер в тюрьме. Согласно свидетельству Ж. Топаловича, одного из обвиняемых по делу Михайловича, просьба родственников о выдаче тела была отклонена, чтобы «сохранить труп Йоксимовича в тюрьме, пока не произойдёт его разложения и не исчезнут следы умышленного убийства» [68].

Так завершилось дело генерала Дражи Михайловича. Какую роль оно сыграло в американской внешней политике?

Во-первых, можно констатировать, что «борьбу за Михайловича» Вашингтон проиграл. Но проиграл не потому, что четнический генерал был казнён, а потому, что вместе с его устранением исчезла последняя, какая-никакая, но всё-таки возможность противопоставить Тито альтернативную политическую силу, дружественную США. Приход этой силы к власти в Югославии неизбежно повлиял бы на международную ситуацию и на развитие американско-советского соперничества.

Во-вторых, несмотря на то что Вашингтон поставил завершение юридического признания

ФНРЮ в зависимость от уступок по делу Дражи Михайловича, фактически произошло обратное. Сразу после окончания Второй мировой войны, когда реалии глобального противостояния держав ещё только формировались, США были готовы проявить «добрую волю» и продемонстрировать свою готовность к разумному компромиссу, а может быть, и к «торгу». Дело Михайловича стимулировало установление полноценных дипломатических отношений между двумя странами. Каждая новая нота югославскому правительству всё больше и больше закрепляла официальные контакты Белграда и Вашингтона.

Когда 22 декабря 1945 г. исполняющий обязанности госсекретаря Дин Ачесон сделал заявление об установлении дипломатических отношений с Белградом де-факто, условием признания ФНРЮ де-юре было объявлено соблюдение новой югославской властью всех прежних международных обязательств Югославии [69]. Белград уступил лишь в апреле 1946 г. в самый разгар шумихи вокруг ареста Михайловича. 13 апреля вице-президент югославской республики Эдвард Кардель заявил, что белградское правительство будет придерживаться всех соглашений, заключённых предыдущими режимами, и уже 16 апреля Соединенные Штаты окончательно признали ФНРЮ де-юре, без каких-либо оговорок [70]. Вероятно, Вашингтон надеялся, что в Белграде этот «жест доброй воли», будет воспринят как стремление США к дальнейшей нормализации американско-югославских отношений и вынудит Югославию к ответному «шагу навстречу» в деле Михайловича. Но Тито, добившись своего, освободился от необходимости дальнейших уступок американцам.

В-третьих, даже если Михайлович был виновен в предъявленных обвинениях, смысл суда был не в том, чтобы наказать коллаборациониста. Это, без сомнения, был политический процесс, имевший целью легитимно уничтожить соперника в борьбе за власть. Было бы чудом, если бы суд нового режима признал Михайловича невиновным. Исходя из этого, суд следует оценить как несправедливый. Так как Соединенные Штаты не имели возможности законными средствами оказать действенную помощь Михайловичу, а режим Тито продемонстрировал своё пренебрежение к морали и праву, этот случай, возможно, повлиял на дальнейший выбор средств руководителями США. Вкупе с другими сюжетами периода генезиса холодной войны, дело четнического генерала могло склонить Вашингтон к преимущественному использованию силовых методов во внешней политике. Именно в конце 1940-х гг. в США произошло становление концептуальных основ политического реализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Congressional Record [Text]. Vol. 88. Proceedings and Debates of the 77th Congress: Second session. Washington: USGPO, 1942. P. A2597–A2598, A2972–A2973.
2. *Tomasevich, J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945 [Text] / J. Tomasevich. Vol. I. The Chetniks. Stanford: Stanford University Press, 1975. P. 215.
3. *Tomasevich, J.* Op. cit. P. 144–145; *Roberts, W.* Tito, Mihailovic and the Allies. 1941–1945 [Text] / W. Roberts. New Brunswick: Rutgers University Press, 1973. P. 53; *Howard, H.* Foreign Policy in the Second World War (1939–1946) [Text] / H. Howard // Yugoslavia / ed. by Robert J. Kerner. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949. P. 344.
4. *Ford, K.* OSS and the Yugoslav Resistance, 1943–1945 [Text] / K. Ford. College Station: Texas University Press, 1992. P. 177–178.
5. *Dedijer, V.* Tito Speaks [Text] / V. Dedijer. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1953. P. 255; *Maclean, F.* The Heretic [Text] / F. Maclean. N.Y.: Harper and Brothers, 1957. P. 275.
6. *Dedijer, V.* Op. cit. P. 255.
7. *Dedijer, V.* Op. cit. P. 255; The New York Times [Text]. 1946. March 20–31.
8. The New York Times [Text]. 1946. March 27.
9. Тексты всех цитируемых нот ранее не публиковались на русском языке.
10. Цит. по: *Larson, D.* United States' Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1963 [Text] / D. Larson. Washington: Univ. Press of America, 1979. P. 90.
11. Организация хорватских националистов. Основана Анте Павеличем в 1929 г. за границей (центры существовали в Италии, Австрии, Венгрии, Бельгии и других странах). В 1934 г. усташы убили югославского короля Александра I Карагеоргиевича и французского министра иностранных дел Луи Барту. После оккупации Югославии в 1941 г. при помощи Германии создали «Независимое государство Хорватия». В ходе освобождения страны в 1945 г. отряды усташей были разбиты, а лидеры объявлены военными преступниками. А. Павелич после капитуляции германских войск сумел бежать в Аргентину, умер в 1959 г. в Испании.
12. В английской транскрипции – Ljig.
13. Данное количество, равно как и количество американских лётчиков, спасение которых ставилось в заслугу Михайловичу, скорее всего, преувеличено. Вряд ли в период с 1942 г. немцы сумели сбить так много союзнических самолётов, чтобы из состава их экипажей удалось спасти около 2600 человек.
14. Цит. по: *Larson, D.* Op. cit. P. 91–92.
15. The New York Times [Text]. 1946. April 19.
16. The New York Times [Text]. 1946. April 28, 30.
17. Цит. по: *Larson, D.* Op. cit. P. 93–94.
18. Симич, Станойе – с января 1942 г. посол Югославии в СССР, затем, с 24 апреля 1945 г., посол в США.
19. The New York Times [Text]. 1946. May 23.
20. The New York Times [Text]. 1946. June 1.
21. Шубашич, Иван – до войны бан (губернатор) Хорватии, премьер-министр королевского югославского правительства с 1 июня 1944 г. до 7 марта 1945 г., в новом правительстве Тито занял пост министра иностранных дел, 11 октября 1945 г. подал в отставку.
22. Грол, Милан – лидер Сербской демократической партии, член югославского эмигрантского коро-

- левского правительства, вице-премьер в правительстве Тито с 7 марта по 18 августа 1945 г.
23. *Maclean, F.* Op. cit. P. 275–278.
24. The New York Times [Text]. 1946. April 14.
25. The New York Times [Text]. 1946. June 12.
26. The New York Times [Text]. 1946. May 23, June 4.
27. The New York Times [Text]. 1946. June 11.
28. The New York Times [Text]. 1946. June 14.
29. Newsweek [Text]. 1946. May 20. P. 40–41; Newsweek [Text]. 1946. July 8. P. 34, Newsweek [Text]. 1946. July 15. P. 40; Foreign Relation of United States: Diplomatic Papers [Text]. 1946. Vol. II: The Council of Foreign Ministers. Washington: USGPO, 1972. P. 506–507; *Rabel, R.* Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954 [Text] / R. Rabel. Durham, 1988. P. 90–91; *Novak, B.* Trieste, 1941–1954. The Ethnic, Political, and Ideological Struggle [Text] / B. Novak. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. P. 252–257; *Gormly, J.* From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945–1947 [Text] / J. Gormly. Wilmington: SR books, 1990. P. 155.
30. The New York Times [Text]. 1946. May 31, June 1, 13.
31. The New York Times [Text]. 1946. May 11.
32. The New York Times [Text]. 1946. June 20.
33. Макдауэлл, Роберт [McDowell, Robert H.] – подполковник, глава американской миссии при штабе четников с 26 августа до 1 ноября 1944 г.
34. Штаркер, Руди [Staerker, Rudi] – офицер германской разведки, эмиссар на переговорах с Михайловичем и Макдауэллом в середине сентября 1944 г.
35. The New York Times [Text]. 1946. June 12, 14.
36. The New York Times [Text]. 1946. June 14, 1946.
37. *Fotitch, C.* The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West [Text] / C. Fotitch. N.Y.: The Viking Press, 1948. P. 284; *Maclean, F.* Op. cit. P. 257.
38. *Fotitch, C.* Op. cit. P. 284.
39. *Martin, D.* Ally Betrayed [Text] / D. Martin. N.Y.: Prentice Hall, 1946. P. 343.
40. *Ford, K.* Op. cit. P. 127.
41. *Roberts, W.* Op. cit. P. 306–307.
42. *Auty, Ph.* Tito: A Biography [Text] / Ph. Auty. N.Y.: McGraw-Hill, 1970. P. 267.
43. Мольжевич, Стеван – сербский националист (по происхождению – боснийский серб), адвокат, один из лидеров четнического Центрального Национального Комитета.
44. Жуйович, Младен – сотрудник тайной полиции короля Александра I Карагеоргиевича, в межвоенный период участвовал в арестах и избиении коммунистов, член республиканской партии, в годы Второй мировой войны – один из лидеров четнического Центрального Национального Комитета, полковник, советник Д. Михайловича, представитель Армии на родине в югославском эмигрантском правительстве в Египте.
45. Топалович, Живко – один из лидеров четнического движения, до войны президент югославского Национального Конгресса, лидер югославской социал-демократической партии, известный журналист.
46. Йованович, Слободан – премьер-министр югославского эмигрантского правительства с 11 января 1942 г. до 10 августа 1943 г.
47. Пурич, Божидар – премьер-министр и министр иностранных дел эмигрантского югославского королевского правительства с 10 августа 1943 г. до 24 мая 1944 г., в 1946 г. приговорён к 16 годам лишения свободы.

48. Нинич, Момчило – министр иностранных дел югославского эмигрантского правительства С. Йовановича.

49. Живкович, Петар – генерал, начальник королевской охраны, с января 1929 г. первый премьер-министр королевства Югославия, в годы Второй мировой войны – министр без портфеля и исполняющий обязанности военного и военно-морского министра эмигрантского правительства.

50. Кнежевич, Радоје – министр юстиции югославского правительства с марта 1941 г. по январь 1943 г., оказывал большую поддержку Д. Михайловичу.

51. Гаврилович, Милан (Милован) – югославский посланник в СССР (первый после установления дипломатических отношений) с июня 1940 г. по январь 1942 г. 5 апреля 1941 г. в Москве подписал «Пакт о дружбе и ненападении» между СССР и Югославией.

52. Фотич, Константин – югославский посол в США до июня 1944 г.

53. Об отношении Вашингтона к силам югославского Сопротивления в годы войны см.: *Юнгблуд, В. Т. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг.* [Текст] / В. Т. Юнгблуд, А. А. Костин. Киров, 2004. С. 58–98.

54. Зейц, Альберт [Seitz, Albert B.] – подполковник, член миссии при штабе четников с 23 сентября 1943 г. до 14 марта 1944 г.

55. Мэнсфилд, Волтер [Mansfield, Walter R. M.] – капитан, член американской миссии при штабе четников с 18 августа 1943 г. по 29 января 1944 г.

56. Тодорович, Борислав – четнический капитан, офицер связи союзных миссий при штабе четников, военный атташе югославского посольства в Вашингтоне.

57. *Todorovich, B. J. Lost Words: A Memoir of World War II and the Yugoslav Tragedy* [Text] / B. Todorovich. N.Y.: Walker, 1989. P. 253–269; *Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947* [Text] / ed. by John O. Iatrides. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 460.

58. В немецкой транскрипции – Hermann Neubacher.

59. Джойс, Роберт [Joyce, Robert P.] – главный помощник американского посла в Белграде А. Лэйна до оккупации страны, глава секретных разведывательных операций УСС в Югославии в 1941–1945 гг., политический советник военного командующего Свободной территорией Триест после войны.

60. *Ford, K. Op. cit. P. 129–130; Martin, D. Op. cit. P. 272, 347–349; Tomasevich, J. Op. cit. P. 376; Roberts, W. Op. cit. P. 279.*

61. *Tomasevich, J. Op. cit. P. 453.*

62. Ibidem.

63. *Clissold, S. Whirlwind* [Text] / S. Clissold. N.Y.: Philosophical Library, 1949. P. 242; *Maclean, F. Op. cit. P. 284–285.*

64. Лукачевич, Воислав [Lukachevich, Voislav] – четнический командир, до мая 1944 г. являлся представителем Михайловича в Лондоне и Каире, затем на территории Югославии при поддержке англичан возглавил «Независимую группу национального Сопротивления».

65. Цит. по: *Larson, D. Op. cit. P. 97.*

66. *The New York Times* [Text]. 1946. July 16; *Maclean, F. Op. cit. P. 285.*

67. *Maclean, F. Op. cit. P. 285.*

68. *Larson, D. Op. cit. P. 98.*

69. *Fotitch, C. Op. cit. P. 320.*

70. *Larson, D. Op. cit. P. 87–88.*

США, СССР И КИТАЙ В 1945–1946 гг. (по материалам новейших документальных публикаций)

В статье на основе донесений советского посольства в Китае рассматриваются вопросы взаимоотношений КПК, Гоминьдана и представителя Вашингтона Дж. Маршалла.

Истоки холодной войны, роль и значение происходивших событий в отдельных регионах сразу после окончания Второй мировой войны остаются в центре внимания историков, о чём свидетельствуют многочисленные публикации последнего десятилетия [1]. Приоритетными для изучения по-прежнему являются процессы, предопределившие становление биполярного мира как геополитической основы холодной войны в Европе. Азиатский мир в контексте причин возникновения холодной войны исследован слабее, за исключением корейских событий.

Публикация документов по советско-китайским отношениям периода 1946–1950 гг. [2] из различных фондов Архива внешней политики РФ, а также из Архива Президента РФ (фонды Политбюро и И. В. Сталина) даёт возможность проследить, как возникал азиатский театр холодной войны, центром которого на начальном этапе был Китай. Многие из документов, вошедших в данную серию, были введены в научный оборот в исследованиях С. Тихвинского, А. Ледовского и других авторов [3]. Тем не менее они представляют большой интерес, так как дают возможность проследить работу советского посольства в Китае, проанализировать ту информацию, которая направлялась в Москву, оценить роль этой внешнеполитической структуры в формировании китайской политики Кремля на начальной стадии холодной войны. В связи с этим в статье за основу взяты в основном записи бесед советского посла в Китае А. А. Петрова и других работников дипломатической службы с различными представителями китайского правительства, общественных организаций, с главой американской посреднической миссии в Китае Дж. Маршаллом, с послом США Л. Стюартом.

Как известно, на Ялтинской конференции были достигнуты договорённости в отношении позиций СССР и США в Китае. Однако уже тогда выявились разные подходы Ф. Рузвельта и И. Сталина. Так, американский президент исходил из сохранения политики открытых дверей в

ВОРОБЬЕВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГУ
© Воробьева Т. А., 2007

этом регионе, а советский – из политики создания в Маньчжурии сферы советского влияния.

Рузвельта беспокоили амбиции Сталина в отношении Маньчжурии: он пытался добиться согласия на признание Порт Артура и Дайрена открытыми портами и передаче КВЖД в совместное советско-китайское управление. В результате получилась весьма расплывчатая формулировка, которая, на первый взгляд, свидетельствовала о достигнутом согласии, но в дальнейшем позволила Москве трактовать её в собственных интересах [4]. Британский министр иностранных дел А. Иден в связи с этим заметил, что Рузвельту «нет необходимости делать Сталину уступки, Москва и так вступит в войну» ради обеспечения своих послевоенных интересов на Дальнем Востоке [5]. Ялтинские соглашения свидетельствовали о тех максимальных пределах, на которые готовы были пойти Вашингтон и Лондон навстречу советским геополитическим претензиям. Причём, как отмечают авторы книги «Холодная война 1945–1953. Историческая ретроспектива», «обоснованность советских требований в свете исторического опыта геополитических интересов России» признавалась американской стороной. «Советские запросы на Дальнем Востоке, просчитанные задолго до их официального выдвижения, рассматривались как вполне резонные и умеренные» [6]. Авторы другой, не менее интересной работы «Системная история международных отношений», характеризуя ялтинские соглашения, приходят к выводу, что взгляды Москвы и Вашингтона совпали по отношению к Китаю как союзнику, о чём свидетельствовало согласие Сталина подписать договор о дружбе с Чан Кайши; на Ялтинской конференции были сформулированы принципы послевоенного устройства мира на Дальнем Востоке [7]. В то же время подходы сторон к этим принципам различались – СССР продемонстрировал свою заинтересованность в Маньчжурии и Синьцзяне, а США были озабочены созданием благоприятных условий для торговли с Китаем. Кроме того, Вашингтон исходил из того, что «Китай – основа будущего регионального порядка», Сталин же беспокоился о том, что именно «китайский вопрос грозил стать источником нестабильности в регионе» [8]. Г. Киссинджер, оценивая ялтинские договорённости по Китаю, отмечал, что «требование свободно распоряжаться портами Дайрен и Порт Артура и получить право на управление маньчжурскими железными дорогами бралось прямо из царско-империалистических прописей начала века. И потому наименее доступным пониманию является решение Рузвельта в Ялте пойти на удовлетворение всех этих требований и оформить их секретным соглашением, которое предусматривало возвращение Москве господствующей роли в Маньчжурии» [9].

Ялтинско-потсдамский порядок ассоциировался скорее со сговором сильных, чем с их противостоянием. Как пишет А. Богатуров, «сразу же после окончания Второй мировой войны двупольности как устойчивой модели ещё не было». Эта мысль отечественного исследователя хорошо иллюстрируется на примере позиций США и СССР по китайскому вопросу в конце и первый год после окончания войны. Однако уже в это время начинает зарождаться «встречная эскалация» советских и американских геополитических претензий, что привело к конфронтационным отношениям двух держав в Восточной Азии [10]. Они формировались постепенно в период 1945–1947 гг. На основе представленных в публикации документов проследим процесс размежевания позиций Москвы и Вашингтона по таким проблемам, как маньчжурская, переговоры между КПК и Гоминьданом, посредническая миссия Дж. Маршалла, спор о военных трофеях.

Основной проблемой в китайской политике Москвы и Вашингтона были переговоры между Гоминьданом и КПК, которые должны были привести к созданию коалиционного правительства и тем самым позволили бы избежать новой гражданской войны. С этой целью в Китай в конце декабря 1945 г. был направлен Маршалл. Однако американский исследователь проблем холодной войны К. В. Томпсон считает, что «миссия Маршалла в Китай преследовала цель оказания Чан Кайши необходимой военной помощи для установления гражданской власти на севере», который был в тот момент под контролем коммунистов [11]. Д. Ачесон в своих мемуарах пишет, что Маршалл по приезде в Китай отправил Бирнсу телеграмму, в которой спрашивал, можно ли «сравнить проблемы, которые возникли у Чан Кайши в его отношениях с русскими в Маньчжурии, с теми, которые возникли у США в Европе». Бирнс сообщил, что «советские войска в Маньчжурии находятся по просьбе Национального правительства», и высказал «уверенность, что Сталин будет соблюдать договор и не будет мешать нашим усилиям объединить Китай» [12]. Таким образом, основная цель визита Дж. Маршалла состояла в предотвращении гражданской войны в Китае. Это определило характер его деятельности в Китае почти в течение года и содержание его бесед как с советским послом, так и с представителем КПК – Чжоу Эньлаем.

В начале января 1946 г. в Москву с просьбой о посредничестве в переговорах с коммунистами приехал сын Чан Кайши – Цзян Цзинго. Как отмечает Р. А. Мировицкая, Мао Цзэдун, очевидно, был встревожен визитом сына Чан Кайши в Москву и просил выяснить позиции Кремля в отношении ситуации в Китае [13]. Первого января 1946 г. состоялась беседа 1-го секретаря по-

сольства СССР в Китайской республике А. М. Ледовского с представителями КПК. Цель беседы – прояснить мнение советской стороны по поводу переговоров КПК с Гоминьданом, уточнить, «следует ли соглашаться на участие в переговорах Маршалла, поскольку это означает прямое вмешательство США во внутренние дела Китая, от которого коммунисты ничего хорошего не ожидают» [14]. В посольстве заняли уклончивую позицию – этот вопрос коммунисты должны решать самостоятельно. На встрече китайцы информировали посла о заинтересованности Маршалла ситуацией в Маньчжурии. На это был дан ответ – говорить о Маньчжурии пока ещё преждевременно. Мы не знаем, как прореагировал Мао, но С. А. Тихвинский, ссылаясь на другие источники, пишет, что Чжоу сообщил Мао, что ЦК ВКП(б) «не может высказать какой-то конкретной точки зрения», и предложил КПК «сосредоточиться на предотвращении гражданской войны и добиваться согласия Чан Кайши на осуществление демократии» [15].

О позиции Сталина можно судить по записи беседы советского лидера с А. Гарриманом, состоявшейся 23 января [16]. Гарриман спросил Сталина, как дела в Китае? Тот ответил, что недавно беседовал с сыном Чан Кайши, который просил о посредничестве в отношениях с коммунистами. В ответ Сталин сказал, что советское правительство «признаёт Национальное правительство в качестве правительства в Китае», оно не уверено, что коммунисты примут его совет. Ему кажется, что китайские коммунисты расходятся с позицией Советского Союза по Китаю. «Советское правительство не желает посредничать, ибо это лишь поставит его в затруднительное положение». На вопрос Гарримана «возможно ли соглашение между КПК и Гоминьданом?» Сталин ответил, что «глубоких расхождений между Гоминьданом и коммунистами нет, поскольку последние не стоят за «советизацию Китая», а хотят лишь его демократизации. Далее Сталин заявил, что контакты с коммунистами очень слабые. По поводу коалиционного правительства он высказался следующим образом: «Коммунисты и Чан Кайши стремятся установить демократию в Китае, но различными путями. Чан Кайши с этим не спешит. Между обеими сторонами существует недоверие – Чан Кайши не верит Мао, а тот не верит Чану. В этом одно из главных препятствий к достижению соглашения. Нет глубоких разногласий, разногласия в темпах демократизации.

Как отмечает В. Печатнов, Сталин перед американцами проводил линию на подчёркивание своего дистанцирования от китайских коммунистов [17]. Документы подтверждают этот вывод. На встрече советского посла А. А. Петро-

ва с Чэнь Лифу, представителем правой группировки в Гоминьдане, на замечание китайца, что все неприятности в отношениях между СССР и Китаем происходят из-за коммунистов, посол ответил, что нельзя смешивать «межпартийные отношения в Китае и отношения между Советским Союзом и Китаем в один вопрос» [18]. Советское правительство «имеет дипломатические отношения не с коммунистами, а с центральным правительством», что очень обрадовало Чэнь Лифу (отмечено в документе).

В то же время документы свидетельствуют о том, что контакты с коммунистами были постоянными, но в 1946 г. встречались с представителями КПК, как правило, работники посольства, но не сам посол. Исключение составил Чжоу Энлай, который входил в комиссию трёх [19] и являлся постоянным информатором советского посольства. Посла интересовало, как руководство КПК относится к миссии Маршалла. Чжоу Энлай в беседах с послом, особенно в первой половине 1946 г., высоко оценивал присутствие американцев в Китае, считал, что посредничество Маршалла позволило избежать крупных военных столкновений. Маршалл предлагал перенести основные вооружённые силы КПК в Северный Китай, а в Маньчжурии оставить лишь часть. Кроме того, Маршалл даже предложил включить одну коммунистическую дивизию в состав китайских оккупационных сил в Японии. Положительно оценил и заявление со стороны Вашингтона о выделении военной американской помощи 10 коммунистическим дивизиям. В беседе 27 июня Чжоу даёт следующую оценку сложившейся ситуации: Маршалл прекрасно понимает, что КПК не примет условий Гоминьдана, а Гоминьдан – КПК, понимает, что возобновление гражданской войны может привести к вмешательству трёх великих держав в дела Китая, а это невыгодно для США. Поэтому он оказывает давление на тех и других. По мнению Чжоу, позиции КПК и Маршалла более совпадают, чем позиции Гоминьдана и Маршалла [20]. Однако на встрече с советским послом 31 июля тональность оценки Чжоу Энлая миссии Маршалла была уже иной. Он сказал, что симпатии Маршалла теперь полностью на стороне Чан Кайши, что американский генерал считает, что Гоминьдану надо попытаться с помощью силы отнять у коммунистов ряд важнейших пунктов. Если это не удастся сделать, тогда можно будет говорить о компромиссном соглашении между двумя партиями. Обращаясь к послу, Чжоу Энлай сказал, что надо дать почувствовать Маршаллу и Стюарту (послу США в Китае), что их политика не приведёт к хорошим результатам. Придёт время, когда коммунисты скажут Маршаллу: «Вы не справились со своей миссией. Но смогли бы добиться

мира. Вам придётся изыскивать другие способы прекращения гражданской войны». На что Петров ответил, «что едва ли есть смысл заявлять Маршаллу и Стюарту, что если они не будут действовать, то потерпят фиаско», тем более, что его (Маршалла. – Т. В.) позиция определяется общей американской политикой помощи Гоминьдану» [21]. Изменение оценок миссии Маршалла было связано с событиями, происходившими с января по июнь 1946 г. 10 января было подписано соглашение о коалиционном правительстве и прекращении военных действий. Однако в марте Чан Кайши начал наступление в Маньчжурии, заявил о непризнании власти коммунистов в освобождённых районах. В апреле Маньчжурию охватила гражданская война.

Осенью 1946 г., когда коммунисты заняли по существу непримиримую позицию в отношении созыва Чан Кайши Национального Конгресса для принятия новой конституции, Маршалл обратился к Чжоу Энлаю с вопросом: «Считают ли они [коммунисты] необходимым пользоваться в дальнейшем его услугами?». Как сообщил Дж. Маршалл Петрову, ответа от КПК он не получил, но высказал сожаление по поводу неоправданного, по его мнению, недоверия коммунистов в отношении американцев. В этой же беседе он объяснил причины своего отказа от продолжения посреднической миссии: это не только антиамериканизм коммунистов, но и нежелание Чан Кайши выполнять его рекомендации, направленные на продолжение переговорного процесса. «Китайцы с ним не посчитались» [22]. Л. Стюарт в своих беседах с Петровым, ссылаясь на нежелание коммунистов идти на уступки, надеялся, что «Советский Союз наряду с США примет участие в разрешении китайской проблемы» [23]. Советский посол в свою очередь давал понять, что «китайская проблема может быть разрешена, но Гоминьдан получает систематическую помощь третьей стороны» (очевидно, намёк на США. – Т. В.). В ответ американский посол заявлял, что «Маршалл делает всё возможное, чтобы приостановить расширение военных действий» и в качестве доказательства приводил аргументы – США приостановили предоставления займа, в последние месяцы (сентябрь – октябрь) прекратили военные поставки.

Через два дня после встречи с Л. Стюартом советский посол беседует с Чжоу Энлаем, который даёт другую информацию: «Американцы продолжают помогать, хотя делают всё ещё вид, что играют роль посредника» [24]. Объясняя отказ принять рекомендации Маршалла, Чжоу ссылается на то, что условия не устраивают КПК, так как их выполнение усилит позиции Чан Кайши и инициатива в переговорном процессе перейдёт к Гоминьдану. Гоминьдановский генерал

Ли Цзунжэнь в беседе с генеральным консулом в Пекине А. Ледовским (встреча состоялась 17 декабря), анализируя сложившуюся ситуацию, делает вывод: «Трудности в достижении компромисса между КПК и Гоминьданом объясняются сложностью международного положения и наличием противоречий между СССР и США, у которых КПК и Гоминьдан ищут соответственно опоры» [25]. В американской историографии распространён тезис о том, что китайские коммунисты «отдали бы себя в руки США», если бы Вашингтон одобрил их позицию [26].

Советское посольство в Китае последовательно проводило линию Москвы – не давать повода для обвинения во вмешательстве во внутренние дела в Китае. В то же время известно, что именно в это время и формировалась революционная база в Северной Маньчжурии, которая сыграла важную роль в победе коммунистов. Упрёк в адрес политики советского военного командования в Северной Маньчжурии прозвучал со стороны директора западно-азиатского департамента МИД Китайской республики в беседе с советником посольства Н. Федоренко: советское командование фактически препятствовало установлению власти гоминьдановского правительства в этом регионе [27]. Не случайно Чан Кайши позже говорил, что давление, оказываемое на него со стороны США и СССР, лишило его возможности использовать превосходство сил в начальный период после окончания войны, в результате чего Гоминьдан упустил шанс. Ачесон, оценивая политику Сталина в Китае, считал, что она сводится «к установлению преобладающего влияния в Китае с помощью политики невмешательства»; отношения между Москвой и КПК существуют, но они сложные» [28].

Интерес представляют документы, в которых раскрываются непростые отношения между американцами и Чан Кайши. Например, он не прореагировал на телеграмму Г. Трумэна о необходимости создания коалиционного правительства. В ответ на это Маршалл отказался от посреднической роли и предложил Гоминьдану вести переговоры с КПК непосредственно. Трумэн инициировал временное прекращение поставок ЮНРРА (Администрации ООН по помощи и восстановлению). Чан Кайши был глубоко возмущён действиями Трумэна, полагая, что тот слишком «далеко зашёл в своём вмешательстве во внутренние дела Китая», но при этом заметил, что «борьба против КПК не в меньшей степени нужна также и США». Недоволен он был и назначением послом Стюарта, а не Ведемейера [29].

В опубликованной впервые беседе первого секретаря посольства Федоренко с Маршаллом (8 янв. 1946 г.) последний дал характеристику китайским политическим партиям [30]. Так, он

высказал неудовлетворение тем, что все его китайские собеседники склонны к глубокомысленным рассуждениям, лишённым всякой реальной почвы. Все китайцы без исключения придерживаются единого мнения о демократизации страны, но никто не предлагает конкретных путей. Всё это удаляет Китай от демократии. Однако Гоминьдану, по его мнению, было суждено сыграть решающую роль в демократизации (какой просчёт!). Генерал скептически оценил Демократическую Лигу. Правда, после отъезда из Китая в начале 1947 г., признавая свою миссию неудачной, он говорил, что «спасение ситуации... было бы в передаче руководства либералам из правительства и лидерам мелких партийных групп» [31]. Коммунистическую партию он характеризовал как наиболее организованную и целеустремлённую партию, но считал, что её программа не отвечает интересам широких народных масс, полагал что среди народа не могут быть популярными лозунги вооружённого свержения существующего правительства. Он выступил против проведения свободных выборов в Национальное собрание, так как, по его мнению, общество было к ним не готово. Основы демократии, на его взгляд, в Китае должны быть заложены сверху. В качестве примера Маршалл привёл Филиппины, где создание демократической базы было осуществлено «почти в приказном порядке». В беседах с лидерами Демократической Лиги он снова подчеркнул, что, поскольку китайский народ в культурном и политическом отношении является исключительно отсталым, демократические преобразования надо проводить медленно [32]. Образцом демократии для Китая должны стать США и Англия, а не Советский Союз.

Генерал Гиллем, член американской посреднической миссии в Пекине, считал, что «у китайцев нет чувства ответственности за обязательства, которые они берут на себя». Конечно, такие высказывания американцев вызывали неодобрение у китайской общественности. Тем не менее представители различных политических течений, в том числе и коммунисты, на первом этапе переговоров о создании коалиционного правительства признавали роль американцев. Однако по мере провала американских усилий по примирению КПК и Гоминьдана оценки менялись. В декабре 1946 г. некоторые представители китайской власти считали, что необходимое условие для урегулирования китайской проблемы – полное невмешательство во внутренние дела иностранных государств» [33]. В заявлении американского президента Г. Трумэна от 18 декабря 1946 г., переданном уже государственным секретарём Дж. Маршаллом В. М. Молотову, вина за срыв переговорного процесса полностью возлагалась на КПК, присутствие значительного количества американских воору-

жённых сил в Китае обосновывалось необходимостью оказания помощи китайскому правительству в принятии капитуляции японской армии [34]. Во время беседы с Петровым 24 октября Стюарт говорит о том, что фундаментальных разногласий у участников переговоров нет. Главное препятствие – «традиционное подозрение и взаимное недоверие». В январе 1947 г. он уже констатирует провал попыток восстановить мирные переговоры, сожалеет, что у руководителей обеих партий «слабое понимание демократии», что они руководствуются своими политическими интересами. Заметил, что «нужно стараться, чтобы события в Китае не затрагивали и не ухудшали советско-американских отношений», поэтому он очень обеспокоен появившимися в американской прессе материалами о советско-американских противоречиях в Китае и предложениях о том, чтобы «США оказали противодействие русским в Китае» [35].

Из беседы советского посла с австралийским посланником Копландом мы узнаём об оценке ситуации в Китае «третьего лица». Он сделал вывод, что «американцы просчитались в своих действиях», «американское вмешательство сыграло отрицательную роль в ходе внутривнутриполитических событий», «американцы не понимают Китая и ошибаются в Китае», и высказал сомнение в победе Гоминьдана. О безнадежности ситуации в Китае говорил и посол Великобритании в Китае Стивенсон. Он считал, что жёсткая позиция коммунистов осенью 1946 г. обусловлена их расчетами на «экономических крах», в результате чего позиции Чан Кайши будут резко ослаблены, чем и воспользуется КПК. Естественно, А. Петров опроверг это утверждение [36].

Большой интерес американская сторона проявляла к Маньчжурии. Маршалл внимательно следил за развитием ситуации в Маньчжурии, которая была достаточно сложной. В послевоенном устройстве этого края хотели участвовать многие политические силы – СССР, США, ГМД, КПК. Однако в Маньчжурии была собственная политическая элита, которая отнюдь не стремилась передать власть в руки Чан Кайши. Многие уроженцы края служили в частях Красной армии Китая. Осенью 1945 г. они совместно с партизанскими отрядами создали народную армию самообороны. В начале января 1946 г. она стала частью Объединённой демократической армией, куда вошли и части 8-й и 4-й Народной-революционных армий. Именно ей было передано японское оружие. В беседе с советским послом маньчжурские деятели сообщили, что они направили Маршаллу свои предложения – предоставление народу Маньчжурии демократических прав, вывод гоминьдановских и коммунистических войск, освобождение Чжан Сюэяна [37]. На встрече с

ними Маршалл задал вопрос, кто же будет поддерживать порядок и заниматься ликвидацией остатков японских войск в Маньчжурии. Ему ответили, что будет создана народная демократическая власть и отряды самообороны. В правительство будут допущены все партии, но доминирующее положение займут беспартийные. Как следует из документа, Маршалл никак не прореагировал. Население Маньчжурии было настроено в пользу передачи власти Чжан Сюэляну. Однако Чан Кайши его не отпускал, опасаясь, что он перейдет на сторону КПК.

Помимо политических вопросов, связанных с Маньчжурией, американцев беспокоила судьба японской собственности в Маньчжурии, торговля, участие в экономическом развитии региона. 11 февраля Правительство США направляет ноту в НКВД СССР, в которой напоминает, что в основе американской политики лежит принцип открытых дверей [38]. Нота была связана с тем, что между должностными советскими лицами в Маньчжурии и Китайским правительством велись переговоры по вопросу о судьбе промышленных предприятий в Маньчжурии и контроле над ними. По мнению Вашингтона это нарушало ялтинские договоренности, в которых речь шла о контроле над КВЖД, а не над промышленными предприятиями. США и другие державы должны были иметь равный доступ к участию в экономическом развитии региона. По мнению американской стороны, переговоры свидетельствуют о явной дискриминации в отношении США.

Американцы исходили из того, что вопрос о промышленных предприятиях в Маньчжурии должен быть связан с вопросом о японских репарациях, так как большая часть предприятий – японская собственность. В связи с этим американское правительство предлагает создать Межсоюзную репарационную комиссию для Японии, чтобы принять решение о распределении японских внешних активов между различными государствами-претендентами. В ноте посольства США от 9 марта 1946 г. выражалось беспокойство по поводу заявления Советского правительства, что все японские предприятия в Маньчжурии являются советскими военными трофеями, что советская сторона намерена Китаю передать лишь часть, а остальные объекты, в том числе электростанции, угольные шахты, металлургические заводы, предприятия химической и цементной промышленности, должны совместно эксплуатироваться; указывалось, что с этим не согласно и китайское правительство, так как это предложение выходит за пределы советско-китайского договора. Кроме того, двусторонние советско-китайские переговоры об эксплуатации значительной части промышленных предприятий Маньчжурии игнорируют американские интересы.

Американское правительство затребовало подробные отчетные данные о вывозе промышленных предприятий из Маньчжурии. В заключение было отмечено, что советско-китайские переговоры по вопросам японской собственности могут вестись только после полного восстановления власти гоминьдановского правительства в Маньчжурии. Примерно такой же позиции придерживался и Чан Кайши, который считал, что переговоры можно вести только после полного вывода советских войск.

В беседе с советским послом министр финансов правительства Чан Кайши заявил, что простого провозглашения принципа суверенитета Китая над Маньчжурией недостаточно, для этого должны быть предприняты реальные шаги. Однако в отношениях между СССР и Китаем в этом вопросе есть недопонимание. Далее он заявил, что маньчжурская проблема – это не только проблема взаимоотношений Гоминьдана и КПК, Китая и СССР, но и взаимоотношений Китая и СССР с Европой и Америкой. Одновременно в беседе министр высказал своё мнение по поводу того, что нельзя идти на уступки некоторым иностранным державам (т. е. Америке), поскольку их военная и экономическая помощь чревата серьёзными для Китая последствиями в будущем. Эта беседа примечательна тем, что она отражает наличие разных мнений в правительстве Чан Кайши в отношении американцев.

22 февраля в Чунцине произошла антисоветская демонстрация по поводу задержки вывода советских войск из Маньчжурии. Во время демонстрации было сделано заявление, что китайское правительство не остановится перед войной, если не удастся сохранить суверенитет Маньчжурии. В ноте советского посольства было обращено внимание на то, что задержка американских войск в Китае не вызывает почему-то такого протеста в китайской печати, хотя согласно решениям Московской конференции министров иностранных дел предусматривался вывод и тех и других.

Вскоре последовало опровержение, что такого заявления не было и что Чан Кайши к этой демонстрации не имеет никакого отношения. Однако представители гоминьдановского правительства в Маньчжурии демонстративно покинули район. Одновременно возник инцидент с группой американских журналистов, задержанных советскими властями в Мукдене [39].

На переговорах по экономическим вопросам, которые возобновились в апреле, так как приближался срок окончательного вывода советских войск, возникли расхождения в позициях советской и китайской стороны: советская сторона рассматривала созданную Японией промышленность в Маньчжурии как военный трофей, ки-

тайская исходила из того, что это часть репараций Японии Китаю и из неё Китай может выделить какую-то долю Советскому Союзу. Китайская сторона была недовольна тем, что часть оборудования предприятий уже была вывезена в Советский Союз. Поэтому переговоры об экономическом сотрудничестве шли очень трудно. Советское правительство возражало против того, что советская часть репараций будет рассматриваться как уступка со стороны Китая. Китайская сторона в свою очередь была против создания совместных предприятий первой категории.

На переговорах министр иностранных дел Китая Ван Шицзя заявил, что советско-китайскому экономическому сотрудничеству мешает присутствие в Маньчжурии незаконных вооружённых формирований (речь шла о коммунистических частях и маньчжурских ополченцах). Кроме того, он указал, что центральное правительство не контролирует многие районы, где находятся японские предприятия, и ничего не знает об их состоянии. Поэтому решать вопрос о совместном управлении этими предприятиями пока рано. Одновременно министр высказал пожелание, чтобы советское военное командование оказало содействие правительственной армии в занятии ряда районов.

На очередную американскую ноту о нарушении принципа открытых дверей советская сторона вновь заявила, что создание совместных советско-китайских предприятий в Маньчжурии никакого отношения к политике открытых дверей не имеет.

Проблема военных трофеев, которая возникла во время советско-китайских экономических переговоров, затрагивала интересы всех трёх сторон. Причём их позиции не совпадали. Гоминьдан исходил из того, что это китайская собственность и ею вправе распоряжаться только центральное правительство. Советская сторона не была заинтересована идти навстречу требованиям Чан Кайши, так как это означало бы усиление позиций Гоминьдана на границах с СССР и ослабление позиций КПК. Вашингтон проявлял недовольство и позицией Чан Кайши, который вступил в переговоры с советской стороной, и позицией СССР, который нарушал принцип открытых дверей.

Интерес к теме военных трофеев внезапно проявился в КНР в год 50-летия со дня окончания Второй мировой войны. В 1995 г. в Пекине состоялась научная конференция «Тенденции в развитии советско-китайских отношений после Второй мировой войны». В основном докладе было высказано несогласие с действиями Советского Союза в 1946 г. Докладчик оценил общую стоимость вывезенного из Маньчжурии имущества на сумму от 895 млн до 2,2 млрд дол. Фэр-

бэнк также оценивал вывезенное имущество в 2 млрд дол. Советские историки опровергают эти данные. 4 июля 1949 г. в беседе со Сталиным Лю Шаоци, касаясь вопроса о вывезенном трофейном имуществе, сказал: «Советский Союз действовал совершенно правильно» [40].

Ещё одним поводом для разногласий была проблема ввода правительственных войск в Маньчжурию вместо уходящих советских. Решение этого вопроса Чан Кайши связывал и с экономическими переговорами, и с переговорами между Гоминьданом и КПК. Он заявил Маршаллу, что переговоры с КПК возобновит только после того, как гоминьдановская армия займёт Чанчунь – ворота в Маньчжурию; он утверждал, что если коммунисты захватят Чанчунь, то тогда Маньчжурия закроется не только для Гоминьдана, но и для американцев. Маршалл предложил Чжоу Эньлаю пойти на некоторые уступки – согласиться на вступление гоминьдановцев в отдельные пункты. Однако Чжоу ответил, что КПК этот вопрос не рассматривает. Кроме того, КПК считала, что нарушено соглашение от 25 февраля о равном соотношении сил в Маньчжурии. Маршалл оказался в довольно трудном положении. Он, конечно, не хотел, чтобы «Америка потеряла лицо», и вступил в переговоры с Демократической Лигой, хотя оценивал её руководство не очень высоко. Просил, чтобы она убедила коммунистов не создавать однопартийного правительства в Маньчжурии. В переговорах с ДЛ коммунисты заявили, что они не собираются создавать однопартийное правительство, готовы сотрудничать с Гоминьданом, но никогда не допустят превращения Маньчжурии в антикоммунистическую базу.

Итак, в данной статье мы рассмотрели небольшую часть документов периода 1946 г. Но и они дают представление о тех материалах, которые включены в этот фундаментальный труд отечественных китаеведов. Выборочный анализ документов свидетельствует об очень внимательном рассмотрении событий в Китае советскими дипломатами. Используются разные источники информации, советские дипломаты очень осторожны в оценках событий, чётко придерживаются, по существу, одной линии. Вопросы, которые задаются, свидетельствуют об интересе к определённым темам – отношению коммунистов к посреднической миссии Дж. Маршала, соотношению вооружённых сил КПК и Гоминьдана, характеристикам отдельных политиков. В то же время посольство занимает твёрдую позицию во всех вопросах, которые касались геополитических интересов СССР в Маньчжурии. Несмотря на то, что беседы проходили в спокойном тоне, в этот период обозначаются разные подходы в оценках политической ситуации в Китае. Уже в

1946 г. Государственный департамент так оценивал советскую политику в Китае: «Цель Советского Союза в Китае состоит в том, чтобы вытеснить влияние США из Китая и заменить его влиянием Москвы» [41]. Дж. Кеннан пишет: «США не считали, что могли воспрепятствовать приходу коммунистов к власти в Китае. Правительство США допустило ряд ошибок, но главная причина – слабость правительства Чан Кайши, которую нельзя было исправить даже путём оказания помощи» [42]. В отличие от ситуации в Восточной Европе, где преобладал идеологический подход, в Китае советско-американские и советско-китайские отношения в 1946 г. изначально строились на основе баланса сил и интересов. Влияние оказал и фактор контактов Вашингтона с КПК, начиная с 1944 г. учитывался характер руководства коммунистической партии Китая. Как показали последующие события, вашингтонские политики ошиблись в своих расчетах. Что касается позиции Сталина, то он проявлял осторожность в политике на Дальнем Востоке и демонстрировал верность принципу невмешательства во внутренние проблемы Китая. В то же время реальная политика Москвы свидетельствовала об отходе от советско-китайского договора 1945 г. (создание Маньчжурской революционной базы), о поддержке КПК.

Примечания

1. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. [Текст] / В. О. Печатнов. М., 2006; Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива [Текст]: сб. ст. М., 2003; Уткин, А. Мировая холодная война [Текст] / А. Уткин. М., 2005; и др.
2. Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Советско-китайские отношения. Т. 5. 1946–1950 [Текст]. М., 2005.
3. Тихвинский, С. А. Путь Китая к объединению и независимости 1898–1949 [Текст] / С. А. Тихвинский. М., 1996; Ледовский, А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952 [Текст] / А. М. Ледовский. М., 1999; Он же. СССР, США и китайская революция глазами очевидца 1946–1949 [Текст]. М., 2005.
4. См.: Системная история международных отношений [Текст]: в 4 т. 1918–2003. Т. 3. События 1945–2003. М., 2003. С. 110.
5. Бернс, Д. М. Франклин Рузвельт. Человек и политик [Текст] / Д. М. Бернс. М., 2004. С. 584.
6. Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. С. 26.
7. Богатуров, А. Д. Великие державы на Тихом океане [Текст] / А. Д. Богатуров. М., 1997. С. 70–71.

8. Системная история международных отношений... С. 113.
9. Киссинджер, Г. Дипломатия [Текст] / Г. Киссинджер. М., 1997. С. 373.
10. Богатуров, А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений [Текст] / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. М., 2002. С. 120.
11. *Tompson, K. W.* Cold War. Theories [Text] / K. W. Tompson. L., 1981. V. 1. P. 134.
12. *Acheson, D.* Present at the Creation. My years the State Department [Text] / D. Acheson. N. Y., 1968. P. 202.
13. Русско-китайские отношения... Кн. 2. С. 476.
14. Там же. Кн. 1. Док. 1.
15. Цит. по: Тихвинский, С. А. Путь Китая к объединению и независимости... С. 406–407.
16. Русско-китайские отношения... Док. 13.
17. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн... С. 405.
18. Русско-китайские отношения... Док. 73. С. 119.
19. Комиссия трех была создана под председательством Дж. Маршалла в составе представителя КПК (Чжоу Эньлай) и представителя Гоминьдана (Чжан Цюань).
20. Русско-китайские отношения... Док. 77. С. 124–125.
21. Там же. Док. 93. С. 147.
22. Там же. Док. 145.
23. Там же. Док. 113, 124, 131 и др.
24. Там же. Док. 132.
25. Там же. Док. 151.
26. См. *Taker, N. B.* Patterns in the Dust. Chinese-American Relation and the Recognition Controversy, 1949–1950 [Text] / N. B. Taker. N. Y. 1983. С. 46.
27. Русско-китайские отношения... Док. 147.
28. *Acheson, D.* Present at the Creation. My years in the State Department [Text] / D. Acheson. P. 202.
29. Русско-китайские отношения... Док. 86.
30. Там же. Док. 6.
31. Цит. по: Белоусов, С. Р. Буржуазные либералы в Китае [Текст] / С. Р. Белоусов // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 2. С. 101.
32. Русско-китайские отношения... Док. 8.
33. Там же. Док. 150, 151.
34. Там же. Док. 153. С. 224, 225.
35. Там же. Док. 131, 164.
36. Там же. Док. 125, 176.
37. Там же. Док. 35, 9.
38. Там же. Док. 8.
39. Там же. Док. 26, 29, 176.
40. Прим. к Док. 33. С. 484; Док. 491. Указ. соч. Кн. 2. С. 161.
41. Цит. по: Ледовский, А. М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца... С. 62.
42. Кеннан, Дж. Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джозефа Кеннана [Текст] / Дж. Кеннан. М., 2002. С. 269.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К. З. Акопян

ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЕГО ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

В статье рассматривается вопрос об интерпретации предмета культурологии. Сопоставляя различные точки зрения, автор приходит к выводу о неправомерности ограничения сферы интересов этой научной дисциплины исключительно культурой. Опираясь на тезис А. Вебера о возможности структурирования «духовно-культурной сферы», автор предлагает включить в предмет культурологии помимо культурной и цивилизационной ее составляющих некую третью величину, определяемую им как некультура-нецивилизация.

Автор считает, что о ценностях, т. е., по большому счету, о культуре, мы можем судить благодаря сопоставлению их не только с другими ценностями, но и с явлениями, в ценностном отношении нейтральными и даже с антиценностями, которые зачастую становятся, к примеру, предметом художественного осмысления, т. е. вовлекаются в культурный контекст. Как эстетика изучает и прекрасное, и безобразное, а этика – и добро, и зло, так и культурология должна изучать как позитивные достижения общества, так и негативные проявления его жизнедеятельности, не только собственно культуру, но и внекультурные процессы и явления. Существенным, с точки зрения автора, является то, что предметом культурологии следует признать весь мир, воспринимаемый *sub specie culturae*.

Как известно, многие вопросы, так сказать, внутреннего устройства и «обустройства» культурологии продолжают оставаться остродискуссионными или, по крайней мере, все еще не получившими если и не окончательных, то хотя бы «общепризнанных» ответов. – Что ж, учитывая «нежный» (в историко-культурном отношении) возраст этого относительно нового персонажа грандиозной эпопеи под названием «Научная комедия» (это название, естественно, следует толковать в духе О. Бальзака, а может, и Данте, но не Аристофана), создавшуюся ситуацию следует оценивать как вполне естественную и закономерную. – И в настоящей работе я предполагаю остановиться на одном из подобных вопросов, а именно на вопросе о *предмете культурологии*.

Начну с того, что, попытавшись, так сказать, суммировать разные определения последнего (содержащиеся преимущественно в многочисленных учебниках и учебных пособиях по культуроло-

гии), я обнаружил не слишком пеструю картину. Тем не менее она, на мой взгляд, имеет все основания стать поводом для размышлений или, как минимум, сыграть по отношению к последним роль точки отсчета. В результате проведенной «инвентаризации» (не слишком подробной и не претендующей на хотя бы относительную полноту) встретившихся мне дефиниций, я расположил их в определенной последовательности, точнее – в соответствии со степенью присущей им сложности («развернутости») [1].

Выстраивание этой гипотетической иерархии мне пришлось начинать, так сказать, с отрицательного уровня [2], а именно с фиксации позиции теоретиков, которые, по большому счету, вообще отказывают культурологии в праве на самостоятельное существование. Вот, к примеру, деликатное выражение подобной точки зрения: «Видимо, неправильно понимать под культурологией какую-то уже окончательно сложившуюся науку с четко выделенными дисциплинарными границами и полностью оформившейся системой знаний. Культурология, скорее, – некоторое суммарное обозначение целого комплекса разных наук, изучающих культурное поведение человека и человеческих общностей на разных этапах их исторического существования» [3]. В результате вопрос о предмете культурологии как автономной области знания, по существу, просто снимается – за ненужностью. Однако в связи с процитированным высказыванием мне хочется обратить внимание, во-первых, на пусть и неявно, но все же содержащееся в нем определение предмета культурологии (интерпретируемой, правда, всего лишь как «комплекс разных наук») – это «*культурное поведение человека и человеческих общностей на разных этапах их исторического существования*», во-вторых, на его, этого определения, достаточно своеобразный, можно сказать, бихевиористский характер, а в-третьих, на напрашивающийся вывод о том, что поведение, *выходящее за рамки культурного*, из предмета упоминавшегося комплекса наук исключается. Забегая вперед, отмечу, что к сути последнего замечания мы еще вернемся.

Следующую ступень «иерархии» можно было бы столь же условно назвать уровнем «зеро», поскольку определение предмета культурологии здесь не дается вообще [4], а к уровню, столь же условно называемому мной минималистским – в

АКОПЯН Карен Завенович – доктор философских наук, профессор МПГУ (Москва)
© Акопян К. З., 2007

силу предельно ограниченного количества информации, содержащейся в предлагаемых авторами соответствующих работ дефинициях, можно отнести пособия, начинающиеся с главы, которая называется, к примеру, «Культурология как наука о культуре» (возможны не слишком отличающиеся друг от друга варианты этого названия). При этом в самом тексте либо определение предмета «заглавной» науки отсутствует, либо, в «лучшем» случае, повторяется название главы, что, естественно, не только в количественном, но и в «качественном» отношении ничего нового к уже сказанному ранее не добавляет.

Особое место в описываемой «иерархии» я уделяю работам, в которых также отсутствуют искомые определения. Однако, с другой стороны, в них предлагается более или менее широкая, а в отдельных случаях – в высшей степени интересная и содержательная, свидетельствующая о солидной эрудиции их авторов панорама различных подходов к определению культуры и/или концепций культурологии. В качестве типичного примера можно указать на изданный в С.-Петербурге чрезвычайно информативный учебник, не содержащий отдельной главы, в которой рассматривался бы вопрос о предмете этой науки. Лишь во «Введении» его авторы ограничились упоминаниями о том, что культурология – это «фундаментальная наука», «базовый предмет в системе образования и подготовки кадров», «система наук о культуре и наиболее общая ее теория» [5]. Таким образом, в соответствии с избранным мной критерием эту и подобные ей работы также можно было бы отнести все к тем же уровням – «зеро» или минималистскому. Однако, имея в виду отмеченную уже содержательность некоторых из такого рода трудов, я считаю допустимым перекинуть от них некий смысловой «мостик» к работам более «высокого» уровня, т. е. к тем, чьи авторы стремятся преодолеть аскетическую лапидарность приведенной чуть выше формулы-дефиниции. В этих случаях либо вначале дается некий вариант той же формулы, а затем делается попытка развернуть ее за счет тех или иных дополнений и пояснений, либо сразу же предлагаются степени детального изложения представлений автора об определяемом феномене, например: «...Прежде всего, культуроведение – гуманитарная наука, основанная на постижении внутренних закономерностей и структур культуры в ее различных “представительных” вариантах: литература, искусство, язык, мифология, религия, идеология, мораль и наука» [6] или: «Предмет культурологии – объективные закономерности мирового и национального культурного процессов, памятники и явления материальной и духовной культуры, факторы и предпосылки, управляющие возник-

новением, формированием и развитием культурных интересов и потребностей людей, их участием в приумножении, сохранении и передаче культурных ценностей» [7].

Еще более сложный вариант дефиниций предлагают авторы, которые настаивают на необходимости изучения культуры как предмета культурологии в более или менее широком контексте «сопутствующих» ее функционированию и развитию процессов и явлений, например: «...Культурология – это *комплексная* наука о культуре, рассматриваемой в широком контексте бытия человека как рода, реализующего свое космическое предназначение и осуществляющего свою мировую роль, как жизни, наделенной сознанием, которое делает возможным принципиально новый способ адаптации к миру» [8] или: «Объектом культурологии являются культурные аспекты различных областей общественной жизни, выявление особенностей и достижение основных культурно-исторических типов, анализ тенденций и процессов в современной социокультурной среде» [9]. Цель культурологии определяется следующим образом: «...Охватить весь окружающий мир в его единстве, целостности, гармоничности; вычленив в нем самое важное, самое значимое для современной жизни, в единстве с другими жизненными феноменами; найти консенсус между человеком и обществом» [10]¹. Таким образом, в этом определении отсутствуют не только ссылки на культуру, но и какие-либо указания на специфику культурологии как научной дисциплины, что, на мой взгляд, грозит размытием ее границ и лишением ее предмета самобытности и самостоятельности.

Резюмируя предложенную «классификацию», я хочу обратить внимание на то, что в большинстве приведенных (и – за отсутствием места – не приведенных) примерах речь идет *исключительно* о культуре. На первый взгляд, это представляется вполне логичным и естественным и, казалось бы, не должно вызывать каких-либо возражений. Однако, с моей точки зрения, наиболее продуктивными и перспективными все же являются те определения, в которых о культуре говорится *лишь* в первую очередь и авторы которых стремятся уйти от признания ее в качестве пусть и достаточно обширной, но единственной и к тому же изолированной от «остального» мира части окружающей нас действительности. Поясню, что я имею в виду, конкретным примером: «Сейчас стало очевидным, что более эвристично *для познания культуры* рассматривать человека внутри современных, институциональных, межличностных связей и в этом контексте проследивать его представления о своих потребностях и проблемах, которые побуждают его поддерживать, нарушать и создавать элементы собст-

венной социокультурной реальности» [11]. И хотя в приведенном суждении речь идет о культурной антропологии, на мой взгляд, очевидно, что его можно с полным на то основанием использовать и при обсуждении вопроса о предмете культурологии.

Таким образом, отталкиваясь от сказанного, я выдвигаю, на первый взгляд, возможно, несколько парадоксальный тезис о том, что *культурология не должна ограничивать свой предмет культурой*. Обоснованность этого тезиса, как мне представляется, косвенно подтверждается тем обстоятельством, что сама культура, как известно, не допускает (во всяком случае, до сих пор) выработки единого и общепринятого ее определения. И легко можно предположить, что отсечение «лишнего» в соответствии с тем или иным толкованием культуры может оставить «за бортом» предмета этой научной дисциплины нечто важное и существенное для последней. Но это, конечно, далеко не самый важный аргумент в пользу сказанного выше.

С целью же более основательной аргументации выдвинутого тезиса я считаю полезным обратиться к позиции А. Вебера, который как-то заметил, что «...в каждом культурно-социологическом анализе целесообразно различать сферы исторических процессов, а именно проводить различие между общественным процессом, процессом цивилизации и движением культуры» [12]. Если социолог, продолжает немецкий ученый, «внимательно всматривается в духовно-культурную сферу, то он ощущает нечто странное. Он замечает, что между подлинно культурными частями этой сферы, с ее различными аспектами выражения и формами выражения в религии, искусстве и т. д., и общественным процессом вклинивается еще нечто, духовно-промежуточная область, пребывающая в значительно более тесной и отчетливо познаваемой связи с образом и течением общественного процесса, чем подлинные *artefacts* [13] явления культуры, возникновение религии, системы идей, периоды искусства и т. д., а именно *интеллектуальный космос*, представляющий общественному процессу технические средства для его форм и образований и являющийся вместе с тем одной из основ феноменологии культуры» [14]. Я не имею сейчас возможности углубляться ни в анализ приведенного высказывания, ни в изложение расхождений моей собственной позиции с только что приведенной точкой зрения. Поэтому укажу лишь на то главное, чем оно интересно для меня, – на продекларированное в нем стремление к структурированию «духовно-культурной сферы», иначе говоря, на признание ее разнородности, комплексности. И, в известной мере ориентируясь на используемый А. Вебером методологический принцип, я считаю возможным включить в

предмет культурологии иные – т. е. помимо *культурной* – сферы, совокупность которых, как можно предположить, в основном и представляет собой общество в качестве *социокультурной* целостности, а именно *цивилизацию* [15] и некую *третью величину*, которая, на мой взгляд, может быть определена лишь «апофатически»: это *не* культура, *не* цивилизация, а, условно говоря, *некультура-нецивилизация* [16].

Для создания более наглядного представления об этой «третьей величине» приведу достаточно простой и наглядный пример. «Меня не удивило бы, – признавался Г. Бёльль, – напиши кто-нибудь роман о содержимом первого попавшегося мусорного ведра в нашей стране... Мера человечности страны можно определить по тому, что оседает в ее отбросах, что из повседневного, еще годного, что из поэтического идет в отходы, признается достойным уничтожения». Более того, немецкий писатель подчеркнул, что «литература, по-видимому, может избрать своим предметом только то, что общество объявило хламом» [17], поскольку «поэт занимается злом» [18].

Один из множества выводов, которые отсюда можно было бы сделать, сводится к следующему: одно дело – относить конкретное явление к сфере культуры либо не относить и совсем другое – использовать его в качестве предмета культурологического анализа либо не использовать. Общеизвестно, что «цветы зла» сплошь и рядом становятся «главными героями» гениальных стихотворений, романов, живописных полотен и кинофильмов. Но при этом не менее очевидно, что с неизбежностью появляющиеся в процессе функционирования общества *отходы* его жизнедеятельности ни в коем случае не следует ни выдавать, ни принимать за *продукт* этой последней – иначе говоря, их не следует относить к культуре. С другой же стороны, во многом именно благодаря изучению этих отходов (хотя бы в соответствии с принципом «от обратного», но, конечно же, не только с этой целью) мы и можем составить для себя представление о *культуре* последнего – более полное, детальное, объемное.

Культура – это безусловно *ценностное* явление. Однако о ценностях мы можем судить – если и не исключительно, то преимущественно – благодаря сопоставлению их не только с другими ценностями, но и с явлениями, в ценностном отношении нейтральными, и еще более обоснованно – с антиценностями, или с отрицательными ценностями (кому как больше нравится), к которым относятся, к примеру, проявления варварства, жестокости, разрушительной агрессии, человеконенавистничества – список этот, к сожалению, громаден, если не бесконечен. Иначе говоря, речь идет именно о некультуре-нецивилизации, которая, по моему мнению, должна вклю-

чать в себя и ценности (но лишь *внекультурные*), и антиценности, и нейтральные в ценностном отношении явления.

Кроме того, необходимо иметь в виду гипотетическую антиномичность как экзистенциальных оснований человеческой личности как таковой, так и фундаментальных основ бытия человечества в целом. А уже реальная жизнь в своей bipolarности разворачивается перед нами как выражение этой антиномичности [19]. Этот вывод перекликается с тем, что, к примеру, в центре внимания эстетики должно находиться не только прекрасное, но и безобразное; что этика – это философское размышление не только о добре, но и о зле; что осмысление феномена элиты немислимо ни без сопоставления последней с ее же антиподами – массой, толпой, публикой, – ни без выявления и анализа возникающих между ними связей и отношений, вне которых не могут существовать ни элита, ни масса; что изучение потребительской культуры невозможно без постоянной ориентации на культуру высокую и что постмодернистское отрицание bipolarности культуры может привести последнюю лишь к эстетизации «свального китча» (что мы и наблюдаем в последние десятилетия – повсеместно и во все возрастающих масштабах). И т. п.

По тем же причинам изучение культуры непродуктивно без учета «окружающей ее среды», соответствующего ей «антимира», ее «изнанки», т. е. тех явлений, которые непосредственно к культуре не относятся, зачастую культуре противостоят, но без которых последней просто не было бы. При этом под противопоставляемыми ей сферами понимается отнюдь не только и не просто «мир антиценностей», т. е. нечто негативное, достойное презрения, осуждения и т. п. Речь идет о гораздо более сложной картине. Культура (как и все важнейшие ее составляющие, а именно религия, искусство, философия и др.) представляет собой феномен, который заявляет о себе (или *проявляет себя*) лишь на социальном уровне. В то же время, как можно предположить, она имеет, с одной стороны, досоциальные, архетипические, трансцендентальные основания, а с другой – внесоциальные, сверхчувственные, трансцендентные цели и ориентиры. Так, «сознание может быть всецело имманентным культуре, но может быть и частью лишь имманентным ей, частью же трансцендентным...» [20]; «подлинная духовная победа совершается в сфере сверхсознания, а не сознания, т. е. в духе» [21]; хотя, на первый взгляд, достаточно очевидно, что «моральные идеи имеют социальное происхождение и развиваются по социальным законам, определяющимся обществом... в глубине своей нравственное не зависит от социального» [22] (т. е. имеет внесоциальные основания и истоки); если художественные спо-

собности лишь отчасти являются продуктом культуры, поскольку их корни уходят в досоциальные уровни человеческого духа и связаны с человеческими потенциями, напрямую от социума не зависящими, если идеалы, на которые не может не ориентироваться в своем творчестве художественно одаренный индивид, пребывают в сфере «надсоциального», то для понимания искусства, его сущности и особенностей необходимо хотя бы пытаться постичь его архетипические истоки и «всмотреться» в то не видимое физическим зрением сияние, которое исходит от его пышной кроны; если «для верующего его вера, по существу, отдельна от культуры», то и «жить в Боге значит уже не жить всецело в относительной человеческой культуре, но некоею частью существа вырастать из нее наружу, на волю» [23], а следовательно, «...от факта веры нашей в абсолютное, что не есть уже культура, зависит свобода внутренняя – она же сама жизнь...» [24]. По большому же счету, зависит то, насколько эта внутренняя наша свобода сумеет раскрыться, культура, творимая нами, – сохранять свою внутреннюю силу, жизнь, нами проживаемая, – обогатиться.

И последнее. С моей точки зрения, феномен культуры воспринимается таковым лишь благодаря индивидам, *способным* как к его созданию, так и к адекватному восприятию. И если стихи могут расти даже *из софы*; если в *звбком хаосе, лишенном форм и линий*, некоторым, наиболее талантливым из нас удается *провидеть стан богини, готовый лечь на полотно*, то и восприятие сферы некультуры-нецивилизации *sub specie culturae* – и в ее трансцендентально-трансцендентной, и в повседневно-привычной, и в рутинно-неприглядной ипостасях – может стать для обладающего соответствующими способностями индивида неисчерпаемым источником творчества и мощным стимулом, способствующим более глубокому и полному восприятию им всей (т. е. не только относящейся к культуре) окружающей его действительности, а прежде всего – более адекватному постижению ценностей самой культуры. Поэтому культурология и должна обращать свои пытливые взоры не только на *собственно* культуру (хотя кто, по большому счету, знает, что это такое?), но и на цивилизацию, и на *bas-fonds* [25] общества, и на его вершины, теряющиеся в надсоциальной и *надзвездной* сферах, с тем чтобы по мере своих возможностей выявлять из всей полноты и бесконечного разнообразия созерцаемой картины тот духовный опыт, который успело накопить и/или сумело не потерять человечество за всю свою историю, и изучать его.

Иначе говоря, предметом культурологии следует признать весь *мир, воспринимаемый sub specie culturae*, или пространство творческого духа.

Примечания

1. Оговорюсь, что предлагаемую мной «иерархию» ни в коей мере не следует рассматривать как попытку вынесения *оценок* включенным в нее дефинициям.

2. И вновь считаю необходимым оговориться, что используемые мной словосочетания – «отрицательный уровень» и, далее, «уровень “zero”» – не несут в себе никакой оценки, а их употребление ни в коей мере не направлено на дискредитацию взглядов сторонников, отнесенных к этим уровням позиций, – хотя бы потому, что критерий предлагаемой мной «классификации» носит, по существу, не *качественный*, а *количественный* характер.

3. Межуев, В. М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени [Текст] / В. М. Межуев // Культура: теории и проблемы. М., 1995. С. 38.

4. См., например: Введение в культурологию [Текст]: учебное пособие для вузов / отв. ред. Е. В. Попов. М., 1995; Гуревич, П. С. Культурология: элементарный курс [Текст]: учебное пособие / П. С. Гуревич. М., 2001; и др. Интересно, что даже в таком мощном в содержательном, интеллектуальном отношении издании, как энциклопедия «Теоретическая культурология» (М., 2005), статья о предмете «титульной» (казалось бы!) науки также блестяще отсутствует.

5. Культурология [Текст]: учебник / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. М., 2005. С. 7–8. См. также, к примеру: Розин, В. М. Культурология [Текст] / В. М. Розин. М., 2003. К сказанному следует добавить, что в подобных случаях достаточно пытливый читатель, безусловно, имеет возможность, ознакомившись с содержанием всей книги, «вычислить» взгляды автора(ов) на обсуждаемую проблему.

6. Ерасов, Б. С. Социальная культурология [Текст] / Б. С. Ерасов. М., 1996. С. 5.

7. Культурология. История мировой культуры [Текст]: учебник для вузов / под ред. А. Н. Марковой. М., 1998. С. 11.

8. Самохвалова, В. И. Культурология [Текст] / В. И. Самохвалова. М., 2002. С. 9.

9. Культурология. История мировой культуры... С. 11. Следует признать, что авторы этого уже цитировавшегося чуть выше пособия разводят понятия «предмет» и «объект» культурологии и это обстоятельство (в нашем случае) несколько нарушает «чистоту эксперимента».

10. Арнольд, А. И. Культурология: статус науки [Текст] / А. И. Арнольд. М., 1996. С. 5.

11. Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология [Текст]: учебное пособие для вузов / Э. А. Орлова. М., 2004. С. 24 (курсив мой. – К. А.).

12. Вебер, А. Избранное: Кризис европейской культуры [Текст] / А. Вебер. СПб., 1998. С. 8.

13. a rotiori – здесь: предпочтительные, преобладающие, *лат.*

14. Вебер, А. Цит. соч. С. 12–13.

15. Хочу заметить, что в контексте последующих рассуждений, по существу, не имеет особого значения, разделяем мы культуру и цивилизацию или отождествляем их.

16. На всякий случай хочу заметить, что в рамках обсуждения вопроса об этом «известном неизвестном» я не имею в виду широко распространенное, но, на мой взгляд, противоречивое по самой своей сути понятие «культура повседневности».

17. Белль, Г. Франкфуртские чтения [Текст] / Г. Белль // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 322.

18. Жене, Ж. Торжество похорон [Текст] / Ж. Жене. М., 2006. С. 169.

19. Используя этот термин, я предполагаю, что между крайними полюсами некоей «системы» всегда содержится более или менее значительное число промежуточных уровней, «цветов», «оттенков» и что, с другой стороны, эти полюса, как и любые противоположности, имеют шанс «сойтись», о чем говорил еще Гераклит.

20. Иванов, Вяч. Переписка из двух углов [Текст] / Вяч. Иванов, М. М. Гершензон. 2006. С. 28.

21. Бердяев, Н. А. О назначении человека [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1993. С. 80.

22. Там же. С. 35.

23. Иванов, Вяч. Цит. соч. С. 29–30.

24. Там же. С. 29.

25. les bas-fonds ≈ (социальное) дно, *фр.*

Н. О. Осипова

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МУЗЫКИ В СИСТЕМЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЙ ПОЭТИКИ Н. С. ГУМИЛЕВА

В статье рассматриваются особенности и функции знаков музыкального «кода» в художественной онтологии Н. Гумилева в их соотносительности с общекультурной традицией и контекстом Серебряного века. Применяя интегративный подход к анализу, автор выявляет музыкальность поэтического творчества Н. Гумилева, раскрывает многозначную семантику художественных текстов, сопрягая музыкальную рефлексию с опытом живописной или пластической образности. Музыкальный «код» дешифрует образностильевые решения модерна и при этом демонстрирует такую важную особенность синтеза искусств, как «интермедийный хиазм» (параллелизм, основанный на взаимопересечении музыкального, пластического, изобразительного и словесного рядов). Использование полифункциональности музыки в системе интермедийной поэтики вписывается в поиски Н. Гумилевым целостности художественной формы, призванной стать основой «новой мифологии» акмеистического вектора постсимволизма.

Исследования, связанные со спецификой музыкального аспекта литературных произведений, в особенности поэтических, стали восприниматься с известной долей банальности, причина которой кроется, на наш взгляд, в том, что практически каждый литератор оказывается помещенным в музыкальную парадигму творческого сознания, причем часто по одной и той же схеме: музыка как предмет поэтического описания, музыкальность в фонетическом и метроритмическом строе письма, поэтическое признание особой силы музыки и – как итог – обращение к ее образам и терминам. Сразу отметим, что утверждение «пан-

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГУ

© Осипова Н. О., 2007

музыкальности» как одного из векторов развития поэтики рубежа XIX–XX вв. тоже не нуждается в доказательстве, ибо модели синтеза, формирующиеся на разных уровнях стилевых систем неоромантической ориентации – от символизма до авангарда, – практически вырастали из музыкальной составляющей культуры, включающей не только собственно художественные, но и религиозные, и философские интуиции. В то же время нельзя не согласиться с утверждением современного исследователя о том, что «так называемые “музыкальные” приемы в литературе порой на самом деле оказываются сугубо словесными по своему происхождению: литература и литературоведение, обращаясь к музыке как к “чужому” находят в ней забытое “свое”» [1]. Важно в контексте названных проблем понять именно индивидуальную специфику музыкальной составляющей поэтической системы того или иного поэта, для творчества которого она становится не только фактом проблематики и образности, но и компонентом именно его поэтической модели мира, его семиотической стороной, выстраивающей систему кодов, их взаимопересечений и семантических «блоков». И в этом плане важным представляется еще один тезис: насколько удастся использовать в этом анализе инструментарий музыковедческих исследований, их теоретическую базу, дополняя собственно литературоведческую методику. Такой подход продиктован насущными проблемами в области изучения как специфики отдельных искусств (говорят о дискурсивном подходе), когда ощущается нехватка собственного терминологического аппарата при анализе более сложных систем (наблюдается попытка найти выход в привлечении философского словаря, что чаще всего лишь подменяет уже существующую систему специальных терминов), так и в сфере формирования явлений неклассической парадигмы на фоне процессов интегративности в искусстве XX в. [2] Благодатной почвой для такого рода исследований является поэзия первой трети XX в. – освещение музыкальной парадигмы словесного творчества стало уже «общим» местом. Меньше всего в этом процессе «повезло» Н. Гумилеву, творчество которого не давало сколько-нибудь внешне заметных музыкальных ассоциаций или образов; да и внутренняя мелодика его стиха казалась гораздо менее отчетливой, чем у других поэтов, и отмечалась лишь в той степени, в какой вообще музыкальность является природным свойством поэзии, тем более, как в случае с Гумилевым, ориентированной на парнасскую стилистику межвидовых соответствий. Все исследователи, не сговариваясь, отмечают приоритет живописи в художественно-ассоциативном и образном мире Гумилева; даже такой проницательный читатель, тонкий аналитик поэзии, как В. М. Жирмунский,

отказывал ему в музыкальности, в противовес творчеству А. Ахматовой: «Но как истинный представитель новейшей поэзии, Гумилев не воплощает этой душевной напряженности, этой активности и мужественности в лирической песне, непосредственно отражающей эмоциональность поэта. Его стихи бедны эмоциональным и музыкальным содержанием...» [3]. Между тем это качество Гумилева-поэта и прозаика было оценено символистами. Так, Ю. Верховский, поэт символистского склада и одновременно поборник классической традиции в поэзии, признавал, что весь путь Н. Гумилева – это «освобождение в себе самого того, что мы называем душевно-музыкальным», отмечая такие черты, как риторичность, побежденную музыкой, полноту «световых и музыкальных красок», «подлинное пение раскрывающейся души», «тяготение к музыке истинно романтического устремления» [4]. Как представляется, специфика художественного полиморфизма Гумилева заключается не столько в обращении его к семантическим аспектам музыкальной образности, сколько в своеобразном синтезе различных типов освоения мира – от первозданного, рожденного в мучительных и одновременно восторженных звуках, движениях, и собственно «культурного», добавляющего к чувственной образности «первомира» утонченность поэтики модерна, ее изощренную живописность и орнаментальность, которые по-своему передавали аспект совершенства формы в единстве онтологической и формальной составляющей произведения искусства. Поэтому нельзя ограничиваться только музыкальными рефлексиями поэта – они почти всегда сопрягаются у него с опытом живописной или пластической образности, изменяясь под их влиянием или воздействуя на них, в полной мере соответствуя принципу «соответствий», когда цвет приобретает свойства «музыкальности», волны аромата ощущаются как волны мелодии и т. д. Провозглашая идею дипластического освоения мира, ориентированного на синтез ощущений «первочеловека» архаической (домифологической) стадии сознания, Гумилев вошел в эту культуру с другой, в сравнении с футуристами (например, с В. Хлебниковым), стороны, причудливо соединив интерес к до-логическим и до-языковым способам общения с миром (какими являлись ритуальные формы) в их свободной и непосредственной приобщенности к бытию, культуром стихии, своеобразным биологизмом и акмеистическую ясность и классичность форм – то, чего так и не смогли достигнуть в своих творческих опытах ни символисты, которые, «исследуя слово в одном музыкальном направлении... забыли и стилистику, и композицию», забыли «о пространственных законах пластического восприятия» [5], ни футуристы, занимающиеся «экспериментальной психологией». Свое понимание поэтичес-

кого творчества Н. Гумилев сформулировал в плане нереализованной книги «Теория интегральной поэтики», основные положения которого чрезвычайно важны для понимания его творчества, и в программах лекций по теории и истории поэзии, где предпринята попытка вывести специфику поэзии через единство онтологических, ритмико-мелодических, изобразительно-пластических, пространственно-временных аспектов. Терминологический аппарат, используемый Н. Гумилевым, свидетельствует о глубине теоретических знаний в области музыки, равно как и других видов искусств, специфики различных школ и направлений, в том числе и отечественных (скорее всего, Н. Гумилев, как и А. Белый, лекциями которого он увлекался, тоже интересовался математическими основами музыкального искусства, в частности учением о контрапункте и комбинаторике) [6]. Кроме того, схема книги позволяет сделать вывод о том, что Гумилев в интегративной поэтике акцентирует внимание на пространственно-временных параметрах искусства («линии движения энергии» во времени, в пространстве, «в плоскости четвертого измерения и в двух измерениях»), смешении стилей, что закономерно приведет впоследствии в музыковедческой мысли XX в. к серьезной разработке теорий хронотопа в музыке (скорее всего, конечно, вслед за М. Бахтиным), на таком явлении, как «сочетанья стилей и их смешение» применительно к поэтическому творчеству, что даст импульс к развитию интертекстуальности и музыкальной полистилистики в художественных системах второй половины XX в.

Таким образом, в теоретических рассуждениях и анализах Н. Гумилева нашли отражение его собственные поэтические искания, которые разворачивались в контексте его представлений о синкретизме художественных форм и тем самым вписывались в типологический ряд космогонических идей первой трети XX в., воплощенных в искусстве (музыкально-поэтическая космогония А. Н. Скрябина и А. Белого, музыкально-изобразительная – Н. Рериха и В. Кандинского, стереоскопическая – футуристов-авторов знаменитой «Победы над Солнцем») и восходящих к неоромантическим моделям сознания (в основном шеллингианского толка). «Свет, мрак, тепло, холод, ритмы могучих выплесков волн океана, их пульсация, их стон, что вызывает установление некоего сложного контраста, каждая из частей которого распадается на ряд крепко спаянных элементов. Сила творящей энергии разрушает эти сцепления, рождает новые связи, влечет их к экстазу, к полету в безбрежный эфир» [7] – эта характеристика А. Скрябина в полной мере может быть отнесена к Н. Гумилеву, для которого довольно характерно следование жестким, «крепко спаянным» формам (чаще всего – песенным или

вышедшим из музыкальной жанровой системы) и в то же время их разрушение, доведение до хаоса, «дремучего и грозного», что создает ощущение пульсирующей вселенной, когда хаос и гармония в ней едва различимы, находятся в ситуации притягивания-отталкивания, которая чревата взрывом. Музыка в этой системе мироздания может играть у Н. Гумилева вовсе не роль гармонизирующего начала, это некая «пред-музыка», иногда не сопровождающаяся звуковой образностью, что делает ее скорее принадлежностью онтологического уровня: как пронизательно заметила Т. Цивьян, именно этот аспект предопределил тот факт, что «рождение трагедии было приписано духу музыки, а не звуку музыки» [8]. Вот почему так привлекает поэта творчество Гогена, экзотическую палитру которого он переносил в свой поэтический мир, наслаивая на него «парижские впечатления»... Освоение архаических форм превращалось в свободную игру этими формами, в ходе которой они облекались в изысканные европейские «одежды». Под пером Гумилева эти формы приобретают семиотический аспект, что было вообще характерно для образной системы акмеизма с ее знаковой выделенностью вещи, детали, жанрового признака, темы и т. д. Музыкальный текст Гумилева связан с семантикой творения мира или его распада – и в том и в другом случае ритуал озвучен. Некоторые традиционные учения полагают, что звук был первым из всех созданных вещей и явлений на земле и дал возможность появиться воздуху и огню [9]. В то же время поэт включает представление о музыке как религии в романтический контекст, где она представлялась, с одной стороны, сферой трансцендентного, обладающего божественной силой, с другой – вместилищем дьявольского начала, демонической силы, поэтому дьяволу всегда приписывалось владение каким-либо волшебным музыкальным инструментом. Возведя музыку в ранг религии, Гумилев подчеркивает ее надчеловеческую, надмировую космогоническую функцию. На этом построена «Даммара» с подзаголовком «Готтентотская космогония», основанная на древней легенде, согласно которой люди произошли из двух частей птицы; одна (верхняя) поет «про Божье дело», а другая обращена к «подземному мраку». Естественно поэтому, что образы музыки утрачивают у него сферу Логоса, переходя в дух вселенского начала. Мироздание, с точки зрения романтиков, – это звучащее музыкальное «тело». В самом акте творчества романтики усматривали превосходство творца над остальным миром. В жанровом плане это проявляется во введении фрагментов об искусстве в крупные произведения или глав, имеющих форму самостоятельной новеллы или очерки, что придает им характер эстетического трактата («Фантазии об искусстве» А. Тика, «Сера-

пионовы братья» Гофмана и др.). В позднем романтизме с усилившейся тягой к гротеску, дьяволиаде, трансформированной структурой двоемрия изменяется концепция соотношения гения-творца и общества: романтизм «демонизирует» мироздание. Во фрагментах Вакенродера («Письмо Иосифа Берглингера») и Тика («Немузыкальная терпимость») художник впервые рассматривается «со стороны», вне романтической идеализации. Вакенродер называет художественное чувство «смертным адом», а природу таланта – греховной. И по отношению к музыке, как и по отношению к музыканту, в позднем романтизме проявляется сопряжение божественного и дьявольского начал («Флорентийские ночи» Гейне, произведение, которое своеобразно отзовется у Гумилева в «Скрипке Страдивариуса»). Названная новелла Н. Гумилева с лежащей в ее основе историей знаменитого скрипача Паоло Белличини поднимает проблему творца как избранника судьбы, способного как к божественному творчеству, так и к «убийству» творчества вообще – еще одна модификация «моцартианского мифа» в культуре XX в. В некотором роде фигура композитора-монстра является негативной сакрализацией «проклятого поэта». Двойственность, заложенная в амбивалентности самого понятия «сакральное», восходит у Гумилева к специфике романтического прочтения образа творца, при котором персонаж, претендующий на роль культурного героя, неизменно порождает своего двойника монструозного плана. Интертекстуальный слой новеллы достаточно богат, и, как представляется, эта интертекстуальность намеренна и подчинена цели создать *афористическую* легенду, а поэтому вписана в законы емкой философии афоризма. Мы встречаемся со своего рода инвертированием традиционных сюжетных схем, взятых из многочисленных романтических повестях о дьяволах-двойниках, дьявольской силе искусства, включающих шекспировские и гетеанские мотивы. Особый интерес вызывают детали новеллы, являющиеся основным средством раскрытия глубинных смыслов произведения: кабинет мэтра, похожий больше на обитель чернокнижника, теснившиеся в углах «громкие виолончели, лютни и железные поупитры удивительной формы, как бредовые видения, как гротески Лоррена, Калло» (II, 219). Калло, знаменитый французский гравер и рисовальщик XVII в., прославился сериями гротесковых офортов, сатирически изображающих людские пороки. Частые образы его произведений – карлики, горбуны, бурлескные актеры. Скорее всего, под «бредовыми видениями», которые могли вдохновить музыку Паоло и предвосхищать встречу с дьяволом, подразумеваются «Искушения св. Антония». У Калло было два произведения под этим названием, оба представляют «бредовые видения» в виде

всевозможных чудищ и чертей, а в верхней части обоих произведений-изображение огромной фигуры Люцифера, простершего крылья и когтистые лапы. В контексте рассказа Н. Гумилева гротески Калло становятся своеобразной прелюдией к творчеству музыканта Белличини. В этом контексте лучезарные пейзажи Лоррена, освещенные солнцем, кажутся неуместными. Однако, упоминая вскользь Калло и Лоррена, поэт определяет место творческой личности: искусство художника, да и он сам, находится на грани божественного вдохновения и дьявольского искушения. Среди математических формул и «темных углов» картины Лоррена, излучающие свет и одухотворение, теряются в кабинете (и в душе) маэстро, как теряются «благочестивые» мелодии в вихре «бешеного взлета к невозможному». Паоло Белличини уже сделал свой выбор между светом картин Лоррена и чудовищными «видениями» Калло. Сопрягая в одном пространстве новеллы музыкальный и живописный изобразительный ряды, Н. Гумилев «заставляет» их работать на текст. Общение знаменитого музыканта с «отцом греха» – это не поединок тьмы со светом, не искушение праведника дьяволом, это, скорее, логическое завершение жизни и творчества человека, чье искусство является «взлетом к невозможному», расчетом честолюбия и удовлетворением гордыни. Выразительной деталью здесь выступают руки мэтра Белличини – «длинные, тонкие и белые, как бы от проказы», «странные руки с пальцами, похожими на белых индийских змей» (II, 218). Лишняя, на первый взгляд, деталь приобретает особое значение к концу рассказа, когда старый музыкант оказывается в подвале для умалишенных: «Ему казалось, что на его руках кровь. И он тер их о шероховатые каменные стены, выливал на них всю воду, которую получал для питья» (II, 223). Намеренно включенные в текст шекспировская («Макбет») и особенно евангельская аллюзии, введенные также в известное стихотворение А. Ахматовой 1917 г. («Когда в тоске самоубийства...»), призваны символически акцентировать мысль об «убийстве» скрипки, которая через контрастные детали оживает, превращаясь из неодухотворенного инструмента в соавтора прекрасных творений. Гибель скрипки в данном контексте приобретает еще и значение непоправимой преступности происшедшего. Одухотворенная и живая, скрипка становится символом искусства, любви и преданности ему. Но в новелле две скрипки. Кроме скрипки Страдивариуса, «которая так покорно передавала все оттенки благородной человеческой мысли» (II, 222), есть еще дьявольская скрипка-Пробораз, «покрытая темно-красным лаком и с виду похожая на все другие» (II, 222). Она, как порочная искусительница (не случайно она покрыта красным лаком – цвета власти и крови), поет о

«призрачном счастье» так, что сердце человека разбивается. Эти две скрипки – две стороны искусства: созидаящая и разрушающая. И здесь же мы встречаемся с типичным для Гумилева приемом – персонификацией мелодии, которая облекается плотью, становится «счастьем, отравляющем миры» (I, 82). Есть некий биологизм в этой мелодии, в ее безумстве, чудовищных конвульсиях, крике звуков... Моцартианский миф приобретает у Гумилева «ницшеанскую» наполненность: человек, лишенный «дионисийского опьянения», природного импульса, обречен на творческую глухоту. В другой известной новелле Н. Гумилева на эту тему («Последний придворный поэт», 1908) отмечается стремление показать путь художника, о котором метафорически писал Ницше: «постепенное пробуждение дионисийского духа» [10]. В ином поэтическом ключе те же мотивы реализованы в лирике («Волшебная скрипка» и «Маэстро» из книги «Жемчуга») Все стихотворения сборника в той или иной степени соотносятся с новеллой «Скрипка Страдивариуса»: в издании 1910 г. они состояли из четырех разделов – «Жемчуг черный», «Жемчуг серый», «Жемчуг розовый» и «Романтические цветы». Названия первых трех восходят к описанию дьявола в «Скрипке...»: «Его обнаженные руки и ноги были перевиты нитями жемчуга серого, черного и розового, а сказочно дивная алого шелка туника свела бы с ума самую капризную и самую любимую наложницу константинопольского султана» (II, 220). Мотив двух скрипок – скрипки Орфея и скрипки дьявола, музыкирая и музыки ада – корреспондирует с общей мифопоэтической концепцией сборника, название которого, несмотря на аллюзии, связанные с «Жемчужинками» Верлена, воплощает «вражду-родство» антиномий в их стремлении к единству. В этом плане можно говорить и о связи с образной инвективой андрогина (платоновского «сферического» человека), и с архаической семантикой жемчужины, символизирующей связь огня и воды... Вот почему внутренняя связь стихов, входящих в сборник, достигается посредством такого структурно-семантического принципа, который можно по аналогии с музыкальной терминологией обозначить как *образный энгармонизм*. В контексте этого принципа все образы, встречающиеся в сборнике (Семирамида, старый конквистадор, Христос, Дон Жуан, Беатриче, Одиссей и др.), являются энгармоническим прочтением образов двух «маэстро»: скрипача, обреченного погибнуть «славной» и страшной смертью, и «надушенного маэстро» «в красном фраке с галунами». Синтез и противопоставление двух начал находит закономерное поэтическое выражение в заключающем сборник стихотворении «Сон Адама» и лейтмотивом проходит через все творчество поэта («Я ничего не понимаю, горы: / Ваш

гимн поет кощунство иль псалом...» (I, 216). При этом довольно часто у Гумилева в сравнительных конструкциях музыкальная образность используется в самых необычных ситуациях – на первый взгляд, в русле символистской традиции (в ее брюсовском «изводе»), а на самом деле – в соответствии с установками акмеистической выразительности: «В час, когда буруны, как струны, / Звонко лопаются и дрожит / Пена в них или груди юной / Самой нежной из Афродит» (I, 190); или: «Город, как голос наяды, / В призрачно-светлом былом, / Кружев узорней аркады, / Воды застыли стеклом» (I, 173); или: «И ты, о нежная, чье имя – пенье / Чье тело – музыка, и ты идешь / На беспощадное исчезновенье» (I, 185). Система музыкальных ассоциаций разворачивается у поэта таким образом, что ассоциация обретает предметность, фактурность по сходству с музыкой, где «тема есть музыкальный организм, персонаж, нечто сходное с индивидуумом...» [11]. Телесность, фактурность, материализация звукового ряда составляют специфику прочтения Гумилевым орфического мифа – одной из культурных констант эпохи. При этом поэт прочитывает традиционный миф в его «доклассическом» варианте: это Орфей в архаическом, мистериальном (в античном понимании) смысле, Орфей, чье пение сдвигает горы и деревья, обжигает сердца... Архетип Орфея – в многочисленных образах бродячих певцов-скитальцев, поющих «песни духа», которые способны «жечь мечты», которые напоминают «песни огня и земли», сводят с ума, «томят, горестны и звонки» (I, 55). Поэтому так много песен в поэтическом мышлении Гумилева, где они понимаются не только (и не столько) как жанр, но, главным образом, как воплощение природного состояния бытия – на том его уровне, когда мир преодолевает «первоначальную немоту» (отсюда интерес поэта к традиционным культурам). Наиболее последовательно это реализуется в балладности гумилевской поэзии (о балладах Гумилева написано достаточно много, но не в связи с их музыкальным строем), когда важны не столько тема, сколько ощущение от пения, настроение и эффект, производимый на слушателей. Именно такое значение вкладывал в специфику баллады Гете, утверждая в «Правилах для актеров» («Regeln für Schauspieler»), что язык баллады должен представить слуху звуковую картину, с помощью языка музыки вовлечь слушателя в действие. В художественном мире баллад и канцон Гумилева *Певец* приходит из мира природы, он наделен богатством синкретического взгляда на мир, где слиты взгляд художника, слух музыканта и интуиция поэта («Рассказ девушки», «Сказка о королях», «Блудный сын» и другие, где явно обозначено балладное начало). Во многих случаях сложно даже определить, где живо-

писный, зрительный образ «перетекает» в музыкальный и как в результате их прихотливого синтеза рождается поэтический. Поэт тонко чувствует степень суггестивных возможностей музыки в сравнении со словесными, и это определяет особую роль музыки стиха, которая (в отличие от символистов) редко доминирует над чувственной сферой бытия и достигается внутренними возможностями самой природы стиха, в частности, в известной сентенции о «песенной» природе хорея, его «окрыленности» и «взволнованности» или о стремительности и певучести анапеста в «Гондле», в котором слышатся то грохоты моря, то колокольные звоны, две музыкальные темы пьесы» (II, 408). Используя систему музыкальной символизации бытия, поэт тем не менее не лишает жизнь ее материальной составляющей, порой утрируя вещный, плотский характер материального мира, что, одной стороны, приводит его к стилистике модерна (где звуковое пространство соотносится с льющимся, волнообразным, струящимся, как в «Романтических цветах» или «Чужом небе» с их орнаментальностью, стилизациями под шансон, бэнкельзанг), а с другой – к эстетике примитива [12]. В этом ключе воспринимается, например, возрождение оссианской традиции в акмеизме с воссозданием в ее рамках бардовского начала, которое стало востребованным в начале XX в. в связи с судьбой поэтического творчества и образом барда, откликающегося на драматические коллизии времени. Не последнюю роль здесь сыграли и романтические обработки поэм шотландских бардов, герои которых живут вне быта, являясь носителями высоких этических и эстетических идеалов. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона с их первозданной природой, суровой стихией битв, мистическими пейзажами, символикой тени, арфы, звуки которой возвещают о смерти воинов, стали тем «дальним текстом», который призван был воплотить «тоску по мировой культуре» и мессианскую роль поэта. Написанное в балладном ключе стихотворение «Оссиан» утверждает тип поэтического творчества как «высокого напряжения стихии». Без пенья бардов над павшими воинами их тени не могут успокоиться и соединиться с тенями предков. Поэтому песни бардов воспринимаются в сознании поэта как связующая нить между прошлым и настоящим, а мотив арфы (лютни) как знака поэтического творчества находит преломление в образах струны, серебряных звуков, струящихся волос. В стихотворении «Оссиан» зловещие рыдания сивилл сменяются «грозою ликования» Сварана, «ветрами протяжного лосы-ми», сотрясающими воздух грозными проклятиями... В звуковом и ритмическом плане Гумилев воспринимает и топику оссиановских поэм: пяти-стопный амфибрахий, создавая особую речитативную интонацию, усиленную фонетическими по-

вторами – ассонансами и аллитерациями (*р, с, см*), способен передать величественную и грозную атмосферу битвы:

*По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий,
Упал под мечом короля океана, Сварана (1, 52).*

Дальнейшим развитием этой темы стала поэтическая драма «Гондла», основанная на сюжетах и мотивах древнесеверных саг и песен скальдов. Орфическая тональность, лежащая в основе драмы, написанной, кстати, как либретто к балету дягилевской труппы, сохраняет специфику мистериального комплекса в его архаическом преломлении. Узнаваем и отмеченный выше мотив «двойной музыки» и «двойной лютни» – лютни, в которой «сокрыта волшебная сила», воплощающая высшую художественную, этическую, религиозную идею, инструмент дьявола с его «волчьим, тихим, пугающим воем» (II, 67). Художественная структура драмы, насыщенная сложными стилистическими фигурами, резкой сменой интонации, синкопированным ритмом, графическим рисунком и контрастами света и тени, как нельзя лучше отвечает принципам музыкально-поэтического моделирования мира, создавая его звуковой портрет с использованием суггестивных возможностей музыки, что было, по воспоминаниям современников, органично реализовано в ростовской (Ростов-на-Дону) постановке «Гондлы», которая «превратила текст в музыку». Пожалуй, не стоит преувеличивать художественные достоинства «Гондлы», но, вне сомнения, следует признать экспериментальный фон этой драмы, основу которого составляют семантизация мелодики, своеобразная музыкальная орнаменталистика, звуковые жесты, ставшие в прямом смысле признаком «школы Гумилева», словесная инструментовка, созданная прихотливой игрой метроритмических узоров. Это, с одной стороны, отражает специфику образно-стилевых решений модерна, а с другой – демонстрирует такую важную особенность синтеза искусств, как «интермедиальный хиазм» (параллелизм, основанный на взаимопересечении музыкального, пластического, изобразительного и словесного рядов).

Все это вписывается в поиски Гумилевым целостности художественной формы, призванной стать основой «новой мифологии» акмеистического вектора постсимволизма.

Примечания

1. Махов, А. Е. Музыкальность [Текст] / А. Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стлб. 597.
2. Серьезную попытку создать такой тип исследования представляет, например, книга Гербер, Л. Му-

зыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века) [Текст] / Л. Гервер. М., 2001.

3. Жирмунский, В. М. Преодолевшие символизм [Текст] / В. М. Жирмунский // Николай Гумилев: Pro et contra. СПб., 2000. С. 422.

4. Верховский, Ю. Путь поэта [Текст] / Ю. Верховский // Николай Гумилев: Pro et contra... С. 546, 509, 511, 512.

5. Гумилев, Н. С. Соч. [Текст] : в 3 т. / Н. С. Гумилев. Т. 3. С. 229. Далее все ссылки даются в тексте по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

6. Л. Гервер указывает на знакомство А. Белого со знаменитым трудом С. И. Танеева «Подвижной контрапункт строгого письма» (издан в 1909 г.)

7. Глебов, И. Скрябин [Текст] / И. Глебов. Пг., 1921. С. 23.

8. Цивьян, Т. В. Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции [Текст] / Т. В. Цивьян // Образ-смысл в античной культуре. М., 1990. С. 183.

9. Керлот, Х. Словарь символов [Текст] / Х. Керлот. М., 1994. С. 207.

10. Ницше, Ф. Философская проза [Текст] / Ф. Ницше. СПб., 1993. С. 136.

11. Назайкинский, Е. В. Логика музыкальной композиции [Текст] / Е. В. Назайкинский. М., 1982. С. 154.

12. См. об этом: Греем, Ш. Гумилев и примитив [Текст] / Ш. Греем // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1998. С. 25–32.

Н. И. Поспелова

ТЕКСТ И СПОСОБЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МУЗЫКЕ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматривается специфика постмодернистской интерпретации применительно к музыке. Особое внимание уделяется таким понятиям, как текст, интертекстуальность, цитатность, игра, ритуал, полистилистика. Анализируя практику композиторской интерпретации «чужого материала» в исторической ретроспективе, автор приходит к выводу, что в музыкальном творчестве рубежа XX–XXI вв. все большую роль играют внемузыкальные факторы (словесный комментарий, звук, цвет и т. п.), провоцирующие участников интерпретативного процесса (композитор, исполнитель, слушатель) к «бесконечной вариативности прочтения» (Ж.-Ж. Деррида) текста произведения. На разных музыкальных примерах (коллективного сочинения «Страсти по Матфею-2000», «Еще раз к гипотезе» А. Кнайфеля и др.) раскрывается семантический потенциал постмодернистской интерпретации. В заключение подчеркивается: как категория познания, интерпретация находится в зависимости от рации, от интеллектуального механизма восприятия, но она бессильна перед тем, что воздействует гипнотически – вне действия этого механизма, что потрясает и вызывает в слушателях трепет восхищения от волнующих тайн искусства.

ПОСПЕЛОВА Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре культурологии и рекламы, декан факультета культурологии ВятГГУ
© Поспелова Н. И., 2007

Проблема интерпретации для постмодернизма не случайна и не вторична. Она носит онтологический характер и потому эксплицируется на все гуманитарные сферы: философию, науку, искусство. Так, для одного из идеологов постмодернизма Умберто Эко проблема интерпретации оказалась особенно актуальной в пору написания им романа «Маятник Фуко» (1988), о котором он как-то заметил, что роман этот отличен от предыдущего («Имя розы», 1980) прежде всего тем, что повествует об опасности «раковой опухоли интерпретации» – «болезни, поразившей всю современную гуманитаристику» [1].

Известная и давняя мысль Поля Валери об отсутствии «настоящего смысла текста» послужила началом полемики о границах понятийного поля интерпретации в стане структуралистов, что, в свою очередь, привело к выявлению и описанию таких системообразующих элементов интерпретации, как автор, текст, контекст, интертекстуальность, комментарий и другие.

В отличие от структуралистской парадигмы философия постструктурализма в лице Ф. Лиотара, Ж.-Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, Ю. Кристевой задает иное понимание интерпретации, определяя ее как наполнение текста смыслом – вне постановки вопроса о правильности, то есть соответствии некоему исходному, «истинному» значению. Это связано с двумя основополагающими презумпциями.

Первая касается структуры: она поливалентна. Если у П. Рикера и В. Дильтея внутренние интенсивности задают структуру текста в качестве его объективной характеристики, то постмодерн ориентируется на принципиально антиструктурную его организацию, описывающую текст как поле с игрой множественных смыслов. Инструментами для характеристики такого децентрированного текста становятся *ризом* и *лабиринт* (местоимения, введенные Ж. Делезом, Ф. Гваттари и У. Эко) [2].

Вторая презумпция интерпретации связана с ее сосредоточенностью не на фигуре автора (герменевтическая традиция) и не на тексте (структурно-семиотическая), но на реципиенте. Логика рассуждений здесь проста: по мнению Р. Барта, коль скоро автор устранен, то совершенно напрасными становятся всякие притязания на «расшифровку текста».

И все-таки обеспокоенность *расшифровкой* не исчезает. Более того, само истолкование приобретает новый характер, вовлекая в поиск смысловых доминант всех участников интерпретационного процесса. Возникает своеобразная ловушка, в которую попадают автор и читатель, причем все понимают, что есть еще третий участ-

ник – *текст*, циркулирующий по своей смысловой орбите: он сопротивляется статике, нуждается в контексте и не приемлет никакой дидактики. Любой интерпретативный акт воспринимается постмодернистами как насилие, совершаемое над вещами, во всяком случае как некая практика, которая навязывается. В этом отношении, согласно М. Фуко, «интерпретировать – значит подчинять себе, насильно или добровольно. Всякая попытка жесткого интерпретирования приводит к фактической ликвидации самого бытия текста» [3].

В логике и эстетике постмодернизма *все* есть *текст*, а искусство – это тотальная игра с культурной традицией, архетипами, аллюзиями, историческими клише. Текст и только текст является главным гарантом интерпретации, не позволяющим ни автору, ни аналитику впасть в галлюцинацию собственного дискурса – «дурной бесконечности» *перетисывания*. Если мир – текст, тогда текст – это пространство интертекстуальности.

С понятием интертекстуальности [4] связан вопрос о неизбежности соотнесения любого текста с другими текстами (с обязательным учетом контекста), характерной для культуры в целом и художественной практики постмодерна в частности. Интертекстуальность обычно отождествляется с формой межтекстового диалога (от лат. *inter* – между), методом мышления, отсылающего к широко понимаемой цитатности. В основе этого метода лежит склонность современного художественного сознания к оперированию универсальными темами и системами перекрестных смысловых связей, использование которых дает возможность почувствовать, что «мир – это космическая библиотека с бесконечным, бескрайним смыслом» [5].

Влияние *интертекстуальности* на музыкальное творчество последних трех десятилетий XX в. (временной отрезок, с которым хронологически связывают постмодерн в западноевропейской и американской музыке) [6] оказалось настолько серьезным и значительным, что повлекло за собой изменения во взаимоотношениях в треугольнике: *композитор (автор) – исполнитель – слушатель*. Речь идет о новых акцентах, имеющих непосредственное отношение к интерпретации. Если раньше роль интерпретатора принадлежала прежде всего исполнителю, всегда стремившемуся к предельно аутентичному прочтению композиторского замысла (и, надо заметить, музыкальное произведение к этому располагало), то теперь оказалось возможным переносить интерпретативные функции, с одной стороны, на сам текст произведения, а с другой – на слушателя. В возникшей ситуации изменилась и миссия автора как носителя абсолютного (в значе-

нии неповторимого, уникального, сингулярного) творческого начала. Она постепенно свелась (во всяком случае, в самых показательных для постмодерна сочинениях) к функции мастера, умело, изобретательно и вдохновенно создающего посредством комбинации звуков большой культурный текст.

Памятные слова И. Стравинского о том, что «всякая интерпретация раскрывает в первую очередь индивидуальность интерпретатора, а не автора» [7], в постмодернистском контексте неожиданно актуализировались, вопреки далеко не риторическому беспокойству относительно «охранности» композиторского ампула: «Кто же может гарантировать нам, что исполнитель верно отразит образ творца и черты его не будут искажены?» [8]. Понятно, что Стравинский имел в виду проблему исполнительского прочтения авторского текста – сферу, традиционно связанную с понятием «интерпретация». Но есть и другие сферы, такие, например, как сфера слушательского восприятия.

Постмодерн, помимо исполнительства, открыл еще одну область для самоопределения интерпретации в музыке. Это, собственно, нотный текст – материализованная форма авторского «Я», святая святых композитора, хранящая «образ творца». Такие основополагающие (но не исчерпывающие) признаки постмодерна, как смешение высокого и низкого, трагического и смешного, комментирование, интертекстуальность, ритуальность, стилевой полифонизм, диалог, новая простота, принципиальная разомкнутость формы, игровое начало, получили достаточно убедительное воплощение, активизировав интеллектуальные процессы, как со стороны авторов, так и со стороны исполнителей и слушателей. К чему это привело, стало понятно из самой практики поставангарда: музыка «перестала быть некоей внеположенной человеку данностью. Она уже больше не является ни потоком божественной благодати, ни потоком космической энергии, а в качестве причины и источника ее звучания мыслятся уже не ангельские хоры или небесные сферы, но свободное волеизъявление субъекта» [9].

Сегодня задачей для многих композиторов (можно назвать здесь достаточно солидный ряд имен – от Д. Кейджа, Х. Хенце, Д. Лигети, К. Пендерецкого, А. Шнитке, Дж. Крама, Г. Канчели, В. Сильвестрова, А. Пярта, А. Кнайфеля до Л. Десятникова, С. Загния, А. Батагова) становится не простое сочинение нот, а «сочинение контекста, создание... поля общения» [10]. Отсюда – одна из характерных особенностей современного процесса создания музыки, связанная с апелляцией к системе тотального стилевого семиозиса. В результате произведение ока-

зывается заряженным определенными смыслами. В процессе восприятия слушателю требуется, соответственно, их «добыть», «угадать», прочитать в заданном автором семантическом ключе. Показательна в этом отношении старая, добрая *полистилистика* вместе с опытами вокруг и около нее. Текст полистилистического опуса, по сути, задает такую интерпретативную рамку, которая сворачивает историю музыки в пространство смыслов. Как один из маркеров постмодерна, полистилистика снимает зазор между искусством и жизнью, демонстрируя, по выражению В. Мартынова, «причастность к пространству искусства путем предъявления атрибутов, некогда принадлежащих этому пространству» [11]. И в этой функции социализации музыки, «обработки» жизненного материала, возможно, скрывается ключ к чрезвычайной востребованности метода в контексте постсовременности.

Между тем полистилистика – далеко не единственный способ интерпретации большого культурного текста, позволяющий ориентироваться в пространстве постмодернистских сочинений. Безусловно, она плакатна (особенно в отношении творчества А. Шнитке), но вместе с тем и традиционна. Традиционна, поскольку релевантна природе современного композиторского сознания, имеющего дело не только с освоением нового арсенала средств (как в случае с модернизмом или авангардом), но и с накопленным историей музыки семантическим потенциалом. Генезис ее уходит еще в культуру Нового времени, где появляются первые опыты авторской интерпретации различных жанрово-стилевых источников духовной и светской музыки (григорианика, протестантский хорал, вариации на темы, баховские аранжировки Вивальди, Марчелло и т. п.). Дальнейшую динамику ее развития мы наблюдаем и в последующие эпохи – в разных эстетико-стилевых системах (практика, характерная как для Моцарта, Бетховена, так и для композиторов-романтиков). Таким образом, специфика авторского прочтения «чужой музыки» в до-постмодернистское время сводится к тому, что любая интерпретация «чужого» материала, представленная в форме обработки, вариаций, аранжировки, цитирования и так далее, не выходит за рамки *стилевой конвенции* и не затрагивает основ композиторской индивидуальности. Напротив, она эту индивидуальность определяет, не заглушая, а *контекстно* выявляя драгоценную авторскую интонацию. Таким образом, полистилистика, если рассматривать ее не только с позиций современной композиторской техники, но и с учетом генетической составляющей, охватывает гораздо больший объем историко-культурной информации, чем это задается стилевыми рамками постмодернизма. В таком широком –

историко-философском – значении полистилистика предстает как память культуры. Одна из ее ключевых ценностей заключается в придании музыкальному тексту свойств *игры* и, соответственно, динамизма.

Игровая парадигма музыки постмодерна не только не лишена основания, но в контексте обсуждаемой проблемы является, чуть ли не системообразующим фактором. Не отвлекаясь на рассуждения по поводу естественности и, вместе с тем сложности, амбивалентности игрового сознания, заметим, что игра *имманентна* музыке, в равной степени так же, как умозрительно постигаемая выразительность (интеллигибельность). Игра как особый вид деятельности, аналогичный творческому процессу, выступает по отношению к музыке в онтологическом и коммуникативном статусах. Присущая ей «аномально высокая (в сравнении с обыденной реальностью) степень внутренней непредсказуемости» [12] в значительной мере разделяется музыкальной практикой постмодерна: слушатель уподобляется игроку, помещенному в ситуацию неопределенности, провоцирующую ожидание продолжения – того, «что будет дальше». В создании этой «эстетической иллюзии» не менее важную роль играет и композитор – другой участник игровой коммуникации, создающий единство реальности и формы. Вторжение в музыкальную композицию комбинаторно-игровых принципов можно уподобить процессу создания так называемого «открытого произведения», которое предпочитает «разворачиваться в поле возможностей для выбора» [13].

Следует отметить, что одним из наиболее существенных последствий влияния идеи игры на музыкальное сознание стала попытка преодолеть катастрофическую разобщенность человека и мира в акте совместного творчества [14]. Постмодернизм переинтерпретировал эту идею в дискурсе ритуала, придав особую значимость факторам коммуникативности и контекстуальности. Отсюда – мода на акционизм хэппенингов, инструментального театра, перформанса.

В ситуации открытости и множественности форм современного музыкального творчества, с одной стороны, и взаимодействия музыки с немзыкальными факторами, сферами не-искусства – с другой, теряет свою актуальность и самооценку *музыкальная структура*. По большому счету из цели=результата авторского замысла она превращается в инструмент. В таких репрезентативных для постмодерна жанрах, как перформанс или хэппенинг, автор, исполнитель и слушатель становятся единым и одухотворенным коллективом. Музыкальная структура исчезает, остается коммуникационный контекст, задающий «безграничную вариативность прочтения» (Ж.-Ж. Деррида). Он-то и формирует особую –

коннотативную интерпретацию. Она накладывает на текст определенное обязательство: в нем должна содержаться коммуникация. Текст в данном случае выступает в роли самоинтерпретатора, совмеща функции объекта и субъекта одновременно. Это, по нашему мнению, достаточно распространенный и показательный тип интерпретации, сложившийся в художественной практике постмодернизма.

Примером коннотативной интерпретации в отечественной музыке рубежа XX–XXI вв. (или, по-иному, текста, интерпретирующего другой текст), без всяких натяжек, является коллективный орpus «Страсти по Матфею-2000». В системе интерпретативных координат эту ораторию можно охарактеризовать как *культурологический римейк*. Слушатель имеет здесь дело с неким совокупным Автором (без кавычек и с прописной буквы), рефлектирующим по случаю юбилейной даты со дня смерти И. С. Баха, имя которого коннотирует не только барочный пласт культуры, но является символом «всеобщего» музыкального языка, на котором можно говорить естественно и без усилий [15]. Несколько перефразируя Мессияна, предположим, что это *семнадцать взглядов* на страдания Иисуса через интерпретативную оптику Баха. Семнадцать музыкальных, помноженных на пятнадцать поэтических прочтений – случай, прямо скажем, исключительный, но в своей исключительности и показательный. Он являет нам образец текста, где закодирован целый мир смыслов, засеченный на базовых реалиях, живущих в пространстве пассивного жанра. Важно подчеркнуть, что этот текст существует «независимо» от фигуры интерпретатора (в той мере, в какой вообще музыка вообще может обходиться без участия слушателя). Но именно слушатель – и только он – способен оценить концепт и даже принять участие в его до-конструировании, вбрасывая элемент случайности в процесс интерактивного творчества. «Страсти по Матфею-2000» идеальны как пример еще и потому, что демонстрируют не стиль, не язык, не направление, не материал, а являют показательный для постмодернистского дискурса операционный *инструмент*.

Еще более радикальный пример можно привести из музыкальных проектов С. Загния и А. Батагова. Во что вовлечена публика, к примеру, во время исполнения «Metamusica» (2002) С. Загния? Она импровизирует. Имманентно-текстовые смыслы здесь отсутствуют, они рождаются в симультанном процессе материализации авторской идеи. На основе отдельных элементов Вариаций А. Веберна ор. 27 (штрихи, динамические оттенки, темповые обозначения и паузы) – не без помощи слушателей – оформляется постмодернистский опус. Подобная манипуляция с

материалом показательна и для «Players and Dances» (2001) А. Батагова – композиции, текстовая реальность которой представляет собой аудиовизуальное воспроизведение традиционной буддийской музыки [16].

Умберто Эко был одним из первых, кто открыл перспективу для участия читателя в порождении контекстуально-коммуникационного смысла. «Открытое произведение» (1962) и «Роль читателя» (1979) – ключевые работы Эко, первая из которых поставила вопрос об «открытости» текста для интерпретативных усилий читателя, а вторая закрепила status quo в пользу реципиента. Итальянскому философу впоследствии пришлось взять на себя «ответственность» за эскалацию бесконечности интерпретации, ибо установленная им четкая иерархия между автором и читателем в конце концов оказалась разрушенной. В итоге получилось, что не только автор, но и текст уже не в состоянии контролировать все возможные интерпретации. Текст не владеет ничем, интерпретация – всем. Она оформляется в сумму симультанно рождающихся истолкований, выступая в роли *совокупного языка описания*, или *метаинтерпретации*. Смысл ее сводится к *рефлексии на потенциальную бесконечность интерпретационных контекстов, на уровень принципа (или метода)*. При этом метаинтерпретация понимается нами не как синоним гиперинтерпретации (*overinterpretation*) – категории постмодернистского литературоведения, указующей путь к бесконечности смысловых значений текста [17]. Содержание этого понятия корреспондирует с известной характеристикой постмодерна не как хронологического отрезка истории культуры, но как «подхода к работе», как «некоего духовного состояния (Kunstwollen)» [18].

Метаинтерпретация в какой-то мере оказывается *эквивалентной процессу создания текста*: текст трактуется уже не как оригинальный феномен, но как «конструкция», состоящая из различных фрагментов *другого* текста (своеобразная «музыка о музыке», «стиль про стиль»). В подобной ситуации предметом творчества композитора становится «компонирование» («слагание», «составление» – от лат. *componere*) не собственно традиционных элементов музыкального языка (интонация, ритм, гармония, мелодия и т. д.), но готовых стилизованных моделей, из которых и складывается основа метакомпозиции (по аналогии с метаязыком, выступающим в качестве описания двух или более частных языков).

Как «объяснительная система» (или «подход к работе») метаинтерпретация немислима вне оформления коммуникационного пространства, вне суггестии и вовлечения слушателя в ситуацию диалога, который сознательно конструируется автором, как, например, в случае с извест-

ным постмодернистским опусом А. Кнайфеля «Еще раз к гипотезе (в диалоге с Прелюдией и Фугой И. С. Баха. WTK, I-22 b-moll). Это образец постмодернистской композиции (год создания – 1992), где, по наблюдению С. Савенко, формообразующий смысл приобретает «не столько материал, сколько способ его существования – концептуальное событие, свершающееся вместе с развертыванием произведения во времени и пространстве» [19].

В начале 60-х гг. XX в. «самодвижение музыки» (Т. Адорно) подошло к своему пределу в плане изобретения и определенной герметизации композиторских техник. Это обстоятельство послужило еще одним поводом для реализации метаописательного свойства интерпретации. В творчестве тех, кто сегодня считается классиками авангарда, можно отыскать примеры, когда музыкальным сочинением становится само *собрание методов* сочинения. Иллюстрацией здесь служит, например, партитура пьесы К. Штокхаузена «Плюс-минус: дважды семь страниц для разрабатывания» (1963), представляющая собой таблицу, ячейки которой заполнены одним и теми же по-разному расположенными графическими символами, включая знаки *плюс* и *минус*. По поводу этого замысла сам композитор высказался вполне в метаинтерпретативном духе: «Я хотел бы написать партитуру, в которой охватывалось бы возможно большее количество видов техники, использованных в моих сочинениях последнего периода. Набор техник организован так, что поворачивается различными возможностями для их разработки исполнителями и другими композиторами» [20]. Намерение это было сформулировано К. Штокхаузенем в 1963 г. В этом же году русский поставангардист В. Мартынов начинает отсчет основных своих сочинений, приходя двадцать лет спустя к отрицанию *опусного* творчества, к позиционированию себя как автора уже не столько сочинений, сколько *проектов*, относящихся к «новой сакральной реальности», именуемой зоной opus posth-музыки. Исследуя исторически разные и масштабные пласты в культуре, он делает вывод о параллельном существовании двух типов стратегии развития музыки – композиторского и некомпозиторского. Иначе, музыка, по его мнению, шире авторского творчества, и «феномен композитора и композиторства <...> не покрывает всего того, что подразумевается под музыкой» [21]. С этим нельзя не согласиться, поскольку такие сферы музыкальной деятельности, как фольклор, джаз или рок, в отличие от композиторского творчества, не содержат письменного послания, которое «интерпретируется впоследствии как конкретное звучание» [22]. Импровизационная компонента в этих формах музицирования замещает графиче-

ские знаки, начертанные композитором, выдвигая на первый план интерпретацию как онтологическую форму музыки, способ мышления и коммуникации.

Opus post-музыка, теоретически обоснованная В. Мартыновым в его последних монографиях [23], – это одно из местоимений музыкального постмодерна. Концептуальные положения, в ней заложенные, нашли свое практическое воплощение: творческие проекты ансамбля OPUS POST под руководством Т. Гринденко представляют собой постоянные поиски «новой ситуации, в которой музыка снова сможет обрести реальную жизнь» [24]. Целевые установки opus posth-музыки ориентированы на создание такого социально-акустического пространства, в котором «нет ни автора, ни исполнителя, ни публики, но есть единая всеохватывающая и всезаполняющая пульсация музыкальной субстанции, требующая для своего осуществления выхода за рамки как музыки, так и искусства вообще. <...> Не выражать и не переживать реальность, но пребывать в ней – вот цель opus posth-музыки» [25]. Нетрудно заметить, насколько близки эти идеи постмодернистским декларациям об эпохе «конца истории», «конца интерпретации», «смерти автора». Они разве что удлиняют этот ряд появлением «смерти человека переживающего» [26] – понятия, рожденного из логико-семантических основ заключительной мысли М. Фуко о неизбежном исчезновении человека, который должен исчезнуть, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [27].

По большому счету, «конец интерпретации» – это своего рода провокация. Постмодернизм дразнит, приглашает поиграть с тем, что на практике живет своей жизнью, по своим законам. Многообразие индивидуальных его моделей в искусстве – несомненная привилегия культуры, сделавшей ставку на смешение всего со всем. Совершенно очевидно, что как категория познания интерпретация находится в зависимости от ratios, от интеллектуального механизма восприятия. Но она бессильна перед тем, что воздействует гипнотически – вне действия этого механизма; что потрясает и вызывает в нас трепет восхищения от волнующих тайн искусства – как в случае с «Кричащим Папой» Фрэнсиса Бэкона или музыкальными молитвами Арво Пярта...

Примечания

1. Цит. по: Smith, W. Umberto Eco [Text] / W. Smith // Publisher's Weekly. 1989. Vol. 236. № 17. P. 51.

2. Термин «ризома» (от фр. rhizome – корневище), введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари в совместной работе с аналогичным названием «Rhizome», фиксирует внеструктурный и нелинейный способ бытия текста. «Лабиринт» (от греч. labyrinthes – сложное

переплетение, сеть, запутанность) как структурный принцип организации Библиотеки культуры осмыслен У. Эко в романе «Имя розы».

3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. М., 1977. С. 241.

4. Термин, впервые введенный в научный обиход Ю. Кристевой в ее работе: *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1963. В лингво-культурологическом смысле интертекстуальность означает «наличие определенных формальных и семантических отношений между данным текстом и другими текстами», обеспечивающим возможность «объединения текстов в тексты и даже просто возможность продолжения текста». — *Кронгауз, М.* Семантика [Текст] / М. Кронгауз. М., 2001. С. 264.

5. *Огданец, М.* Интертекстуальность // Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [Текст] / М. Огданец; под ред. В. В. Бычкова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 607 с. (Сер. «Summa culturologiae»). С. 203.

6. Кульминация постмодерна в отечественной музыке приходится на начало постсоветского периода, т. е. на 90-е гг. XX в.

7. *Стравинский, И.* Хроника моей жизни [Текст] / И. Стравинский. Л., 1963. С. 125.

8. Там же.

9. *Мартынов, В.* Зона OPUS POSTH, или Рождение новой реальности [Текст] / В. Мартынов. М., 2005. С. 221.

10. *Катунян, М.* Между концертом и мультимедиа: к проблеме новой исполнительской ситуации [Текст] / М. Катунян // Искусство XX века: элита и массы. Н. Новгород, 2004. С. 69.

11. *Мартынов, В.* Указ. соч. С. 240. Будет уместным уточнить: понятие поставангарда употребляется нами в качестве местоимения (или аналога) постмодерна (постмодернизма) в музыке, что обусловлено сложившейся традицией в сообществе музыковедов и эстетиков.

12. *Махов, А.* Игра [Текст] / А. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 285.

13. *Еко, У.* The open work [Text] / U. Eco. Cambridge, Mass. 1989. P. 44.

14. Идея, по возрасту равная столетию. Ее первая артикуляция обязана А. Н. Скрябину, который не

только концептуально осмыслил (замысел «Мистерии»), но и своеобразно — через прометеевский опыт синтеза музыки и света — отразил идею духовного единения композитора, исполнителей, слушателей.

15. *Савенко, С.* Бах на все времена [Текст] / С. Савенко // Искусство XX века: парадоксы смеховой культуры. Н. Новгород, 2001. С. 337.

16. Приведенные примеры выходят за пределы традиционно понимаемой композиторской деятельности и демонстрирует «беспрецедентное самоустранение фигуры композитора». — *Мартынов, В.* Конец времени композиторов [Текст] / В. Мартынов. М., 2002. С. 272.

17. Категория гиперинтерпретации осмыслена У. Эко (работа «Пределы интерпретации» — «Interpretation and Overinterpretation», 1992) в результате научной дискуссии, состоявшейся в 1990 г. в Кембридже между Эко, Рорти, Дж. Каллером и К. Брук-Роуз.

18. *Эко, У.* Заметки на полях «Имени розы» [Текст] / У. Эко // Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 635.

19. *Савенко, С.* В ракурсе постмодерна [Текст] / С. Савенко // История отечественной музыки второй половины XX века: учеб. пособие; отв. ред. Т. Н. Левая. СПб., 2005. С. 552.

20. *Чередниченко, Т.* Музыкальный запас: 70-е. Проблемы. Портреты. Случаи [Текст] / Т. Чередниченко. НАО. М., 2002. С. 37.

21. *Мартынов, В.* Конец времени композиторов. С. 6.

22. Там же. С. 171.

23. Для примера приведем цитированные монографии В. Мартынова «Конец времени композиторов» и «Зона OPUS POSTH, или Рождение новой реальности».

24. См. интервью с Т. Гринденко: *Двоскина, Е.* Татьяна Гринденко: новый путь [Текст] / Е. Двоскина // Муз. академия. 2003. № 2. С. 49.

25. Там же.

26. «Разрушение пространства искусства фактически означает смерть человека переживающего», — констатирует В. Мартынов. См.: *Мартынов, В.* Конец времени композиторов. С. 32–33.

27. *Фуко, М.* Слова и вещи [Текст] / М. Фуко. С. 487.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. Н. Ившина

СТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА КАНАДЫ В РАМКАХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБЪЕДИНЕННОГО СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ (1867–1982 гг.)

В данной статье описывается длительный процесс юридического закрепления государственного суверенитета Канады. В силу особенностей становления государственности северо-американских колоний Великобритании первый этап данного процесса связан с оформлением автономии доминиона во внутренних делах (1865–1931 гг.), второй – со становлением внешнеполитического суверенитета (1898–1971 гг.), третий – с конституционным закреплением абсолютного государственного суверенитета (1971–1982 гг.).

Во второй половине XIX в. в нескольких северо-американских колониях Великобритании начался процесс юридического оформления канадской государственности, который по объективным причинам был необратим. В этих условиях метрополия и складывающийся федеративный союз колоний преследовали практически противоположные интересы, желая выйти из ситуации мирным путем и с минимальными потерями. Поэтому становление суверенитета Канады затянулось на несколько десятилетий.

Великобритания стремилась создать в Северной Америке централизованное государственное образование, которое не могло бы реально ей противостоять. Это обусловило образование федерации, центр которой был сильнее в отношениях с субъектами федерации, чем у уже существовавшего в то время первого федеративного государства (США), но усилия центра поглощались разрешением противоречий между субъектами, которые изначально были заложены в канадскую модель федерализма. Именно это отвлекло «отцов Конфедерации» от немедленной борьбы за абсолютный государственный суверенитет.

С точки зрения теории государства суверенитет является одним из основных признаков государства, и если он отсутствует, то нельзя говорить о каком-либо территориальном образова-

нии, пусть даже самоуправляющемся, как о государстве.

В момент образования федерации Канада не обладала ни внутренним, ни внешним суверенитетом, то есть власть учрежденных в Канаде центральных органов не была верховной, а также вновь учрежденное территориальное образование не могло осуществлять внешнеполитические функции, следовательно, не являлось субъектом международного права.

М. Н. Марченко допускает существование у государства формального суверенитета, при котором суверенитет юридически и политически провозглашается, но фактически не осуществляется в силу распространения на него влияния других государств, диктующих свою волю [1]. В случае с Канадой отсутствует даже формальный суверенитет, так как о нем нет даже намека ни в букве, ни в духе Акта о Британской Северной Америке 1867 г.

Для наименования вновь сформированного территориально-политического союза метрополия находит новый термин – «доминион», что означает «владение». Британская доктрина конституционализма допускает только автономию, но ни в коем случае не суверенитет доминиона. С точки зрения теории государства существует концепция об утрате значимости принципа суверенитета государства [2] в пользу принципа автономии в федеративном государстве. При оценке данной концепции следует согласиться с мнением Л. М. Карапетяна, который считает, что «противопоставление суверенитета как свойства государства “автономии” в условиях федерализма представляется необоснованным» [3]. Действительно, и автономия, и федерализм могут существовать в рамках государства и соответствующего суверенитета.

В целях исследования процесса становления подлинного государственного суверенитета Канады целесообразно апеллировать к теории разделенного суверенитета, причем деление собственно суверенитета следует признавать как по его носителям, так и по содержательной стороне.

По содержательной стороне в данном случае следует выделить такие стороны государственного суверенитета, как правовой, внешнеполитический и конституционный. При этом правовой суверенитет подразумевает прерогативу правотворчества, внешнеполитический – возможность

ИВШИНА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Ившина И. Н., 2007

самостоятельно в своих интересах выступать в отношениях с иными суверенными государствами, а конституционный – абсолютное верховенство государственной власти и конституции как средства ее осуществления. Возможно, выделение конституционного суверенитета в каком-либо ином государстве можно считать нецелесообразным. Но в Канаде, конституция которой на протяжении многих десятилетий создавалась за океаном, это чрезвычайно актуально.

По носителям суверенных прав можно выделить суверенитет государственный и народный. При этом в Канаде, как, впрочем, и в других доминионах Британской империи, сформированных по принципу федерализма, возникает уникальная ситуация. Если с точки зрения разделенного суверенитета анализировать федеративное государственное образование, то суверенитет разделен по вертикали на два уровня: суверенные права федерации в целом и суверенные права ее субъектов. В доминионах же возникают три уровня разделенного суверенитета: суверенитет метрополии, суверенитет федерации и суверенитет субъектов федерации. При этом все три группы суверенных прав в целом составляют государственный суверенитет, так как реализуются посредством права и с возможностью применения легализованного принуждения. Кроме того, каждый уровень разделенного суверенитета дополнительно делится в соответствии с принципом разделения властей на суверенитет законодательный, исполнительный и судебный.

Народный же суверенитет сравнительно ограничен. Так, в Канаде, например, население допускается только к формированию представительных органов провинций и нижней палаты федерального парламента, причем первоначально устанавливается ряд ограничительных цензов. Кроме того, в статутном праве Канады не существует закрепления приоритета народного суверенитета над государственным. Безусловно, это особенность еще и монархической формы правления, хотя в современных условиях де-факто Канада является парламентской республикой. Д. В. Смайли по этому поводу отмечает, что отцы конфедерации были «антидемократами, ни один из них не верил во всеобщее избирательное право без имущественного ценза», поэтому они не испытывали «какую-либо симпатию к принципу народного суверенитета» [4]. Действительно, если преамбулы Конституции России [5] и Соединенных Штатов Америки [6] начинаются со слов «Мы, народ...», то Акт о Британской Северной Америке 1867 г. – со слов «Провинции Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик», что говорит само за себя.

В истории Канады можно выделить несколько этапов становления суверенитета в целом,

которые определяются принятием и вступлением в силу ряда конституционных статутков.

Первым из них является этап становления относительной автономии Канады во внутренних делах. По времени его можно отнести к тому периоду, когда Канада имела преимущественно статус британской колонии (1865–1893 гг.).

Начало данного периода связано с принятием Парламентом Великобритании Акта о действительности колониальных актов от 29 июня 1865 г. (Colonial Laws Validity Act). Данный Акт вводит дефиницию легислатуры: это власть, отличная от Парламента Империи или Ее Величества в Совете, компетентная издавать законы для любой колонии» (ст. 1). Кроме того, вводится дефиниция колониального права (Colonial Law) – это все «законы, принятые для колонии любой такой Легислатурой или Ее Величеством в Совете. При этом ст. 2 определяет место актов, исходящих непосредственно от колониальной легислатуры: «Любой колониальный закон, который противоречит предписаниям любого акта Парламента (имеется в виду Парламент Соединенного Королевства), распространяющегося на колонию», а также «противоречащий какому-либо приказу или инструкции (Order or Regulation), принятым на основании вышеуказанного акта, должен соответствовать такому акту, приказу или инструкции, и будет считаться недействительным и недействующим вплоть до устранения такого противоречия».

Статья 5 Акта 1865 г. определяет соотношение компетенции колониальной легислатуры и представительного законодательного органа как ее части. Такими органами на территории Канады были колониальные ассамблеи. В состав легислатуры также входил ряд должностных лиц, от имени которых также могли издаваться статуты. Статья 7 Акта устанавливает процедуру согласования изданных легислатурой статутков с Губернатором колонии и монархом Великобритании.

Таким образом, британские колонии, в том числе и Канада, получили определенную автономность в сфере правотворчества и организации самоуправления.

Вторым важнейшим правовым актом в рамках этого этапа является Акт о Британской Северной Америке 1867 г. Он значительно расширяет сферу самоуправления и вследствие этого для отличия от колоний наделяет Канаду статусом доминиона.

В соответствии с Актом 1867 г. Канада приобретает двухуровневую систему органов управления: на уровне Союза и на уровне провинций, которые обладают определенной компетенцией. Эти органы нельзя называть государственными как раз по причине отсутствия у Канады госу-

дарственного суверенитета: они подчинены государственным органам метрополии и не обладают верховной властью.

В тексте Акта 1867 г. содержится противоречие, которое доказывает также отсутствие национального суверенитета. Оно связано с вопросом: по чьей воле сформирован Союз? Абзац 1 преамбулы гласит: «Провинции Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик выразили желание объединиться в единый Доминион». Это положение в отрыве от контекста может толковаться как инициатива создания государства «снизу», что в дальнейшем ведет к распространению на Канаду договорной теории происхождения государства. Но при дальнейшем анализе текста данный тезис становится несостоятельным. Так, анализируя ст. 3 Акта, мы видим, что принципиальное решение – быть или не быть Союзу – принимала Королева Великобритании. Возвращаясь к преамбуле, становятся очевидными интересы метрополии: именно она, а не вновь созданный Союз, «должна озаботиться учреждением законодательной власти в Доминионе и определить характер его исполнительной власти», причем «с Конституцией, в принципах сходной с Конституцией Соединенного Королевства».

Таким образом, уже с первых статей становится ясно, что Канада как Союз образовалась не «снизу», а «сверху», благодаря «милости» и собственным интересам метрополии. В этом случае говорить о государственном суверенитете Канады не приходится. Можно констатировать лишь юридическую автономию, причем широкую автономию доминиона. Это был первый шаг по пути достижения суверенитета.

Историк А. Зиммерн пытается оправдать политику метрополии. Он утверждает, что «Англия никогда в своей политике не искала выгод для себя и руководствовалась исключительно заботой о народах подвластных колоний. Беря на себя управление ими, она ставит своей задачей подготовить их к независимости и по мере выполнения этой задачи направляет их на самостоятельный путь» [7].

Другой аргумент для объяснения незавершенности процесса становления внутреннего суверенитета еще в XIX в. приводит Х. Эгертон. По его мнению, большинство канадцев «не хотело в то время отделяться от метрополии, а только стремилось получить право самим решать свои внутренние дела» [8]. При этом под внутренними делами подразумевались прежде всего два права: право распоряжаться налогами и утверждать законы. Эти права, по мнению английского журнала «Колониэл мэгэзин», «должны быть предоставлены без всяких ограничений каждой колонии, в которой, помимо губернатора, имеются исполнительные советы и ассамблеи» [9].

Все вышеперечисленные противоречивые мнения оказались несостоятельными в свете дальнейшей деятельности политики Канады.

Второй этап – становление внешнеполитического суверенитета Канады (1893–1971 гг.). Л. А. Зимулина [10] также выделяет данный этап становления суверенитета доминионов (1923–1926 гг.), но, по нашему мнению, применительно к Канаде следует расширить его хронологические рамки.

Данный этап преимущественно связан с периодом, в течение которого Канада имела статус собственно доминиона. Безусловно, в это время к Канаде переходит ряд прерогатив, то есть можно говорить о дальнейшем расширении пределов внутренней автономии. Но на первое место в данный период выходит все же приобретение Канадой качественно нового статуса на международной арене.

Прежде чем появилось статутное закрепление внешнеполитического суверенитета Канады, ею был осуществлен ряд значимых политических шагов. К ним можно отнести, например, создание в 1909 г. Департамента внешних сношений, который позднее перерос в Министерство иностранных дел Канады, а также постоянную демонстрацию перед Англией собственных позиций по проблемам и вопросам внешней политики.

Так, уже в 1893 г. Англия была вынуждена признать право Канады на самостоятельное определение ее внешнеторговой политики. Это выразилось в их совместном подписании Договора о торговле с Францией. Стэнли по этому поводу произнес следующее: «Политическая независимость последует немедленно за независимостью торговой» [11].

Подобная ситуация повторяется в 1912 и в 1914 гг. Канада принимает участие в международных совещаниях и ставит свои подписи под международными конвенциями по вопросам радиотелеграфной связи и о спасении потерпевших кораблекрушение [12]. После окончания Первой мировой войны Канада была приглашена на мирную конференцию и поставила свою подпись под Версальским мирным договором. Но во всех перечисленных международных соглашениях подписи Канады стояли в группе Британских стран.

Вместе с другими доминионами Британии Канада ставит вопрос о пересмотре правового статуса доминиона в рамках Британской империи. Этому вопросу был посвящен ряд имперских конференций, по итогам которых были приняты правовые документы, касающиеся внешнеполитического суверенитета доминионов.

Так, в 1911 г. английское правительство обязалось не заключать никаких соглашений с другими державами без консультации с доминионами, если эти соглашения могут затронуть интересы последних [13].

Конференция 1923 г. далее расширяет права доминионов. По ее результатам была принята Чанакская резолюция, которая признавала «желательным, чтобы ни одно правительство империи не вело переговоров о договорах без должного внимания к воздействию, которое оно может иметь на другие части империи» [14]. Далее доминионы требовали составления Конституции Британского Содружества, в которой должен быть четко зафиксирован статус доминионов как субъектов международного права.

В ответ на это требование 18 ноября 1926 г. была принята Декларация лорда Бальфура, в которой содержалась «формула доминионов». Отныне они признавались «автономными единицами внутри Британской империи, равные по статусу, ни в каком отношении не подчиненные одна другой в каком бы то ни было смысле в их внутренних и внешних делах, хотя и объединенные общим подданством короне и свободно объединившиеся в качестве членов Британского Содружества Наций» [15].

Некоторые исследователи утверждают, что данная формулировка свидетельствует об официальном признании суверенитета Канады [16]. По нашему мнению, это далеко не так. Данное положение закрепляет равный правовой статус доминионов Великобритании по отношению друг к другу, но сохраняет автономность, то есть определенную зависимость по отношению к метрополии.

Что касается иных государств, не являющихся членами Британского Содружества, то по отношению к ним доминионы получили право самостоятельно решать вопросы войны и мира, а также самостоятельно осуществлять внешние сношения. При этом «решающим соображением, лежащим в основе всякого обсуждения данной проблемы, должно быть то, что ни Великобритания, ни доминионы не должны связывать себя принятием активных обязательств, если на то не будет определенного согласия их собственных правительств» [17].

На основании данной Декларации в 1927 г. Канада основала дипломатическое представительство в Вашингтоне, затем – в Париже и Токио.

Декларация Бальфура полностью вошла в текст Вестминстерского статута, принятого 11 декабря 1931 г., который фактически является конституцией Британского Содружества Наций. В соответствии с ним термин «колония» не мог в дальнейшем употребляться применительно к Канаде.

Данный документ также значительно расширил прерогативы Канады в сфере внутреннего суверенитета. В соответствии с ним значительно сузились полномочия генерал-губернатора Канады (он стал выполнять исключительно предста-

вительские функции); английский парламент лишился права отменять или изменять законы, принятые в Канаде (ст. 2); парламент Канады получил правомочия отменять или изменять нормативный акт (закон, указ, предписание или постановление), являющийся правом Доминиона, а также распространять на свою территорию или ограничивать действие общеимперских статуты (ст. 4); он также приобрел абсолютные законодательные полномочия с экстерриториальным действием принятых ими законов (ст. 3). Кроме того, Великобритания могла издавать законы, затрагивающие права Канады, только с ее согласия (ст. 4).

Фактически же законодательная практика в сфере принятия конституционных статуты не изменилась. По отношению к Канаде это особо оговаривалось в ст. 7: консолидированный Акт о Британской Северной Америке полностью сохранял свое действие, а правомочия, предоставленные Вестминстерским статутом Канаде и ее провинциям, касались лишь вопросов, относящихся к компетенции Парламента Канады и соответственно законодательных органов ее провинций.

Что касается конституционных статуты, то обе палаты Парламента Канады по-прежнему направляли в Лондон адреса, в преамбулах к которым «почтительно просили» английского монарха «соблаговолить внести в Парламент Соединенного Королевства» очередной законопроект [18].

П. Р. Датт утверждает, что Вестминстерским статутом были заложены только основы фактической независимости Канады. При этом он считает, что «остатки колониальных отношений в конституционной области не имеют большого значения» [19]. У. Фостер также отмечает, что «Вестминстерским статутом были отменены последние существенные юридические ограничения суверенитета Канады» и Канада приобрела «статус равенства с Соединенным Королевством» [20]. Безусловно, исходя из формально-юридического видения, нельзя разделять подобную точку зрения. Государственный суверенитет не может измеряться количественными признаками. Он либо существует, либо отсутствует. Следовательно, в данном случае вновь приходится констатировать отсутствие государственного суверенитета Канады. Что касается «статуса равенства», то Канада получила его по отношению только к другим доминионам в составе Содружества, но сохранила «статус неравенства» в конституционной сфере по отношению в Великобритании.

В 1945 г. Канада смогла вступить в созданную Организацию Объединенных Наций как суверенное государство и занять место в общем алфавитном списке стран-участниц. Это свидетельствует о факте международного признания Канады.

В 1949 г. был принят Акт о Верховном Суде Канады, в соответствии с которым верховная судебная власть перешла от Судебного Комитета Тайного Совета Великобритании к Верховному Суду Канады.

В 1952 г., закрепляя свое особое положение в отношениях с Великобританией, Канада объявила себя «государством Короны».

Таким образом, важнейшие юридические признаки колониального статуса Канады были утрачены, Декларация Бальфура и Вестминстерский статут явились важнейшими юридическими документами на пути достижения внешнеполитического суверенитета по отношению к странам, не входящим в Содружество. Однако юридическая зависимость Канады от Лондона сохранилась, хотя и значительно ослабла. Ключевым моментом данной зависимости являлось отсутствие у Канады прерогативы по изменению статуты, составляющих конституцию Доминиона, то есть отсутствие конституционного суверенитета.

Третий этап – становление конституционного суверенитета, который юридически означал достижение абсолютного государственного суверенитета Канады (1971–1982 гг.).

Началом данного этапа можно считать принятие Канадской Конституционной Хартии в 1971 г., которая впервые закрепила процедуру изменения конституции Канады без участия Парламента Великобритании.

Статья 49 Хартии гласит: «Поправки к Конституции Канады могут время от времени быть сделаны в соответствии с провозглашением, выпущенным генералом-губернатором под Большой Печатью Канады, по представлению Сената и Палаты Общин, а также законодательных собраний большинства провинций» [21]. В целом процедура изменения конституции детально закрепляется в главе IX данного статута. Кроме того, глава X впервые закрепляет в модернизированном виде перечень актов, составляющих консолидированную конституцию Канады. Этот перечень состоит из 25 статуты, два из которых признаются утратившими силу, причем впервые по отношению к ним законодательно применяется термин «конституционный акт».

Тем не менее официальное признание и становление конституционного суверенитета Канады произошло только десять лет спустя. Конституционная Хартия стала своеобразной «пробой сил» Канады и Великобритании в вопросе окончательного юридического оформления государственного суверенитета Канады. Затем вплоть до 1981 г. этот вопрос решался на различных политических уровнях обоих государств. Большую роль в патриации конституции Канады и, следовательно, в окончательном обретении государственного суверенитета сыг-

рал бывший в то время премьер-министром Канады П. Э. Трюдо.

В декабре 1981 г. Парламент Канады направил Королеве Великобритании резолюцию, в которой просил внести в Парламент Соединенного Королевства последний законопроект – Акт о Канаде. В резолюции давалась мотивировка данной просьбы: необходимо учесть, что «статус независимого государства Канады узаконивает все полномочия канадцев по внесению изменений в их конституцию» [22]. Статья 2 приложения «А», которое в дальнейшем цитировалось как Акт о Канаде 1982 г., содержала следующую норму: «Ни один акт Парламента Соединенного Королевства, изданный после вступления в силу Конституционного Акта 1982 г., не будет являться частью права Канады».

29 марта 1982 г. британский Парламент одобрил Акт о Канаде, после чего Королева издала прокламацию, в которой говорилось: «Вследствие своей принадлежности к суверенному государству канадцы обладают всей полнотой власти изменять конституцию Канады». Кроме того, Прокламация подтверждала факт патриации конституции Канады и называла дату вступления в силу данных изменений – 17 апреля 1982 г.

В. Е. Шилов считает, что полный и абсолютный суверенитет в конституционной области Канада получила именно в момент подписания в Оттаве в апреле 1982 г. Конституционного Акта [23].

Таким образом, только с 17 апреля 1982 г. Канаду можно считать суверенным государством: она приобрела полную независимость от бывшей метрополии во внешних и внутренних делах.

Между тем, если подходить строго формально-юридически, то Канада до сих пор не является де-юре суверенным государством. В пользу этой точки зрения свидетельствует то, что главой канадского государства в соответствии с действующей конституцией Канады является Королева Великобритании, то есть глава другого суверенного государства. Безусловно, данная норма статутного права перекрывается нормой неписаной конституции, и главой государства является генерал-губернатор Канады. Подобная ситуация характерна для государств, бывших колоний и доминионов Британской империи, сохранивших монархическую форму правления. Данный факт следует расценивать как юридический символ, рудимент, который со временем должен быть исключен как из писаной, так и из неписаной конституции Канады.

Таким образом, в процессе становления государственного суверенитета Канады на основании статутного права можно выделить три составляющие:

1. Становления автономии колонии во внутренних делах (1865–1931 гг.).
2. Этап становления внешнеполитического суверенитета доминиона (1898–1971 гг.).

3. Этап становления конституционного суверенитета, завершение которого означало достижение абсолютного государственного суверенитета Канады (1971–1982 гг.).

По нашему мнению, юридический термин «государство» применительно к Канаде следует употреблять только с 17 апреля 1982 г., то есть с момента приобретения Канадой абсолютного государственного суверенитета.

Примечания

1. Проблемы теории государства и права [Текст] / под ред. М. Н. Марченко. М., 1999. С. 74.

2. См., например, *Лейкофф*, С. Оппозиция «суверенитет – автономия в условиях федерализма» [Текст] / С. Лейкофф // Политические исследования. 1995. № 1. С. 178.

3. *Карпетян*, А. М. Федерализм и права народов [Текст] / А. М. Карпетян. М., 1999. С. 86.

4. *Smiley, D. V.* The Federal Condition in Canada [Text] / D. V. Smiley. Toronto, 1987. P. 39.

5. Конституция Российской Федерации [Текст]. М., 2006.

6. Конституции государств американского континента [Текст]. Т. II. М., 1959; Конституции зарубежных государств [Текст] / сост. В. В. Маклаков. М., 1996.

7. Цит. по: *Ерофеев*, Н. А. Английский колониализм в середине XIX века [Текст] / Н. А. Ерофеев. М., 1977. С. 248.

8. Там же. С. 244.

9. Там же. С. 35.

10. *Зимулина*, А. А. Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914–1931 гг.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Зимулина. М., 1995.

11. Цит. по: *Ерофеев*, Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. С. 57.

12. *Elliot, W. Y.* The new British empire [Text] / W. Y. Elliot. N.Y., 1932. P. 270.

13. См. *Ерофеев*, Н. А. Закат Британской империи [Текст] / Н. А. Ерофеев. М., 1967. С. 73.

14. Imperial conference 1923. Summary of proceedings [Text]. L., 1923. P. 13–15.

15. *Riddell, W. A.* (ed.) Documents on Canada Foreign Policy. 1917–1939 [Text] / W. A. Riddell. Toronto, 1962. P. 131.

16. См., например, Канада: 1918–1945 [Текст]. М., 1976. С. 180; *Датт*, Р. Палм. «Британское Содружество» и его проблемы [Текст] / Р. Палм Датт // Международная жизнь. 1960. № 8. С. 40.

17. *Riddell, W. A.* Ibid. P. 132.

18. См., например, The Canada Gazette [Text]. Part III. Special Issue. Ottawa, 1982. Sept. 21.

19. *Датт*, Р. Палм. Кризис Британии и Британской империи [Текст] / Р. Палм Датт. М., 1959. С. 51.

20. *Фостер*, У. Очерк политической истории Америки [Текст] / У. Фостер. М., 1955. С. 208.

21. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Proposals/Victoria_Charter.html [Electronic resource]

22. The Canada Gazette [Text]. Part III. Special Issue. Ottawa. 1982. Sept. 21.

23. *Шило*, В. Е. Эволюция канадского федерализма 1982–2000 [Текст] / В. Е. Шило // США – Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 12. С. 69.

А. И. Стахов

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-КАЗУАЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрывается специфика охранительного содержания административно-казуальных мер обеспечения безопасности, применяемых в Российской Федерации, сформулированы предложения по систематизации и унификации указанных мер.

Под административно-казуальными мерами обеспечения безопасности следует понимать нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения поведения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от административно-правовых казусов, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

Из логико-позитивного анализа сформулированной дефиниции можно указать ряд основных характерных признаков административно-казуальных мер обеспечения безопасности.

Во-первых, административно-казуальные меры обеспечения безопасности применяются специализированными государственными органами и органами местного самоуправления, их системными образованиями и должностными лицами – органами административно-публичного обеспечения безопасности.

Во-вторых, административно-казуальные меры обеспечения безопасности представляют собой специальное юридическое средство, применяемое органами административно-публичного обеспечения безопасности адекватно административно-правовым казусам, способствующим возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, или, иначе – соотносимо с обстановкой, которая складывается с участием физических и юридических лиц в результате воздействия отдельных предметов, явлений и процессов – техногенных и природных источников опасности – и которая способна причинить, причиняет или причинила вред конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства

СТАХОВ Александр Иванович – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Стахов А. И., 2007

и нации (далее – общественно опасная ситуация техногенного и природного характера). Указанные меры обеспечения безопасности применяются органами административно-публичного обеспечения безопасности адекватно чрезвычайной ситуации техногенного и природного характера либо иной общественно опасной ситуации, складывающейся в результате воздействия отдельных техногенных и природных источников опасности. В соответствии с ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ под чрезвычайной ситуацией следует понимать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнеобеспечения людей [1]. Соответственно к иной общественно опасной ситуации в результате воздействия отдельных техногенных и природных источников опасности, следует отнести обстановку на определенной территории, сложившуюся после аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, а также воздействия иных техногенных и природных источников опасности, которая не нанесла значительных материальных потерь и нарушения условий жизнеобеспечения людей, ущерба здоровью людей или окружающей природной среде, а также не повлекла за собой человеческие жертвы.

В-третьих, административно-казуальные меры обеспечения безопасности составляют содержание полномочий органов административно-публичного обеспечения безопасности по предупреждению, выявлению и нейтрализации общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера. Рассматриваемые меры обеспечения безопасности составляют содержание полномочий органов внутренних дел по предупреждению, выявлению и нейтрализации дорожно-транспортных происшествий, содержание полномочий системных образований МЧС России по предупреждению, выявлению и нейтрализации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также иных общественно опасных ситуаций, в том числе связанных с пожарами, содержание полномочий системных образований Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации по предупреждению, выявлению и нейтрализации эпидемий и т. д.

В-четвертых, применение административно-казуальных мер обеспечения безопасности связано с непосредственным вмешательством органов

административно-публичного обеспечения безопасности в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность физических и юридических лиц, которые организационно не подчинены данным органам, но являются участниками чрезвычайной ситуации техногенного и природного характера или участниками иной общественно опасной ситуации техногенного и природного характера.

В-пятых, основанием применения административно-казуальных мер обеспечения безопасности является ожидаемая или наступившая в действительности формально определенная общественно опасная ситуация техногенного и природного характера. Основанием применения данных мер обеспечения безопасности является чрезвычайная ситуация техногенного и природного характера либо иная общественно опасная ситуация, складывающаяся в результате воздействия отдельных техногенных и природных источников опасности, которая предусмотрена действующим законодательством.

В-шестых, административно-казуальные меры обеспечения безопасности отличаются формально определенной целевой направленностью. Данные меры закреплены в административно-правовых нормах и применяются органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от чрезвычайной ситуации техногенного и природного характера либо иной общественно опасной ситуации, складывающейся в результате воздействия отдельных техногенных и природных источников опасности. Административно-казуальные меры обеспечения безопасности направлены на предупреждение, выявление и нейтрализацию указанных общественно опасных ситуаций.

В-седьмых, объектами административно-казуальных мер обеспечения безопасности являются:

а) поведение физических и юридических лиц – участников общественно опасной ситуации техногенного и природного характера. Например, объекты административно-казуальных мер обеспечения безопасности – поведение граждан, оказавшихся в зоне чрезвычайной ситуации техногенного и природного характера, поведение участников дорожно-транспортного происшествия, поведение граждан, оказавшихся в зоне воздействия эпидемии, наводнения, пожара, взрыва, производственной аварии, не отнесенных к чрезвычайным ситуациям;

б) блага и ценности, составляющие конституционные и иные законные интересы личности, общества, государства, нации, которым может быть причинен (причиняется либо причинен) вред общественно опасной ситуацией техногенного и

природного характера. К указанным благам и ценностям следует отнести, например, имущество граждан и организаций, а также имущество, составляющее государственную и муниципальную собственность, которому может быть причинен вред чрезвычайной ситуацией техногенного и природного характера, либо иной обстановкой, которая складывается в результате воздействия отдельных техногенных и природных источников опасности, но не относится к чрезвычайной ситуации.

Анализ научных работ, посвященных исследованию проблем обеспечения безопасности, позволяет уяснить особенности административно-правового регулирования отдельных общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера [2], но не раскрывает специфики интегрирующего, универсального механизма административно-правового регулирования, призванного оказывать воздействие на указанные общественно опасные ситуации независимо от их вида.

Сформулированная проблема предопределяет необходимость унификации и систематизации административно-казуальных мер обеспечения безопасности в Российской Федерации. В этих целях будет логичным из анализа действующего законодательства подразделить административно-казуальные меры обеспечения безопасности в зависимости от основания, целевой направленности и вызываемых административно-правовых последствий на предупредительные, ограничительные, поисково-спасательные и меры административно-казуального расследования.

Предупредительные административно-казуальные меры обеспечения безопасности представляют собой нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях предупреждения ожидаемых *post priory* (на основе опыта) общественно опасных природных и техногенных ситуаций.

Анализ административного законодательства в области безопасности и изученных материалов по предупреждению, выявлению и нейтрализации отдельных видов общественно опасных ситуаций, связанных, в частности, с пожарами, промышленными авариями и инцидентами, дорожно-транспортными происшествиями, эпидемиями, позволяет сделать вывод, что основанием применения данных мер обеспечения безопасности являются формально определенные ожидаемые *post priory* общественно опасные ситуации природного и техногенного характера. При этом

следует заметить, что основания применения предупредительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности можно подразделить на две основные группы:

1) ожидаемые *post priory* чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера, формально определенные в нормах ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», отдельных федеральных законов, регулирующих отдельные виды безопасности, а также ряда специальных постановлений Правительства Российской Федерации. Например, ожидаемые *post priory* локальная, местная, территориальная, региональная, федеральная и трансграничная чрезвычайные ситуации, чрезвычайная ситуация, сложившаяся в результате аварии гидротехнического сооружения и др.;

2) ожидаемые *post priory* иные общественно опасные ситуации техногенного и природного характера, формально определенные федеральными законами и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти в отдельных сферах безопасности. Например, ожидаемые *post priory*: дорожно-транспортное происшествие, эпидемия, авиационное происшествие и др.

При таком подходе представляется обособленным говорить об административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, направленных на предупреждение чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, и административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, направленных на предупреждение иных общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера.

Из анализа действующего административно-казуального законодательства в области безопасности к административно-казуальным мерам обеспечения безопасности, направленным на предупреждение чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, следует отнести утверждение и согласование органами административно-публичного обеспечения безопасности отдельных видов документов планирования мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Например, согласование и утверждение паспортов безопасности, планов по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Указанные меры обеспечения безопасности предусмотрены специальными нормативными правовыми актами отдельных федеральных органов исполнительной власти, принятыми в соответствии с решением совместного заседания Совета безопасности Российской Федерации и президиума Государственного совета Российской Федерации от 13.11.2003 № 4 «О мерах по бес-

печению защищенности критически важных для национальной безопасности объектов инфраструктуры и населения страны от угроз техногенного, природного характера и террористических проявлений».

Согласование паспорта безопасности опасного объекта или утверждение паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований производится руководителем высшего исполнительного государственной власти субъекта Российской Федерации, главой муниципального образования, руководителем Главного управления МЧС России по субъекту Российской Федерации.

Разработка паспорта безопасности опасного объекта организуется руководством объектов, использующих, производящих, перерабатывающих, хранящих или транспортирующих радиоактивные, пожаровзрывоопасные, опасные химические и биологические вещества, гидротехнические сооружения за исключением объектов Вооруженных Сил.

Разработка паспорта безопасности территории субъекта Российской Федерации и муниципального образования организуется соответственно органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органом местного самоуправления.

Указанные паспорта безопасности разрабатываются для решения таких задач, как определение показателей степени риска чрезвычайных ситуаций; оценка возможных последствий чрезвычайных ситуаций; оценка состояния работ по предупреждению чрезвычайных ситуаций и готовности к ликвидации чрезвычайных ситуаций; разработка мероприятий по снижению риска и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций.

Из анализа действующего законодательства в области безопасности к административно-казуальным мерам обеспечения безопасности, направленным на предупреждение иных общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера, следует отнести утверждение и согласование органами административно-публичного обеспечения безопасности отдельных видов документов планирования мероприятий по предупреждению и ликвидации общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера, не отнесенных к чрезвычайным ситуациям. Например, такой мерой обеспечения безопасности является утверждение декларации безопасности объектов.

Декларирование безопасности объектов является предупредительной административно-казуальной мерой обеспечения безопасности, которая предусмотрена специальными постановлениями Правительства Российской Федерации [3].

Из анализа указанных нормативных правовых актов можно сделать вывод, что в настоящее вре-

мя декларация безопасности объекта разрабатывается на отдельные виды техногенных источников опасности, в частности: 1) промышленные объекты, имеющие в составе особо опасные производства, т. е. участки, установки, цеха, хранилища, склады, станции или другое производство, на котором одновременно используют, производят, перерабатывают, хранят или транспортируют взрывопожароопасные или опасные химические вещества в количестве, равном или превышающем нормативно определенные пороговые значения; 2) гидротехнические сооружения, хвостохранилища и шламонакопители 1, 2, 3-го классов, на которых возможны гидродинамические образования; 3) подводные потенциально опасные объекты: суда, иные плавсредства, космические и летательные аппараты, в том числе их элементы, и другие технические средства а также боеприпасы, элементы оборудования и установок, полностью или частично затопленные во внутренних водах и территориальном море Российской Федерации в результате аварийных происшествий или захоронений, содержащие ядерные материалы, радиоактивные, химические, отравляющие, взрывчатые и другие опасные вещества, создающие угрозу возникновения чрезвычайных ситуаций.

По каждому из перечисленных объектов разрабатывается декларация безопасности в целях обеспечения контроля за соблюдением мер безопасности, оценки достаточности и эффективности мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на объекте. В указанной декларации отражается анализ безопасности данного объекта, обеспечение его готовности к локализации и ликвидации чрезвычайных ситуаций, информирование общественности, сведения о выводе объекта из эксплуатации.

Декларация безопасности, разработанная и утвержденная руководителем объекта, представляется вместе с экспертным заключением в соответствующий территориальный орган МЧС России и орган местного самоуправления, на территории которого расположен декларируемый объект. Уполномоченные территориальные органы МЧС России производят регистрацию, рассмотрение и утверждение экспертного заключения и представленной декларации безопасности.

Ограничительные административно-казуальные меры обеспечения безопасности – нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях предотвращения распространения наступивших в действительности общественно опасных ситуаций природного и

техногенного характера и получивших распространение среди физических и юридических лиц.

Анализ административного законодательства в области безопасности и изученных материалов по предупреждению, выявлению и нейтрализации отдельных видов общественно опасных ситуаций, связанных, в частности, с пожарами, промышленными авариями и инцидентами, дорожно-транспортными происшествиями, эпидемиями, позволяет сделать вывод, что основанием применения данных мер обеспечения безопасности являются формально определенные общественно опасные ситуации природного и техногенного характера, получившие распространение среди физических и юридических лиц. При этом следует заметить, что основания применения ограничительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности можно подразделить на две основные группы:

1) формально определенные чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера, возникшие в действительности и получившие распространение среди физических и юридических лиц. Например, возникшие в действительности и получившие распространение среди физических и юридических лиц локальная, местная, территориальная, региональная, федеральная и трансграничная чрезвычайные ситуации, чрезвычайная ситуация, сложившаяся в результате аварии гидротехнического сооружения;

2) иные формально определенные общественно опасные ситуации техногенного и природного характера, возникшие в действительности и получившие распространение среди физических и юридических лиц. Например, не отнесенные к чрезвычайной ситуации эпидемия, пожар, авария, дорожно-транспортное происшествие, получившие распространение среди физических и юридических лиц.

При таком подходе представляется обоснованным говорить об ограничительных административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, связанных с чрезвычайной ситуацией техногенного и природного характера, и ограничительных административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, связанных с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера.

На основании изложенного подхода анализ законодательства в области безопасности позволяет отнести к ограничительным административно-казуальным мерам обеспечения безопасности, связанным с чрезвычайной ситуацией техногенного и природного характера: установление особого противопожарного режима [4]; остановка деятельности организаций, находящихся в зоне чрезвычайной ситуации; ограничение доступа людей в зоны чрезвычайной ситуации [5].

Из анализа законодательства в области безопасности ограничительными административно-казуальными мерами обеспечения безопасности, связанными с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера, следует считать, например, введение карантина, направленного на предотвращение распространения инфекционных заболеваний, отстранение от работы инфицированного лица [6]; установление платы за негативное воздействие на окружающую среду [7].

Перечисленные меры обеспечения безопасности до настоящего времени не систематизированы и не подвергнуты административно-правовой процессуализации.

Поисково-спасательные административно-казуальные меры обеспечения безопасности представляют собой нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения поведения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях обнаружения наступивших в действительности общественно опасных ситуаций природного и техногенного характера, а также в целях оказания необходимой помощи участникам данных ситуаций.

Анализ административного законодательства в области безопасности и изученных материалов по предупреждению, выявлению и нейтрализации отдельных видов общественно опасных ситуаций связанных, в частности, с пожарами, промышленными авариями и инцидентами, дорожно-транспортными происшествиями, эпидемиями, позволяет сделать вывод, что основанием применения данных мер являются сообщения граждан, коммерческих и некоммерческих организаций, государственных органов, органов местного самоуправления о наступивших в действительности общественно опасных ситуаций техногенного и природного характера. Указанные основания следует подразделить на две основные группы в зависимости от границ зон распространения поражающих факторов общественно опасной ситуации природного и техногенного характера, количества людей, пострадавших в этой ситуации, размера причиненного материального ущерба. С этой точки зрения логично говорить о поисково-спасательных административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, связанных с чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, и поисково-спасательных административно-казуальных мерах обеспечения безопасности, связанных с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера.

С позиции изложенного на основании анализа действующего законодательства в области бе-

зопасности к поисково-спасательным административно-казуальным мерам обеспечения безопасности, связанным с чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, следует отнести: беспрепятственный проход на территорию и производственные объекты организаций, в жилые помещения для проведения работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций; требование от всех лиц, находящихся в зонах чрезвычайных ситуаций, соблюдения установленных мер безопасности [8].

Из анализа действующего законодательства в области безопасности поисково-спасательными административно-казуальными мерами обеспечения безопасности, связанными с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера, с нашей точки зрения, являются: проникновение на территорию и в помещения, принадлежащие коммерческим и некоммерческим организациям, гражданам с целью обнаружения пожара, аварии, взрыва, эпидемии, иных происшествий [9]; эвакуация людей и имущества из зоны затопления, аварии, эпидемии [10] и т. д.

Выделенные меры обеспечения безопасности до настоящего времени не систематизированы и не подвергнуты административно-правовой процессуализации.

Под мерами административно-казуального расследования следует считать нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях выявления и устранения причин и условий, способствовавших возникновению и развитию общественно опасных ситуаций природного и техногенного характера.

Анализ административного законодательства в области безопасности и изученных материалов по предупреждению, выявлению и нейтрализации отдельных видов общественно опасных ситуаций, связанных, в частности, с пожарами, промышленными авариями и инцидентами, дорожно-транспортными происшествиями, эпидемиями, позволяет сделать вывод, что основанием применения мер административно-казуального расследования является наступившая в действительности формально определенная общественно опасная ситуация природного и техногенного характера, с которой законодатель связывает необходимость выяснения и устранения причин ситуации. Указанные основания следует подразделить на две основные группы в зависимости от границ зон распространения поражающих факторов общественно опасной ситуации природного и техногенного характера, количества людей, пострадавших в этой ситуации, размера причи-

ненного материального ущерба. При таком подходе обоснованно выделить меры административно-казуального расследования, связанные с чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, и меры административно-казуального расследования, связанные с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера.

В результате анализа действующего законодательства в области безопасности к мерам административно-казуального расследования, связанным с чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, следует отнести, например, следующий ряд специфических административно-правовых мер по расследованию авиационных происшествий: запрос у соответствующих федеральных органов исполнительной власти, а также у граждан и юридических лиц документов и материалов, связанных с авиационным происшествием; проведение исследования психофизиологического состояния членов экипажа потерпевшего бедствие воздушного судна, а также соответствующих лиц из числа авиационного персонала; поручение организациям независимо от их организационно-правовой формы проведение исследований и работ, связанных с расследованием авиационного происшествия; получение информации от правоохранительных органов [11].

На основании анализа действующего законодательства в области безопасности к мерам административно-казуального расследования, связанным с иными общественно опасными ситуациями техногенного и природного характера, следует отнести, например: производство осмотра места аварии; составление протокола осмотра места аварии; опрос очевидцев аварии; выяснение характера нарушения технологического процесса; проверка наличия и исправности средств защиты; проверка соответствия объекта или технологического процесса проектным решениям; определение размера причиненного вреда [12].

Выделенные меры административно-казуального расследования до настоящего времени не систематизированы и не подвергнуты административно-правовой процессуализации.

Обобщая изложенное, следует отметить, что административно-казуальные меры обеспечения безопасности в настоящее время недостаточно изучены административно-правовой наукой. Указанные меры обеспечения безопасности предусмотрены различными федеральными законами и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти. Основания применения данных мер обеспечения безопасности не систематизированы. Административно-процессуальными нормами урегулированы отдельные выделенные меры. Сводный перечень государст-

венных органов и органов местного самоуправления, их системных образований, наделяемых полномочиями по применению административно-казуальных мер обеспечения безопасности, формально не определен.

При таком состоянии действующего законодательства представляется необходимым проведение систематизации и унификации административно-казуальных мер обеспечения безопасности при помощи специального кодифицированного нормативного правового акта Российской Федерации. В качестве такового можно предложить, например, ФЗ «Об основах административно-публичного обеспечения безопасности в Российской Федерации».

В нормах этого закона представляется обобщенным:

1) закрепить сводный перечень административно-казуальных органов обеспечения безопасности, наделяемых в Российской Федерации полномочиями по применению предупредительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, ограничительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, поисково-спасательных мер обеспечения безопасности, а также мер административно-казуального расследования;

2) определить основные виды предупредительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, ограничительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, поисково-спасательных мер обеспечения безопасности, а также мер административно-казуального расследования, применяемых административно-казуальными органами обеспечения безопасности в Российской Федерации;

3) определить общие основания и целевую направленность предупредительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, ограничительных административно-казуальных мер обеспечения безопасности, поисково-спасательных мер обеспечения безопасности, а также мер административно-казуального расследования, применяемых административно-казуальными органами обеспечения безопасности в Российской Федерации;

4) установить для административно-казуальных органов обеспечения безопасности запрет на применение административно-санкционирующих мер обеспечения безопасности и административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности в Российской Федерации.

Примечания

1. ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

2. Гуцин, В. В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Гуцин. М., 2002; Россинский, Б. В. Государственная система обеспечения дорожного движения (Тенденции, проблемы и перспективы развития) [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / Б. В. Россинский. М., 1993; Дмитриев, С. Н. Правовые, организационные и тактические проблемы деятельности дорожно-патрульной службы государственной инспекции безопасности дорожного движения [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Дмитриев. М., 2003; Стахов, А. И. Организационно-правовые основы обеспечения пожарной безопасности в России [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Стахов. М., 2001.

3. Постановлением Правительства РФ «О декларации безопасности промышленного объекта Российской Федерации» от 01.07.1995 года № 675 // СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2692; Постановлением Правительства РФ «Об утверждении положения о декларировании безопасности гидротехнических сооружений» от 06.11.1998, № 1303 // СЗ РФ. 1998. № 46. Ст. 5698; Постановлением Правительства РФ «О декларации безопасности подводных потенциально опасных объектов» от 27.02.2003, № 98 // РГ. 2003. № 93 (17 мая).

4. Ст. 30 ФЗ «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

5. Ст. 14 ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» от 22.08.1995 № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 350.

6. Ст. 30 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

7. Ст. 14 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

8. Ст. 25 ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» от 22.08.1995, № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.

9. Там же.

10. Ст. 14 ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» от 22.08.1995 № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.

11. Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации» от 02.12.1999, № 1329 // СЗ РФ. 1999. № 50. Ст. 6218.

12. Постановление Госгортехнадзора России «Об утверждении положения о порядке технического расследования причин аварий на опасных производственных объектах» от 08.06.1999, № 40 // РГ. 1999. № 171 (02 сент.).

КОЛЛЕКТИВНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье дается понятие, определяются признаки коллективно-трудовых отношений, выделяются их особенности в предмете трудового права, рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением профсоюзами своих полномочий, особенности их взаимодействия с работодателем.

Определение места профсоюзов в российском обществе, в системе права тесно связано с определением характера его взаимоотношений с работодателем. Эти вопросы достаточно подробно исследовались в науке трудового права во многих трудах. Такие исследования не утратили своей актуальности и сейчас. Названная проблема требует нового подхода, учитывающего коренные изменения в социально-экономических отношениях государства и общества, к числу которых также относятся отношения государства и профсоюзов, работодателей и профсоюзов.

Профсоюз не является участником, стороной трудового правоотношения. Но он прямо связан с работодателем и с работником, т. е. с обеими сторонами трудового правоотношения. Профсоюз может быть участником, стороной отношений, связанных с трудовыми, в том числе коллективно-трудовых отношений.

Коллективно-трудовые отношения – отношения трудового права, поскольку они возникают на базе его норм [1]. Наименование «коллективно-трудовые» подчеркивает их отличие от индивидуальных трудовых правоотношений по субъектному составу: вместо отдельного работника, гражданина выступает профсоюз как представитель работников. Р. З. Лившиц предложил другой термин для названия таких правоотношений: «организационно-трудовые отношения» [2]. Он считает, что организационно-трудовые отношения вытекают из трудовых, их содержание заключается в организации и установлении условий труда. Работник в них незримо присутствует, хотя и не принимает непосредственного участия. По признаку характера взаимоотношений сторон организационно-трудовые отношения включают совещательные правомочия профсоюза, паритетные правомочия, контрольные правомочия и управление. Следует признать, что расширение прав производственного коллектива и профсоюза составляет принципиальную закономерность трудового законодательства [3]. Критикуя данное высказывание, А. Я. Гинцбург по-

лагает, что вопросы организации труда в массе своей относятся к области экономики труда, но не к области трудового права. Неверно, будто коллективно-трудовые отношения, или, по терминологии Р. З. Лившица, организационно-трудовые отношения, вытекают из трудовых правоотношений. Действительное положение вещей иное: коллективно-трудовые отношения выступают в роли общей или частной логической и юридической основы трудовых правоотношений. Наконец, контрольные и административно-правовые функции профсоюза проистекают из другого источника, нежели его права по коллективно-трудовому отношению. Этот источник – в наделении профсоюза государственно-властными полномочиями. Поэтому ставить их в один ряд с коллективно-трудовыми отношениями нельзя [4].

Иное содержание в понятие организационно-трудовых отношений вкладывает А. И. Цепин. Для него организационно-трудовые отношения характеризуют внешнюю деятельность профсоюза предприятия, связь его с вышестоящими учреждениями, хозяйственными и государственными органами. Эти отношения охватывают не особые интересы коллектива рабочих и служащих отдельного конкретного предприятия, а общие интересы трудящихся больших групп предприятий, объединенных по отраслевому или территориальному признаку. Наличие такого рода отношений бесспорно [5].

Признаками коллективно-трудовых отношений как одной из форм деятельности профсоюза являются: во-первых, имеет место обязательный контакт с работодателем, нет контакта – нет коллективно-трудовых отношений; во-вторых, это та форма деятельности, предметом которой является движение трудового правоотношения. Это могут быть вопросы возникновения и прекращения трудового правоотношения, рабочего времени, оплаты труда и т. п.

Продуктом (результатом) коллективно-трудовых отношений являются либо локальные нормативные акты по труду, либо юридические факты, обуславливающие возникновение прав и обязанностей по трудовому правоотношению. Примерами коллективно-трудовых отношений, направленных на создание локальных норм по труду, могут служить: заключение коллективного договора, включающего ряд нормативных положений; утверждение работодателем с учетом мнения представительного органа правил внутреннего трудового распорядка; установление с учетом мнения выборного профсоюзного органа норм труда, системы оплаты и стимулирования работников, графиков сменности и т. д.

Другое действие коллективно-трудовых отношений – создание юридических фактов, обуславливающих возникновение трудовых прав и обя-

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ
© Редикульцева Е. Н., 2007

занностей. В качестве юридического факта может выступать и правоотношение. Как раз это и происходит в данном случае. Решение, принятое работодателем с учетом мнения выборного профсоюзного органа о перенесении выходного дня для определенной группы работников на другой день, отнюдь не норма права, а конкретный, единственный, привязанный к определенным лицам и обстоятельствам факт, обязывающий работников, которые подпадают под это решение, работать в день, объявленный рабочим, и дающий им право требовать двойной оплаты или предоставления отдыха. Аналогичный характер носит установление решения о выплате доплат и премий за счет экономии по фонду заработной платы по организации.

Коллективно-трудовые отношения многочисленны и разнообразны. По сути дела, они затрагивают все моменты трудового правоотношения. Вполне закономерна поэтому постановка вопроса об их научной классификации. В литературе неоднократно делались попытки классифицировать коллективно-трудовые отношения. В качестве критериев классификации принимались самые различные признаки: функции профсоюзов; институты трудового права; наличие или отсутствие в действиях профсоюзов элементов делегированных государством властных полномочий и т. д.

Л. Я. Гинцбург для уяснения роли профсоюза в движении трудового правоотношения в качестве критерия классификации предлагает взять характер связи между сторонами коллективно-трудового отношения – профсоюзом и работодателем. По этому критерию вся масса коллективно-трудовых отношений может быть разделена на две группы: а) совместные действия и б) согласованные действия («по согласованию»). Если придерживаться буквы закона, вариантов связи между профсоюзом и работодателем будет больше. Трудовой кодекс 2001 г. предусматривает следующие варианты: «по согласованию», «совместно», «с участием», «с учетом мнения», «с учетом мотивированного мнения», «с учетом заключения», «проведение (взаимных) консультаций», «с предварительного согласия», «обсуждение», «сообщить профсоюзному органу». К такому многообразию связей между работодателем и профсоюзом большинство ученых относятся негативно. Аналогична ситуация и терминологией, касающейся представителей работников. В одних случаях они именуются представителями работников, в других – представительными органами работников или выборными профсоюзными органами [6].

При совместных действиях профсоюза и работодателя происходит совместная подготовка намеченного мероприятия. Решение по нему вы-

носится по обоюдному согласованному волеизъявлению. Началом действия принятого решения является один общий момент – когда процесс согласования волеизъявления сторон завершается. Работодатель не вправе в одностороннем порядке отказаться от совместно принятого решения. Изменения его возможны, но должны происходить в тех же формах, какие установлены для его первоначального принятия.

Классическим примером **совместных** действий могут служить коллективный договор и организация выполнения обязательств по нему; совместные действия по обеспечению требований охраны труда, предупреждению производственного травматизма и профессиональных заболеваний; обсуждение с работодателем вопросов о работе организации, внесении предложений по ее совершенствованию; проведение консультаций по вопросам принятия локальных нормативных актов.

Во второй группе коллективно-трудовых отношений профсоюз и работодатель действуют **самостоятельно**, хотя они определенным образом и связаны друг с другом; эта связь заключается в том, что, во-первых, соответствующее решение принимается профсоюзом по запросу, по требованию, по инициативе работодателя и, во-вторых, в том, что решение, принятое профсоюзом самостоятельно, обуславливает затем действия работодателя; как минимум решение профсоюза учитывается работодателем, принимается во внимание. Движение трудового правоотношения происходит в этих случаях на основе сложного фактического состава, включающего и действия работодателя и решение профсоюза, обуславливающее эти действия. Типичный пример: учет мотивированного мнения выборного профсоюзного органа при увольнении работников, являющихся членами профсоюза, по п. 2, пп. Б п. 3 и п. 5 ст. 81 ТК РФ. Второй пример: учет мнения выборного профсоюзного органа в случае привлечения к сверхурочным работам. Третий пример: предварительное согласие органа, уполномочившего на представительство, требуется в случае перевода на другую работу представителей работников, участвующих в коллективных переговорах, в период их ведения. Четвертый пример: согласование с объединениями организаций профессиональных союзов перечней минимума необходимых работ при проведении забастовки. Пятый пример: работодатель обязан в письменной форме сообщить о принятии решения о сокращении численности или штата работников организации и возможном расторжении трудовых договоров с работниками в соответствии с п. 2 ст. 81 ТК РФ. Шестой пример: с учетом заключения профсоюзного органа или иного уполномоченного застрахованным представи-

тельного органа данной организации комиссия при расследовании несчастного случая определяет степень вины застрахованного.

Степень обязательности решений профсоюза для работодателя различна. Некоторые имеют силу лишь рекомендации (совета); работодатель должен учесть мнение профсоюза, ознакомиться с ним, но обязанности действовать в точном соответствии с ним закон не устанавливает. Другая степень обязательности решения профсоюза, когда работодатель должен действовать в точном соответствии с ним, но не лишен права на бездействие. Имея разрешение на производство сверхурочных работ, работодатель не может назначить их в большем объеме, чем указано в решении профсоюза, но он вправе их вообще не назначать или назначить в меньшем против санкционированного профсоюзом объеме [7].

Действием работодателя, осуществляемым на базе коллективно-трудового отношения второй группы («по согласованию»), является, в частности, утверждение графика сменности. Работодатель обязан согласовать содержание графика с профсоюзом (учесть мнение) и вводит его в действие лишь после согласования. Налицо два решения, причем второе (работодателя) принимается на основе и при наличии первого (профсоюза). Момент вступления графика в действие определяется работодателем, но не исключается, что, не введя еще согласованного графика в действие, работодатель вновь обратится к профсоюзу с предложением внести в график то или иное изменение. Тогда его вступление в силу отклады-

вается и возобновляется процедура согласования.

Таким образом, деятельность профсоюзов, направленная прежде всего на защиту интересов участников социально-трудовых отношений, должна быть более точно определена нормой закона в терминологическом аспекте. Нерешенным законом остается и вопрос об ответственности профсоюзов в случае, например, отказа представить затребованное работодателем мотивированное мнение. Данные вопросы требуют дальнейших исследований и принятия соответствующих норм права.

Примечания

1. Гинцбург, Л. Я. Комитет профсоюза и трудовое правоотношение [Текст] / Л. Я. Гинцбург // Советское государство и право. 1970. № 11; Общая часть науки советского трудового права и вопросы ее дальнейшего развития [Текст] // Советское государство и право. 1975. № 4.

2. Лившиц, Р. З. Коллектив предприятия, ФЗМК и трудовое правоотношение [Текст] / Р. З. Лившиц // Хозяйственная реформа и трудовое право. М., 1970. С. 173.

3. Там же. С. 158–175.

4. Гинцбург, Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение [Текст] / Л. Я. Гинцбург. М.: Наука, 1977. С. 307–308.

5. Цепин, А. И. Профсоюзы как субъекты трудового права [Текст] / А. И. Цепин // Советское государство и право. 1972. № 8.

6. Снегирева, И. О. Трудовой кодекс с комментариями [Текст]. М.: Научный центр профсоюзов. 2002. С. 232.

7. Гинцбург, Л. Я. Комитет профсоюза и трудовое правоотношение. С. 55.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Е. Ануфриев

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ В. ХЛЕБНИКОВА («КОЛ ИЗ БУДУЩЕГО»)

В статье проанализирован цикл рассказов, очерков, эссе В. Хлебникова «Кол из будущего». Рассмотрена модель утопического общества, представленная в цикле, исследованы проблематика и жанровое своеобразие отдельных произведений цикла.

Загадочный и неповторимый творческий мир Велимира Хлебникова пронизан стремлением предугадать будущее, поэтически спрогнозировать его приметы, прочесть его знаки в настоящем. Фантастико-утопические предвидения пронизывают всё творчество В. Хлебникова, определяют темы и мотивы многих его стихов, поэм, трагедий, драм, повестей, рассказов, статей, эссе, очерков, эскизов. Устремлённость в будущее помогла Хлебникову увидеть мир в его движении, во взаимосвязях эпох и цивилизаций, в смене знаков культуры и в их вечном диалоге.

Утопизм является парадигмой поэтического мирозерцания Хлебникова. Он стирает жанровые границы в его творчестве, позволяет увидеть, как поэт, оставаясь поэтом, «выходил за пределы поэзии, – в мифологию, философию, жизненную практику» [1].

Утопическое мировидение Хлебникова в полной мере проявилось и в ряде его эссе, статей, фрагментов, набросков, вошедших после смерти художника в пятитомное собрание его сочинений в цикл под названием «Кол из будущего».

Цикл включает произведения, созданные в период с 1916 по 1922 г. По проблематике и основной тональности к ним примыкают такие статьи 1918–1922 гг., как «Открытие народного университета», «Наша основа», «Художники мира», «Про некоторые области...».

Это фантастические видения, «грёзы», попытки прозреть грядущее. Утопии Хлебникова были вызваны временем глобальных изменений: тремя русскими революциями, I мировой и гражданской войнами, движением технического прогресса. Эти события воспринимались художником как

явления надличностные, метаисторические, как переходный этап к новому, небывалому состоянию мира.

Отталкиваясь от жизненных конфликтов, Хлебников ставит не только национально-исторические проблемы, но и глобальные вопросы бытия. Он пытается преодолеть разрыв времен, разобщённость народов и рас, разъединённость человека и природы. Он верит в новый путь человечества, в его способность построить мир справедливости и разума, в необычайные возможности раскрепощения энергии человека, которая изменяет лик земли, её климат, возможности получения знаний, способы сообщения между людьми.

Утопии Хлебникова трудно поддаются какой-либо жанровой маркировке. Условно их можно назвать фрагментами книг, философскими статьями, научно-художественными проектами, предвидениями, репортажами из будущего. Они находятся на стыке прозы и поэзии. По точному замечанию М. Полякова, «Хлебников подошёл к открытию, расширяющему границы прозы, он противопоставил “болтливости” современной ему беллетристики, изобретающей сюжеты, особую лирическую форму, насыщенную философскими размышлениями. Поэтичность, причудливость строя соединятся с конкретностью документа» [2].

Утопии Хлебникова лишены конкретно-бытового фона и хронологической последовательности: картины, сцены, образы соединяются по принципу монтажного видения, выявляя авторскую историософскую концепцию. Внимание писателя сосредоточено на интеллектуальном и эмоциональном переживании событий в их движении от прошлого и настоящего к будущему.

На первый взгляд, композиция утопий кажется отрывочной и фрагментарной, но за этим скрывается «экспрессия мысли, стремящейся начертить план грядущего мироустройства, угадать его эпос, с необыкновенной эмоциональной энергией создаваемая философская концепция» [3].

В ранней утопии «Мы и дома» (1915) Хлебников рисует облик города будущего с его неземными пропорциями, фантастической архитектурой.

Он не принимает город настоящего, в котором «дома-крысятники строятся союзом глупости и алчности», а «люди ведут жизнь узников» [4]. Ему он противопоставляет город с иными

принципами архитектуры, на который будут смотреть «сверху, а не сбоку», с высоты птичьего полёта.

В городе грядущего крыша «нежится в синеве, согревается солнцем»; «на прекрасной и юной крыше будет толпиться люд, носовыми платками приветствуя отплытие облачного чудища». Город-сказка превратился в «сеть нескольких пересекающихся мостов» (с. 598).

Структура будущего города включает в себя «избоулы», «житеулы», «мостоулы», «улочертоги». Фантазмагоричны типы домов, представленных поэтом. Здесь и «дома-мосты», «дом-тополь», «дома-пароходы», «дома-шахты», «дом-качели», «дом-книга» (с. 601).

Дома одушевляются, наделяются свойствами деревьев и растений, обретают способность к движению, меняют очертания и ждут тех, кто сможет поселиться в них: «Как зимнее дерево ждёт листвы или хвои, так эти дома-остовы, подымая руки с решёткой пустых мест, свой распятый железный можжевельник, ждут стеклянных жителей, походя на ненагруженное невооружённое судно» (с. 598).

В этой утопии сюжет номинально вбирает в себя внешние события, но, по принципу ассоциаций, они свободно переносятся в любую часть текста. Основное значение приобретают образы-символы избы, дома, дворца, корабля, судна, башни. Они не только являются знаками будущего, но и ориентирами для настоящего.

Футуристическая картина Хлебникова заканчивается, на первый взгляд, весьма неожиданно. Он возвращает читателя в мир русской сказки и мифа, в мир преданий и детской наивной веры: «Я думал про сивок-каурок, ковры-самолёты и думал: сказки – память старца или нет? Или детское ясновидение? Другими словами я думал: потоп и гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен был думать – будет» (с. 602).

Поэтизируя сказочный мир, Хлебников противопоставляет его современной цивилизации и человеку, неспособному понять и постичь его. Он пытается перенести его приметы в будущее. Опираясь на излюбленное им фольклорно-мифологическое обобщение, он говорит о повторяемости, цикличности в развитии явлений культуры и истории.

Этот прозаический этюд имеет поэтический вариант в стихах «О город тучеед», «Город будущего», «Москва будущего». В них тоже предстаёт город-утопия с его неповторимыми чертами:

*Дворцы-страницы, дворцы-книги
Стеклянные развёрнутые книги.
Весь город – лист зеркальных окон,
Свирель в руке суровой рока* (с. 120).

В философской фантазии «Лебедия будущего» Хлебников строит свою космогоническую концепцию, в которой человек выступает как созидатель и творец.

Лебедия (ею, по объяснению поэта, назывался в древности степной край между Доном и Волгой) предстаёт как обетованная земля будущего, как «огромная мастерская для творческого выражения мысли и действия» [5].

Автор объясняет те принципы и законы, которые положены в основу грядущего человеческого общежития.

«Лебедия будущего» состоит из четырёх небольших главок-картин. Каждая из них представляет один из этапов освоения человечеством пространства земли и неба.

В картине «Небокниги» Хлебников грезит о гигантских светотеневых книгах. Это некие сгустки энергии, дающие возможность человеку приобщиться к новостям всего мира, заявить о своём личном участии в создании новых отношений: «На площадях, около новых садов, где отдыхали рабочие, или творцы, как они стали себя называть, подымались высокие белые стены, похожие на белые книги, развёрнутые на чёрном небе. Здесь толпились толпы народа, и здесь творческая община тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьма» (с. 614).

В главе «Земледелие» автор проектирует будущие отношения человека с землёй и небом. Между ними, по мысли Хлебникова, существует нерасторжимая духовная связь, которая помогает земледельцу, управляя стихиями, добиваться высоких результатов труда.

Местом обитания крестьянина становится небесная сфера, откуда он эффективно воздействует на землю: «Пахарь переселился в облака и сразу возделывал целые поля, земли всей задруги. Земли многих семей возделывались одним пахарем, закрытым весенними облаками» (с. 615).

В картине «Пути сообщения» Хлебников представляет те средства передвижения, которыми овладела Лебедия в будущем. Здесь и «грозоходы», и «парусные сани», и «воздушные челны», бороздящие степи из края в край.

Заключительная, 4-я глава – «Лечение глазами» – это не только сводный перечень достижений человечества, но и своеобразный кодекс его отношений с миром животных и растений.

Характерной особенностью утопии Хлебникова является прославление человека труда, рабочего или крестьянина. Для Хлебникова в будущем само название «рабочий» исчезнет и заменится понятием «творец».

В хлебниковской «творецкой общине», или задруге, коллектив не поглощает человека, а помогает ему раскрыть своё индивидуальное «я»,

свою самость, непохожесть на других. «Небукниги», «тенекниги», «искрописма» и прочие чудеса техники позволяют личности сохранить и в максимальной степени выразить свой внутренний мир. Они дают способы противостояния забвению, нивелировке и даже смерти. Не случайно среди изображённого на тенекнигах жители «задруги» видят не только новинки земного шара, дела Соединённых Станов Азии, приказы советов, научные сообщения, но и стихи, внезапное вдохновение членов общины, вести о смерти рядовых граждан» (с. 615).

Представления Хлебникова о «творецкой общине» связаны с идеей соборности, то есть единства во множестве. Истина не принадлежит избранному, она — достояние всех, кто входит в общину, вырабатывается каждым в отдельности и всеми вместе. Приобщение к истине не может быть насильственным, так как всякое творчество есть акт свободы. Отвергая принуждение как путь к единству, Хлебников ищет более эффективные средства, способные сплотить людей.

Таковыми средствами, по его мнению, могут быть любовь и творчество, понимаемые как нравственно-философские категории. Исходя из общинных начал, Хлебников конструирует общество, в котором господство высших, духовных, единых для людей идеалов основано на любви и свободе. При этом утопический социум, построенный на достижениях науки и техники, устанавливает гармоничные отношения между материальным и духовным развитием, подчиняя стихию материальной жизни высшим запросам духа.

Хлебниковский «союз трудовых общин» напоминает идеальную социальную ячейку Н. Фёдорова, озабоченную «общим делом» регуляции природы и воскрешения мёртвых. Их объединяет принцип родственности, понимаемый не как повторение первобытной семейно-родовой формы, а как чувство братства всех живущих и умерших людей.

В «Лебедии будущего» Хлебников выдвигает гуманистическую концепцию отношений человека с природой. Он исходит из идеи о единстве человека и природы. Любовь к животным и растениям — сложный духовный процесс. Она живёт лишь в сердцах тех, кто смотрит на них не как потребитель, а как творец, признающий себя неотъемлемой частью всего живого на земле.

Хлебников утверждает в 4-й главе «Лебедии будущего» идеи о необходимости сохранения равновесия сил в природе, сотворчества человека с природой. Животный и растительный мир — это святилище, в котором человек созерцает прекрасное и врачует душу. «Лучшим храмом, — отмечает художник, — считалось священное место пустынного бога, где в отгороженном месте получали право жить, умирать и расти растения,

птицы и черепахи. Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть. Лучшие врачи нашли, что глаза живых зверей излучают особые токи, целебно действующие на душевно расстроенных людей. Врачи предписывали лечение духа простым созерцанием глаз зверей, будут ли это кроткие, покорные глаза жабы, или каменный взгляд змеи, или отважные — льва, и приписывали им такое же назначение, какое настройщик имеет для расстроенных струн» (с. 615).

Одушевление, очеловечивание природы для Хлебникова — не столько приём, сколько утверждение универсального принципа, который должен восторжествовать в будущем. Не случайно утопия заканчивается картиной, в которой «крылатый творец шёл к общине не только людей, но и вообще живых существ земного шара» (с. 615).

В «Утёсе из будущего» земное и небесное пространство изображены как единый космос, обжитый людьми и животными. В нём «проплывают здания», люди уподобляются «светлым облакам лучевого молчания». Одни «шагают по воздуху, опираясь на посох, или бегают по воздушному снегу». Другие способны творить, заниматься живописью, «на высоте, на воздухе, в невесомых креслах» (с. 566).

Хлебников рисует мир бесконечных метаморфоз. Человек превращается в «сложную звезду из костей», а его тело — в некое государство, населённое гражданами, сознание — в правительство этого государства, «которое не должно забывать, что счастье человека есть мешок песчинок счастья его подданных» (с. 566).

Понимание естественного единства человека и Вселенной, стремление отразить пафос переделки «земных неурядиц» и освоения иных миров привели В. Хлебникова в цикле эссе «Кол из будущего» к созданию такого художественного феномена, как космологическая утопия. Опираясь на возможности этого жанра, Хлебников не только запечатлел дух эпохи коренных преобразований, отразил ее общественные закономерности, но и сохранил за собой возможности философского обобщения проблем бытия, прогностического видения мира, освоил новые приемы фантастической интерпретации действительности.

Примечания

1. Урбан, А. Н. Философская утопия: поэтический мир В. Хлебникова [Текст] / А. Н. Урбан // Вопросы литературы. 1979. № 3. С. 164.
2. Поляков, М. В. Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика [Текст] / М. В. Поляков // Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 598.
3. Урбан, А. Н. Указ. изд. С. 165.
4. Хлебников, В. Творения [Текст] / В. Хлебников. М., 1986. С. 598. Далее ссылки в тексте с указанием страницы.
5. Урбан, А. Н. Указ. изд. С. 167.

М. В. Сандакова

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПОЗИЦИИ АТРИБУТА И ПРЕДИКАТА

Возможности употребления в синтаксической позиции атрибута или предиката зависят от грамматического класса прилагательного. Качественные прилагательные приспособлены для выполнения обеих ролей как в исходном, так и в переносных значениях. Относительные прилагательные гораздо менее свободно, по сравнению с качественными, употребляются в позиции предиката. В статье выявлены факторы, усиливающие возможности предикатного употребления относительных прилагательных. Для прилагательных того и другого грамматического класса контекстное метонимическое смещение определения, передача его «чужому» хозяину обычно осуществляется только в позиции определения.

Современная лингвистика изучает имя прилагательное в разнообразных аспектах и направлениях. Как заметила Е. М. Вольф, «пути к выявлению и объяснению функционирования прилагательного в разных видах синтаксических и семантических структур лежат в направлении поиска весьма многочисленных факторов, которые, взаимодействуя друг с другом, определяют специфику этого класса слов» [1]. Синтаксические особенности прилагательного представляются привлекательным объектом для исследования и служат ключом к пониманию его семантики.

Вопрос о различиях между атрибутивным и предикатным употреблением прилагательного рассматривается представителями разных лингвистических школ.

Традиционная грамматика разграничивает определение и сказуемое в рамках теории словосочетания и предложения. Словосочетание как номинативная единица противопоставляется предложению как единице коммуникативной. Основной грамматической категорией, на которой строится эта оппозиция, является категория предикативности, свойственная только предложению. Атрибутивная функция противопоставляется функции сказуемого, которая связана с выражением значения предикативности, см., например: [2] и др.

В то же время уже давно была замечена связь и взаимодействие между атрибутом и предикатом. В. В. Виноградов подчёркивал, что «между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными наблюдается самое тесное взаимодействие: они взаимнообратимы» [3].

В ряде исследований развивается идея о том, что словосочетание *прилагательное + существительное* содержит скрытую предикацию. Так,

Д. Н. Шмелёв сделал вывод о том, что «возможность включения в высказывание единиц скрытой («уже осуществлённой») предикации является одной из самых существенных особенностей языка» [4]. Например, в предложении *Пришёл молодой врач*, по наблюдению Д. Н. Шмелёва, содержится скрытое утверждение: *Пришедший врач был молодым*. Скрытая предикация описана в работе Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяева. Авторы исследуют типы предложений, в которых определение-прилагательное способно «забегать вперёд», опережая предикацию, например: *Жил-был один изгивый котёнок* → *Жил-был один котёнок. Он был изгивый* [5].

С точки зрения генеративной грамматики различие между предикативной и атрибутивной структурами сводится к различию между глубинной и поверхностной структурами. Предикатная конструкция трансформируется в именную группу: *The boy is tall – the tall boy. Мальчик высок – высокий мальчик* [6]. Аналогичная позиция высказана в отечественной литературе по трансформационной грамматике, ср. мнение Е. В. Падучевой: «...Определительные связи должны быть при переходе к глубинным структурам элиминированы» [7].

Сомнения в абсолютной возможности таких трансформаций выразил Д. Болинджер. Д. Болинджер описал случаи несимметричности между атрибутивными и предикатными конструкциями и выявил критерии, которые определяют трансформационные возможности: характер обозначаемого свойства (временность/постоянство), характер референции (модификация референции/модификация референта), семантика существительного (лицо/не-лицо), влияние дискурса и др. [8].

В работе Я. Г. Тестельца отмечены синтаксические различия прилагательных в атрибутивной и предикатной позициях. В предикатной конструкции семантическая валентность соответствует синтаксической валентности, а предикат является вершиной для семантического актанта, что соответствует нексусу (*Роза красная*); в атрибутивном словосочетании семантическая валентность соответствует пассивной синтаксической, а семантический актант является вершиной для предикатного слова (*красная роза*), что соответствует юнкции [9]. О различиях синтаксических конструкций с прилагательным в роли атрибута и предиката говорится также в [10].

Остановимся на семантических различиях между прилагательными в атрибутивной и предикатной позициях.

Атрибут предназначен для выражения свойства, внутренне присущего предмету. Каждый предмет обладает некоторым набором свойств, создающих его сущность, и прилагательное-определение служит для экспликации одного из них. Свойство

САНДАКОВА Марина Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре русского языка и методики обучения русскому языку ВятГУ
© Сандакова М. В., 2007

слито с своим носителем, составляет с ним неразрывное единство. По этому поводу А. А. Потебня заметил: «Грамматический атрибут... есть название признака, представляемого данным в субстанции, обозначенной другим словом» [11]. Очевидно, что атрибутивное словосочетание *прилагательное + существительное* можно рассматривать как обозначение предмета, одно из свойств которого особо выделено определением. Например, *высокий дом* – это название предмета с выделением одного из его признаков, высоты.

В отличие от монолитного атрибутивного словосочетания, в предикатной структуре субстанция и её характеристика не сливаются друг с другом.

Как отметил В. В. Виноградов, при атрибутивных отношениях связь признака и предмета представляется «как непосредственно данная в акте обозначения», при предикативных – «как устанавливаемая, приписываемая предмету, лицу» [12]. Таким образом, предикация – это установление определённой связи между носителем и свойством, присвоение предмету свойства, причём такое присвоение и составляет цель самого акта предикации. Предикат содержит характеристику, которая представляет собой нечто приписываемое предмету извне. А. В. Бондарко говорит о дискретном характере предикативной качественности: «Раздельное приводится в связь, но никогда не сливается в единое целое: этому препятствует дискретное представление предиката по отношению к субъекту» [13].

Теоретические возможности атрибутивной или предикатной репрезентации прилагательного осуществляются в конкретном речевом высказывании, тексте. При этом выбор той или иной структуры определяется целым рядом факторов, таких, как коммуникативная задача, условия контекста, текстовые связи и функции прилагательного. Каждый из этих факторов требует специального описания. В этой работе рассматриваются следующие вопросы:

– связь синтаксической позиции с сочетаемостью: воздействие метонимического смещения на возможности атрибутивного и предикатного употребления прилагательных;

– связь синтаксической позиции с грамматическим классом прилагательного: возможности атрибутивного и предикатного употребления качественных и относительных прилагательных.

Качественные прилагательные

Качественные прилагательные имеют широкие возможности употребления в той и другой синтаксической функции, не считая описанных в литературе случаев ограничения: 1. Краткие прилагательные с модальным значением, предназначенные только для целей предикации: *рад, дол-*

жен, намерен. 2. Прилагательные с темпоральным значением, определяющие функциональный компонент значения имени, которые обычно выступают только в атрибутивной позиции: *прежний дирижёр* – **Этот дирижёр прежний*. 3. Интенсификаторы свойств, которые, как правило, выступают только в атрибутивной позиции: *невероятный наглец* – **Этот наглец невероятный*; *абсолютная глупость/дура* – **Эта глупость/дура абсолютная*, см. [14].

Сравним возможности функционирования в атрибутивной и предикатной позициях имён прилагательных в метонимическом употреблении. Метонимия прилагательного всегда связана с изменением сочетаемости, вызванным переадресовкой свойства от одного предмета другому на основании их смежности, вовлечённости в одну ситуацию. Характерно, что дефиниции адъективной метонимии строятся авторами лингвистических словарей, исходя из наблюдений над определениями. Под метонимией понимается «смещение определения», «смещённое определение», «метонимический эпитет», «смещённый эпитет», см., например, [15] и др.

Как показывают наблюдения, адъективная метонимия действительно чаще реализуется в атрибутивном словосочетании *прилагательное + существительное*. Но и роль сказуемого для неё также вполне естественна. Ср. парные контексты, где в 1) прилагательное является атрибутом, в 2) – предикатом:

1) *Мне нравятся его добрые глаза.*

2) *Глаза у него добрые.*

1) *Он склонен к легкомысленным поступкам.*

2) *Его поступок слишком легкомыслен.*

1) *Правда, находились и завистники, которые жаловались, что гениальные эксперименты великого человека никто не может повторить.* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура).

2) *«Ваши стихи или рассказы гениальны, но их поймут только в следующем веке», – говорил я или писал в ответ на присланные рукописи.* (Ф. Искандер. Поэт).

Возможность употребляться в той и другой синтаксической позиции присуща узальной (лексической) метонимии, которая приводит к появлению у прилагательного нового значения. Сказать *добрые* применительно к глазам – это значит охарактеризовать именно *глаза*, назвать *гениальными* стихи – это значит определить свойство *стихов*.

Дискурсивная метонимия, в отличие от узальной, возникает в дискурсе (контексте) как окказиональное смещение определения в рамках изображаемой ситуации, когда свойство «случайно» передаётся от одного участника другому. Дискурсивная метонимия не связана с семантической деривацией и не приводит к формирова-

нию у прилагательного вторичного метонимического значения. Например: *Затем он вынул из тряской, скрипучей темноты шкапа чёрный костюм, тощую пачку белья, пару тяжёлых сапог с медными кнопками.* (В. Набоков. Машенька). Метонимическое словосочетание *скрипучая темнота* возникло как результат смещения определения: *скрипучие дверцы* → *скрипучая темнота*. Оно может быть объяснено как результат эллиптического сокращения конструкции «*темнота шкапа со скрипучими дверцами*». Соответствующая предикатная конструкция маловероятна, ср.: **Темнота шкафа была скрипучей.*

Ср. также: *Мужик... вскочил в багровом пятнистом ужасе и, мутно выпучив глаза, мазнул по выключателю.* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). – *Вы знаете моё имя?! <...> Синяя оторопь незнакомых глаз.* (М. Вишневецкая. Глава четвёртая, рассказанная Геннадием). *Он поставил его голым во дворе, выбрасывая ему в неправильном порядке вещи... Пришедшие со смены вербованные украинки не могли глаз оторвать от голого мужчины, стоящего посреди двора... <...> Её роман с человеком в шляпе кончился на голом моменте во дворе раз и навсегда.* (Г. Щербакова. Радости жизни). «*Да-с, милостисдарь, мы теперь в генеральских чинах, не вам чета. ...> ...У меня “персоналка” с шофёром-красноармейцем!*» – *Пулково залезил вокруг с услужливой шляпой подхалима: «Мы, ваше превосходительство, это дело даже очень понимаем и уважаем ...»* (В. Аксёнов. Московская сага).

Ни одно из приведённых атрибутивных словосочетаний не трансформируется в предикатную структуру. Основная причина этого лежит, скорее всего, в самой сущности предикации. Предикация предмету определённого свойства составляет цель сообщения. «По существу говоря, предикация есть не что иное, как собственно сообщение» [16]. Свойство, сообщаемое в акте предикации, может быть как объективно присущим предмету, так и приписываемым, навязываемым предмету сознанием говорящего. Но в любом случае это свойство, сообщаемое именно о данном предмете. Оно не может мыслиться как «чужое», позаимствованное у своего настоящего хозяина и приданное другому случайному владельцу. Поэтому атрибутивное словосочетание, возникшее на основе контекстного сочетания сдвига, не трансформируется.

Вполне очевидно, что высказывания типа *Шляпа услужлива; Темнота скрипучая; Ужас был багровым и пятнистым; Оторопь глаз синяя; Момент был голый* невозможны как трансформации метонимических атрибутивных словосочетаний. Но нельзя утверждать, что они невозможны вообще ни при каких условиях. Если свойство

мыслится как собственное для предмета, то предикация становится вполне вероятной. Например, индивидуально-авторская метафора, олицетворение, приём алогизма могут строиться на парадоксальных предикациях. Ср. метафоры: *Радость бессвязна. Бездна не страшна. Однообразно-звучно царство сна!* (О. Мандельштам. Кузнец).

Таким образом, одно из различий между адъективной метафорой и дискурсивной (контекстной) метонимией состоит в том, что адъективная метафора (в том числе индивидуально-авторская) может выступать и как атрибут, и как предикат, в то время как дискурсивная адъективная метонимия ограничена позицией атрибута.

Можно предположить, что возможность предикатного употребления служит одним из критериев узуальности адъективной метонимии. Покажем это на примере перемещений определения с человека на черты его внешнего облика. С помощью такой метонимии через описание внешних черт раскрываются особенности характера и психики, эмоциональные состояния человека. Метонимические сочетания такого типа разнообразны, и, наряду с частотными и вполне обычными, встречаются весьма неожиданные. Несколько примеров:

1) *Хозяин, по прозванию Меценат, – огромный грузный человек... с чувственными пухлыми красными губами...* (А. Аверченко. Шутка Мецената). *...Его волевой подбородок смеётся над самой идеей волевого подбородка, потому что он весь – не стремление достигнуть чего-то, но весь – воплощение достигнутого счастья...* (Ф. Искандер. Дядя Сандро и раб Хазарат). *Одним словом, это был красивый старик с благородным, почти монетным профилем...* (Ф. Искандер. Дядя Сандро у себя дома). *...В числе их отличался своей надменной осанкой, совершенно плоским черепом и бездушно-зверским выражением лица... знаменитый богач и красавец Фиников...* (И. Тургенев. Дым).

2) *И теперь даже, несмотря на мою добродушную плешь, смиренное брюшко и покорный вид, она всё ещё косо глядит на меня и чувствует себя не в своей тарелке, когда я заезжаю к брату.* (А. Чехов. Зиночка). *Передо мной сидело шесть пар студентов, неумные затылки.* (А. Битов. Птицы...). *У ПП – анфас, листик на вздорном его носу.* (А. Битов. Ожидание обезьян). – *О, ужас! – Актёр схватил себя за волосы. – Профессор, дайте я поцелую вашу учёную руку.* *Вы один меня понимаете.* (А. Куприн. Яма). – *Мда, – мычал Иван Иванович, тонкий белокурый вьюн с ехидною бородкой, делавшей его похожим на американца времён Линкольна...* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Метонимию в контекстах 1) можно считать узуальной. Вполне нормальны употребления типа

Подбородок у него волевой; Губы у неё чувственные; Осанка у него надменная. Контексты 2) интуитивно воспринимаются как некоторое отклонение от узуса, что подтверждается невозможностью (или странностью) фраз типа: **Брюшко у него смифенное*; **Затылки у этих студентов неумные*; **Рука профессора учёная*.

Относительные прилагательные

Если качественные прилагательные семантически относятся к классу предикатных слов, то относительные имеют совершенно иную природу. Их прилагательность имеет прежде всего формально-грамматическую, а не семантическую основу. Как неоднократно отмечалось, их значение зависит от мотивирующего слова, через отношение к которому они выражают свою грамматическую признаковость. Так, отсубстантивные относительные прилагательные являются синтаксическими дериватами мотивирующих существительных и тождественны им по значению.

Словосочетание *относительное прилагательное + существительное* в ряде исследований рассматривается как обозначение ситуации, соответствующее свёрнутой пропозиции, см., в частности, [17]. Возможны два типа структурных соответствий такого словосочетания. 1. Структура с двумя актантами и имплицитованным предикатом, когда один актант назван мотивирующей основой прилагательного, а другой актант – определяемым существительным (тип *А-ый В*): *полевые цветы*. 2. Структура с одним из актантов и эксплицитованным предикатом, когда актант назван мотивирующей основой прилагательного, а предикат – существительным (тип *А-ый Р*): *машинная обработка, небесная синева*.

Грамматические свойства относительного прилагательного позволяют ему исполнять роль сказуемого, семантика же для этого не приспособлена. Относительные прилагательные предназначены главным образом быть атрибутом и в гораздо меньшей мере, чем качественные, выполнять роль предиката.

В литературе неоднократно указывалось, что обычно словосочетание *относительное прилагательное + существительное* служит для обозначения подкласса предметов, ср.: *сумка – дамская/хозяйственная/спортивная/дорожная сумка; дом – кирпичный/каменный/блочный/панельный дом*.

Это сохраняется и в предикатной позиции. Когда относительное прилагательное выступает в функции сказуемого, оно устанавливает связь между объектом/явлением, которое названо этим прилагательным, и тем, что названо подлежащим – существительным. Если качественное прилагательное может выступать в роли предиката свойства или состояния, то относительное, как

правило, является классифицирующим предикатом. Высказывание *Этот дом кирпичный* относит объект к определённому классу (подклассу) домов.

Общая формула предикатной структуры с относительным прилагательным: *Этот А В-ый* (*Эта А В-ая*); *Этот Р В-ый*. Конструкция *Этот А В-ый* соотносится с двумя другими возможными структурами. Сравним:

- 1) *Этот дом кирпичный*.
- 2) *Это кирпичный дом*.
- 3) *Этот дом из кирпича*.

Высказывание 1), называя свойство дома, относит его к определённому подклассу домов. Предикат *кирпичный* является классифицирующим. Высказывание имеет значение 'Этот дом относится к классу кирпичных домов' или 'Этот дом – кирпичный дом'.

Фраза типа 2) *Это кирпичный дом* выражает смысл, синонимичный с 1), но при этом звучит лучше. Наименование подкласса здесь даётся уже «в готовом виде», в виде словосочетания. Возможно, этим можно объяснить предпочтительность именно такой конструкции по сравнению с 1).

Употребление фраз типа *Этот дом кирпичный* встречается в речи нечасто, хотя они вполне возможны. Приведём примеры из текстов: *Горы эти называются Ак-даг (белые горы). Они меловые*. (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум). *Столица была городом торговым, приморским; её улицы всегда кипели народом...* (В. Брюсов. Под Старым мостом).

Как заметила М. Ю. Сидорова об относительных прилагательных (в Коммуникативной грамматике русского языка используется термин «информативные прилагательные»), они употребляются как предикаты «в ситуации опознавания: *Я услышал крик. Крик был женский* – ср. *Кричала женщина*» [18]. Кроме того, конструкция *Этот А В-ый* оказывается предпочтительной при противопоставлении: *Дом кирпичный, а вовсе не деревянный. Этот рудник медный, а не железный. Эта роща дубовая, а не берёзовая*.

Высказывание *Этот дом из кирпича* устанавливает свойство предмета по материалу, из которого он сделан, но не претендует на таксономическое обобщение.

Как уже говорилось, относительные прилагательные гораздо меньше, чем качественные, приспособлены для роли предиката.

Сравним употребления прилагательных, которые могут выражать как относительное, так и качественное значение: *властные структуры – властный руководитель; нервная система – нервный ребёнок*. Только качественные значения допускают перевод в позицию сказуемого: *Этот руководитель властный*, но: **Эти структуры властные*. *Этот ребёнок нервный*, но: **Эта*

система нервная. Известный пример интеллектуальный карлик, двусмысленность которого в русском языке усугубляется при разных прочтениях грамматической противопоставленностью прилагательных по разрядам, в предикатной конструкции допускает только качественное значение прилагательного. Ср.: Этот карлик интеллектуален.

Возможность употребления в предикатной позиции зависит от целого ряда факторов и неодинакова для одного и того же прилагательного в разных контекстах. Ср., например: Этот шкаф книжный; Эта обложка книжная; Этот магазин книжный; Эта информация книжная; Эта коллекция книжная. Но: *Этот том книжный; *Эта связка книжная; *Этот проект книжный; *Этот список книжный; *Эта торговля книжная; *Этот праздник книжный.

Среди разнообразных факторов, определяющих возможность / невозможность предикатного употребления, назовём некоторые.

1. Частотность словосочетания.

Прилагательные с основой определённой семантики притягивают соответствующий семантический круг существительных. При этом словосочетание выражает такой тип отношений, который может часто воспроизводиться в речи. Возникают частотные конкретизации относительно значения, например: 'такой, который состоит из.../сделан из...': серебряное кольцо, шерстяной шарф, шоколадные конфеты, чугунная решётка.

Не случайно авторы толковых словарей, не ограничиваясь общераспространённой формулировкой значения, перечисляют отдельные конкретные типы обозначаемых отношений как особые самостоятельные значения.

Многие словосочетания, закреплённые традицией употребления, воспроизводятся в речи в готовом виде. Например, В. М. Павлов пишет о словосочетаниях типа карманные часы, питьевая вода, письменный стол и другие как об «устойчивых неидиоматических словосочетаниях» [19].

Частотность служит фактором, усиливающим возможность предикации, ср., например: Эта вода питьевая; Эти растения комнатные; Этот стол компьютерный.

2. Ролевое соответствие существительного.

Словосочетания, соответствующие структуре с 2 актантами и имплицитированным предикатом, легче преобразуются в предложение, чем те, в которых существительное представляет предикат. Имя свойства или действия при таком преобразовании само должно получать предикативную характеристику, что вызывает сопротивление, в особенности со стороны имён со значением свойств. Словосочетания типа равнинная ширь, небесная синева, лесная тишина, как правило,

не допускают преобразований: *Эта ширь равнинная. Аналогично словосочетания с именами действия: историческое развитие, президентское выступление, рыночная торговля. Среди них в позиции сказуемого труднее всего представить значение объектного актанта: *Эта ловля рыбная; *Это строительство дорожное. Другие актанты могут допускать такое преобразование, ср.: Это расследование журналистское, а не судебное.

3. Наличие/отсутствие образно-экспрессивного компонента в значении существительного.

Семантические особенности существительного могут препятствовать образованию предикатной конструкции на основе словосочетания. Например, словосочетания с экспрессивно-оценочными и метафорическими именами обычно не преобразуются в предикатную структуру, например: ценовой апокалипсис, акцизный беспредел, железнодорожный ужас. А также: Россия недоотянула даже до среднего уровня, опередив лишь те страны, где хозяйничают нефтяные монстры типа British Petroleum... (Нов. газ. 29.01.04). Хорошо, что у метрополии есть нефтегазовая корова... Но ведь пасётся она не на Северном Кавказе. Там и в лучшие времена добывали не более двух-трёх миллионов тонн нефти в год... (Нов. газ. 21.08.06). При возможности соотношения нефтяная корпорация – Эта корпорация нефтяная сказать *Этот монстр нефтяной невозможно.

4. Референтная отнесённость мотивирующей основы прилагательного.

Словосочетания относительное прилагательное + существительное, как заметила Е. А. Земская, могут иметь как родовую, так и единичную референцию, в отличие от словосочетаний существительное + существительное в косвенном падеже, которые обычно имеют конкретную референцию. Ср.: бутылочное молоко (вид молока) и молоко из бутылки (конкретное указание) [20].

Референтная отнесённость словосочетания с относительным прилагательным зависит от референции имени, мотивирующего прилагательное. Возьмём словосочетание садовое дерево в разных контекстах:

1) К садовым деревьям относятся яблоня, груша, вишня и другие.

2) Садовые деревья поблёскивали в лунном свете.

В первом случае мотивирующее имя сад имеет родовую референцию, во втором – референцию к единичному объекту. Таково же различие и между словосочетаниями: садовые деревья как класс и деревья этого сада. Прилагательное, основа которого имеет референцию к классу, способно выполнять обе синтаксические функции;

при референции к единичному предмету для прилагательного обычна только одна функция – атрибутивная. Предложение *Эти деревья садовые* возможно лишь как характеристика класса.

Ещё пример: словосочетание *городской житель* и *городской сумасшедший*. Первое допускает различную референтную отнесённость: *городской житель* в противопоставлении с *деревенский житель* или *житель этого города* (причём наиболее вероятно первое). Второе имеет отнесённость к конкретному объекту: *сумасшедший этого города*. Ср.: *Из всех обитателей палаты №6 только ему одному позволяет выходить из флигеля... Такой привилегией он пользуется издавна... как тихий, безвредный дурачок, городской шут, которого давно уже привыкли видеть на улицах, окружённого мальчишками и собаками.* (А. Чехов. Палата № 6). «Я там такого старика видела...» – «А! Городской сумасшедший. Но он безобидный. Является то там, то тут. Не пристаёт...» (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом). Невозможно: **Этот сумасшедший городской*.

И атрибутивная, и предикатная функция всё же свойственны ряду прилагательных, выражающих отношение к единичным объектам. Это следующие грамматико-семантические группы: а) притяжательные прилагательные, ср.: *Петина книга* – *Эта книга Петина*; б) относительные прилагательные, обозначающие отношение к конкретному лицу (названному собственным или нарицательным именем), ср.: *пушкинские стихи* – *Эти стихи пушкинские*; *архиерейский дом* – *Этот дом архиерейский*; в) относительные прилагательные, обозначающие отношение к единичному, уникальному объекту (названному собственным именем), ср.: *московская фирма* – *Эта фирма московская*.

5. Наличие/отсутствие сочетаемостного смещения.

Как и у качественных прилагательных, у относительных прилагательных можно различать исходную и вторичную сочетаемость. Исходная сочетаемость возникает при условиях, когда обозначаемая ситуация стандартна и словосочетания соответствует пропозициональной структуре: *полевые цветы* – «цветы растут в поле». Смещение происходит при следующих условиях: 1. Обозначаемая ситуация нестандартна. 2. Словосочетание не вписывается в пропозициональную структуру.

Словосочетание может обозначать сложную ситуацию, охватывающую большое количество участников. В этом случае оно трансформируется в многокомпонентную полипропозициональную структуру, которая содержит два предиката и более. Иногда для понимания такого словосо-

четания необходимо целое развёрнутое описание. Такие словосочетания отличаются необычностью, и их значение проясняется лишь в контексте. Взятые вне контекста, они лишь указывают на то, что между двумя предметами (явлениями) констатируется наличие некоторой связи (об этом подробно в [21]).

Словосочетания со смещённым определением не могут быть преобразованы в предикатные структуры. Приведём примеры: *...Они оказались в солнечном холле под самой крышей, где... стояли пальмы, и женщина... в зелёном халате мыла пальме листья... И эта пальмовая служанка тоже улыбнулась Ольге Сергеевне...* (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств). Нельзя сказать: **Эта служанка пальмовая*.

Из Петербурга и Кронштадта на Знаменскую площадь и на платформу вокзала стеклась масса моряков, адмиралов, капитанов, молодых офицеров. Тут же присутствовали великосветские и морские дамы. (А. Новиков-Прибой. Цусима). *Морскими дамами* автор называет жён и родственниц морских офицеров и чиновников, что понятно из более широкого контекста романа. Невозможно: **Эти дамы морские*.

Подводя итоги сказанному, можно сделать некоторые общие выводы.

1. Как для качественных, так и для относительных прилагательных основной является атрибутивная позиция.

2. Качественные прилагательные гораздо более свободно употребляются в позиции предиката по сравнению с относительными.

3. Для прилагательных того и другого грамматического класса контекстное смещение определения, передача его «чужому» хозяину создаёт невозможность трансформации атрибута в предикат.

Примечания

1. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) [Текст] / Е. М. Вольф. М.: Наука, 1978. С. 18.

2. Виноградов, В. В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) [Текст] // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 231–253; Шведова, Н. Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания. Простое предложение [Текст] / Н. Ю. Шведова // Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / АН СССР. Ин-т русского языка; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 13–92.

3. Виноградов, В. В. Указ. соч. С. 236.

4. Шмелёв, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1976. С. 71.

5. Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. М.: Наука, 1983. 198 с.

6. Хомский, Н. Синтаксические структуры [Текст] / Н. Хомский; пер. с англ. // Л. Ельмслев. Можно ли

считать, что значения слов образуют структуру? Н. Хомский. Синтаксические структуры. Благовещенск: Благовещен. гум. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 92.

7. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) [Текст] / Е. В. Падучева. М.: Наука, 1974. С. 127.

8. Bolinger, D. Adjectives in English: attribution and predication [Text] / D. Bolinger // *Lingua*. V. 18. Amsterdam, 1967. P. 1–34.

9. Тестелец, Г. Я. Введение в общий синтаксис [Текст] / Г. Я. Тестелец. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 366.

10. Тулина, Т. А. Функциональная типология словосочетаний [Текст] / Т. А. Тулина. Киев; Одесса: Вища шк., 1976. 176 с.

11. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II [Текст] / А. А. Потебня; АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1958. С. 105.

12. Виноградов, В. В. Указ. соч. С. 235.

13. Бондарко, А. В. Качественность. Вступительные замечания [Текст] / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / РАН; Ин-т лингв. исследований; отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6.

14. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы) [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 383 с.

15. Арутюнова, Н. Д. Метонимия [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 300–301; Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т. В. Матвеева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 407–408; Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь [Текст] / В. П. Москвин. М.: ЛЕНАНД, 2006. С. 169–170, 308–309; Хазагеров, Т. Г. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических приёмов [Текст] / Т. Г. Хазагеров, А. С. Ширина. Ростов н/Д., 1999. С. 217.

16. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка [Текст] // И. Р. Гальперин. Избранные труды. М.: Высш. шк., 2005. С. 113.

17. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) [Текст] / Е. М. Вольф. М.: Наука, 1978. 200 с.

18. Сидорова, М. Ю. Имя прилагательное в системе признаков слов [Текст] / М. Ю. Сидорова // Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г. А. Золотовой. М.: Ин-т Рус. яз. РАН, Фил. фак-т МГУ, 2004. С. 88.

19. Павлов, В. М. Полевые структуры в строе языка [Текст] / В. М. Павлов. СПб.: Наука, 1996. 116 с.

20. Земская, Е. А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка [Текст] / Е. А. Земская // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1991. С. 143.

21. Сандакова, М. В. Словосочетание *относительное прилагательное + существительное* как обозначение ситуации: механизм развития значений [Текст] / М. В. Сандакова // Язык. Время. Личность: м-лы Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во ОГУ, 2002. С. 376–381.

АВТОРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА (К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

В статье рассмотрены составные части авторологической парадигмы. Под ними подразумевается интенциональное содержание авторского сознания, объективация авторской эмоциональности, именующая деятельность автора, авторская пассионарность, художественная предикация.

Любая частная, в том числе и собственно литературоведческая, методология имеет в своей основе определенные философско-логические и эстетические исходные положения. В большинстве случаев в «массовом» литературоведении так бывает только в теориях литературы (вузовских), и то в них – обычно – главы, посвященные философии и эстетике искусства, существуют сами по себе, а предлагаемая структура литературно-художественного произведения и методика его анализа – сами по себе, поэтому, прочитав всю «философию» и «эстетику» этих теорий, ни преподаватель, ни студент так и не уясняют главного для себя: как же анализировать эту «штуку» – литературно-художественное произведение?

В связи с этим хорошо вспомнить высказывание Гегеля: «Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного: помимо того, что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно ещё и случайно по своему содержанию. Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого, вне которого оно есть необоснованное предположение, или субъективная уверенность. Многие философские произведения ограничиваются тем, что высказывают, таким образом, лишь *умонастроения и мнения*» [1].

Обратим внимание: или философствование – или *субъективное умонастроение, необоснованное предположение, субъективная уверенность, мнения*. Возьмем ближе к нашему предмету – анализу литературно-художественного произведения: или аналитическое исследование, оформленное как концептуальное изложение, – или публицистика, которая может выдаваться и за диссертацию, и за предисловие к собранию сочинений писателя.

КАРПОВ Игорь Петрович – доктор филологических наук, профессор по кафедре литературы Марийского государственного педагогического института, заведующий лабораторией аналитической филологии, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл
© Карпов И. П., 2007

Любое текстуальное явление мы должны рассматривать в системе целого, а значит, не только в нашей литературоведческой, лингвистической и шире культурологической системах, но учитывая особенности словесной логической деятельности человека.

В этом случае любое явление культуры мы будем анализировать в последовательности *субъект деятельности – деятельность (со всеми ее видами и переходными моментами) – объект деятельности*.

Автор и литературно-художественное произведение являются только материалом нашей филологической деятельности, в сущности своей – логической, а значит, насколько наши умственные усилия должны быть направлены на текст, настолько же и на самих себя, на осознание себя как субъекта логической деятельности.

* * *

Литературоведческая и шире филологическая деятельность является частью общей логической деятельности, а значит, мы все является субъектами этой деятельности.

В предлогической деятельности мы действуем практически, «обеспечивая свое существование среди вещей», пользуясь словами «только в обстоятельствах своего насущного дела». В этом случае мы – *практические субъекты* [2], вычленивающие из множества вещей какую-то одну вещь (указующая деятельность) и именующие ее (именующая деятельность).

Практический субъект становится владельцем не только вещи, но и ее наименования. Так происходит в логической деятельности каждого человека, так происходило и в историческом развитии сознания человека.

«Когда человек уже может создавать вещь – пусть простейший дротик, – он предварительно знает – зачем, т. е. назначение (= идею) вещи, а потом, в соответствии с планом, производит и саму вещь. Здесь, следовательно, вещь приобретает двойное бытие: как физическая и как умопостигаемая» [3].

Это «прибавление к бытию» является новой формой владения вещью – по видимости.

«Практический субъект, создавший такой предмет своей деятельности, что лишается возможности преобразовывать его материально, но, владея им лишь по видимости, теряет непосредственное свое качество быть субъектом практическим и становится *обыденным субъектом*» [4].

Обыденный субъект, как и практический, озачен прежде всего продолжением своего существования, и только в целях этого обеспечения пользуется словами, но там где практический субъект указывал и поименовывал, там обыденный субъект выступает в форме суждения или высказывания, там где практический субъект имел

дело с атрибутами вещей, там обыденный субъект имеет дело с атрибутивными значениями, т. е. предикатами.

«Предикативная функция в суждении есть не что иное, как логическое превращение объективированной силы практического субъекта, – представленной в форме атрибута видимой вещи» [5].

Деятельность обыденного субъекта особенно интересна для нас, филологов.

«Всякая наука коренится в наблюдениях и мыслях, свойственных обыденной жизни; дальнейшее ее развитие есть только ряд преобразований, вызываемых первоначальными данными, по мере того, как замечаются в них несообразности» [6].

Человеческая речь, человеческое мышление определяются имя-предикативными отношениями [7], а значит, и литературно-художественное произведение может рассматриваться как предикативная структура: автор приписывает изображаемой картине жизни, персонажу только то, чем он обладает в своей экзистенциальной сфере, – свое видение мира, своей тип эмоциональности.

В представленной картине жизни и образах-персонажах объективируется преимущественно обыденная сфера жизни человека и его мышления (особенно в драме), а также его эмоциональная сфера (особенно в лирике). Поэтому художественная литература и интересна «широкому кругу» читателей, которые находят в ней то, чем они живут и что они есть как субъекты практической и обыденной деятельности. В ином случае, при объективации преимущественно рациональной сферы, литературно-художественное произведение прекратило бы свое существование как литературно-художественное и было бы интересно только «узкому кругу» – мыслителей, ученых.

Жизненная стихия обыденного субъекта во многом определяется его личностным отношением к окружающему, что в его логической деятельности выражается в ценностных суждениях, базирующихся на модальных личностных значениях, которые приписываются предмету суждения, а в жизни – всем вещам, о которых выносятся суждения. Обыденный субъект не видит, что в подобных суждениях выражаются его личностные симпатии и антипатии, поэтому «нравится» – значит хорошая вещь (произведение литературы, искусства), «не нравится» – значит плохая вещь – это определяет доминанту его эстетического отношения к миру.

Наконец, литературно-художественное произведение как объективация обыденных представлений о мире провоцирует исследователей на обыденные ценностные суждения, на объектива-

цию себя как читателя, отсюда смешение обычного и терминологического словоупотребления, особенно когда литературовед выходит из сферы анализа структуры литературно-художественного произведения и приступает к интерпретациям смыслов. Но в этом случае он превращается в эмпирического субъекта.

«Как только наименование становится предметом мыслительной деятельности, так эта деятельность становится другой деятельностью – эмпирической, а ее субъект – другим субъектом – *эмпирическим субъектом*» [8].

Литературовед выступает эмпирическим субъектом в процессе своих историко-литературных высказываний. Многие понятия, употребляемые им: «автор», «жанр», «стиль», «литературный процесс»... – для него интуитивно ясные. Главное – не эти понятия, а то, что он с их помощью делает: выясняет «идейно-художественное содержание», «жанровое своеобразие», «поэтику» и т. д. какого-либо литературно-художественного произведения или творчества писателя, тем самым не только иллюстрируя естественный «эмпиризм человеческого мышления» (Артсег), но и разделяя все иллюзии эмпирического субъекта – его натурфикации, когда за словом видится вещь, а не превращенная логическая форма, за понятием – опять же вещь, а не субъект логической деятельности, использующий это понятие.

«Многие философские произведения ограничиваются тем, что высказывают, таким образом, лишь умонастроения и мнения», – говорит Гегель (выше процитированный), но ограничиваются не произведения, а создатели (авторы) этих произведений.

Кстати, отсюда в высказываниях литературоведов происходит постоянное блуждание между тем, о чем они говорят по поводу любого литературно-художественного произведения, что оно есть для них – литературно-художественное произведение как художественно-словесная структура или литературно-художественное произведение как «картина жизни», изображение человека как человека или как образа-персонажа.

Еще более сложной является наша филологическая деятельность, когда мы выступаем *субъектами теоретической деятельности*, когда мы определяем понятия и создаем дефиниции, погружаясь теперь во все ошибки теоретического субъекта.

«Деятельности теоретического субъекта предпослан объект в форме эмпирического понятия, и указание на него как ответ на вопрос – что это такое? – завершается суждением “это есть то”» [9].

Так, «образ» у нас может определяться как «конкретная и в то же время обобщенная кар-

тина человеческой жизни, созданная при помощи вымысла и имеющая эстетическое значение» (Л. И. Тимофеев), как «художественная целостность, будь то метафора или эпопея “Война и мир”» (Г. Д. Гачев), как «воспроизведение целостности предмета в определенной системе знаков» (В. А. Скиба, А. В. Чернец), образ автора как «индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая художественное произведение и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» (В. В. Виноградов).

При субъектно-семантической разверстке этих дефиниций мы поймем, что во всех определениях образ присутствует как понятие, как слово, как наименование, и, наконец, как «вещь».

Намереваясь рассмотреть содержание понятия «образ» («образ автора»), в предикативной части теоретический субъект использует или эмпирические понятия «художественная целостность», «словесно-речевая структура», «целостность предмета», или обыденное словосочетание, совмещенное с натурфикацией – «картина человеческой жизни». Но во всех случаях теоретический субъект то использует натурфицированные понятия, то выступает носителем произвольной предикации.

В этих дефинициях мы обнаруживаем не только указания на человека, на предмет, на вещь, но и на формы деятельности, на способы обращения человека с предметами своей деятельности, что оказывается скрытым от создателей дефиниций.

«Картина человеческой жизни» – «конкретная и в то же время обобщенная» – да к тому же «созданная», т. е. являющаяся результатом человеческой деятельности. Образ – «художественная целостность», но «целостность» предполагает, что кто-то как-то что-то «целостно» организовал или «целостно» помыслил. «Образ автора» – «индивидуальная словесно-речевая структура», да еще и «пронизывающая» и «определяющая», значит, и «образ автора», и сама «словесно-речевая структура» являются результатом какой-то деятельности. Да и сам «образ» есть образ чего-то, и это слово – «образ» – кто-то – как-то – употребляет – в каких-то.

Произведя субъектно-семантическую разверстку понятия «образ», мы тем самым выступили в роли рефлектирующего субъекта.

В моих размышлениях философско-логическая парадигма и данная классификация человека как субъекта предлогической и логической деятельности согласуется с идеей о любом явлении культуры как объективации экзистенциальных сил человека.

Объективация – опредмечивание внутренних сил человека во внешнем действии, предмете (на-

пример, физической силы – в поднятии тяжести, мысли – в слове, в суждении; эмоции – в непосредственном мимическом выражении или в метафорическом именовании).

«...По мере того как предметная деятельность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой деятельностью и, следовательно, действительностью его собственных сущностных сил, все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, а это значит, что предмет становится им самим» [10].

Только осознав себя как субъекта деятельности, исследователь может подойти к решению проблемы эстетической специфики предмета своей логической деятельности, которая на сегодняшнем уровне развития литературоведческой мысли получила название «поэтической реальности», наиболее последовательно представленной в работе В. В. Федорова [11].

* * *

Литературно-художественное произведение является объективацией экзистенциальных сил автора, но объективацией в данном объекте деятельности специфической, поэтому авторологическая парадигма имеет следующее содержание.

1. Первое, с чем мы имеем дело – хоть при чтении литературно-художественного произведения, хоть при его анализе, – это то, о чем говорится в произведении, на какие сферы жизни или внутреннего мира человека указывает автор. Это указание мы имеем в форме объективированного в слове авторского сознания, что может быть названо *интенциональным содержанием авторского сознания* (конкретное воплощение авторского мировидения).

В центральных произведениях И. А. Бунина – романе «Жизнь Арсеньева. Юность», сборнике рассказов «Темные аллеи» – авторское сознание направлено на природно-предметный мир, женщину и словесно-художественное творчество (как часть авторской рефлексии).

2. Образно-предметный мир, в котором объективируется авторское сознание, всегда *хронологически определен*. При этом здесь мы имеем дело не только с хронологической организацией мира изображенного, но с пространством-временем самого авторского видения.

«Гой ты, Русь моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосет глаза» – уже в этой первой строфе стихотворения С. А. Есенина реализуется авторское видение родины в исторической временной перспективе и в огромном пространстве, в центре чего – «хата», сопоставляемая с иконой.

3. Интенциональное содержание авторского сознания с его хронологической определенностью включает в себя объективацию религиозных представлений и религиозной эмоциональности автора, что проявляется в *авторском двоемирии* – своеобразном явлении человеческого восприятия, познания и осмысления действительности.

Живя в одном мире – мире реальных вещей и реальных отношений, т. е. в мире феноменальном – мире явлений, данных в опыте и постигаемых при помощи чувств, – человек пытается осмыслить этот мир, и это осмысление является как бы вторым миром – ноуменальным, сущностным. Мир ноуменальный является мотивацией, оправданием, осмыслением мира феноменального.

В решении проблемы двоемирия – соотношении миров феноменального и ноуменального – существуют две крайние точки зрения. Одна материалистическая: объяснение жизни из законов самой жизни – природы, материи; другая – религиозная: объяснение жизни из веры, из представлений о потусторонней – загробной – жизни. Между этими полюсами может быть множество промежуточных идеологий, теорий, способов изображений того и иного миров («Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Дневник Сатаны» Л. Н. Андреева, «Пруд» А. М. Ремизова, натурфилософское двоемирие Н. А. Заболоцкого).

Чувство «двойного бытия» характерно для большинства русских писателей, но с необычайной поэтической и религиозной силой передано Ф. И. Тютчевым: «О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!..»

4. Как бы ни был характерно очерчен персонаж, каким бы он ни был «объективным», в основе его создания – предикативные способности автора. Следовательно, в глубине мышления, слова и мировидения персонажа будут все те же авторские способности приписать своему созданию различные свойства, обстоятельства, материальную оболочку и определенную духовную сущность. Все это автор может взять только из себя, из своего мировидения, мироощущения и миропонимания.

Художественная предикация – всё то, что приписывается (предикатируется) автором художественному образу – будь то образ персонажа, образ предмета или явления.

Сложнейшая форма художественной предикации как объективации авторского мировидения, мироощущения и авторского логического мышления представлена в творчестве Ф. М. Достоевского, что может быть проанализировано по следующим параметрам: в пределах именуемой деятельности – 1) как наименование пер-

сонажа и всего окружающего персонаж мира; в пределах указующей деятельности как указания – 2) на возраст персонажа, 3) на его внешний вид (манеру ходить), 4) на социально-бытовое положение персонажа, 5) на природно-предметную среду, 6) на пространственно-временное положение персонажа (предикация движения), а также анализу должны быть подвергнуты 7) предикация эмоционально-психического состояния, 8) предикация рациональных способностей и 9) объективация религиозных представлений.

5. Авторские интенции, воплощенные в литературно-художественном произведении, всегда эмоционально окрашены. В этом аспекте мы можем рассматривать литературно-художественное произведение как *объективацию авторской эмоциональности*.

«Людские чувства, являющиеся частью природы внутри человеческих тел, отображены в произведениях искусства и изящной словесности» [12].

Эмоциональную основу авторского сознания, воплощенного в произведениях И. А. Бунина, лучше всего характеризуют особая впечатлительность (направленная преимущественно на природно-предметный мир) и страстность, для Л. Н. Андреева характерен эмоциональный комплекс «безумия и ужаса».

Проведя исследование семантики лексем «страх»-«ужас» в основных произведениях Л. Н. Андреева, имея в виду, что минимальная лексическая пара «страх-ужас» обозначает непосредственное ощущение – 1) первичные, 2) «отрицательные» («темные»), 3) сильные эмоции, которыми человек реагирует на состояние опасности, внешней агрессии (метафорически это чувство соотносится с черным цветом и с определенным телесным состоянием – холодом), мы придем к пониманию того, как данные эмоции трансформируют человеческое мировосприятие, как для писателя оказывается возможным приписать характерную для него эмоцию любой жизненной реалии.

6. *Рациональные силы* выражаются в том, какая логика мотивировок определяет персонажно-конфликтную систему произведения, какие формы суждений предикатируются субъекту речи (повествователю, рассказчику) и персонажам.

В плане логическом – мышление обнаруживается в форме суждения, т. е. приписании какого-нибудь предиката какому-нибудь имени (Артсер).

Ф. М. Достоевский наделяет собственной логикой персонажей, которые при всем различии своих внутренних и внешних обликов – князь Мышкин, Мармеладов, Смердяков, Иван Карамазов – мыслят по одной схеме, руководствуясь

авторской логикой обобщения, подмены и оправдания.

Л. Н. Толстой судьбу Андрея Болконского, эволюцию персонажа сфокусировал на одной его мысли, в одном предсмертном ощущении: «Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!» Или – наоборот: из одной этой мысли развернул огромное полотно нравственных исканий персонажа.

Способность суждения в принципе – это область авторского мышления. Автор может объективировать только собственную способность суждения.

7. Авторский эмоциональный комплекс и авторские рациональные силы теснейшим образом связаны с объективацией *авторской пассионарности* (энергоизбыточности), что выражается во многих структурных элементах текста, в том числе в *напряженности повествования и энергетиках* (лексических носителях авторской пассионарности).

«...В каждом оригинальном и прекрасном творении искусства, философии или литературы содержится комбинация из трех элементов: ремесленной работы, мысли и пассионарности художника, “перелившего” часть своей энергии в свое произведение» [13].

В «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя сам жизненный материал: героическая эпоха, богатырская личность (персонажи-воины-богатыри-рыцари), развитие сюжета как ряда битв, ярких чувств и внешних движений – определяет напряженность повествования, это ощущается уже при непосредственном первоначальном чтении. Сильное энергетическое поле повествования создают лексемы, именующие изображаемую эпоху, которая породила Запорожскую Сечь и казачество: «брань», «огонь», «пламя», «сила», «удаль», «могучий».

8. Все перечисленные выше экзистенциальные силы в литературно-художественном произведении объективируются в определенных условиях – в структуре поэтической реальности, прежде всего – в повествовании, т. е. в *именующей деятельности автора*.

Выбрать вещь, предмет, явление, т. е. каким-либо образом указать на них – в этом первоначальном акте творения автор выступает субъектом указующей деятельности. Дать персонажу (и шире – любому предмету и явлению) имя – в этом случае автор становится *субъектом именующей деятельности*, исследование чего может быть названо *повествовательной парадигмой*, т. е. моделью повествования, отражающей характерные для того или другого типа авторства особенности авторского видения мира и словесного выражения этого видения; совокупностью основных свойств пове-

ствования, характерных для творчества писателя.

Например, доминанта парадигмы бунинского повествования может быть сформулирована таким образом: чувственно-страстное видение мира в его природно-предметной выраженности. Составные части бунинской повествовательной парадигмы: последовательность повествования, господство повествователя, повествование как идеологическое фокусирование, повествование как преломленное бытие.

* * *

Все эти составные части авторологической парадигмы 1) имеют за собой (или под собой) вполне определенные текстуальные явления, 2) которые возможно просчитать, классифицировать, 3) алгоритмически исследовать, т. е. рассматривать в строго определенной последовательности логических действий.

В этом случае литературно-художественное произведение предстает перед нами как наше – филологическое – поле, которое мы исследуем в его мельчайших частицах – аналитически, приходя в конечном счете к концептуальности, тем самым преодолевая себя как обыденного субъекта, который может быть удовлетворен только *умонастроениями и мнениями*.

Примечания

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. М., 1974. Т. 1: Наука логика. С. 100.
2. Артсег. Владелец вещи, или Онтология субъективности (Теоретический и исторический очерк) [Текст] / Артсег. Йошкар-Ола; Чебоксары, 1993. С. 7.
3. Гачев, Г. Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа [Текст]: ч. I / Артсег. М., 1972. С. 14.
4. Артсег. Указ. соч. С. 54.
5. Там же. С. 75.
6. Потебня, А. А. Слово и миф [Текст] / А. А. Потебня. М., 1989. С. 55.
7. Артсег. Указ. соч. С. 99.
8. Там же. С. 150.
9. Там же. С. 209.
10. Маркс, К. Из ранних произведений [Текст] / К. Маркс. М., 1956. С. 593.
11. Федоров, В. В. О природе поэтической реальности [Текст] / В. В. Федоров. М., 1984.
12. Гумилев, А. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / А. Н. Гумилев. СПб., 2001. С. 547.
13. Там же. С. 328.

Н. В. Осипова

О «ВЕГЕТАРИАНСКОМ» СТИЛЕ ПОЗДНЕГО ЛЬВА ТОЛСТОГО

Статья основана на идее, что авторские и поведенческие модели имеют в своей основе общий конструктивный принцип. Для позднего Толстого этот принцип может быть назван вегетарианским стилем. Это метафорическое обозначение соединяет как писательские тенденции позднего Толстого, так и его обыденные бытовые привычки. Принцип воздержания устойчиво проводится как в поведенческих моделях, так и в творчестве и становится основным конструктивным принципом в поэтике Толстого.

1. О блузе и принципах

Софья Андреевна в своих воспоминаниях иронично пишет о «блузе и принципах» Льва Николаевича [1]. При очевидной несовместимости этих понятий, они также очевидным образом связаны и взаимообусловлены. Отношение Толстого к еде, одежде и прочим телесным потребностям дало повод множеству анекдотов [2], нескольким работам мемуарного характера [3] и весьма специфичной аналитике в «Вегетарианском обозрении» [4].

В этой статье сделана попытка понять стилистические принципы творчества позднего Толстого через стилистические принципы его бытового поведения, в частности толстовского вегетарианства [5].

Тынянов писал о «глубоком влиянии стиливых элементов на жанр» [6]. Возьму на себя смелость экстраполировать этот тезис на взаимодействие стиля, жанровой системы и поведенческих моделей позднего Толстого. Убеждение в том, что в основе личности, творчества лежат одни и те же конструктивные признаки, будет взято нами в качестве необходимой для дальнейших рассуждений аксиоматики.

Очевидно, что и для Толстого «блуза» и «принципы» были взаимосвязаны: размышляя о декадентах, он пишет: «Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени» (52, 76) [7]. В данном случае фасон панталонов и ботинок переводится на взгляды и литературные пристрастия, по одному можно судить о другом, это стиливые эквиваленты. *Также и внешний облик писателя*: «На диване в глубине сидит, поджав под себя одну ногу, старик небольшого роста. Он поднимается нам навстречу. Сердце падает. Неужто в самом деле... Толстой?!...<...> Серые, строгие,

ОСИПОВА Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской литературы и методики обучения литературе ВятГУ
© Осипова Н. В., 2007

немного волчьих глаза впиваются в меня, и мне кажется, что “вся ложь моих порочных дел” открыта этому острому взгляду. Робко поднимаю голову и улавливаю добродушную усмешку, которая чуть трогает усы и губы Толстого. Он поразительно мал и тщедушен по сравнению с портретами. Темно-синяя теплая, мягкая, затаканная блуза, ремешок вместо пояса, старые, рыжеватые штаны навывпуск. Никаких признаков белья. Стариковски-худая, жилистая шея. Угловатая, сильно полысевшая голова. Громадный лоб, изборожденный “геологическими переворотами”» [8]. В этом портрете значимы не только «волчьи глаза» и «громадный лоб», но и «затаканная блуза», «старые рыжеватые штаны» и «ремешок вместо пояса»; для гостя Ясной Поляны эти детали прочитываются как принципы, говорящие о Толстом еще до слов самого Толстого.

Какое отношение вегетарианство имеет к стилю? На наш взгляд, через этот частный внешний факт мы можем прийти к пониманию того конструктивного принципа, как говорит Тынников, или того стержня, как говорит Толстой, который определяет целое и служит ключом к пониманию позднего Толстого.

2. Вегетарианство как стиль жизни

Пищевой код в культуре всегда включает систему ограничений – постов, но ограничения всегда временны: посту предшествует праздник, наслаждение и воздержание чередуются в заданном, заранее известном и определенном порядке. Порядок этот связан с сакральными представлениями и обязательно несет определенный смысл. Эта цикличность не воспринимается Толстым. Известно, что он вообще плохо относился к праздникам, на что сетует в дневниках Софья Андреевна. Участие в праздновании Рождества 1890 года становится объектом газетных публикаций, критики друзей (Бирюкова) и покаяния писателя. Оппозиция изобилия и скудости, работы и отдыха решается не через цикличное чередование, а через ценностное разделение: приятие – неприятие. Праздность, обжорство отвергается, труд, отказ от животной пищи пропагандируется. Естественный годовой ритм заменяется ценностной оппозицией.

Период активной пропаганды Толстым вегетарианства ограничен 1880–1890-ми гг. 10 марта 1908 г. Толстой в ответ на запрос редакции «Good Health» писал: «Прекратив питание мясом около 25 лет тому назад, не чувствовал никакого ослабления при прекращении мясного питания и никогда не чувствовал ни малейшего лишения, ни желания есть мясное» [9]. В дневнике за 2 июня 1884 г.: «Второй день начал не есть мясо» (48–49, 100).

Однако проблемы с пищеварением и внимание к питанию были характерны для Толстого на протяжении всей жизни, и дневник писателя постоянно фиксирует физиологические подробности: боли в желудке, состояния диеты или обжорства, и мысли по этому поводу. Вот отрывок из дневника писателя от 8 марта 1851 г.: «Много слишком ел за обедом (обжорство). Поехал к Волконскому, не кончив дела (недостаток последовательности). Наелся сладостей, засиделся. Агал» (46, 48). Автору этих строк 22 года. Обращим внимание на построение высказывания: факт – моральная оценка; автор классифицирует грехи. Обжорство и ложь – в одном ряду как проявления слабости, за которые юный Толстой себя безжалостно наказывает моральными разборками в дневниках и строгими постами [10]. Эта же схема обнаружится в позднем творчестве: «Все работают, кроме меня. Я сплю. Грехи: тщеславие, праздность» (48–49, 65). Если отказ от «мясоедения» происходит в 1884–1885 гг., то стремление к воздержанию в еде и прочих естественных потребностях, самобичевание за неводержанность – постоянный мотив дневников.

В 1890-е идея воздержания становится центральной для Толстого, а вегетарианство становится знаковым отказом. В 1891–1893 гг. Толстой организует помощь голодающим. Сытость и праздность одних и голод других становятся постоянным мотивом в статьях и художественных произведениях этого времени, пищевое излишество связывается с похотью.

В 1891 г. Чертков предлагает Толстому написать предисловие к переводу книги Хоурда Уильямса «The ethics of diet» (Этика пищи). Толстой соглашается не сразу, но потом увлекается работой. 6 июня 1891 г. Толстой посещает в Туле скотобойню и пишет статью «Первая ступень» [11]. Сопоставим два текста: дневниковую запись и статью. «Встал рано, поехал в Тулу с П(етей) Раевским по поезду. Был на бойне. Тащат за рога, винтят хвост, так что хрустят хрящи, не попадают сразу, а когда попадают, он бьется, а они режут горло, выпуская кровь в тазы, потом сдирают кожу с головы. Голова, обнаженная от кожи, с закушенным языком, обращена вверх, а живот и ноги бьются. Мясники сердятся на них, что они не скоро умирают. Прасола-мясники снуют около с озабоченными лицами, занятые своими расчетами» (52, 38). Эта дневниковая запись – остов, конспект впечатлений, которые будут развернуты в статье на шесть страниц, то есть в 20 раз больше по объему и усилены натуралистической конкретикой: розовая визжащая свинья, молодой здоровый бык с красивыми глазами, мясник, раскуривающий папироску. «Нельзя притворяться, что мы не знаем этого. Мы не страусы и не можем верить тому, что если мы

не будем смотреть, то не будет того, чего мы не хотим видеть. Тем более этого нельзя, когда мы хотим видеть того самого, что мы хотим есть. И главное, если бы это было необходимо. Но положим, не необходимо, но на что-нибудь нужно? НИ НА ЧТО. <...> Только на то, чтобы воспитывать зверские чувства, разводить похоть, блуд, пьянство. Что и подтверждается постоянно тем, что молодые, добрые, неиспорченные люди, особенно женщины и девушки, чувствуют, не зная, как одно вытекает из другого, что добродетель не совместима с бифштексом, и как только пожелают быть добрыми, – бросают мясную пищу» (29, 84). «Воздержание есть первая ступень всякой доброй жизни. Воздержание есть освобождение человека от похотей, есть покорение их благоразумию» (29, 73). Статью Толстой заканчивает так: «... Если он (человек. – Н. О.) серьезно и искренне ищет доброй жизни, – первое, от чего будет **воздерживаться** человек, будет всегда употребление животной пищи, потому что, не говоря о возбуждении страстей, производимой этой пищей, употребление ее прямо безнравственно, так как требует противного нравственному чувству поступка – убийства, и вызывает только жадность, желанием лакомства» (29, 84). Обратим внимание на глагол: не отказываться, не исключать, а воздерживаться. В словаре Даля читаем: «Воздерживать – удерживать нравственной силою, останавливать, не давать воли, отклонять от чего-либо, не дозволять, не допускать, -ся, укрощать себя самого, не давать себе воли, ограничивать себя, не предаваться чему в излишестве» [12]. Воздержание предполагает моральное напряжение, держание себя от чего-либо. Воздержание предполагает на другом полюсе **желание**.

Описание бойни обрамлено историческим сопоставлением языческой и христианской системы ценностей и ограничений и авторским рассуждением о необходимости воздержания. Описание бойни – шокирующий факт и пропагандистский жест этого шока точно рассчитан: статья войдет в историю вегетарианства в России, станет источником цитирования и повторения, знаковым текстом, спровоцировавшим максимальный расцвет движения, начиная с 90-х гг. до конца 20-х гг. XX в. Один из пропагандистов вегетарианства в России и последователь Толстого Иосиф Пепер писал, что под впечатлением статьи «Первая ступень» «около двух лет находился в каком-то экзальтированном состоянии» [13].

Начиная с 1890-х вегетарианство в моде: организуется общества в Москве (два!), Петербурге, Киеве, Саратове, Полтаве, Одессе, Минске, Вильне; работают вегетарианские столовые; выпускаются поваренные книги [14]. В 1909–1915 гг. в Киеве выпускается «Вегетарианское обозрение»,

первый номер которого украшает статья «Лев Толстой как вегетарианец». Автор этой статьи Пепер называет Толстого «солнцем интернационального вегетарианского мира» [15]. Толстой участвует в этом движении как свадебный генерал: его статьи и изречения – украшение «Вегетарианского обозрения». Издательство «Посредник» выпускает целую серию популярной литературы «Вегетарианская библиотека», пропагандирующей безубойное питание: Чертков В. Жизнь одна (Об убийстве живых существ) М., 1912; В защиту жизни. Мысли Льва Толстого и других, вписанные ими в альбом Ташкентской вегетарианской столовой. М., 1913; Ясиновский А. А. Долой животные белки! (Об альбуминизме). М., 1914.

Сам же Толстой весьма прохладен к своим последователям и большую часть пропагандистской работы перекладывает на Черткова и дочерей. Татьяна Львовна составляет сборник «250 мыслей философов, поэтов и ученых о вегетарианстве и воздержанности» (М., 1903), в котором изречения Толстого рядом с высказываниями Пифагора, Плутарха, профессора Бекетова, стихами из Овидия и Попа. Мария Львовна переводит на русский язык книгу Уильямса «Этика пищи». Свояченица Толстого Татьяна Андреевна Кузьминская готовит сборник рецептов «Вегетарианский стол».

Вегетарианство как стиль жизни соединяет прогрессивное, медицински обоснованное отношение к питанию и использование «безубойной» одежды (т. е. той, для которой не надо убивать животных). Идеалом такого образа жизни признается Толстой, и происходит соединение собственно вегетарианских идей и толстовства. Так, например, статья «Весенняя пища сыроеда-вегетарианца» подписана псевдонимом «Упрощенка» [16].

3. Каша и устрицы: моральная маркировка еды

В художественном творчестве отношение к еде тоже становится признаком-различителем, маркирующим моральный облик героя. Особенно очевидно это разделение работает в «Анне Карениной», где, кажется, впервые отношение к еде несет авторскую оценку персонажа [17]. Заказ меню Стивой Облонским значимо сочетается с переходом на французский язык; модный обед – это французский обед. Предложенные Левиным «щи да каша» заменяются тремя десятками устриц, супом «прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрью» (18, 38). Гастрономические пристрастия Левина и Облонского формируют оппозицию достаточной простоты и избыточной сложности. Описание того, как ест Степан Аркадьевич, – торжество изыс-

канного литературного слога: «А недурны, – говорил он, сдирая серебряною вилочкой с перламутровой раковины шлюпающих устриц и проглатывая их одну за другой. – Недурны, – повторял он, вскидывая влажные и блестящие глаза то на Левина, то на татарина.

Левин ел и устрицы, хотя белый хлеб с сыром был ему приятнее» (18, 39). Затем на эту оппозицию накладывается противопоставление светских холеных рук трудовым деревенским рукам Левина: «Мы в деревне стараемся привести свои руки в такое положение, чтоб удобно было ими работать; для этого обстригаем ногти, засучиваем иногда рукава. А тут люди нарочно отпускают ногти, насколько они могут держаться, и прицепляют в виде запонок блюдечки, чтоб уж ничего нельзя было делать руками» (18, 40). И за этим рядом сопоставлений стоит оппозиция добродетели и распушенности: измена сравнивается с краденым калачом:

– Положим, ты женат, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

– Извини, но я решительно не понимаю этого, как бы... все равно как не понимаю, как бы я теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач.

Глаза Степана Аркадьича блеснули больше обыкновенного.

– Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься (18, 44). И нравственным финалом разговора становится фраза Левина, сохраняющая гастрономическую кодировку: «Не красть калачей!» (18, 46).

В «Отце Сергии» переход от черного хлеба на «здоровые кушанья» маркирует его переход от истинного служения к суетному: «Давно уже прошло то время, когда отец Сергей жил один и сам все делал для себя и питался одной просвирой и хлебом. Уже давно ему доказали, что он не имеет права пренебрегать своим здоровьем, и его питали постными и здоровыми кушаньями. Он употреблял их мало, но гораздо больше, чем прежде, и часто ел с особенным удовольствием, а не так, как прежде, с отвращением и сознанием греха. Так это было и теперь. Он поел кашку, выпил чашку чая и съел половину белого хлеба» (31, 33–34). Главное здесь даже не то, что ест отец Сергей, но то, как он это ест, то наслаждение, которое он испытывает от еды, то есть телесное, плотское наслаждение, противоречащее духовному служению. В это же время (в апреле-мае 1891 г.) в записных книжках: «Все люди просто обжоры» (52, 176).

Наиболее близко к толстовским записям в дневниках высказывается Познышев в «Крейцеровой сонате»: «Ведь наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, как систематическое раз-

жигание похоти. Да-с, около меня нынче весною работали мужики на насыпи железной дороги. Обыкновенная пища малого из крестьян – хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров, работает легкую полевую работу. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него – каша и один фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо на шестнадцатичасовой работе с тачкой в тридцать пудов. И ему как раз так. Ну а мы, поедающие по два фунта мяса, дичи и всякие горячительные яства и напитки, – куда это идет? На чувственные эксцессы. И если идет туда, спасительный клапан открыт, все благополучно; но прикройте клапан, как я прикрывал его временно, и тотчас же получается возбуждение, которое, проходя через призму нашей искусственной жизни, выразится влюбленьем самой чистой воды, иногда даже платоническим. И я влюбился, как все влюбляются. И все было налицо: и восторги, и умиление, и поэзия. В сущности же, эта моя любовь была произведением, с одной стороны, деятельности мамы и портних, с другой – избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни» (27, 23). Здесь снова еда – маркер нравственных процессов, происходящих в герое. Радикализм Кознышева позволяет точнее увидеть смысл вегетарианства для Толстого.

К сожалению, смысл вегетарианства Толстого недостаточно корректно истолковывается биографами. Л. Д. Опульская в «Материалах к биографии с 1882 по 1892» комментирует это так: «Отказ от мяса и Толстой в это время считал “первой ступенью” в правильной постановке питания» [18]. Пафос Толстого не гигиенический и не гастрономический. С какого бы повода он не начинал свою цепочку рассуждений, он обязательно приходит к этическому центру. Вегетарианство для Толстого – это выбор этический, добродетель напрямую связана с бифштексом. В июне 1891 г. он записывает: «Но и в области воздержания, самообладания, если человек серьезно будет желать его, он неизбежно будет приобретать это самообладание в определенной последовательности. Нельзя наесться селедок и потом воздерживаться от питья. Нельзя наесться мяса, напиться вина и воздерживаться от блуда» (52, 179). Заметим, вегетарианство называется первой добродетелью, за которой следуют другие: целомудрие; любовное, незлобивое отношение к окружающим; простая, трудовая жизнь. Связь этих составляющих очень близка и подчеркнута открыта. В дневнике за 26 июня 1891 г.: «Еще ночью думал о предисловии к вегетарианской книге, то есть о воздержании». Вегетарианство и воздержание – окказиональные синонимы в системе Толстого. Воздержание – это процесс с постоянно усиливающейся строгостью требований: за

отказом от мяса – отказ от ношения кожи, затем целомудрие, затем отказ от мирской славы. Этот процесс последовательного вытеснения физиологических и социальных потребностей, постоянной личностной редукции.

Для самого Толстого образ его жизни, его труд – это писание. И на писание во всех формах распространяется, на наш взгляд, этот же принцип воздержания.

4. Поэтика воздержания – вегетарианский стиль

Характерная для личности Толстого избыточность, желание охватить разом все в творчестве проявляется в тяготении к изображению сложных многоуровневых процессов (психологических, мировоззренческих, исторических), в широкости, монументальности стиля с периодами на полстраницы со сложной архитектурной грамматическими конструкциями. Его замыслы обширнее исполнения: хотел написать четыре эпохи развития, написал только «Детство. Отрочество. Юность», хотел написать роман о людях 1825 г., получилась только предыстория, но и эта предыстория – «Война и мир». Толстой грандиозен, но в своих планах он еще грандиознее.

В позднем творчестве происходит вытеснение этой избыточности, ее сознательное сдерживание. В стиле художественных и публицистических произведений это проявляется через систему сознательных стилистических ограничений. Фраза становится проще, четче, аскетичнее. Толстой в дневниках пишет о необходимости воздержании от красноречия. Пример стилистического аскетизма – запись в дневнике от 10 декабря 1889 г.: «Надо бы коротко и ясно изложить, что я думаю; именно: 1) неучастие в насилии правительственном, военном, судебном, 2) Половое воздержание, 3) Воздержание дурманов, алкоголя, табаку, 4) Работа. Все без красноречия, а коротко и ясно» (50–51, 191). В этом отрывке обратим внимание на повтор двух сем – воздержания и ясности и установку на краткость и избегание красноречия.

Вытесненную избыточность позднего Толстого, доминанту самосдерживания можно обозначить понятием «вегетарианский стиль» – стиль сознательного отказа от красноречия и избыточности, обнаруживающийся на разных уровнях произведения. В лексике – это тяготение к простоте слова, скромность словаря; в грамматике – сухость в построении фразы, использование коротких синтагм, простота и ясность слога. Предлагая название «вегетарианский стиль», мы, разумеется, прибегаем к метафоре, к стяжению всей творческой сложности Толстого к одному ее проявлению. Но через это проявление можно, на

наш взгляд, увидеть механизм действия целого и понять это целое.

Одно из главных требований позднего Толстого и одна из любимых его сем – «ясность»: «прояснить», «неясно», «ясность» – постоянно повторяемые слова. Процесс проявления действует и на стилистическом уровне. Требование ясности, с одной стороны, приводит в стиле к повторам, многоуровневым дешифровкам метафор, притч, неуклюжим синтаксическим нагромождениям придаточных конструкций «чтобы, для того, чтобы»; одновременно, с другой стороны, фраза стремится к линейности, отсеканию боковых ответвлений, грамматической четкости. В результате «ясность» приводит к сложности, она скорее не результат, а цель, и в пути к этой ясности толстовский стиль создает все новые и новые усложнения.

С необходимостью императив ясности основан на неопределенности, постоянном поиске этой ясности: «Сейчас много думал о работе. И художественная работа: “был ясный вечер, пахло...” невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь» (57, 9). Предельная неопределенность формы – желание писать вне формы – реально приводит к наиболее строгим формам (недельным чтениям, афоризмам), четко структурированным по внешним признакам (календаря или темы).

Идеальной формой оказывается дневниковая запись, также календарно структурированная. Именно в дневниках стиль Толстого обнаруживает все те тенденции, которые потом работают и в статьях, и в трактатах, и в художественных текстах. Толстовские дневники – тема отдельного разговора [19]. Поздний Толстой писал свой дневник уже не для себя, а для потомков, для читающей публики. Вся семья была задействована в это производство – редактуру, переписывание, обсуждение сочинений гения. Из-за дневников Софья Андреевна ссорилась с Чертковым, их публикация после смерти автора подразумевалась и принималась как должное. Если ранние дневники Толстой просил уничтожить (что, правда, не было сделано), то поздние – открытое письмо в будущее. Стилистические тенденции дневников 1850–1860-х гг. накапливаются и постепенно занимают доминирующее положение, вытесняя в позднем творчестве художественный стиль. Появляется характерная оппозиция художественное – нехудожественное. При этом статьи, трактаты, предисловия воспринимаются как

«нужное дело», а художественное творчество устойчиво связывается с «похотью учить» (23, 9). Искусство представляется позднему Толстому избыточным наслаждением, которое сродни обжорству. В дневнике 20 мая 1890 г.: «Думал одно: мы едим соусы, мясо, сахар, конфеты – обедаемся, и нам кажется ничего. В голову даже не приходит, что это дурно. А вот кара желудка – повальная болезнь нашего быта. Разве не то же самое сладкое эстетическая пища – поэмы, романы, сонаты, оперы, романсы, картины, статуи. Тот же катар мозга. Неспособность переварить и даже принимать здоровую пищу, и смерть» (50–51, 45). 15 сентября 1892 г.: «Говорил о музыке. Это наслаждение чувства, как чувства, как *sens* вкуса, зрения, слуха. Я согласен, что оно выше, т. е. менее похотливо, чем вкус, еда, но я стою на том, что в нем нет ничего нравственного, как стараются нас уверить» (52, 72). В результате происходит сдвиг в жанровой системе Толстого: «нехудожественные» сочинения (статьи, трактаты, предисловия, изложения учений) вытесняют художественное творчество и по объему и по количеству работ.

Требование простоты, присущее в целом русскому культурному сознанию второй половины XIX в., в системе Толстого преобразуется в «опрошение». Слово «опрошение» намеренно сдвигает смысл произошедшего с Толстым в реальной жизни и его сочинениях. Он не стал проще, в вытесненном, сдерживаемом порядке сохраняется сложность и избыточность, которая сознательно не пускается в текст и обнаруживает себя силой нравственного напряжения. Поздняя телесность дана под знаком отрицания.

Неинтересность, нудность, повторяемость стиля позднего Толстого намеренна. В дневниках 90-х он пишет: «не править». Текст должен вызывать не наслаждение, а нравственную работу. Радость выносится за пределы текста на внутреннее прозрение читателя, прошедшего вслед за автором путь от прозрения через покаяние к воскресенью. Этому идеальному читателю, который вместе с автором прошел через соблазны и заблуждения, переродился и обрел идеал, остается только одно – умереть. Смерть – последний отказ, предельная редукция телесного.

В качестве последнего замечания скажем, что как на бытовом уровне Толстой иногда позволял себе наслаждение музыкой, так и в творчестве возникали рецидивы «старого» стиля, примером которого является «Хаджи-Мурат», пышными пейзажами и длинными периодами скорее напоминающий автора «Войны и мира», чем автора публицистических статей и народных рассказов [20]. Заметим также, что повесть «Хаджи-Мурат», представляющая отклонение от нового сти-

ля в стилистическую раскованность 1860–1870-х гг., была опубликована лишь после смерти Толстого. Однако подобные исключения только резче оттеняют тенденцию позднего стилистического минимализма.

Позднее творчество Толстого – это путь отказа от плоти, путь к смерти. Поэтика позднего Толстого – это поэтика воздержания. Она пронизывает все структурные уровни его творчества и исходит из мировоззренческой системы, одним из знаковых проявлений которой является вегетарианство.

Примечания

1. «Мне часто его жалко: ему как будто хочется иногда и музыки, и развлечения, а блуза и принципы мешают идти в концерт, театр или еще куда». (Толстая, С. А. Дневники [Текст]: в 2 т. / С. А. Толстая. М., 1978. Т. 1. С. 462.

2. При жизни автора – это постоянная тема как для устных анекдотов (См. Юмористический листок. СПб., 1910), так и воспоминаний современников, особенно Александры Львовны. Анекдоты о Толстом имеют и свою литературную традицию, от Ильфа и Петрова до Бродского.

3. См.: Бирюков, П. И. Биография Льва Николаевича Толстого [Текст] / П. И. Бирюков. М.; Пг., 1923; «Яснополянские записки» Душан Петрович Маковицкий [Текст] // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1–4. М., 1979; А. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым [Текст] / сост. А. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. М., 2000.

4. См. Пернер И. А. Н. Толстой как вегетарианец [Текст] / И. Пернер // Вегетарианское обозрение. 1909. № 1; Пернер, И. У А. Н. Толстого и его друзей [Текст] / И. Пернер // Вегетарианское обозрение 1909. № 6, 7.

5. О возможности применения понятия «стиль» к любой знаковой системе писал Б. А. Успенский. См.: Успенский, Б. А. Семиотические проблемы стиля в лингвистическом освещении [Текст] / Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам. 4. Тарту, 1969. С. 487–501.

6. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники [Текст] / Ю. Н. Тынянов. М., 1969. С. 188.

7. Здесь и далее Толстой цитируется по изданию: Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное издание) [Текст]: в 90 т. / А. Н. Толстой. М., 1954. В скобках: том и страница.

8. Полнер, Т. О Толстом. (Клочки воспоминаний) [Текст] / Т. Полнер // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 109.

9. Лев Николаевич как вегетарианец [Текст] // Вегетарианское обозрение. 1909. № 1. С. 18.

10. В письме Н. Н. Страхову от 29.10.1894, вспоминая юность, Толстой пишет: «...ни один из великих людей, которых восхваляет история, в рай и ад не верил. Это было мне совершенно ясно, но моей веры не поколебало; напротив, я стал молиться и поститься до обмороков» (А. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым. С. 75).

11. Статья опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии». 1892. № 13. С. 109–144.

12. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 226.

13. *Перпер, И. А.* Н. Толстой как вегетарианец [Текст] / И. Перпер // Вегетарианское обозрение. 1909. № 1. С. 16.

14. Вегетарианская кухня. Наставления к приготовлению более 800 блюд, хлебов, напитков для безубойного питания [Текст]. М., 1894; Краткая вегетарианская поваренная книга (для интеллигентных читателей) [Текст]. М., 1904; *Николаева, А.* Сто вегетарианских блюд [Текст] / А. Николаева. М., 1917.

15. *Перпер, И. А.* Н. Толстой как вегетарианец // Вегетарианское обозрение. 1909. № 1. С. 19.

16. Весенняя пища сыроеда-вегетарианца [Текст] // Вегетарианское обозрение. 1912. № 5. С. 196.

17. См. подробный анализ кушаний в «Анне Карениной»: *Лотман, Ю. М.* «Лишь беззаботный гастроном прозвания мудрого достоин...» [Текст] / Ю. М. Лотман, А. Е. Погосян // Звезда. 1995. № 7. С. 108–130. Об этой же сцене, но с точки зрения противопоставления города и деревни, пишет В. Б. Шклов-

ский. См.: *Шкловский, В. Б.* Лев Толстой [Текст] / В. Б. Шкловский // Шкловский В. Б. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1974. С. 415–416.

18. *Опульская, А. Д.* Материалы к биографии с 1882 по 1892 год [Текст] / А. Д. Опульская. М., 1979. С. 237.

19. См. разделы монографий: *Лакшин, В. Я.* Пять великих имен [Текст] / В. Я. Лакшин. М., 1988; *Егоров, О. Г.* Дневники русских писателей XIX в. [Текст] / О. Г. Егоров. М., 2002; *Паперно, И. А.* «Если бы можно было рассказать себя...»: Дневники А. Н. Толстого [Текст] / И. А. Паперно // НЛО. 2003. № 61.

20. Характерный анекдот по этому поводу: Один гимназист приехал ко Льву Толстому. Они гуляют по саду. Садится комар, Лев Николаевич убивает этого комара, а гимназист спрашивает: «Как же так, вы же гуманист, вы же не можете...» – Лев Толстой отвечает: «Батенька, но нельзя жить так подробно».

НОВЫЕ КНИГИ

Труды кафедры русской литературы [Текст] :
сборник науч. тр. Вып. 5. –
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 107 с.

В сборнике, продолжающем разработку историко-литературных проблем и анализа художественного текста на различных уровнях, представлены статьи, в которых даётся анализ прозаических, поэтических и драматических произведений писателей XIX и XX веков. Выпуск рассчитан на учёных-литературоведов, преподавателей, студентов.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

А. А. Мосунова

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Теоретические аспекты статьи заключены в анализе не имеющего общепринятого толкования понятия восприятия на основе рассмотрения некоторых теорий восприятия, а также в уточнении понятия художественного восприятия. Поставлена проблема развития художественного восприятия в процессе обучения; выявлены причины, обусловившие остроту данной проблемы в современных условиях. Найдены критерии адекватного и неадекватного художественного восприятия. Построено определение понятия смыслового восприятия художественного произведения.

*Всегда требуют, чтобы искусство
было понято, но никогда не требуют
приспособить свою голову к пониманию.*

Казимир Малевич

Главной задачей статьи является интеграция представлений об адекватном восприятии произведений искусства, наработанных в русле разных теоретических подходов, в единую систему представлений. Теоретический анализ и обобщение научных данных поможет нам выявить существенные признаки, отличающие адекватное восприятие произведений искусства от неадекватного. Иными словами, сориентирует в определении критериев, позволяющих судить о полноценном, состоявшемся художественном восприятии в отличие от восприятия неполноценного и, следовательно, несостоявшегося. Решение этой задачи поможет наполнить понятие смыслового чтения художественной литературы конкретным содержанием, хотя сравнительно полное описание и определение смыслового чтения вряд ли возможно выразить одной фразой.

Определим круг вопросов, связанных с главной задачей, и порядок их рассмотрения.

Первоначально необходимо осмыслить родовое понятие восприятия и остановиться на од-

ном из его определений, поскольку, хотя это понятие имеет длительные традиции своего исследования, оно не имеет общепринятого толкования. Далее следует уточнить, что мы понимаем под восприятием собственно художественных произведений. Затем, для того чтобы найти ответ на вопрос о самой природе смыслового чтения, необходимо разграничить понятия адекватного и неадекватного восприятия произведений искусства. Иными словами, надлежит уяснить, чему должно быть адекватно восприятие реципиента в общении с художественным произведением.

Приступим к рассмотрению ключевого понятия данной статьи.

Восприятие (perception, Perzeption) – одно из фундаментальных понятий психологии вообще и педагогической психологии в частности, рассматривавшееся также и в философии, и в физиологии, и в нейронауках, и т. п. Теоретическая основа исследований восприятия была заложена еще Аристотелем, который выделил основные каналы получения сенсорной информации или отдельные органы чувств – зрение, слух, вкус, обоняние и тактильные способности. Позднее к ним добавили еще двигательную или моторную систему. С тех пор считается, что восприятие совершается благодаря тому, что каждая из названных систем создает свои собственные механизмы и свою цепь рецепторов для выполнения своих функций.

В числе авторов, заложивших основы отечественных изысканий в области восприятия, следует назвать в первую очередь А. С. Выготского, С. А. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, Э. В. Ильенкова, А. И. Мещерякова, Б. М. Величковского и других, а среди зарубежных ученых – Дж. Брунера, У. Найссера, Дж. Лакоффа. В их трудах понятие восприятия охватывает самый широкий круг явлений и процессов. Восприятием именуется феномены, начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит (спонтанное восприятие), до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности в образе мира и его отдельных фрагментов. Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ
© Мосунова А. А., 2007

полученных чувственных данных. Он имеет отношение как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ. Это понятие непосредственно касается способностей «членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека информации и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов и стимулов» [1].

Если попытаться обобщить все многообразие трактовок восприятия в психологии и философии, можно обратить внимание на три основные черты, объединяющие практически все эти трактовки, исключая гораздо более многочисленные их различия. Несмотря на широту толкований восприятия, определения самых различных авторов сходятся в следующих трех моментах.

Во-первых, все они указывают на то, что восприятие есть форма чувственного отражения действительности в сознании. В описании актов восприятия подчеркивается их физический, материальный, сенсорный аспект (например, восприятие речи, восприятие письменного текста). Воспринять – значит ощутить, распознать органами чувств.

Во-вторых, это чувственное отражение конкретизируется как способность не только обнаруживать, принимать и различать явления внешнего мира, но и понимать их и усваивать. Не случайно теория так называемого прямого восприятия, согласно которой человек «схватывает» разную информацию просто из объективной действительности, подвергается критике. Большинство ученых утверждает как раз обратное: восприятие часто рассматривается как процесс, который требует для своего осуществления совместного действия памяти, способности совершать умозаключения и добиваться выводных знаний, внимания, воображения и т. п. Тем самым указывается на связь восприятия с мышлением, с умственными представлениями, со знанием и способами его получения. Связь состоит в том, что именно восприятие является базой для всех этих процессов. Его часто определяют и как звено такой конструктивной когнитивной деятельности, которой является процесс обработки информации. Иными словами, восприятие (что важно в контексте наших исследований по психологии чтения) требует конструктивной деятельности по созданию ментальных репрезентаций (представлений) и связано с обращением к предыдущему опыту, памяти, умению делать какие-либо заключения и т. п. Следовательно, воспринять – значит понять и усвоить.

В-третьих, подчеркивается, что восприятие есть также способность формировать из усвоенных элементов внешнего мира его целостный образ. Восприятие, как определяет его современная психология, есть «непосредственное отражение предмета (явления, процесса) в совокупности его свойств, его объективной целостности» [2]. Воспринять – значит синтезировать, обобщить данные органов чувств. Тем самым восприятие человека представляет собой единство чувственного и логического, чувственного и смыслового, ощущения и мышления.

Теперь, установив в различных подходах общее, объединим три выделенных признака в рабочем определении. Воспринять какое-либо явление внешнего мира – значит распознать органами чувств, понять и синтезировать в целостный объективный образ его элементы.

Далее рассмотрим ряд первостепенных в контексте данной статьи положений, связанных с теорией восприятия, которые могут служить основанием для определения понятий смыслового восприятия явлений искусства в целом и смыслового восприятия художественной литературы в частности.

Первое положение, которое можно постулировать как связь восприятия с деятельностью, позволяет сделать важный шаг в неоднозначном решении задачи соотношения восприятия и такой деятельности, как чтение художественной литературы.

В отечественной науке была продемонстрирована зависимость восприятия от той практической деятельности, той предметной активности, в которую оно вплетено. Так, А. В. Запорожец, констатируя разнообразие точек зрения на природу восприятия, выделяет две основные теоретические линии в разработке данной психологической проблемы. Одна из них – феноменалистическая – отправляется от субъективных переживаний как первоначальных данных, игнорируя материальную деятельность субъекта в отношении объекта, в процессе которой эти переживания возникают. Другая исходит из объективных условий материальной деятельности субъекта и заключается в изучении того, как в процессе этой деятельности складывается адекватное отражение окружающей действительности [3]. Указывая, что восприятие представляет собой отражение действительности в психике человека, Запорожец имеет прежде всего в виду тот путь, который проходит внешнее раздражение до центральной нервной системы. В ходе этого процесса формируются определенные ощущения, которые далее превращаются в факт сознания [4]. Аналогичным образом объединяет в единый узел восприятие и человеческую деятельность У. Найссер, считая необходимым отразить

в своей теории принципиальное различие трех выделяемых им перцептивных систем. Одна из них представляет собой систему прямого восприятия и непосредственных реакций и действий человека, вторая – систему межличностного восприятия и взаимодействия, и, наконец, третья – систему распознавания объектов и их ментальных репрезентаций [5]. Подобные системы различаются, как считает Найссер, и нейрологически, и психологически, и операционально, но в обычной жизни они взаимодействуют, а все более сложные ментальные процессы проявляют зависимость от каждой из них. Для нас важно, что в этой теории третья перцептивная система показывает зависимость восприятия от ментальных репрезентаций, опыта и знаний. Тем самым среди факторов, от которых действительно зависит адекватное восприятие художественных текстов, нам видится специально организованная деятельность, в процессе которой субъективные первоначальные переживания становятся «фактом сознания», уточняются и углубляются в свете индивидуальных представлений, личного опыта.

Второе важное положение мы находим в работах В. П. Зинченко, который характеризует восприятие как психическую активность высшего порядка. По Зинченко, человеческое восприятие удовлетворяет свойствам высших психических процессов, которые им приписал Л. С. Выготский, – оно носит операциональный, действительный и опосредованный характер [6]. Не случайно важной частью учения о восприятии становится мысль о том, что восприятие проявляет новые качества, поскольку само начинает действовать в системе других функций. Иными словами, у развитого взрослого человека структурирование воспринимаемого и вся его организация оказываются тесно связанными с процессами не только бессознательной классификации сенсорных ощущений, но и с процессами категоризации и, главное, концептуализации мира. Отсюда основными свойствами восприятия выступают не только предметность, целостность, но и категориальность и константность, которая выражается в относительном постоянстве величины, формы и цвета предметов при изменяющихся в известных пределах условиях их восприятия. В этом отношении воззрениям Зинченко близки взгляды Дж. Брунера на восприятие как на акты категоризации, согласно которым объект воспринимается только после того, как он уже отнесен к определенной категории [7]. Тем самым доказывается, что восприятие являет собой не пассивное созерцание мира, но активное и живое взаимодействие с окружающей средой.

Восприятием в подлинном, человеческом смысле этого слова психологи называют не не-

посредственное пассивное отражение, а процесс осмысленного активного чувственного познания предмета на основе его образа. Это активное действие обеспечивается рядом механизмов (антиципации, апперцепции, ассоциации и т. п.). Немаловажно существующее среди психологов мнение, что восприятие включает в себя обучение. Охотники могут узнавать птиц с невероятных расстояний по полету, они умеют использовать небольшие различия для определения объектов, которые для других людей выглядят одинаковыми. То же самое наблюдается у врачей, рассматривающих рентгенограммы или микроскопические препараты, чтобы найти признаки патологии. Нет сомнений, что в этих случаях имеет место перцептивное обучение. Однако мы до сих пор не знаем точно, как далеко распространяется влияние обучения на восприятие. Положение о восприятии как о высшем психическом процессе исключает сомнение в том, что без обращения к нему не может быть решена по существу ни одна ключевая задача психологии обучения. Но самым прямым образом это относится к обучению предметам художественно-эстетического цикла. В таком виде человеческой активности, как художественно-эстетическая деятельность, восприятие играет не просто значимую, но решающую роль. Познавать искусство – значит, прежде всего, уметь воспринимать его.

Третье положение, которое постулирует восприятие как форму бытия искусства, открывает еще один важный поворот в проблеме развития полноценного восприятия эстетических явлений. В философии, психологии, эстетике и других смежных науках общепринято утверждение, что произведение искусства существует лишь в восприятии. Вне встречи со зрителем, читателем, слушателем оно представляет собой лишь возможность, не ставшую действительностью. Анализируя проблему отношений художника и зрителя, выдающийся художник-педагог Б. М. Неменский в своих работах настойчиво подчеркивал их природную взаимосвязь. Говоря о том, что искусство рождается как диалог, он отрицал положение, что художник пишет только для себя, что это только потребность самовыражения, не рассчитанная на собеседника. По Неменскому, художник и зритель – это не разное, а единое и неразрывное, это две стороны единого и неделимого явления, называемого искусством. «Мысли, чувства, память зрителя – та среда, в которой картина, симфония, поэма, любое произведение искусства живы. Иначе их как бы и нет. Они как бы мертвы, как семя» [8]. Отсюда явно следует, что в общении с искусством имеет значение не всякое восприятие. Принципиальную роль играет его качество, ведь настоящая жизнь

произведения обеспечивается только восприятием полноценным.

Вместе с тем развитие адекватного восприятия в наш век приобретает еще один важный аспект. Как говорят специалисты, сейчас происходит «визуализация» человеческой культуры, перенос центра тяжести от словесного способа общения и передачи информации на визуальный, зрительный. Развитие средств зрительной информации увеличивает нагрузку зрительного канала и требует от него большой развитости. Одновременно происходит редукция опосредованного, непрямого восприятия того особого языка художественной литературы, который надстраивается над естественным языком как вторичная система [9]. Учитывая, что литература не единственная вторичная моделирующая система, Ю. М. Лотман подчеркивал уникальный характер этого языка: «Сказать, что у литературы есть свой язык, не совпадающий с ее естественным языком, а надстраивающийся над ним, — значит сказать, что литература имеет свою, только ей присущую систему знаков и правил их соединения, которые служат для передачи особых, иными средствами не передаваемых сообщений» [10]. Реальное получение этих «особых, иными средствами не передаваемых сообщений» в условиях «визуализации» зависит от специального воспитания, «выращивания» их адекватного восприятия. Это качество не имманентно человеку, а вырабатывается целенаправленными и длительными тренировками.

Наконец, обратимся к четвертому положению, связанному с теорией восприятия опосредованно, через изучение воздействия восприятия искусства на личность. Положение о том, что искусство способно воздействовать на сознание и смысловую сферу человека, является фундаментом многих представлений о психологических механизмах развития личности. В предметах эстетического цикла задача становления личности, неповторимой человеческой индивидуальности фактически составляет самую суть дела. Здесь заложены огромные возможности проявления индивидуальности, без развития которой нереально созревание творческого потенциала учащегося. Адекватно воспринятое, произведение искусства способно влиять на сознание и процесс развития личности, ибо оно является одним из источников, приобщающих «природного психического индивида» [11] к зафиксированным в искусстве общечеловеческим смыслам и ценностям.

Сказанное тем более справедливо, если педагог опирается на идею личностно ориентированного подхода к обучению. Пафос личностно ориентированного подхода в познании искусства

заключается в том, чтобы «центром рассмотрения сделать личность с ее реальными потребностями, запросами, ценностями и стереотипами, через которые неизбежным образом преломляется воздействие любого, в том числе и самого “эталонного”, классического произведения» [12]. Четвертое положение подразумевает постановку проблемы «выращивания» (термин А. С. Выготского) адекватного восприятия искусства в контексте развития личности, становления ее ценностно-смысловой сферы.

Обобщая выделенные нами в теории восприятия четыре аспекта, подчеркнем главное. Итак, восприятие — это высший психический процесс, который играет решающую роль в изучении предметов художественно-эстетического цикла, так как познавать искусство — значит воспринимать его. Восприятие искусства не является имманентным, а зависит от целенаправленного воспитания, от той предметной деятельности, в которую оно вплетено. Воздействие искусства на сознание, ведущее к трансформации ценностно-смысловых образований личности, обусловлено качеством восприятия. Его полноценность выступает обязательным условием личностного развития в процессе постижения искусства.

Перейдем непосредственно к проблеме «выращивания» полноценного восприятия искусства. Анализ понятия художественного восприятия предполагает постановку проблемы его развития в процессе учебной деятельности.

Как показывает практика, полноценное восприятие эстетических явлений остается уделом немногих специалистов или особо одаренных субъектов. Ни средняя школа, ни гуманитарные факультеты вузов не решают задачу развития художественного восприятия. Тем более не стоит вопрос о воспитании психологической культуры восприятия, о задаче развития не только эстетически, но и психологически компетентной личности, умеющей «приспособить свою голову к пониманию» искусства. Обобщая свои многолетние нерадостные наблюдения, художник и педагог Б. М. Неменский утверждал, что молодой человек выходит из школы не только не подготовленный к самостоятельному восприятию искусства и встрече с различными течениями и направлениями в современном искусстве. Он выходит вообще художественно неразвитым, эстетически безоружным [13].

Острота проблемы «выращивания» в молодом поколении адекватного восприятия произведений искусства, ее непреходящая актуальность и глубина обусловлены, на наш взгляд, по меньшей мере, четырьмя причинами.

Во-первых, активное и живое взаимодействие личности с произведением искусства осуществ-

ляется на сугубо индивидуальном уровне, и процесс этот скрыт от преподавателя, который в условиях учебной деятельности должен выступить в качестве посредника между произведением и учащимся.

Во-вторых, художественное восприятие – это динамическая система, детерминируемая множеством взаимодействующих факторов, разного рода переменными и способная под их влиянием менять свои состояния. Часто эти факторы не принимаются во внимание, их влияние на полноценное художественное восприятие не учитывается.

В-третьих, процессы художественного восприятия протекают, как правило, неосознанно, и механизмы взаимодействия с произведением включаются (или не включаются) помимо сознательных усилий реципиента. Вместе с тем отметим важное в контексте рассматриваемой проблемы мнение, что осознание многих из них принципиально возможно, на чем основываются многие обучающие и развивающие методики [14].

Наконец, проблема усугубляется еще и тем, что задачи эстетического воспитания в школе зачастую подменяются задачами художественного образования, то есть сводятся к ознакомлению учащихся с искусством, к приобретению ими некоторых знаний и навыков. Д. Б. Кабалевский считал такой подход «серьезной ошибкой», подчеркивая, что эстетическое воспитание вовсе не ограничивается художественным образованием, а должно охватывать все звенья школьного обучения и воспитания, с опорой на литературу и искусство [15].

Обратимся теперь к содержанию, которое мы вкладываем в понятие смыслового восприятия художественного произведения, высказав предварительно несколько соображений.

Сначала отметим, что представление о смысловом восприятии сложилось в результате анализа и конкретизации существенных признаков родового понятия, а также переноса в данный контекст понятий теории информации и положений ряда специальных исследований. Исходя из первого источника, восприятие художественного произведения трактуется нами как деятельность, посредством которой разум реципиента интегрирует и синтезирует чувственные данные, полученные от живого ощущения эстетического объекта, формируя его целостный образ. Зафиксируем немаловажный факт: хотя эстетическое восприятие носит исключительно личностный, субъективный характер, говорят об адекватном, полноценном и неадекватном восприятии произведения искусства, что подразумевает постановку задачи определения этих особенностей.

Далее подчеркнем, что эстетический объект является изобразительно-выразительной мате-

риальной моделью, имеющей символический характер. В терминах теории информации объект искусства является материальным кодом обобщенных человеческих переживаний. Тем самым он предполагает свое точное декодирование. Иными словами, должна свершиться максимально тождественная, то есть целиком и полностью соответствующая замыслу создателя, расшифровка тех обобщенных переживаний, знаком (символом) которых произведение является.

Наконец, обратим внимание на то, что в анализе художественного восприятия авторы неизменно указывают на две его черты: творческий характер и непосредственность усмотрения смысла.

Приведем показательную в этом отношении характеристику художественного восприятия, развернутую А. Г. Виноградовой в философском исследовании, посвященном собственно анализу единства творчества и восприятия художественного произведения.

По Виноградовой, восприятие в своей активности выходит за рамки объективно созданного художником. В форме воображения оно продолжает идею автора в той мере, в какой эта идея по существу оказалась доступна ему. Восприятие эстетического предмета потому всегда носит творческий характер и – по логике воплощенной в произведении идеи – сопряжено с творчеством художника. Оно связано со способностью раскрыть смысл, заключенный в чувственной форме художественного произведения, причем раскрыть вне специального рационального анализа. Тем самым восприятие несет в себе все компоненты творческой деятельности. Это и способность воображения, и принцип красоты (развитый эстетический вкус), и эстетическое внимание, способное фиксировать противоречивость художественного образа. Это и жизненный опыт как основание ценностного суждения, и развитый общечеловеческий идеал как предельная мировоззренческая основа оценки любых явлений художественной культуры [16].

Насколько можно судить по этой характеристике, полноценность восприятия обусловлена творческим и смысловым, то есть проникающим в глубинные пласты и одновременно индивидуально-личностным, заинтересованным, пристрастным, а потому и жизненным прочтением произведения искусства. Фактически мы имеем дело с единой сущностью, позволяющей поставить знак равенства между характеристиками «полноценное», «смысловое» и «творческое» в отношении восприятия художественного произведения.

Нам остается сделать лишь одно пояснение. Речь идет о смыслообразующей функции воспри-

иятия, в свете которой проблема его развития приобретает особый ракурс. Активное, творческое восприятие произведений искусства действительно приводит к их художественной оценке и к повышению уровня эстетического вкуса. Но не в оценке и не во вкусе центр тяжести. Главное, что предметом произведения искусства является не просто звуковая, изобразительная или вербальная среда, а значимые, пережитые в художественной форме творцом (и вместе с ним – слушателем, зрителем, читателем) явления и события жизни. В современной психологии сущностной, конституирующей функцией искусства принято считать раскрытие смыслов тех или иных сторон действительности. Следовательно, смысловое восприятие является не только условием приобщения к этой бытийно-смысловой реальности, но и условием исполнения главной функции искусства, способом его бытия. С другой стороны, постижение смысла, то есть собственно акт художественного восприятия, предполагает актуализацию всех духовных и практических способностей личности, всего ее жизненного опыта, кристаллизованного в ее субъективном «я». Поэтому смысловое восприятие искусства – это и деяние самоактуализации, один из способов бытия личности.

Пытаясь в первом приближении ответить на вопрос о сущности смыслового восприятия художественных произведений, мы выводим из построенных нами представлений два важных следствия. Они позволяют определить смысловое восприятие как результат одновременного решения реципиентом двух главных задач. Во-первых, задачи проникновения в авторское видение мира, в самую сущность художественного произведения – ценностно-смысловую сферу его творца, ибо «художественное произведение – это окно в мир, которое, однако, открыто лишь при взгляде с одной определенной точки – с точки зрения автора» [17]. Во-вторых, задачи достижения полноценного сопереживания художественному образу, так как человеческий опыт, заложенный в искусстве, становится нашим достоянием не просто в результате познания данных нам художником фактов, мыслей, чувств, а как сопереживание, как наш собственный опыт. «Можно через восприятие произведения искусства пережить унижения раба, горечь старости, оставаясь при этом молодым человеком. Именно такое воздействие искусства и формирует душу, обогащает личный опыт гигантским опытом человечества» [18].

Завершая в общем плане рассмотрение понятия смыслового восприятия художественного произведения, подчеркнем, что его существенные признаки вполне соотносятся с концепцией М. М. Бахтина. По Бахтину, полноценное вос-

приятие искусства можно толковать как особую активность сознания, которая направлена на то, чтобы, во-первых, понять произведение так, как понимал его сам автор, постараться увидеть картину мира «глазами автора»; во-вторых, включить произведение в свой, отличный от авторского, жизненный и культурный контекст [19].

Говоря иначе, полноценное восприятие художественного произведения вытекает из понимания смыслового мира автора и определения своего отношения к этому миру, то есть из открытия в произведении личностных смыслов. Очевидно, именно эти свойства художественного восприятия следует считать основополагающими при оценке его адекватности. Не случайно, говоря об адекватном восприятии произведений искусства, многие авторы особо указывают на личностно-смысловой аспект такого восприятия.

Охарактеризуем теперь, исходя от противоположного, неадекватное художественное восприятие. Соответственно качествам адекватного, оно отличается, на наш взгляд, одним из следующих четырех признаков, или их констелляцией. 1) В процессе восприятия не удалось проникнуть в авторское видение мира, не произошло понимание смыслов автора. 2) Даже поняв замысел автора, реципиент не испытал соответствующих чувств, не разделил закодированных в произведении обобщенных человеческих переживаний. 3) Реципиент испытал чувства, внешние по отношению к произведению, например вследствие несовпадения своей системы ценностей с авторской. 4) Восприятие объекта искусства не привело ни к его пониманию, ни к сопереживанию художественному образу, являясь поверхностным. В каждом из этих случаев восприятие произведения искусства не обнаруживает полноценности и исключает его постижение. Тем самым неадекватное, или неполноценное, восприятие можно трактовать как восприятие не смысловое, а значит, несостоявшееся.

Закончим определением смыслового восприятия художественных произведений.

Смысловое восприятие художественного произведения – это процесс его истолкования (наделения личностным смыслом) на основе чувственных данных, непосредственно отражающих эстетический объект в совокупности всех его свойств, его объективной целостности и связанных с ментальными репрезентациями, предыдущим опытом, памятью, мышлением субъекта. Процесс этот имеет две ступени. Первая связана с восприятием смыслового мира автора, осознанием его оценок, его отношения к действительности. Вторая заключается в порождении собственных оценок отраженного в произведении смыслового мира, осознании своего «от-

ношения к отношению». В смысловом восприятии эти ступени сливаются в единый путь к полноценному, глубинному познанию явления искусства, эстетически выражающего общественное сознание и в свою очередь формирующего его.

Примечания

1. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, А. Г. Лузина; под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 17.
2. Психология [Текст]: словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 55.
3. Запорожец, А. В. Психология [Текст] / А. В. Запорожец. М.: Просвещение, 1965. С. 85.
4. Там же. С. 56.
5. Найссер, У. Познание и реальность [Текст]: смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. М.: Прогресс, 1981.
6. Зинченко, В. П. Комментарий [Текст] / В. П. Зинченко // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. Т. I. М., 1986. С. 290.
7. Брунер, Дж. Психология познания [Текст]: за пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. М.: Прогресс, 1977.
8. Неменский, Б. М. Распахни окно [Текст]: мысли художника об эстетическом воспитании / Б. М. Неменский. М.: Мол. гвардия, 1974. С. 43.
9. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. М.: Искусство, 1970. С. 30.
10. Там же. С. 31.
11. Мамардашвили, М. К. Обязательность формы [Текст] / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 135.
12. Леонтьев, Д. А. Произведение искусства и личность [Текст]: психологическая структура взаимодействия / Д. А. Леонтьев // Художественное творчество и психология. М., 1991. С. 109.
13. Неменский, Б. М. Указ. соч. С. 76.
14. Леонтьев, Д. А. Указ. соч. С. 119.
15. Кабалевский, Д. Б. Прекрасное пробуждает доброе [Текст]: эстетическое воспитание: статьи, доклады, выступления / Д. Б. Кабалевский. М.: Педагогика, 1973. С. 246.
16. Виноградова, А. Г. Единство творчества и восприятия художественного произведения [Текст]: методологический аспект: дис. ... канд. филос. наук / А. Г. Виноградова. М., 2001. С. 10.
17. Леонтьев, Д. А. Психология смысла [Текст]: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2003. С. 422.
18. Неменский, Б. М. Указ. соч. С. 49.
19. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]: исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975.

Е. А. Ходырева

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Образование рассматривается автором как культуротворческий процесс. Поликультурность определяет отношения между образованием и культурой как средой, растящей и питающей личность. В основе поликультурности лежит признание сложно структурированного множества культур, их дополнительность, необходимость диалога и организация условий для совместной деятельности обучающихся как носителей равноправных, разнообразных и равноценных культур, их познания и уважения, принятия ими мировых культурных ценностей.

Образование конкретного человека осуществляется в ходе взаимодействия личности с культурой сообщества. В процессе образования происходят единичные и множественные, случайные и системные, хаотичные и гармоничные взаимодействия обучающегося с компонентами культуры, идет ее освоение и воспроизведение с позиций индивидуального и личностного самоопределения. Чем разнообразнее и шире контакты личности с мировой культурой, тем богаче перспективы индивидуального образования [1].

Рассматривая культуру с позиции образования, можно отметить, что она имеет педагогическую сущность. С одной стороны, культура выступает в качестве инструмента обучения и воспитания молодого поколения [2]. С другой стороны, понятие культуры несет в себе целый спектр качеств, которые должны формироваться в человеке. В данном контексте она может рассматриваться как проявление человеческой сущности, охватывающее все стороны жизни человека, как процесс воспроизводства человека во всем богатстве его свойств и потребностей, универсальности [3]. Культура по большому счету и показывает уровень развития сущностных сил человека.

Итак, человек осваивает культуру, распредмечивая ее в собственной осмысленной деятельности. Человек творит культуру, опредмечивая свои сущностные силы. Культура поэтому всегда не только индивидуальна, но и всеобща и поэтому должна рассматриваться многоуровневой. В частности, под культурой понимается и совокупный образ практической деятельности, и ценностно-осмысленный образ жизни, соответствующей той или иной социальной, в том числе и образовательной среде («высокие культуры» – академическая культура, театральная

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент по кафедре педагогики, декан социально-гуманитарного факультета ВятГГУ
© Ходырева Е. А., 2007

культура, музыкальная культура; «культуры среднего уровня» – бытовая культура, молодежная культура; «маргинальные культуры и антикультуры» – культура преступного сообщества), а также индивидуально-своеобразный способ жизни и воспроизводства духовной и социальной практики.

По выражению французского исследователя А. Моля, культура «мозаична», она складывается из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов. Она предполагает гибкость, дивергентность мышления. Мысль в современной культуре движется по «случайным» траекториям. Умение понять новое, вписать его в свою деятельность, отказавшись от уже существующего стереотипа, составляет особенность типа нового мышления. Диалогичность – это еще одна особенность современной культуры. Современный поливариантный мир не может конструктивно существовать, если он не будет диалогичным: если не будет конструктивного диалога между Востоком и Западом, между народами и правительствами, между отдельными корпорациями и т. д. Вот почему современная культура, подчеркивая уникальность человека, его самоценность, саморазвитие и самореализацию, которые являются важной общественной ценностью, особое внимание обращает на толерантность, необходимость диалога, ориентации на Другого в процессе межкультурного взаимодействия.

Сущность современного понимания культуры в педагогике отражает особое направление – поликультурное образование, ориентированное на существование множественности культур, которое в качестве важнейшей ценности рассматривает человека, развитие его индивидуальной культуры на основе гармонии, диалога и взаимовлияния множества культур, различных по направленности, уровню с доминирующей их ориентацией на общечеловеческие ценности.

В исследованиях отмечается многоаспектность сущности поликультурного образования. Выделяют этносоциальный аспект, связанный с формированием у обучающихся культуры межнационального общения, межнациональной толерантности, национального самосознания. Аксиологический аспект предполагает ориентацию на ценность, множественность и равноправие культур различных уровней. Культурологический аспект ориентирован на сохранение и развитие культурных ценностей. Потребностный аспект связан с удовлетворением индивидуальных потребностей в образовании.

В зависимости от оценки исторических и социально-культурных детерминант выделяются наиболее распространенные подходы к сущности поликультурного образования:

1) аккультурационный (или многоэтническое образование) – рассматривает его в контексте гармонии в отношениях между членами различных этнических групп. Ключевым здесь является вопрос о культурной идентичности и экзистенциальные идеи свободного выбора и трансцендентального восприятия человека человеком;

2) диалоговый подход основан на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Поликультурное образование – это способ приобщения обучающихся к различным культурам с целью формирования гуманитарного сознания, позволяющего интегрироваться в мировое культурно-образовательное пространство [4]. Существование человека – «со-бытие» с другими людьми. Сознание может быть понято лишь в контексте культур, в их общении. Диалог является не только внешним для индивида, а относится к глубинной структуре его индивидуальности, его «я» [5]. Цель участников диалога – достижение взаимного понимания при всей разнице занимаемых в диалоге позиций. Каждый участник в процессе поиска смысла приходит к своей истине. Она может не совпадать с истиной, открытой другими участниками. Однако возможно их единение в наличии общего объекта, цели, технологии, общих способов мышления, то есть в результате взаимопонимания. Его определяют как признание взаимной ценности в сходстве или различии, как межчеловеческое и межкультурное взаимодействие. В. С. Библер считает, что индивидуальная культура строится и развивается только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя» культурами [6]. Данная концепция предполагает отказ от монологичности в мышлении, с которым связана авторитарность, директивность, нетерпимость.

В русле этого подхода А. В. Шафикова [7] рассматривает поликультурное образование как современную тенденцию мирового процесса, утверждающую идею о том, что в основе мировой цивилизации лежит множество независимых самостоятельных сущностей. Он базируется на принципах диалога и взаимодействия культур на различных уровнях. Значимость данного подхода обусловлена его ориентацией на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности.

К диалоговому подходу относят и деятельностную концепцию поликультурного образования. Считается, что культура усваивается только в процессе деятельности. Осуществлению собственной деятельности предшествует ориентировка в условиях деятельности. На этом этапе происхо-

дит осознание усваиваемых фрагментов чуждой культуры, ее «переформулирование» в терминах своего культурного опыта. Таким же образом познается не только чужая культура, но и ранее неизвестные фрагменты своей культуры: происходит перенос мыслительных действий, отработанных в одной сфере, в другую сферу, когда какая-либо задача не может быть решена прежними способами;

3) социально-психологический подход к поликультурному образованию рассматривает его как особый способ формирования определенных социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей, позволяющих осуществлять активное межкультурное взаимодействие и проявлять понимание других культур, а также толерантность по отношению к их носителям.

Представим сравнительную характеристику различных подходов к поликультурному образованию, описанных в работе Г. Ж. Даутовой [8] (см. таблицу).

Исходя из анализа подходов к поликультурному образованию, мы можем сформулировать вывод о неоднозначности и многоуровневости толкования данного феномена:

- на когнитивном уровне как усвоение образцов и ценностей мировой культуры, опыта разных стран и народов,
- на ценностно-мотивационном уровне как формирование установок к межкультурной коммуникации, развитие толерантности по отношению к другим,
- на деятельностно-поведенческом уровне как активное взаимодействие с представителями различных культур и сохранение собственной культурной идентичности,
- на индивидуальном уровне как поиск себя, своей индивидуальности среди других индивидуальностей. Это исходный, базовый уровень поликультурности.

Укажем также на значимость еще одного положения, высказанного Д. Бэнксом [9], крупным теоретиком поликультурного образования, который трактует его как идею, процесс, инновационное движение. «Как некая идея... стремится дать равные возможности для всех, оно пытается создать равные для всех образовательные условия путем системного изменения школьной среды, чтобы она отражала разнообразные культуры и группы». Исследователем выделяются 5 сфер поликультурного образования:

- интеграция содержания,
- процесс структурирования знаний,
- преодоления препятствий,
- справедливая педагогика,
- стимулирование развития среды и социальная организация школы.

Их единство и взаимосвязь помогают представить поликультурное образование как целостный феномен.

Поликультурное образование исходит из разноуровневого взаимодействия между культурами. Характер взаимоотношений между культурой индивидуальности, культурой школы, а также и общественно-исторической культурой, современной культурой общества и определяет принцип поликультурности. Для организации практической деятельности особенно важно, что собственно диалогическая установка реализуется в отношении культур, признающих ценности равноправного диалога. В отношении «культур среднего уровня» (бытовая культура, подростковая культура) реализуется установка на мягкое управление и коррекцию, а в отношении антикультур (криминалитет) – установка на «профилактику». Поликультурность, следовательно, определяет отношения между образованием и культурой как средой, растящей и питающей личности, а также отношения между воспитателем и ребенком как человеком культуры. Поэтому отношение к обучающемуся должно определяться, исходя из понимания его как свободной, целостной личности, способной в процессе своего культурного развития к самостоятельному выбору ценностей, самоопределению в мире культуры и творческой самореализации.

Реализация принципа поликультурности, согласно концепции В. П. Борисенкова, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюка [10], предполагает, что образование строится как взаимодействие различных позиций, точек зрения, способов мышления, условно говоря, различных субкультур, наделенных собственным «голосом». В связи с этим принцип поликультурности обеспечивает гетерогенную, полифоническую структуру образовательной среды, делает образование «открытым», принципиально незавершенным, смыслопорождающим, обеспечивает конструктивный диалог между различными культурными мирами. Ведя диалог с другими культурами, школьник сопрягает в своем сознании различные культурные пласты и смыслы, самостоятельно осуществляет нравственный выбор, находит ответы на жизненно важные для себя вопросы [11]. Поликультурность рассматривается как способ теоретической концептуализации и практической организации образования на основе ценностей равноправного диалога, взаимного уважения и ненасилия между индивидуальными и коллективными субъектами, предполагающий одновременное существование нескольких ценностных и целевых оснований и перспектив, доступных каждому субъекту образования, а также внутренний и внешний диалог между ними. Поликультурность обуславливает не

Подходы к поликультурному образованию

Подходы	Концепции	Автор	Цель	Ключевые идеи
Аккумуляционный	Многоэтническое образование	У. Воос-Нюннинг, У. Зандфукс	Гармония в отношениях между членами различных этнических групп, изучение традиций родной культуры и особенностей их переработки в другой культуре. Помощь и поддержка контактирующих культур. Взаимные открытость, интерес, терпимость	– Ориентация на культуру переселенцев. – Трансцендентальность восприятия Другого
	Бикультурное	В. Е. Фтенакис	Усвоение ценностей, сформированных в семье на эмоциональном и когнитивном уровнях. Развитие способностей выделять и критически осмысливать ценность каждой культуры, формирование собственной культурной идентичности	– Становление билингвальной бикультурной идентичности. – Сравнение двух культур
	Диалог культур	В. С. Библер, М. Бубер, Х. Томас, Г. Д. Дмитриев	Приобщение к различным культурам, формирование планетарного сознания, позволяющего взаимодействовать с другими и интегрироваться в мировое образовательное пространство	– Открытость. – Диалог. – Культурный плюрализм
	Деятельностная концепция	Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, М. Хоманн	Воспитание в духе мира. Разрешение межкультурных конфликтов	– Признание индивидуальных конфликтов. – Идея «переформулирования» другой культуры в терминах своего лингвокультурного опыта
Социально-психологический	Концепция мультиперспективного образования	Х. Гепферт, У. Шмидт	Развитие способностей к межкультурной коммуникации. Формирование представлений об обменных процессах в мире и многоуровневой структуре каждой культуры	– Преодоление монокультурной ориентации. – Переориентация процесса обучения от событийной истории к социальной
	Концепция антирасистского воспитания	М. Коул, С. Троун, Г. Каррингтон	Формирование активной позиции по отношению к неравенству. Критичное восприятие стереотипов, относящихся к людям и культурам	– Идея равенства и справедливости. – Структурированность общества
	Концепция культурных различий	П. Бордье, С. Гейтанидес, А. Мемми	Терпимость по отношению к иному образу жизни, иной культуре. Уважение чужих культур. Способность дифференциации в другой культуре. Способность интеграции элементов других культур в собственную систему мышления	– Различие в культурном облике людей. – Влияние различий на эмоциональную сферу
	Концепция социального обучения	И. Граф, Р. Шмитт, Х. Эссингер	Развитие эмпатии, солидарности, способности решать конфликты	– Психологические предпосылки поликультурного образования. – Теории социального воспитания

только необходимость понимания и принятия «чужого, незнакомого», но и признание «своего в чужом», «чужого в своем». В основе поликультурности лежит признание сложно структурированного множества культур, их дополнительность, необходимость диалога, и организация условий для совместной деятельности равноправных, разнообразных и равноценных культур, их познания и уважения, принятия мировых культурных ценностей. Она требует признания человеческой культуры фактором образования и необходимости его осуществления в контексте диалога культур. При этом важно оценивать обучающегося с точки зрения его самобытности, учитывать своеобразие его субкультуры, научиться воспринимать его как «инокультурный» феномен.

Следует также отметить, что для понимания сущности поликультурности особое значение имеют положения М. М. Бахтина [12] о человеке как уникальном мире культуры, вступающем во взаимодействие с другими личностями-культурами, творящим себя в процессе взаимодействия и воздействующим на других. Постигание «я» происходит через общение с другими. Культура помогает определить место и назначение человека в современном мире. Многократное участие в различных взаимодействиях дает обучающемуся возможность взглянуть на свое мировоззрение со стороны, выйти за пределы собственной культуры. В этих обстоятельствах собственный контекст восприятия становится видимым, проявляется опыт общения с другими, который ведет к личностному росту, самосовершенствованию, изменению или укреплению собственной внутренней позиции. В процессе общения субъективные пространства существования субъектов образовательного процесса отчасти проникают друг в друга, и образуется пространство взаимодействия. На данном уровне поликультурность понимается как система межкультурных и социальных и образовательных отношений, способов интериоризации культуры, формирования общечеловеческих ценностей посредством поликультурного образования. Поликультурность обеспечивает сохранение традиций, открывает перед ребенком новые культурные перспективы, ориентирует на разнообразие и открытость в отношениях, знакомит его с традициями и тенденциями развития культур, формирует способность принятия различных культур и бережного к ним отношения. Иначе определяются и движущие силы развития. Ведущая роль принадлежит культурным различиям, возникающим на «границах» разных культурных пространств и сред: «это я чувствую и понимаю сам», «так об этом говорят книги», «это утверждают средства массо-

вой информации», «так говорят об этом родители» и др.

Итак, можно сформулировать вывод о том, что поликультурность на макроуровне характеризует многообразие и взаимное влияние различных культур общества, на мезоуровне определяет многообразие и взаимное влияние различных этнических культур, на микроуровне показывает многообразие и взаимное влияние различных индивидуальных культур. Следовательно, поликультурность как принцип в данном контексте предполагает [13]:

- признание сложно структурированного множества культур, их дополнительность,
- необходимость полилога культур,
- создание условий для обеспечения сохранения и развития всех культур.

В практике образования он задается следующими условиями:

- Полилог индивидуальных культур учителя и школьников.
- Полилогичность содержания образования (интеграция содержания образования на основе взаимодействия индивидуального и общественно-исторического опыта, его окультуривания; вариативность процесса структурирования знаний).
- Полилогичность технологий взаимодействия (событийность, вариативность, креативность).
- Полилог школьной среды и культуры социума (культур различных этносов, наций, социальных групп).

Мы определяем принцип полилогичности как требование создания совокупности условий образования, обеспечивающих интеграцию социокультурного и индивидуального опыта школьника на основе полилога индивидуальных культур, полилогичности содержания и технологий взаимодействия индивидуальностей, открытости ее культуре социума.

Таким образом, данный подход предполагает:

- отношение к образованию как к культурному процессу, движущими силами которого служит поиск личных смыслов, диалог и сотрудничество в достижении целей культурного саморазвития;
- отношение к школе как к целостному поликультурному пространству, где воссоздаются культурные образцы совместной жизни детей и взрослых, где происходят культурные события, осуществляется воспитание человека культуры;
- обоснование культуры как средства, формирующего умение постигать причины, тенденции развития поликультурной среды, помогающего самореализовывать в ней свои сущностные силы и способности;
- особыми характеристиками педагогических технологий выступает сотрудничество, диалог,

деятельностно-творческий характер, направленность на поддержку, защиту индивидуального развития ребенка, предоставление ему свободного пространства для принятия самостоятельных решений, разнообразие способов, форм, приемов творческого самовыражения личности в его культурной идентификации.

Примечания

1. Видт, И. Е. Культурологический аспект развития образования [Текст] / И. Е. Видт // Перемены. 2002. № 5. С. 11–121.
2. Крылова, Н. Б. Культурные модели образования с позиции постмодернистской педагогики [Текст] / Н. Б. Крылова // Новые ценности образования: культурные модели школ. Вып. 7. М., 1997.
3. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1990. 268 с.
4. Кузьмин, М. Н. Образование в условиях полиэтнической и поликультурной России [Текст] / М. Н. Кузьмин // Педагогика. 1999. № 6. С. 3–12.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 444 с.
6. Библер, В. С. Диалог. Сознание. Культура: Идея культуры в работах М. М. Бахтина [Текст] / В. С. Библер. М.: Одиссей, 1989.
7. Шафикова, А. В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. В. Шафикова. Казань, 1998. 17 с.
8. Даутова, Г. Ж. Развитие поликультурного образования в Поволжье [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук / Г. Ж. Даутова. Казань, 2004. 435 с.
9. Бэнкс, Д. Мультикультурное образование: цели и изменения: Новые ценности образования [Текст] / Д. Бэнкс. М.: Инноватор, 1996. С. 15–19.
10. Борисенков, В. П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования [Текст] / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк. Ростов н/Д, 2004.
11. Гукаленко, О. В. Теоретико-методологические основы педагогической поддержки и защиты детей мигрантов в поликультурном образовательном пространстве [Текст] / О. В. Гукаленко. Тирасполь, 2000. 287 с.
12. Бахтин, М. М. Указ. соч.
13. Ходырева, Е. А. Становление индивидуальности школьника в поликультурной образовательной среде [Текст] : монография / Е. А. Ходырева. Киров, 2006. 260 с.

Г. А. Бутырский

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ РЕШЕНИЮ ФИЗИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

В статье обоснована необходимость обучения школьников освоению структуры решения физических задач и использованию схематических рисунков. Выявлены причины затруднений учащихся. Намечены пути решения проблем.

В течение многих десятков лет остаётся проблемой обучение школьников решению учебных физических задач. Она обостряется в наши дни в связи с введением в школах России ЕГЭ по большинству учебных предметов, в том числе по физике. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты выполнения экзаменационной работы по физике (на примере ЕГЭ-2006). Подавляющее большинство заданий ЕГЭ – это задачи разной степени сложности. Так, средний процент выполнения заданий повышенного уровня в части 1, требующих выбора ответа, равен 30 у получивших оценку «три» и 50 – у получивших оценку «четыре», а в части 2 (повышенный уровень; указание ответа) эти показатели заметно ниже и составляют соответственно около 15 и 42% на тех же уровнях подготовки. Задания части 3 (высокий уровень с развернутым решением, но не олимпиадные задачи) выполнили в среднем около 10% учащихся, получивших оценку «четыре» [1].

Практика показывает, что чаще всего в ходе решения задач учитель объясняет, как надо использовать формулы, не обращая внимания на модели изучаемых объектов, не останавливаясь на анализе физических явлений. Это не должно быть нормой.

Наше глубокое убеждение, основанное на личном опыте [2] и практике ведущих учителей: необходимо обучать процессуальной стороне решения. Это предполагает использование определённой последовательности приёмов (действий) [3]. Применительно к решению задач по физике укажем этапы и конкретизируем действия на них.

На первом этапе – анализа условия задачи – это сочетание логических (анализ, сравнение, абстрагирование, моделирование, аналогия, конкретизация) действий с опорой на знание элементов физических теорий (понятий, физических характеристик и свойств объектов – моделей, преимущественно качественное использование закономерностей).

БУТЫРСКИЙ Герман Александрович – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре дидактики физики и математики ВятГГУ
© Бутырский Г. А., 2007

На втором этапе – поиск идеи, составление плана решения – наработки первого этапа синтезируются, увязываются условия и требования задачи на основе принципов и законов физики и отражаются, прежде всего, в мысленной и словесной форме.

На третьем этапе – реализация плана – используется математическое моделирование: записать основных уравнений, формул, отражающих физические закономерности, и решение в общем виде (в старших классах).

На заключительном этапе – анализ решения – делается проверка полученных результатов, обсуждаются варианты действий, другие содержательные подходы по поиску более простого решения.

Процедура решения задач, например в части 3 ЕГЭ, в целом непростая, многоходовая. Практика доказывает преимущества четырёхэтапного решения физических задач [4]. Исключительно важным и необходимым, чаще всего мало используемым, этапом является первый – анализ условия. На этом этапе сначала в совместной деятельности учитель – ученики, ученик – ученик, а затем в самостоятельной у школьников должно формироваться «существенное качество деятельности – сознательность, которая возникает при трансформациях самой деятельности» [5]. По В. В. Давыдову, «сознание – это воспроизведение человеком идеального плана своей целенаправленной деятельности и идеального представительства в ней других людей» [6]. На этапе анализа важно выявить объекты изучения, соответствующие им модели, описать их состояния, отметить физические взаимодействия (начальные и конечные условия, выявить причинно-следственные связи, указать и сравнить характеристики объектов в разных условиях). На наш взгляд, чтобы выполнить успешно эти действия, во многих случаях необходимо создать образ объекта (модели) или явления, нередко схематический, условный, упрощённый, но обеспечивающий достаточные представления. На помощь приходит иллюстрирующий рисунок. В методической литературе находим: «Рисунок так же, как и слово, – это обобщённый образ реальных предметов или явлений. Его выполнение основано, прежде всего, на активной мыслительной деятельности, умении не только «смотреть», но и «видеть» существенное и важное. Рисунок – это и средство изучения физических явлений и законов, и средство развития физического мышления учащихся» [7]. Заметим, что написано многообещающе.

На наш взгляд, схематический рисунок должен отражать свойства модели объекта (материальная точка, световой луч, точечный электри-

ческий заряд и т. д.), их взаимодействия с другими объектами (например, отражение светового луча); их характеристики описания (направление векторов скорости, силы, модули векторов в условном масштабе или в сравнительной оценке), состояние объекта (например, картины линий напряжённости электрического поля или линий индукции магнитного поля, уровни энергии атома и т. д.), переходы объектов из одного состояния в другое, сопровождающееся изменением характеристик. Для выявления причин изменений в ряде случаев целесообразно выделить промежуточные состояния, где указать влияние внешних факторов.

С целью выявить уровень сформированности учащимися одиннадцатых классов умений использовать иллюстрирующие рисунки при решении физических задач нами выбраны три метода педагогического исследования (на материале темы «Геометрическая оптика»):

- экспертная оценка (анкетирование) ряда учителей физики общеобразовательных и профильных школ, учреждений дополнительного образования, учёных-методистов ВятГГУ;
- срезовые контрольные работы учащихся физико-математического лицея (ФМЛ) и одной из школ г. Кирова;
- анкетирование учащихся этого лицея.

В экспертной оценке участвовали 20 человек. Из них 5 заслуженных учителей Российской Федерации; 8 человек имеют учёные степени и звания; у 11 человек стаж работы свыше 25 лет. У половины экспертов богатый опыт приёма вступительных экзаменов в вузы. Все преподаватели ВятГГУ имеют многолетний опыт работы со старшеклассниками.

Из всех вопросов экспертам выберем один: «Какие затруднения учащихся, на Ваш взгляд, чаще встречаются при решении физических задач по теме?». Ниже приводим ответы, которые повторяются в разной степени у большинства экспертов:

- определение хода произвольного луча в линзе, если указан тип линзы и её фокусы;
- построение изображений в рассеивающей линзе; построение изображений в собирающей линзе, когда предмет находится между фокусом и линзой;
- построение хода луча через трёхгранную призму (переход из оптически более плотной среды в оптически менее плотную);
- построение хода лучей в простейших оптических системах (как интегральный результат более частных затруднений; см. указанные выше пункты).

Сопоставим ответы экспертов с реальными результатами контрольных работ (см. таблицу).

Результаты контрольной работы

Сведения	ФМЛ	Школа
Число учащихся	41	72
Количество задач в каждом варианте	5	4
Всего ошибок (без учёта неверных рисунков)	67	73; не решали 75 задач (21% от общего числа)
Отсутствие правильного рисунка (у всех учащихся)	107 (52,2%)	181 (83%); учитывались выполненные 219 заданий

Ошибки совершают учащиеся обоих учебных учреждений. Но в общеобразовательной школе ряд школьников (24%) не делает даже попыток решить задачу.

Статистика ответов на вопросы (их 5) анкеты, проведённой через два дня после контрольной работы, невелика (24 учащихся ФМЛ), чтобы сделать достаточно уверенные выводы. Следует отметить тенденции: затруднения есть, их немало, и они разнообразны. На вопрос «Опишите этапы решения задач по геометрической оптике» дают формальный ответ (рисунок, введение обозначений, система уравнений и её решение), не выделяя целевых установок этапов решения (в частности, зачем выполняется рисунок).

Проведённое исследование приводит к определённым **выводам** (ниже отмечены в основном относящиеся к теме работы).

1. В целом, нет противоречий между результатами, полученными тремя методами.

2. Проведение контрольных работ необходимо только для учеников в оценочном плане. Метод экспертиз может быть предпочтителен на любом этапе педагогического исследования (при высокой квалификации экспертов), но, прежде всего, на констатирующем.

3. Результаты усвоения, по крайней мере в качественном отношении, заранее предопределены некоторыми объективными факторами (отсутствие необходимого оборудования для учебного эксперимента, определённый шаблон в подборе задач на текущих уроках; немалая сложность при кажущейся простоте; несформированность математических умений и т. д.). Результаты усвоения зависят и от субъективных причин. Сюда можно отнести отсутствие мотиваций учения и волевых усилий, необходимых для систематической самостоятельной работы.

4. Количественные результаты могут быть и иные (в других школах), но затруднения, подмеченные экспертами, целиком и полностью подтвердились и существуют в классах и учебных заведениях независимо от их профиля. Иными

словами, качественные результаты сформированности умений заранее спрогнозированы, заранее предопределены.

5. Все эксперты полагают, что отмеченные затруднения испытывали и учащиеся предыдущих поколений.

Независимо от экспертов напрашивается очевидный (банальный) вывод: продуктивное обучение физике – трудоёмкая и квалифицированная совместная деятельность учителя и учащихся. Остановимся на роли и месте иллюстрирующего рисунка при решении учебных физических задач. Отметим, что рисунок – не самоцель, это лишь средство в череде действий, причём определяющей, ведущей является мыслительная деятельность. Иллюстрация создаёт целостное одномоментное «видение физической ситуации» [8], позволяет наглядно представить динамику процесса, разгружает память школьников, помогает структурировать мыслительную деятельность. Одновременно последняя позволяет проникнуть в детали условия и эти детали отразить на рисунке, создавая дополнительные ориентиры для решения и цельную физическую картину, сюжет явления. Вместе с тем грамотно выполненный рисунок создаёт предпосылки для более успешной и быстрой реализации второго и особенно третьего этапа, позволяя увидеть разнообразие математических приёмов и выбрать оптимальный.

Однако для продуктивного анализа, освоения этого процесса школьники должны оперировать теоретическими положениями, проговаривать действия словами, использовать письменную речь или речь про себя. Сочетание мыслительных и практических действий, в том числе по выполнению иллюстраций, и есть условия осознанного и продуктивного анализа.

Вместе с тем учащиеся должны овладеть «переносом» умений при выполнении решений в рамках не только одной темы и раздела, но и в рамках всего курса. Прежде всего, при выполнении схематических рисунков необходим единый структурный подход. Учебный физический сюжет развивается в одном направлении (состояние системы → явление → причины → новое состояние). Безусловно, особенности содержания будут вносить существенные изменения, но структурные будут, по существу, повторяться.

Какие элементы иллюстраций следует выполнять? Ответим на этот вопрос на примере задания по механике [9].

Независимо от условия задачи следует указывать траекторию движения объекта, модель установки (в статике), тело отсчёта (очень часто им является поверхность Земли), систему (оси) координат, жёстко связанную с телом отсчёта.

В зависимости от условий задачи на рисунке отражают начальные и конечные условия – со-

стояния объекта или системы (начальные и конечные координаты, векторы скоростей, импульсов, сил, ускорений, перемещений, пройденный путь).

Заметим, что количественные соотношения однородных величин не должны искажать физику явлений. Плохо выполненный рисунок не только не поможет процессу решения задачи, но и не реализует мышление, формализует все действия, не внесёт вклад в деятельностный подход.

Далее приводим два примера решения расчётных задач, предварительно высказав соображения, определяющие целесообразность их рассмотрения. Решение подобных задач вызывает массовые затруднения школьников. В решении выделяем указанные выше четыре этапа. Первоначально приводимые рассуждения развёрнуты (добиваемся указания деталей), постепенно школьники переходят к свёрнутым, кратким, лаконичным выражениям мысли (и действия).

Задачи могут быть составлены так, что при их решении с учётом особенностей процессов следует использовать одновременно несколько законов, изучаемых в теме. Очень важно качественные содержательные рассуждения перевести в количественное описание явлений.

Задача 1. Пуля массой 10 г попадает в подвешенный на нитях деревянный брусок массой 6 кг. Брусок с застрявшей пулей поднимается на высоту 49 мм. Какие преобразования энергии имеют место в данном опыте? Найти начальную скорость пули.

Решение:

$m = 10^{-2} \text{ кг}$ $M = 6 \text{ кг}$ $h = 49 \cdot 10^{-3} \text{ м}$	
$v_0 = ?$	

1) Выделим три состояния системы (рис. 1). Считаем время взаимодействия пули и бруска

равным нулю, так как начальная скорость пули велика, а её масса мала по сравнению с массой бруска.

Тогда состоянию б) соответствует момент времени, когда пуля, пройдя часть толщи бруска, застряла в нём. При переходе а → б имеет место неупругий удар пули и бруска. Считаем систему при таком переходе изолированной. При этом общий импульс сохраняется, а кинетическая энергия системы убывает, так как сила сопротивления при движении пули в бруске совершает отрицательную работу и часть механической энергии превратилась во внутреннюю.

При переходе б → в работу по остановке бруска совершает только сила тяжести (она консервативна), поэтому имеет место полное превращение кинетической энергии системы в потенциальную.

2) Итак, при первом переходе выполняется закон сохранения импульса системы, при втором – закон сохранения полной механической энергии.

$$3) \quad mv_0 = (M + m)u \quad (1)$$

$$\frac{M + m}{2} u^2 = (M + m)gh \quad (2)$$

Решая совместно эту систему, получаем

$$v_0 = \frac{M + m}{2} \sqrt{2gh}, \quad v_0 = 0,6 \cdot 10^3 \text{ м/с.}$$

4) Дополнительный вопрос: Рассчитать изменение механической энергии системы в результате описанного опыта.

Примечание. Наибольшие затруднения учащихся вызывает описание перехода а → б. Школьники нередко считают, что он подчиняется закону сохранения механической энергии (на рисунке отмечен неупругий удар).

При анализе остро стоит вопрос о выделении условий, в которых находится исследуемый объект. Даже знание законов физики зачастую не помогает верно выполнить решение.

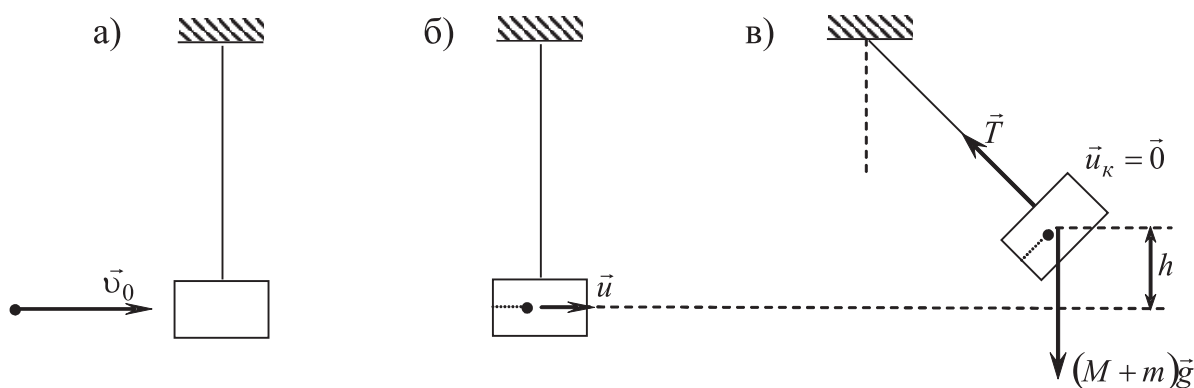

Рис. 1

Задача 2. Балластный резервуар подводной лодки объёмом 5000 л заполнен водой. Какое давление воздуха должно быть в баллоне ёмкостью 200 л, чтобы при подсоединении баллона к резервуару подводная лодка могла полностью освободиться от балласта на глубине 50 м? Температура воздуха не меняется.

Решение:

$$\begin{array}{l} V_1 = 200 \text{ л} \\ V = 5000 \text{ л} \\ h = 50 \text{ м} \\ T = \text{const} \end{array}$$

$$p_1 = ?$$

1) Прежде всего внимательно изучим условие.

Очевидно, что объект изучения – воздух, который находится первоначально в сжатом состоянии в баллоне объёмом $V_1 = 0,2 \text{ м}^3$. Затем этот баллон соединили с другим сосудом, первоначально заполненным водой. Теперь сжатый воздух, расширяясь, целиком вытесняет воду в море-океан, занимая объём обоих сосудов ($V_2 = 5,2 \text{ м}^3$). Выполним иллюстрации (рис. 2).

Очевидно, что воздух не выходит за пределы сосудов ($m = \text{const}$).

Итак, известны пока два параметра. Можно определить p_2 . Давление воздуха во втором состоянии уравновешено в купе давлением столба воды высотой h и атмосферным давлением.

2) Остается использовать закон Бойля-Мариотта и расчётную формулу для p_2 .

$$\begin{array}{l} 3) \quad p_1 V_1 = p_2 V_2, \\ p_2 = \rho_w g h + p_{\text{атм}}. \end{array}$$

$$\text{Здесь } \rho_w = 10^3 \frac{\text{кг}}{\text{м}^3}, \quad p_{\text{атм}} = 10^5 \text{ Па}, \quad g = 10 \frac{\text{м}}{\text{с}^2}.$$

$$\text{Расчёт даёт } p_1 = 16 \cdot 10^6 \text{ Па}.$$

4) В задаче рассмотрен механизм подъёма (всплытия) подводной лодки, благодаря которому реализуется условие $F_A > mg$.

Примечание. Только на первый взгляд решение задачи простое. В прошлые годы она предлагалась на срезовых контрольных работах для учителей на курсах бывшего Кировского ИУУ, на контрольных работах для учащихся в разных школах. Результат практически одинаковый – правильное решение дают 8–9 человек из 100 испытуемых. Основные ошибки одинаковы у тех и у других: одни не учитывают, что часть газа остаётся в баллоне, другие не учитывают атмосферное явление, третьи допускают обе эти ошибки. Невозможно обвинить учителей в незнании формул. Речь о другом – отсутствие обсуждения условия задачи, пренебрежение к иллюстрирующим рисункам создаёт проблемы для тех и других, ограничивает возможности развития учащихся при решении физических задач.

Какие рекомендации могут быть полезными?

1. На занятиях в базовой школе следует сосредоточить внимание на качественных задачах, на построении рисунков. Они лучше развивают физическое мышление [10]. Домашние экспериментальные работы школьников мотивируют учение, снимают проблемы формирования практических и интеллектуальных умений. Можно использовать задачи, составленные по рисункам учебника. При решении расчётных задач помимо расчётов усилить внимание к объяснению физической стороны на основе простейших иллюстраций, тем самым бу-

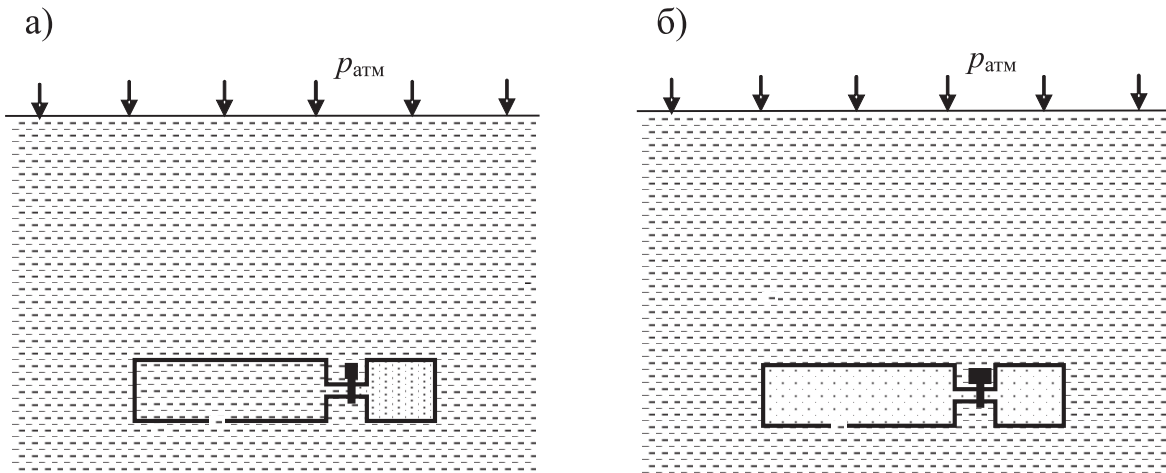

Рис. 2

дуг развиваться и речь, и мышление, и графическая культура школьников.

2. На занятиях в старшей школе, в учреждениях дополнительного образования следует реализовать четырёхэтапный подход к решению задач. Необходимо издание специальных пособий для учителей и особенно старшеклассников, в которых принят такой подход. Первая такая попытка сделана, издано пособие по спецкурсу [11]. Использование в практике обучения (особенно в профильных физико-математических классах) нестандартных задач, создающих учебную проблему, при определённой организации деятельности учащихся приводит к мотивации учения. Широкое внедрение экспериментальных заданий усилит связь теории и реальных физических объектов и явлений (в полной средней школе в настоящее время по разным причинам нет вариативной экспериментальной подготовки учащихся).

3. Создание банка базовых задач для разных профилей обучения.

4. Наконец, организация и поощрение творческих начал в деятельности школьников (оригинальная идея, нетривиальное решение, варианты решения одной и той же задачи с выбором оптимального, составление вопросов и задач самими учениками особенно практического характера).

Примечания

1. Демидова, М. Ю. Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ по физике в 2006 г. [Текст] / М. Ю. Демидова, Г. Г. Никифоров, А. И. Нурминский // Физика в школе. 2007. № 2. С. 42–51.

2. Бутырский, Г. А. Снятие затруднений учащихся по физике в системе дополнительного образования [Текст] / Г. А. Бутырский // Исследование про-

цесса обучения физике: сборник научных трудов / под ред. Ю. А. Саурова. Вып. X. Киров: КИПК и ПРО, 2006. С. 21–28.

3. Пойа, Д. Как решать задачу [Текст] / Д. Пойа // Хрестоматия по педагогической психологии: учебное пособие для студентов / сост. и вступит. очерки А. Красило и А. Новгородцевой. М.: Международная педагогическая академия, 1995. С. 380–385.

4. Орлов, В. А. Методы решения физических задач. Элективный курс. Идеи и решения [Текст] / В. А. Орлов, Ю. А. Сауров // Физика: Приложение к газете «Первое сентября». 2006. № 5. С. 31–36; Бутырский, Г. А. Спецкурс по физике [Текст]: пособие по подготовке в вузы: ч. I–V / Г. А. Бутырский. Киров: Изд-во ВятГГУ. 2002–2007.

5. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения [Текст] / В. В. Давыдов. М.: ИНТОР, 1996. С. 43–44.

6. Там же. С. 43.

7. Методика преподавания физики в 7–8 классах [Текст] / под ред. А. В. Усовой, В. П. Орехова. М.: Просвещение, 1990.

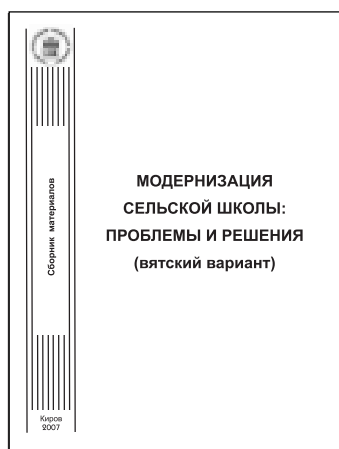
8. Вайзер, Г. А. Формирование у школьников способов самостоятельной работы над задачей [Текст] / Г. А. Вайзер. М.: РАО, 2000. С. 29.

9. Бутырский, Г. А. Схематический рисунок как средство описания физического явления на этапе анализа условия задачи [Текст] / Г. А. Бутырский, В. С. Заграй, С. В. Заграй // Познание процессов обучения физике: сборник статей. Вып. седьмой / под ред. Ю. А. Саурова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 21–24.

10. Бутырский, Г. А. Схематический рисунок как средство описания физического явления на этапе анализа условия задачи; Исупов, М. В. Решаем качественные задачи: Строение вещества. Тепловые явления: ч. 1. Качественные вопросы и задачи [Текст] / М. В. Исупов; под ред. Ю. А. Саурова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2002; Исупов, М. В. Решаем качественные задачи: Строение вещества. Тепловые явления: ч. 2. Ответы, указания и решения [Текст] / М. В. Исупов; под ред. Ю. А. Саурова. Киров: Изд-во ВГПУ, 2002.

11. Бутырский, Г. А. Спецкурс по физике...

НОВЫЕ КНИГИ

Модернизация сельской школы: проблемы и решения (вятский вариант) [Текст]: сборник материалов участников творческой лаборатории «Сельская школа». Вып. I / под ред. В. С. Данюшенкова. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. — 142 с.

В сборнике представлены результаты теоретико-методологической и методической работы участников лаборатории «Сельская школа» — научных руководителей и педагогов, в совместном творчестве решающих проблемы совершенствования и развития современной сельской школы, «выращивания» нового качества образования.

Материалы рекомендуются руководителям органов управления образованием, администрации образовательных учреждений, творчески работающим учителям, а также исследователям, занимающимся обозначенными проблемами.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

И. В. Бердинских

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АРХИВОВ ГУЛАГА (ОБ АРХИВЕ ВЯТЛАГА НКВД–МВД СССР)

В статье впервые в отечественной историографии анализируется история архива Вятлага МВД СССР 1930–1960-х гг. – одного из десяти лесных лагерей ГУЛАГа. Основные этапы формирования архивного фонда лагеря обрисованы четко и детально.

Лишь с началом 1990-х годов историки России получили возможность соприкоснуться с архивными материалами по проблематике ГУЛАГа.

Но если объем мемуарной и публицистической литературы по общей истории политических репрессий в СССР сейчас довольно значителен, то количество монографических исследований непосредственно по теме ГУЛАГа не так уж и велико.

Следует выделить прежде всего основательный справочник по исправительно-трудовым лагерям СССР (1923–1960 гг.), обобщающе-проблемный том «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», обстоятельную книгу В. А. Бердинских «История одного лагеря (Вятлаг)» [1].

В 2000-е гг. интерес историков к этой проблематике заметно падает, хотя на местах – в различных областных и университетских центрах – продолжают разрабатываться проблемы истории отдельных лагерных комплексов.

Существенное значение для истории системы подневольного труда заключенных в СССР имеет архив ГУЛАГа – Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний НКВД (с 1946 г. – МВД) СССР, хранящийся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ, фонд 9414).

Фундаментальное семитомное собрание документов «История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов» издано издательством РОССПЭН в Москве в 2004–2005 гг. на основе материалов ГАРФ [2].

Для нашей проблематики наибольший интерес представляет 7-й (справочный) том этого издания, характеризующий состав и содержание документов ГАРФ по истории советской карательной политики и пенитенциарной системы.

По аннотированному описанию дел фондов ГУЛАГа, НКВД–МВД СССР, Прокуратуры СССР, Министерства юстиции СССР и других ведомств исследователи могут получить достаточно ясное представление об объеме и структуре гулаговской документации.

В ГАРФ имеется также некоторая информация о хранении местных лагерных архивов страны (фонд 9414, опись 1, дело 3382), где эти сведения систематизированы работниками МВД по состоянию на 1956 г.

Следует, однако, иметь в виду, что фонд 9414 ГАРФ – это архивный фонд (причем далеко не полный) лишь центрального аппарата лагерной системы страны.

Между тем ГУЛАГ (управление, а затем главное управление в структуре НКВД–МВД) руководил на 2 сентября 1947 г. 54 исправительными лагерями (ИТЛ), 79 колониями (ИТК) и 57 пересыльными тюрьмами [3].

Примерно 1 500 000 заключенных («зэка», или «зеков») в этих лагерях и колониях выполняли «производственную программу», «народно-хозяйственные планы» и т. п.

Таким образом, исправительно-трудовые лагеря и колонии СССР, довольно разнообразные по своему производственному профилю, являлись стовым хребтом «гулаговской империи».

Именно в них отбывали свой срок и трудились заключенные – строя железные дороги, заводы и шахты, добывая лес, уголь, золото, руду и т. д.

Здесь хранились личные дела «зеков», кипела работа, а «наверх», в Москву, отправлялись лишь сведения о результатах – отшлифованные и отфильтрованные отчеты, справки и т. п.

Иными словами: ценнейшая информация о реальной жизни и повседневном быте лагерей и колоний накапливалась, концентрировалась и хранилась не в «центре», а в ведомственных архивах управлений 54 территориальных лагерных комплексов.

В основной своей части лагерные комплексы сталинской эпохи закрылись или полностью перестроились.

Показательно время существования целого ряда этих комплексов: Богословлаг (1940–1949), Воркутлаг (1938–1960), Интинлаг (1941–1948), Карлаг (1931–1959), Норильлаг (1935–1956), Свободлаг (1941–1946), Севвостлаг (1932–1952),

Севжелдорлаг (1938–1950), Тагиллаг (1942–1953), Ухтоижемлаг (1938–1955) и т. д.

Были лагеря, развертывавшиеся и на более краткое время (2–4 года) – для решения конкретной производственной задачи.

Едва ли не самыми устойчивыми (прежде всего из-за специфики своей жизнедеятельности, производственных и режимных особенностей) оказались лагерные комплексы Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП) ГУЛАГа.

Именно в лагерях последнего типа – в силу непрерывности существования данных учреждения вплоть до наших дней – отложились и сохранились наиболее объемные и разнообразные ведомственные лагерные архивы, столь интересные сегодня историкам.

Впрочем, при закрытии подобного лагерного комплекса судьба его архивов могла быть довольно плачевной.

Лишь кое-где на Севере европейской части России (Карелия, Архангельская область, Республика Коми) сохранились частично ведомственные архивы лагерных комплексов такого типа.

Из почти двух десятков ИТА, объединенных Управлением лагерей лесной промышленности ГУЛАГа НКВД СССР (впоследствии – Главспецлесом и/или Главным управлением лесных исправительно-трудовых учреждений (ГУЛИТУ) МВД СССР), достаточно типичным для европейского Севера страны лесным ИТА, нацеленным на заготовку и переработку древесины, был Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг), развернутый в глухой тайге – на северо-востоке Кировской области, в Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа Пермской области и на юго-западе Республики Коми.

Лагерь, в числе еще 6 лесозаготовительных ИТА, создан приказом НКВД СССР от 5 февраля 1938 г. № 020 – в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 12 августа 1937 г. [4].

Первоначально Вятскому ИТА были выделены 1 157 600 гектаров леса – с ликвидным запасом древесины 70 043 000 кубометров и сроком эксплуатации от 40 до 100 лет.

От 16 000 до 25 000 узников населяли во второй половине 1940-х гг. этот лесной лагерь (примерно треть из них – политзаключенные, репрессированные по печально знаменитой 58-й статье действовавшего тогда Уголовного кодекса (УК) РСФСР и по аналогичным статьям УК других союзных республик).

В период хрущевской «оттепели», к концу 1950-х гг., численность лагernasеления в связи с массовой амнистией политзаключенных значительно сокращается.

Но лагерная структура здесь сохранилась и – в виде Учреждения К-231, а затем Вятского УЛИУ

(Управления лесных исправительных учреждений) – продолжала существовать все советские годы, дожив до сего дня.

Кстати, в 1960-е и последующие годы кроме Вятлага продолжали функционировать Ивдельлаг (образован в 1937 г.), Каргопольлаг (1937), Севураллаг (1938), Унжлаг (1938), Усольлаг (с 1938 г.) и другие лесные ИТА-УЛИТУ-УЛИУ [5].

Огромную ценность для историков сегодня представляет ведомственный архив Управления Федеральной службы Исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области, находящийся в поселке Лесном Верхнекамского района Кировской области (железнодорожная станция Лесная, до 1944 г. – «Соцгородок»), где с декабря 1939 г. располагалось управление Вятлагом (первоначальное место дислокации – поселок Рудничный Кайского (ныне Верхнекамского) района).

Полностью на основе данных архива Вятского ИТА за 1938–1961 гг. профессором В. А. Бердинских создана обстоятельная монография «История одного лагеря (Вятлаг)».

Но в ней отсутствует хоть какое-то описание архива, в котором работал автор.

Между тем, в силу унифицированности отчетности и другой самой разнообразной документации пяти десятков лагерных комплексов ГУЛАГа, архив Вятского ИТА достаточно типичен по своей структуре и может, в значительной мере, дать нам представление о ведомственных лагерных архивах сталинской эпохи вообще.

При этом не стоит забывать, что важная особенность лагерной документации – насыщенность персональными данными, большинство коих относится к конфиденциальной информации.

В соответствии с Законом России «Об архивном фонде Российской Федерации и архивах» определен срок конфиденциального хранения сведений «о личной жизни граждан..., а также создающих угрозу для их жизни» – 75 лет со времени создания документа.

При рассекречивании множества документов по теме сталинских репрессий в архивах 1990-х гг. нередко эти требования не соблюдались.

Это связано еще и с тем, что до сих пор нет Федерального Закона «О персональных данных», да и сам термин «персональные данные» понимается крайне расплывчато.

Отсюда – существенная ограниченность и дефицит возможностей использования личных дел бывших заключенных ГУЛАГа (и «политических», и «уголовного элемента», и «бытовиков») в научных исследованиях современных историков.

В поселке Лесном (строившемся с 1938 г. как центр лесного лагеря), рядом со зданием бывшего управления Вятлага, и сейчас находится небольшое двухэтажное кирпичное здание 2-го

(«специального») отдела УИТА, где с 1945 г. (наряду с документами «спецотдела» (или отдела «учета спецконтингента») и отдела кадров) размещается также и «общелагерное» архивохранилище [6].

На деревянных открытых стеллажах его и по сей день находятся десятки тысяч томов – документы Вятского ИТА, а также личные дела заключенных и сотрудников.

Стоит отметить, что существенная часть архива лагеря уничтожалась в соответствии с приказами МВД СССР в 1953–1954 гг. [7].

В качестве примера уместно привести следующее извлечение из приказа по Управлению Вятского ИТА от 5 февраля 1954 г.:

«...Во исполнение приказа Министра внутренних дел СССР, Министерства юстиции СССР и Генерального прокурора СССР от 4 января 1954 года за № 04/01/4с –

Приказываю:

1) Произвести уничтожение приказов НКВД, НКГБ и Прокурора СССР, отмененных приказом МВД СССР, Министра юстиции СССР и Генерального прокурора СССР от 4 января 1954 года за № 04/01/4с;

2) По уничтожению приказов создать Комиссию в составе 3 человек...;

3) Акт об уничтожении приказов представить мне на утверждение не позднее 5 февраля 1954 года...» [8].

Поражают даже не секретность и не масштабность этого приказа по трем крупнейшим ведомствам страны, а удивительная срочность, поспешность.

Собрать материалы в один день и все уничтожить.

Заметим, что «оттепель» еще по сути не началась, но стремление «прятать концы в воду» уже очевидно.

По рассказам архивистов тех лет, на такого рода приказах из «центра» стоял гриф с требованием возврата документа в десятидневный срок назад, в Москву.

Поэтому сохраниться в лагерном архиве эти приказы в принципе не могли...

Массовые плановые уничтожения документов случались также до и после этих рубежных лет.

Много документов уничтожалось в связи с «истечением срока давности хранения» – по действовавшим в 1950–1980-е гг. ведомственным инструкциям МВД СССР.

Существенный ущерб (в том числе – в части, касающейся документальных источников по первоначальному периоду истории лагеря) был нанесен катастрофическим лесным пожаром в сентябре 1938 г., практически полностью уничтожившим большинство лагпунктов Вятского ИТА,

включая бывший тогда «центральный» ОЛП № 1 (поселок Рудничный) [9].

По всей видимости, от огня удалось спасти только картотеки и регистрационные книги отдела спецучета, отдела кадров, оперативно-чекистского отдела и политотдела, а также (частично) личные дела сотрудников и заключенных.

Во всяком случае, другие канцелярские документы подготовительного и первоначального этапа жизнедеятельности Вятлага (в том числе материалы Гайнско-Кайского строительства, акты приема в эксплуатацию подразделений и производственных объектов, общелагерные приказы по сентябрь 1938 г. включительно и т. п.) в его нынешнем архиве отсутствуют.

Значительная часть лагерных документов по-прежнему полностью закрыта для исследователей.

Это, в первую очередь, все материалы «оперативно-чекистских» (оперативных) частей и отделов управлений лагерями и их подразделений.

В данной статье автор попытается дать представление прежде всего о сохранившихся документах Вятлага 1938–1960-х гг.

Между тем Вятский ИТА (с 1960-х гг. – Учреждение К-231/Вятспецлес) и по сей день продолжает свое существование как комплекс мест заключения, хотя, естественно, под другим названием и в существенно видоизмененном формальном качестве.

В силу подчиненности и подотчетности Вятского ИТА непосредственно «московскому центру» (УЛЛП ГУЛАГа) документация Вятлага в 1930–1940 гг. не откладывалась в архивах областного УНКВД-УВД, и на сегодня в архиве УВД по Кировской области практически отсутствует (за исключением отдельных «перестроечных» периодов 1950–1960 гг.).

Формально этот ведомственный архив существует лишь с 2001 г. – по приказу Минюста России от 11 июля 2001 г. № 200 «О создании архивов в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации».

В 1940-е г., по сведениям очевидцев, текущий архив Вятского лагерного управления напоминал собой огромное и довольно беспорядочное скопище папок и бумаг.

Множество тюков с документами, доставленными сюда из отделов управления, лагерных пунктов и подразделений (порой расположенных весьма далеко от поселка Лесного) долгие годы лежали даже не развязанными, не разобранными, не учтенными и не систематизированными [10].

Из общего объема сохранившихся дел часть фонда политического отдела (политотдела) Вятского ИТА была (в середине 1960-х гг. и в последующие периоды) отправлена на хранение в об-

ластной центр – в архив Кировского обкома КПСС (сейчас Государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ) Кировской области, фонд 5991).

В составе фонда политотдела Вятского ИТА в ГАСПИ Кировской области на сей день – 4 799 единиц хранения за 1937–1988 гг.

То есть с 1960 до 1988 г. часть откладывавшихся на месте дел этого «политоргана» более или менее регулярно отправлялась в партийный архив областного центра на закрытое хранение.

По структуре фонда в него входят: протоколы партийных и комсомольских конференций и активов лагеря, заседаний политотдела и партийных комиссий; материалы учета и собраний первичных партийных и комсомольских организаций управления и лагпунктов; директивные указания политотдела ГУЛАГа; отчеты и докладные записки политотдела Вятлага; ежегодные (с 1944 г.) подшивки многотиражных газет политотдела (для личного состава и заключенных) и ряд других документов.

Особо отметим, что это – отнюдь не все хранившиеся на местах партийные документы, а лишь определенная их часть.

Намного более значительны (по количеству и содержанию) другого рода материалы, хранящиеся и по сей день в ведомственном архиве Вятского ИТА (поселок Лесной).

Условно основную массу исторических документов архива Вятского ИТА можно сегодня разделить на три больших группы.

I. Документы общего пользования – объемом примерно 1 150 томов.

Здесь находятся:

1) приказы и приказания по управлению лагерем – более 80 томов, в том числе приказы «по личному составу» (секретные) и «общие» приказы (секретные и совершенно секретные);

2) административные акты об уничтожении дел (более 40 томов);

3) журналы учета личных дел (около 70 томов);

4) спецлитература (около 440 томов);

5) сводные бухгалтерские отчеты и акты передачи лагеря (около 40 томов);

6) акты и материалы расследования несчастных случаев (около 290 томов);

7) личные карточки на выдачу зарплаты сотрудникам (около 60 томов).

Эти материалы очень ценны для исследователя, поскольку дают обобщающую картину функционирования лесного лагеря ГУЛАГа в очень сложную эпоху и в крайне трудных условиях.

Чрезвычайно интересны «акты передачи лагеря», составлявшиеся при смене начальника лагерного управления.

Здесь фиксировались не только материальные ценности всего лагерного комплекса (строения, техника, финансы и т. п.), но и весь «человеческий ресурс» (кадровый состав, вольнонаемные работники, заключенные, «трудмобилизованные», военнопленные и т. д.).

II. Второй раздел документов архива – это личные дела «спецконтингента»: заключенных и «трудмобилизованных» («трудоармейцев» – немцев, финнов и представителей других «наказанных народов»).

Общий количественный объем этих документов – около 90 000 дел.

Это есть живая история с человеческим лицом.

Просматривать, а тем более читать эти документы морально крайне тяжело.

Гнетущая атмосфера смерти, непомерно тяжелого и зачастую незаслуженного наказания, изуродованных человеческих судеб и отношений пронизывает все эти архивные материалы.

И это касается не только личных дел политзаключенных (репрессированных по упоминавшейся уже «58-й статье»)!

III. Третий раздел архива – личные дела бывших работников Вятского ИТА, уволенных («убывших») из лагеря (объемом около 34 000 дел).

Карьеры и судьбы офицеров и вольнонаемных сотрудников Вятлага – яркое отражение нравов и стиля жизни той эпохи.

Специфика советского «зазеркалья» здесь видна удивительно отчетливо.

Кроме вышеперечисленного, свои собрания документов, порой значительные, имелись в отделах управления и подразделениях Вятлага: секретариат, отдел кадров, специальный отдел (2-й отдел, ОУРЗ), оперативный отдел (ОЧО), отдел капитального строительства (ОКС), медицинский отдел (САНО), производственный отдел (ПРО), жилищно-коммунальный отдел (АХО-ЖКО), интендантский отдел (ООС-ОИС), транспортный отдел (ЖДО), торговый отдел, отдел сельского хозяйства, главная бухгалтерия, а также бывшие «отдельные лагпункты» (ОЛП-ОИТК-ИТК-ОИУ-ИУ), ныне дислоцирующиеся в поселках Комендантский, Полевой-2, Сорда, Брусничный, Старцево и др.

Документация по лагерю немецких военнопленных № 101, который функционировал самостоятельно в 1943–1945 гг., а затем (в 1945 г.) был переподчинен Вятлагу, целиком вывезена из ИТА и его архива по приказу МГБ СССР в обстановке строжайшей секретности – сразу же после «вывода» военнопленных из этого лагеря в 1947 г.

Сведения о месте нахождения этого массива документов в лагерном архиве практически отсутствуют (за исключением отдельных и разбросанных косвенных данных) [11].

В 1960-е гг. изъята из ведения Вятлага и передана в соответствующие подразделения конвойных (внутренних) войск МООП-МВД СССР (РСФСР-РФ) основная масса документов, относящихся к военизированной охране лагеря (ВОХР).

К комплексам личных дел общелагерного архива примыкают три архивные картотеки.

I. Картотека специального учета (4 раздела и 9 подразделов) – общим объемом более 450 000 карточек (хранятся в отделе спецучета управления лагерем, раскладываются в алфавитном порядке по подразделам и по системе, установленной в НКВД-МВД, которая несколько отличается от общепринятой).

1. Первый раздел (3 подраздела) – общий массив «спецконтингента» («убывшие», то есть освобожденные, умершие, бежавшие и переведенные в другие ИТЛ и ИТК заключенные).

1-й подраздел – заключенные-мужчины (примерно 350 000 единиц);

2-й подраздел – заключенные-женщины (примерно 30 000 единиц);

3-й подраздел – так называемые «малосрочники» (только заключенные-мужчины, имевшие срок лишения свободы до 5 лет, и только «освобожденные» – примерно 50 000 единиц).

2. Второй раздел архивной картотеки спецучета – «подследственные» (около 4 500 единиц).

Это – заключенные, «убывшие» («освобожденные», отправленные «вне лагеря» или умершие) до вынесения решений по следственным делам.

Здесь 2 подраздела:

1-й подраздел – карточки на прибалтов [12], немцев, поляков (этапы 1941 г., «социально опасный элемент») – более 3 000 единиц;

2-й подраздел – так называемые «изменники родине» (примерно 1 500 единиц):

– «курский этап» (май 1943 г., около 1 000 единиц);

– «белорусские этапы» (Могилев, Бобруйск, Витебск – 1945 г., около 500 единиц).

3. Третий раздел (3 подраздела) картотеки – «трудмобилизованные» («тудармейцы» – немцы, финны и др.) – находится также в отделе спецучета и содержит около 10 000 единиц.

4. Четвертый раздел картотеки спецучета (примыкает ко 2-му разделу) – это 46 карточек на военнопленных-поляков («младший командный состав»), доставленных в Вятлаг, очевидно, «по ошибке» и вскоре отправленных из лагеря (июль-август 1941 г.).

II. Вторая картотека – архивная учетная картотека отдела кадров – содержит примерно 100 000 карточек и делится на три части:

а) краткие учетные карточки «убывших» сотрудников (форма 1) – около 40 000 единиц

(хранятся непосредственно в отделе кадров управления);

б) развернутые карточки (форма 2) – около 50 000 единиц (в том числе – на сотрудников военизированной охраны, а также на спецпоселенцев, «директивников», ссыльнопоселенцев), иногда с фото и документальным приложением: автобиографией, перепиской, справками и т. п. (хранятся в общелагерном архиве).

III. Третья картотека – это оставшаяся в лагере часть учетной картотеки упраздненной в 1956 г. спецкомендатуры № 19 при отделе спецпоселений УВД-УМГБ по Кировской области – около 3 000 единиц (хранится в общелагерном архиве, вместе с картотекой № 2).

Объем источников по социально-политической, национальной, экономической проблематике истории Советского Союза в бывшем архиве Вятлага колоссален.

Здесь можно работать большому научно-исследовательскому коллективу.

Вполне целесообразным и оправданным (с историко-научной точки зрения) было бы многотомное (либо серийное) издание «Вятлаг: архивные материалы».

Многие архивные документы лагеря типологичны.

Обратимся, например, к одной из самых многочисленных групп источников – личным делам заключенных 1940–1960-х гг.

Состав последних обычно таков.

На первой стороне обложки из плотной бумаги – фамилия, имя, отчество; даты начала и окончания дела, его архивный номер.

На второй стороне обложки – регистрация движения «з/к» (общепринятое сокращение): наименование мест заключения, местонахождение последних, время пребывания («прибыл-убыл»), номер личного дела, номера и даты сообщений о передвижении «з/к», даты освобождения (смерти, побега, повторного задержания).

Далее (в первой части собственно личного дела) мы находим, как правило: постановление об избрании меры пресечения (аресте); талон ордера на арест; анкету (иногда с фото); дактилоскопическую карту; приговоры (постановления, определения о мере уголовного наказания); справку о вступлении приговора в законную силу; наряд на отправку в лагерь (колонию); учетно-статистическую карточку и расчетный листок; формуляр к личному делу; документы об изменении срока наказания; ордер на освобождение; копии выданных на руки документов при освобождении; акты о смерти, о погребении и соответствующее сообщение в органы ЗАГС (в случае смерти в лагере).

Во второй части личного дела заключенного содержатся: протоколы личного обыска; квитан-

ции на изъятые личные вещи; опись имущества арестованного; документы о вызовах на допрос, о взысканиях и поощрениях, о режиме содержания; заявления, жалобы, обращения и ответы на них; медицинские акты, справки; справка о приговоре и исчислении срока наказания.

На третьей стороне обложки: подписка «о неразглашении»; подписка о получении при освобождении вещей, денег и «об отсутствии претензий к администрации».

Во вклеенном на обложке приложении (конверте) могут быть копии документов, дополнительные фото, личная переписка, изъятая цензурой, и т. п.

Значительная часть личных дел лагерных заключенных и «трудмобилизованных» была уничтожена.

После их освобождения или смерти личное дело оседало в лагерном архиве (в случае отправки в другой лагерь – «уходило» вместе с человеком).

В 1960–1970-е гг., в связи с истечением определенного на тот период ведомственными инструкциями МВД срока хранения, многие дела уничтожались – «по акту».

Показательно, например, что личное лагерное дело поэта Бориса Алексеевича Чичибабина (Полушина), отбывшего в Вятлаге в 1948–1951 гг. основную часть пятилетнего срока заключения (по политической статье «58 пункт 10 – антисоветская агитация»), уничтожено в мае 1968 г., когда он еще был членом Союза писателей СССР (исключен «за вольномыслие» в 1973 г.)...

Вероятно, массовый анализ этого типа документации начнется не ранее чем через 30–40 лет.

Но сохранение такого рода ценнейших исторических источников – задача уже нашего времени.

Очеловечить страшную и невероятно многообразную историю России XX в. можно лишь используя все имеющиеся в нашем распоряжении группы источников, в том числе и архивный комплекс, сложившийся в бывшем Вятлаге НКВД–МВД СССР.

Десятки тысяч сохранившихся личных дел заключенных из всех социальных групп и слоев населения Советского Союза ярко отразили перипетии реальных человеческих судеб.

Без внимательного и тщательного изучения этого массива исторических источников мы не сможем сегодня создать полноценную историю народов нашей страны, ее индустриализации, коллективизации крестьянства, Великой Отечественной войны и последующих этапов советской эпохи.

Примечания

1. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: справочник / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998;

ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои [Текст]. М.; СПб., 1998; Бердинских, В. А. История одного лагеря (Вятлаг) [Текст] / В. А. Бердинских. М., 2001.

2. См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов [Текст] : собрание документов : в 7 т. М., 2004–2005.

3. Бердинских, В. А. Указ. соч. С. 11–12.

4. Там же. С. 9.

5. Подробнее см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...

6. См.: Архив Учреждения К-231 / Вятского УЛИУ, фонд секретариата. Д. 30. Лл. 6–8.

7. См., напр.: Архив Учреждения К-231 / Вятского УЛИУ, фонд секретариата, книга приказаний за 1954 г. № 0016 от 27.09.1954 г. Л. б/н.

8. Цит. по: Бердинских, В. А. Указ соч. С. 16.

9. См.: Кирсинский характер: Очерки об истории завода «Кирскабель» [Текст]. Киров, 1992. С. 66–67; Рацевич, С. В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого) [Текст] / С. В. Рацевич. Т. 2. Ч. 1. Ст. 58. Нарва, 2005. С. 129–132; Дьяконов, В. Б. Я, лагерная пыль, свидетельствую... [Текст] / В. Б. Дьяконов. Астрахань, 1996. С. 29–30.

10. Автор выражает искреннюю благодарность за многие сведения о лагерном архиве многолетнему сотруднику Учреждения К-231 и прирожденному архивисту-исследователю Владимиру Ивановичу Веремьеву, уроженцу поселка Лесного.

11. См., напр.: Архив Учреждения К-231 / Вятского УЛИУ, фонд секретариата. Д. 32. № 978/798 от 07.12.1945 г., Лл. б/н.

12. См.: Бамбалс, А. Архивные дела жителей Латвии, высланных 14 июня 1941 года [Текст] / А. Бамбалс // «Увезенные...». 14 июня 1941 года: Книга Памяти. Рига, 2001. С. 745–752.

Э. В. Бушкова-Шиклина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ О ДОЛЖНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В статье показывается с опорой на результаты социологического исследования, какие особенности существуют во взглядах менеджеров различных уровней управления на должное поведение сотрудников в коллективе. Анализ этих особенностей позволяет косвенно судить и о тех ценностях, на которые ориентируются руководители.

Представления об отношениях и поведении людей в какой-либо сфере, а следовательно, и собственно поведение, в значительной степени определяются мировоззрением человека. Особую роль в этом случае играют ценности личности, выступающие в виде представлений о наиболее желательных целях (терминальные ценности) либо наиболее предпочитаемых модусах поведения или способах действий (инструментальные

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – ассистент кафедры философии и социологии ВятГУ
© Бушкова-Шиклина Э. В., 2007

ценности). Ценностные ориентации менеджеров, лежащие в основе их мировоззрения, проявляются в управленческой деятельности посредством установок на определенное поведение, критериев оценки альтернатив при принятии управленческих решений, а также через представления о должном поведении сотрудников.

И. Г. Дубов [1] отмечает, что особую трудность в исследовании ценностных оснований поведения человека создают такие факторы, как плохое осознание людьми своих ценностных систем, выбор социально ожидаемого, а не «истинно правильного» поведения, трудности с рефлексией оснований своего выбора в необычных для индивида ситуациях и т. п. В связи с этим нами была поставлена задача исследования базовых представлений менеджеров о должных трудовых отношениях сотрудников в коллективе, что даст дополнительную возможность анализа ценностных оснований данных представлений.

Для решения этой задачи нами была использована методика, разработанная в рамках проекта «Томская инициатива» [2] и описывающая основные векторы поведения и типы взаимоотношений людей на работе, такие, как прием на работу, отношение людей к делу, постановка трудовых задач и степень занятости людей, различия в статусе и неравенство, поощрение и наказание, шпионаж и доносы, отношения между руководителем и подчиненными, товарищеские и интимные отношения на работе. В результате длительной процедуры экспертной оценки и дальнейшей факторизации высказываний экспертов томскими коллегами было выделено 20 пар паттернов, описывающих основные направления поведения людей в сфере труда. Для изучения мнений менеджеров по поводу особенностей принятия управленческих решений нами был добавлен ряд утверждений, позволяющих выявить соответствующие установки менеджеров в данной сфере деятельности.

Эмпирическое исследование проводилось при помощи метода экспертного интервью в период с декабря 2006 по март 2007 г. Выборка респон-

дентов данного исследования составляет 75 человек, все они являются менеджерами различных (торговых, промышленных, образовательных и др.) организаций гг. Кирова и Н. Новгорода. Характеристики данной выборки представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что основная часть респондентов (45%) – руководители линейного уровня, представителей среднего и высшего уровня в данной выборке 35% и 20% соответственно. Эти данные в общем соответствуют распределению менеджеров по трем основным уровням управленческой иерархии в генеральной совокупности. Наибольший средний возраст респондентов отмечается в группе высшего менеджмента – 42 года, в группах линейного и среднего менеджмента средний возраст руководителей практически одинаковый – 30 и 32 года соответственно. Также наибольший средний стаж нахождения в занимаемой должности отмечается в группе высшего менеджмента (6,9 лет). Что касается полового распределения, то из таблицы видно, что среди женщин основная часть занимает должности на среднем управленческом уровне, в то время как среди мужчин основная их часть занимает должности линейного уровня. (Необходимо также добавить, что в целом по выборке доля мужчин составляет 67%, женщин – 32%, что практически соответствует ситуации, наблюдаемой в генеральной совокупности). Интересно также заметить, что основная масса руководителей, имеющих гуманитарное образование, – средние менеджеры, в то время как основная масса руководителей с техническим образованием представлена линейными и топ-менеджерами.

В ходе проведения эмпирического исследования респондентам предлагалось выбрать в той или иной паре паттернов поведения один из вариантов ответов (А или Б), который, по их мнению, описывает должное поведение сотрудников в организации. Результаты опроса представлены в табл. 2. (Сумма ответов респондентов той или иной группы по каждому пункту (на вариант А и Б) составляет 100%).

Таблица 1

Основные характеристики выборки исследования

Уровень управления	Всего по выборке (%)	Средний стаж нахождения в должности (лет)	Средний возраст (лет)	Пол (%)		Специальность (%)	
				Муж.	Жен.	Гуманитарная	Техническая
Линейный	45	3,8	30	52	32	35	52
Средний	35	4,8	32	28	50	54	15
Высший	20	6,9	42	20	18	11	33
	100	4,6	36,5	100	100	100	100

Преставления менеджеров о должном поведении сотрудников в организации

№ п/п	Паттерны поведения	Уровень управления (%)			Пол (%)		В целом по вы- борке (%)
		Линей- ный	Сред- ний	Выс- ший	Муж.	Жен.	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	А. Если дневные дела не выполнены до конца рабочего дня, то надо задержаться на работе, чтобы обязательно доделать их	62	77	75	67	78	69
	Б. Ничего страшного не случится, если незаконченное до конца рабочего дня дело будет выполнено на следующий день утром	38	23	25	33	22	31
2	А. Сотрудник может иметь определенные привилегии за то, что много лет работает на предприятии	53	38	67	50	52	50
	Б. Ветераны предприятия заслуживают, чтобы руководство отмечало их опыт и заслуги, но никаких льгот по сравнению с другими сотрудниками они иметь не должны	47	62	33	50	48	50
3	А. Сотрудники не должны интересоваться зарплатой друг друга	76	73	75	73	78	75
	Б. Все сотрудники должны знать, сколько и за что получают другие	24	27	25	27	22	25
4	А. Руководитель не должен быть снисходителен к ошибкам сотрудников	26	27	8	23	26	24
	Б. Руководитель должен уметь прощать ошибки своим сотрудникам	74	73	92	77	74	76
5	А. В распределении премий руководителю стоит учитывать мнение коллектива	35	42	33	44	26	38
	Б. Руководитель не должен учитывать мнение коллектива при распределении премий, ему – виднее	65	58	67	56	74	63
6	А. Подчиненный не может жаловаться вышестоящему руководителю «через голову» своего непосредственного руководителя	62	42	67	52	61	56
	Б. Если регулярно нарушается техника безопасности, санитарные нормы и др., вполне допустимо в обход руководства доложить об этом в вышестоящие инстанции	38	58	33	48	39	44
7	А. Если сотрудник видит, что его коллеги производят некачественную продукцию, он может, хоть это его и не касается, доложить об этом руководству	94	92	83	92	91	92
	Б. Когда человек видит, что его коллеги «халтурят», он не должен докладывать руководству, если это не касается непосредственно его работы	6	8	17	8	9	6
8	А. Руководитель должен привлекать к обсуждению и принятию важных организационных решений различных специалистов	97	92	92	96	96	94
	Б. Руководитель может не обращаться к мнению различных специалистов при принятии важных управленческих решений	3	8	8	4	4	6
9	А. Работа на опасном и вредном производстве – личное дело каждого работника, включая людей со слабым здоровьем	9	28	17	15	26	17
	Б. На вредных и опасных производствах начальство отвечает за подчиненных и не должно допускать к работе людей со слабым здоровьем	91	72	83	85	74	83
10.	А. Если появляется выгодная подработка, то помощников нужно искать, прежде всего, среди коллег	65	60	83	63	70	66
	Б. Если появляется выгодная подработка, то помощников себе, невзирая на обиды коллег, можно искать на стороне	35	40	17	38	30	34

1	2	3	4	5	6	7	8
11	А. Начальнику следует по возможности создавать и поддерживать среди сотрудников «командный дух», все должны чувствовать себя частью коллектива	97	92	100	94	100	96
	Б. Руководителю по мере возможности следует поощрять индивидуализм в работе, каждый работает сам и отвечает за себя	3	8	0	6	0	4
12	А. В принципе возможно, чтобы жена работала в подчинении у мужа	24	24	17	15	39	23
	Б. Жена не должна работать в подчинении у мужа	76	76	83	85	61	77
13	А. Лучше всего работать с родственниками, на них можно по-настоящему положиться	3	4	8	4	4	4
	Б. Не стоит трудоустраивать своих родственников туда, где работаешь сам	97	96	92	96	96	96
14	А. Нельзя эксплуатировать служебное оборудование (автомобиль, другую технику) в личных целях	33	64	33	44	48	44
	Б. Если служебное оборудование простаивает, его можно использовать в личных целях	67	36	67	56	52	56
15	А. Руководитель должен опираться при принятии решений на современные методы и технологии, специально разработанные для этого	59	52	42	58	43	54
	Б. Руководитель может опираться при принятии решений на проверенные личным опытом приемы и методы	41	48	58	42	57	46
16	А. Высокооплачиваемые сотрудники могут одеваться в дорогую одежду соответственно своему положению	60	68	58	63	65	63
	Б. Высокооплачиваемые сотрудники должны стремиться не поддерживать существующее неравенство богатой одеждой	40	32	42	38	35	37
17	А. Подчиненный должен выполнять указания руководства, даже если он с ним не согласен	82	92	100	92	83	89
	Б. Если подчиненный видит, что указания руководства ошибочны, он может их не выполнять	18	8	0	8	17	11
18	А. При принятии управленческих решений руководитель в большей степени должен опираться на рациональные доводы	88	84	92	88	87	87
	Б. При принятии управленческих решений руководитель должен доверять своей интуиции и опираться на нее	12	16	8	13	13	13
19	А. Если результата в работе нет, нельзя применять к подчиненным жесткие силовые методы	36	32	42	29	48	36
	Б. Если работа идет плохо, руководитель имеет право самым жестким образом добиваться от подчиненных ее нормального исполнения	64	68	58	71	52	64
20	А. Руководитель не должен обращаться к подчиненным на «ты», в каких бы отношениях они ни были	48	46	75	52	57	52
	Б. Руководитель может обращаться к подчиненному на «ты», если испытывает к нему симпатию	52	54	25	48	43	48
21	А. Лучше не спорить с коллективом, принимая мнение большинства	6	16	8	4	22	10
	Б. Если у человека есть своя точка зрения, он должен всегда отстаивать ее даже вопреки мнению коллектива	94	84	92	96	78	90
22	А. Если порядки кажутся сотруднику явно несправедливыми, он может настаивать на их изменении	57	48	33	42	70	50
	Б. Если сотрудник против сложившихся правил компании, он должен им подчиняться или уйти, а не пытаться их изменить	43	52	67	58	30	50

1	2	3	4	5	6	7	8
23	А. Руководитель не должен вступать в дружеские отношения с подчиненными	40	67	50	58	35	51
	Б. Руководитель может иметь личные дружеские отношения с некоторыми из своих подчиненных	60	33	50	42	61	49
24	А. В конфликтных ситуациях руководитель должен принимать решения, исходя, прежде всего, из интересов дела, а не отношений в коллективе	82	88	92	90	78	86
	Б. В конфликтных ситуациях главное – урегулировать отношения в коллективе, даже если это может ухудшить дальнейшее положение дел	18	12	8	10	22	14
25	А. Руководитель должен концентрировать в своих руках всю власть и контролировать лично принятие и исполнение всех решений	10	12	7	8	13	9
	Б. Руководитель должен уметь делегировать свою власть подчиненным и доверять им принятие необходимых решений и контроль за их исполнением	90	88	93	92	87	91
26	А. Свою работу в организации менеджер должен строить с учетом интересов, прежде всего, своей семьи и друзей	6	5	5	0	9	3
	Б. Работая в организации, менеджер должен учитывать интересы, прежде всего, предприятия, а затем – собственные	94	95	95	100	91	97

Из табл. 2 видно, что насчет некоторых аспектов поведения сотрудников в организации респонденты имеют практически одинаковое, но часто противоречивое мнение. Так, во всех трех группах менеджеров линейного, среднего и высшего уровней управления респонденты считают, что сотрудники должны быть *исполнительными*, даже если это требует полного подчинения правилам организации и указаниям начальства. Например, большинство менеджеров всех уровней отметили, что сотрудники должны успевать выполнять свои дела и при необходимости доделывать их в рамках текущего рабочего дня, а не оставлять работу на завтра (так считают 62, 77 и 75% менеджеров линейного, среднего и топ-менеджмента соответственно); подчиненный должен быть исполнительным, даже если считает указание неправильным (82, 92, 100%) (здесь и далее порядок цифр указывает на степень выраженности мнения менеджеров линейного, среднего и высшего уровней управления соответственно); руководитель может самым жестким способом добиваться эффективности в работе сотрудников, если работа идет плохо (64, 68, 58%). В то же время, по мнению менеджеров, руководитель должен уметь прощать ошибки своим подчиненным (так считают 74, 73, 92% менеджеров линейного, среднего и высшего уровня соответственно); должен заботиться о подчиненных, не допуская к опасной работе специалистов со слабым здоровьем (91, 72, 83%); при возможности подработать привлекать к заказу, прежде всего, сотрудников (65, 60, 83%). Все эти признаки во

многом описывают признаки «патерналистского» стиля управления в организации, предполагающего «отцовскую заботу» руководителя над подчиненными в обмен на их исполнительность и покорность [5].

Противоречивость взглядов менеджеров также подтверждается тем, что, с одной стороны, большинство менеджеров считают, что сотрудник должен быть бдительным и докладывать о плохой работе начальству, то есть быть лояльным прежде всего руководителю (тот факт, что 94, 92, 83% менеджеров разного уровня считают таким образом, свидетельствует об их готовности поощрять такое поведение сотрудников); с другой стороны – руководитель, по мнению респондентов, должен создавать условия для поддержания коллективного духа, поддерживать командные ценности в коллективе (97, 92, 100%).

Также большинство менеджеров всех уровней согласны с утверждениями, описывающими подчеркивание *социального неравенства и индивидуализма* в организации: работники не должны интересоваться зарплатой друг друга, не должны знать, кто и сколько зарабатывает (76, 73, 75%); работники могут подчеркивать свое социальное положение одеждой (60, 68, 58%).

Интересной является точка зрения менеджеров на процессы *принятия управленческих решений*. Так, большинство респондентов отметило, что, с одной стороны руководитель должен советоваться при принятии важных решений с другими специалистами, учитывать мнение подчиненных (так считают 97% менеджеров линей-

ного, 92% среднего и 92% высшего уровней управления), руководитель должен уметь делегировать полномочия подчиненным и доверять им частичное принятие решений (90, 88, 93%); в то же время, по мнению большинства респондентов, руководитель должен сам решать, кому и как распределять премии (65, 58, 67%), то есть проявлять некоторую авторитарность в принятии решения, касающегося непосредственно коллектива.

С одной стороны, по мнению большинства респондентов (90%), сотрудник должен уметь отстаивать свою точку зрения, вопреки мнению коллектива; с другой – сотрудник должен исполнять все указания руководства, даже если он считает это указание неправильным (так считают 89% респондентов). Эти данные показывают, что руководители весьма избирательно готовы предоставлять свободу выражения собственного мнения подчиненными: сотрудник имеет право на свое мнение, но только если оно не противоречит мнению руководства. Таким образом, видно, что респонденты по преимуществу приветствуют так называемый «коллегиальный» стиль принятия решений, основную идею которого можно выразить фразой «Мы тут посоветовались, и я решил» [3]. Как отмечает А. И. Кочеткова, являясь переходной ступенью от авторитаризма к демократии, данная модель предполагает использование ментального потенциала работников посредством «классических коллегиальных форм» – собраний, совещаний, фокус-групп и т. п. Тем не менее окончательное решение принимает руководитель, причем затраты на подготовку этого решения никак не компенсируются: не успевая выполнять массу заданий одновременно, сотрудники внутренне согласны, что вознаграждать их не за что [4].

Также весьма противоречивое отношение респондентов к достижению собственной выгоды в рамках организации. С одной стороны, 97% менеджеров считают, что строить свою работу они должны, прежде всего, на основе не своих интересов, а интересов организации, с другой – 56% менеджеров считают, что в некоторых случаях можно эксплуатировать собственность организации в своих целях.

Также большинство менеджеров всех трех уровней управления разделяют ценности *рациональности* в управлении («При принятии решений руководитель должен руководствоваться рациональными доводами» (так считают 87% менеджеров); «В конфликте руководитель должен прежде всего учитывать интересы дела, а не отношений в коллективе» – 86%); а также необходимости избегать найма родственников в качестве своих подчиненных («Не стоит трудоустраивать родственников туда, где работаешь сам» –

96%, «Жена не должна работать в подчинении у мужа», 77%).

Тем не менее по поводу некоторых вопросов мнения менеджеров различных уровней управления различаются. Таковыми явились вопросы привилегий работникам с большим стажем работы в организации, вопросы отношения к нарушениям техники безопасности на производстве, вопросы методов и технология принятия управленческих решений и др.

Что касается взглядов менеджеров-мужчин и менеджеров-женщин на особенности трудовых отношений сотрудников в коллективе, то по ряду вопросов их мнения значительно различаются. Эти различия касаются вопросов методов принятия управленческих решений: так, 57% женщин-менеджеров склонны считать, что руководитель при принятии решений должен опираться на проверенные опытом методы, в то время как 58% мужчин-менеджеров считают, что при принятии решений нужно использовать современные методы и технологии. Также эти различия касаются вопроса изменения правил поведения в организации: 70% женщин-менеджеров считают, что сотрудник может настаивать на изменении тех порядков, которые кажутся ему несправедливыми, в то время как 58% мужчин считают, что если сотрудник против сложившихся правил, он должен им подчиняться либо уйти из организации. Аналогичным образом, различны мнения данных групп респондентов относительно вопросов дружбы в коллективе: большинство женщин-руководителей (61%) считают, что руководитель может иметь личные дружеские отношения с некоторыми из своих подчиненных, большинство же мужчин (58%), наоборот, считают, что руководитель не должен вступать в дружеские отношения с подчиненными. Относительно других сторон отношений сотрудников в коллективе, указанных в списке паттернов поведения, мнения мужчин и женщин-руководителей более или менее совпадают.

Математический анализ полученных результатов при помощи критерия Крускала-Уоллиса показал, что в целом представления о должном поведении сотрудников в коллективе у менеджеров различных уровней управления различаются на статистически значимом уровне $p = 0,05$ (коэффициент корреляции равен 261,3 при степени свободы $df=2$). Аналогично, анализ результатов менеджеров мужского и женского пола показал, что на статистически значимом уровне $p = 0,05$ представления о должных трудовых отношениях в данных группах также различны (коэффициент Крускала-Уоллиса равен 84,52 при $df=1$).

Таким образом, предварительный анализ представлений показал, что существует ряд особенностей во взглядах менеджеров на должное поведение сотрудников в коллективе как в целом

по выборке, так и в группах менеджеров различных уровней управления, а также в группах менеджеров-мужчин и менеджеров-женщин. Анализ данных представлений позволяет косвенно судить об особенностях управленческих ценностей руководителей данных групп.

Примечания

1. Дубов, И. Г. Ценности и поведение: анализ взаимосвязи [Текст] / И. Г. Дубов // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

2. Дубов, И. Г. Человек в семье и на работе: анализ ценностных систем и поведенческих паттернов [Текст] / И. Г. Дубов // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

3. Кочеткова, А. И. Введение в организационное поведение и организационное моделирование [Текст]: учебное пособие / А. И. Кочеткова. М.: Дело, 2004. 944 с.

4. Кочеткова, А. И. Трухлявая коллегиальность [Текст] / А. И. Кочеткова // Кировский бизнес-журнал. 2005. № 17 (24). С. 68–69.

5. Радаев, В. В. Четыре стратегии утверждения авторитета внутри фирмы: некоторые результаты исследования российских предпринимателей [Текст] / В. В. Радаев // Социс. 1994. № 2. С. 149–157.

У. В. Метелева

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВНЕСУДЕБНОГО (АДМИНИСТРАТИВНОГО) ПРОИЗВОДСТВА ПО РАЗРЕШЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СПОРОВ

В статье рассматриваются существующие в российской административно-правовой науке подходы к пониманию внесудебного (административного) производства по разрешению административных споров, формулируется авторское понимание сущности административных споров, выделяются их виды, дается собственное определение понятия названного производства.

Производство по разрешению административных споров во внесудебном порядке, то есть органами исполнительной власти и иными органами государственного управления традиционно рассматривается в науке административного права как составная часть административно-юрисдикционного производства. При этом под административно-юрисдикционным процессом (производством) в литературе по административному праву понимается процессуальная деятельность

субъектов государственного управления (исполнительной власти) по разрешению индивидуальных споров между участниками административных правоотношений, а также по применению к ним мер административного принуждения [1].

В то же время в науке административного права существуют и другие подходы к пониманию места рассматриваемого производства в системе административного процесса в целом.

В частности, В. Д. Сорокин непосредственно в структуре административного процесса выделяет целый ряд административных производств, в том числе производство по административно-правовым жалобам и спорам, не считая его частью административно-юрисдикционного процесса [2].

П. И. Кононов, выделяя в структуре административного процесса административно-защитный процесс, включает в него два самостоятельных вида административных производств: производство по разрешению административных жалоб и административно-арбитражное производство [3]. Тем самым П. И. Кононов отделяет производство по разрешению административных жалоб от производства по разрешению в административном порядке споров и разногласий, возникающих между физическими и (или) юридическими лицами.

Для того чтобы определить сущность и место внесудебного производства по разрешению административных споров, необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, что же такое административный спор.

В литературе по административному праву к числу административно-правовых споров, как правило, относят любые конфликтные ситуации, возникающие между субъектами административных правоотношений, как связанные, так и не связанные с применением органами исполнительной власти (органами управления) мер административного принуждения. При таком подходе к административным спорам относят индивидуальные дела об оспаривании одним субъектом административного правоотношения любых действий и решений (правовых актов) другого субъекта этого правоотношения, с которыми первый субъект не согласен [4]. К числу указанных индивидуальных административных дел относятся дела по разрешению любых административных жалоб [5]. В то же время в административно-правовой науке существует и узкое понимание административного спора как индивидуального дела по разрешению в административном порядке конфликта, разногласия, обусловленного не незаконными действиями какого-либо субъекта правоотношения, а различными подходами сторон этого правоотношения к решению некоторых вопросов, возникающих в его рамках [6].

Обозначим собственную позицию по вопросу понимания сущности административного спора.

С нашей точки зрения, под административным спором следует понимать выраженное в официально-документальной форме несогласие субъекта административного правоотношения: физического, юридического лица, государственного органа или органа местного самоуправления, должностного лица с принятым в отношении его другим субъектом указанного правоотношения – административным органом, решением или совершенным в отношении его данным органом властным действием (бездействием). На основе данного определения можно выделить следующие основные признаки административного спора.

1. Административные споры могут возникать только в рамках административных правоотношений и только между участниками этих отношений.

2. Содержание административного спора выражается в несогласии одного – не властвующего субъекта административного правоотношения – с решением или действием (бездействием) другого – властвующего субъекта названного правоотношения – государственного органа, органа местного самоуправления, государственного или муниципального учреждения, государственного должностного лица или должностного лица местного самоуправления, принятым или совершенным им в ходе реализации имеющейся у него административной компетенции. Все перечисленные выше органы, учреждения и должностные лица, наделенные административной компетенцией, будут именоваться нами далее административными органами.

3. Указанное выше несогласие одного из субъектов административного правоотношения может быть квалифицировано как административный спор только в том случае, если оно внешне выражено в определенной официально-документальной форме, то есть содержится в официальном документе и доведено до сведения административного органа, действие (бездействие) или решение которого оспаривается.

4. Административные споры разрешаются по существу вышестоящими административными органами или судами в соответствии с установленными для них действующим законодательством компетенцией и порядком.

Необходимо отметить, что понятие «административный спор» не тождественно понятию «индивидуальное дело по разрешению административного спора». Возникновение административного спора, то есть несогласия одного из субъектов административного правоотношения с действием (бездействием) или решением другого субъекта этого правоотношения еще не влечет

автоматического возникновения соответствующего индивидуального дела по разрешению данного спора. Такое индивидуальное дело возникает лишь с момента принятия компетентным административным органом к рассмотрению соответствующего официального документа, раскрывающего существо возникшего административного спора, то есть жалобы, заявления, претензии и т. п.

Административные споры могут быть классифицированы на виды по различным критериям. Осуществим такую классификацию по наиболее важным, с нашей точки зрения, критериям.

1. В зависимости от содержания правоотношений, в рамках которых возникают административные споры:

а) споры, возникающие в рамках административно-регулятивных правоотношений, например споры, возникающие в связи с отказом в выдаче лицензий, в связи с отказом в государственной регистрации каких-либо прав или объектов, в связи с увольнением с государственной службы и т. п.;

б) споры, возникающие в рамках административно-охранительных правоотношений, например споры, возникающие в связи с привлечением к дисциплинарной, административной, налоговой ответственности, в связи с применением иных мер административного принуждения и т. п.

2. В зависимости от пространственных пределов действия административных правоотношений, в рамках которых возникают административные споры:

а) внутренние административные споры – споры, возникающие внутри административных органов и их системы, например споры между руководителями административных органов и подчиненными им государственными служащими, споры между административными органами;

б) внешние административные споры – споры, возникающие вне административных органов и их системы, в ходе реализации этими органами и их должностными лицами внешневластной административной компетенции, в частности споры между административными органами и не подчиненными им организационно физическими или юридическими лицами.

3. В зависимости от существа административного спора:

а) споры об оспаривании действий административных органов;

б) споры об оспаривании бездействия административных органов;

в) споры об оспаривании решений (правовых актов) административных органов.

С учетом приведенных выше предварительных замечаний о юридической сущности административного спора и его видах представляется воз-

можным определить и общее понятие внесудебного производства по разрешению административных споров.

Как показывает анализ действующего федерального законодательства и судебной практики, все виды административных споров, независимо от их содержания, могут разрешаться как в административном, так и в судебном порядке.

Порядок разрешения административных споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами в настоящее время регламентируется нормами гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Исключение составляют лишь споры по делам об административных правонарушениях, рассматриваемые судами общей юрисдикции, порядок разрешения которых регулируется нормами административно-процессуального права, содержащимися в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Следовательно, внесудебный, то есть административный, порядок разрешения административных споров основывается на том, что, во-первых, эти споры разрешаются не судами, а исключительно административными органами, а во-вторых, порядок их разрешения регулируется административно-процессуальными нормами, входящими в структуру административного, а не какой-либо иной отрасли права. В связи с этим деятельность судов общей юрисдикции по рассмотрению жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях не может быть квалифицирована как внесудебное производство по разрешению административных споров.

Итак, определим наиболее важные признаки внесудебного (административного) производства по разрешению административных споров.

1. Рассматриваемое производство является одним из видов производств, входящих в структуру административного процесса, понимаемого нами в узком смысле, как деятельность только административных органов по разрешению подведомственных им индивидуальных административных дел. В содержание административного процесса, в отличие от некоторых ученых-административистов, нами не включается административное судопроизводство.

2. По своему содержанию рассматриваемое производство представляет собой властную деятельность компетентных административно-конф-

ликтных органов по разрешению подведомственных им индивидуальных дел об административных спорах.

3. Субъектами, участвующими в рассматриваемом производстве, являются:

а) заявитель – физическое, юридическое лицо, административный орган, государственный или муниципальный служащий, оспаривающие действие (бездействие) или решение (правовой акт) административного органа;

б) ответчик – административный орган, действие (бездействие) или решение (правовой акт) которого оспаривается;

в) административно-конфликтный орган – административный орган, уполномоченный нормативным правовым актом, определяющим его компетенцию, разрешать соответствующий вид административного спора.

4. Порядок (процедура) осуществления рассматриваемого производства, в частности, его стадии, последовательность и сроки совершения в ходе данного производства определенных действий, регламентируется соответствующими административно-процессуальными нормами.

Таким образом, внесудебное (административное) производство по разрешению административных споров может быть определено как урегулированная административно-процессуальными нормами властная деятельность компетентных административно-конфликтных органов по разрешению подведомственных им индивидуальных дел об административных спорах.

Примечания

1. См., например: *Козлов, Ю. М.* Административное право [Текст] : учебник / Ю. М. Козлов. М.: Юрист, 2005. С. 481; *Бахрах, Д. Н.* Административное право [Текст] : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. М.: Норма, 2006. С. 580.

2. См., в частности: *Сорокин, В. Д.* Административно-процессуальное право [Текст] : учебник для юридических вузов / В. Д. Сорокин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 323, 378–396.

3. См., в частности: *Кононов, П. И.* Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования [Текст] : монография / П. И. Кононов. Киров, 2001. С. 213–214; 235.

4. См.: *Козлов, Ю. М.* Указ. соч. С. 471–474.

5. См., например: *Хаманева, Н. Ю.* Теоретические проблемы административно-правового спора [Текст] Н. Ю. Хаманева // Государство и право. 1998. № 12. С. 30–31.

6. См., в частности: *Кононов, П. И.* Указ. соч. С. 231–234.

Е. Г. Соловьёва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ ГОРОДСКОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА

После проведения городской реформы 1870 г. решение вопросов городского благоустройства оказалось в совместном ведении городских общественных и местных полицейских учреждений, поскольку оно было важно как для ведения городского хозяйства, так и для охраны безопасности. Однако, став после принятия Городового положения независимой публичной властью, городское самоуправление не было подчинено в решении данных вопросов полиции, а взаимодействовало с ней на равных основаниях.

Ускорившееся после отмены крепостного права социально-экономическое развитие России проявилось в бурном росте пореформенных городов. Правительственному аппарату для решения разросшегося круга городских проблем, в том числе городского благоустройства, требовалось содействие эффективных общественных органов. Однако в предшествовавшем разработке городской реформы 1870 г. своде соображений местных комиссий была отмечена «неудовлетворительность существующего положения городских учреждений», которую представители городского общества единогласно объясняли отсутствием у них самостоятельности [1].

В связи с этим принятие в 1870 г. Городового положения, признававшего городское самоуправление независимой общественной властью по решению вопросов городского хозяйства и благоустройства, было неизбежно.

Самостоятельное решение вопросов местного значения ранее было предоставлено земским учреждениям по Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. Однако земские учреждения в ходе осуществления своих решений должны были все же обращаться к содействию правительственных полицейских органов (ст. 36, 43 Временных правил [2]), поскольку сами не наделялись властными полномочиями. Это явилось последствием отражения в Положении о земских учреждениях общественной теории самоуправления и признания земства только хозяйственным управлением, подчиняющимся закону наравне с частными лицами [3]. Хотя, по отзывам сторонников государственной теории самоуправления, при таком порядке вещей «самоуправления в собственном смысле слова» создано не было [4].

В отличие от закона о земствах Городовое положение 1870 г. не поставило общественные учреждения в вопросе исполнения своих решений в прямую зависимость от полиции, как не совсем справедливо полагают некоторые исследователи [5]. В «Отечественных записках» (журнале демократического толка) отмечалось, что в законе 1870 г. уже была предпринята попытка «сделать общественное управление непосредственным участником в делах как городского благоустройства, так и благосостояния» [6]. Городское самоуправление должно было стать публичной властью, имеющей возможность принуждения горожан к исполнению своих решений.

С целью дать городскому самоуправлению действительную власть «было предоставлено городским управлениям издавать обязательные для обывателей города постановления» [7] (ст. 103). Но ввиду того что переданное в ведение самоуправления попечение о внешнем благоустройстве и благосостоянии городов «находится в связи с вверенным правительственной полиции охранением безопасности», данные вопросы, конечно, не могли быть «предоставлены окончательному усмотрению общественного управления» [8]. Поэтому обязательные постановления городские думы принимали по соглашению с начальником местного полицейского управления, также обладавшего правотворческой инициативой (ст. 104–105).

Данное условие издания указанных правовых актов не ставило, однако, городское самоуправление в зависимость от полицейского учреждения, поскольку оно также не могло самостоятельно принимать обязательные постановления по вопросам городского благоустройства [9], так как они, «по своему содержанию, должны... касаться гражданских прав обывателей, налагая на них временные или даже и постоянные пожертвования и расходы», а «присвоение одной полиции права самостоятельно обращаться к обществу подобные требования естественно, невозможно» [10].

При обсуждении проекта Городового положения Второе Отделение Собств. е. и. в. канцелярии обратило внимание на неразграниченность полномочий между городским самоуправлением и местным полицейским управлением в сфере городского благоустройства и не без основания считало, что при этом пререкания окажутся неизбежными. Подчеркивая важность урегулирования этих отношений, Второе Отделение поставило вопрос о подготовке специального закона о полицейском управлении городов и высказало пожелание, чтобы закон был издан в скором времени и чтобы в Городовом положении было о нем заявлено [11]. Однако Министерство внутренних дел, являясь основным разработчиком

городской реформы, заявило, что лучше выждать время, «когда новая организация общественных учреждений вполне установится», чтобы к изменениям постановлений о городском благоустройстве и благосостоянии приступить уже «по указаниям опыта» [12].

В случае же пререканий городской думы с полицейским управлением по поводу издания обязательного постановления дело должно было передаваться через начальника губернии в губернское по городским делам присутствие, которое рассматривало его по существу с учетом «польз и нужд города» (ст. 105), что, однако, было с полным доверием возложено на него законодателем [13], поскольку, во-первых, в состав присутствия входили представители как правительственной, так и общественной власти, в том числе и городского самоуправления (ст. 11). Во-вторых, проект обязательного постановления мог быть изменен присутствием только согласно доводам городской думы или местного полицейского управления [14], а не по собственным соображениям [15].

Кроме того, городское самоуправление могло обжаловать решение присутствия Правительствующему Сенату по Первому департаменту в 6-недельный срок (ст. 153), что являлось дополнительной гарантией интересов городского самоуправления от возможной ситуации, когда губернатор, в ведомстве которого находилось местное полицейское управление, будет настаивать на решении вопроса в пользу этого управления, злоупотребляя своим положением председателя присутствия.

Разработчиками городской реформы 1870 г. предполагалось, что «издание таких постановлений, по соглашению полицейского и общественного управлений, придавало бы полицейским распоряжениям необходимую твердость и полноту, обеспечив в то же время правильные и неуклонные отношения к оным установлений судебных» [16]. Только издание рассматриваемых постановлений городским представительным учреждением (думой) при условии осуществления надзора над их законностью со стороны губернатора и губернского по городским делам присутствия придавало данным правовым актам статус «законного постановления» и, следовательно, позволяло распространить на них норму ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, согласно которой судьи могли привлекать к ответственности за их нарушение.

Право «возбуждения судебного преследования и обличения перед судом виновных» в нарушении обязательных постановлений предоставлялось городскому общественному управлению на равных основаниях с административными властями, то есть полицией (ст. 110).

Поскольку, по мнению законодателя, предоставление «преследования нарушителей обязательных постановлений» одному городскому самоуправлению повлекло бы «совершенно излишнее обременение общественного управления и неизбежную медленность в производстве этого рода дел» [17], то в Городовое положение 1870 г. было включено новое правило, обязывающее правительственные ведомства, в том числе и полицию, оказывать содействие городским учреждениям в осуществлении законных требований, в том числе и обязательных постановлений (ст. 6). В данном законе подчеркивалась обязанность полиции не только наблюдать за их точным исполнением и принимать соответствующие меры, но также своевременно сообщать обо всех замеченных неисправностях в сфере общественного благоустройства (ст. 107–108). Пререкания городского управления с полицией по предмету неисполнения последней обязанностей, возложенных на нее обязательным постановлением, подлежали рассмотрению губернского присутствия по городским делам [18]. Предусматривалась также возможность обжалования бездействия полиции по надзору за соблюдением обязательных постановлений губернатору, а его действий – Сенату (ст. 6, 8).

Без регламентации подобных правил в законе о земских учреждениях ответственность полиции за бездействие в содействии исполнению решений земств редко «имела приложение на деле» [19].

Таким образом, Городовое положение 1870 г. определило городское самоуправление как обособленную от системы государственных учреждений власть по решению вопросов местного значения, не поставленную в зависимость от местных полицейских учреждений в исполнении своих решений, а призванную сотрудничать с ней по вопросам городского благоустройства и благосостояния на равных началах. И нельзя не согласиться с мнением обозревателя Отечественных записок, что после издания такого закона весь успех дела оказался в зависимости «лишь от практического исполнения его» [20], т. е. от готовности местных властей к осуществлению новых полномочий, а также от готовности полиции к тесному сотрудничеству с ними.

Примечания

1. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи [Текст]. СПб., 1877. Т. I. С. 84.

2. Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении от 1 января 1864 г. [Текст] // Второе Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XXXIX. Отд. I. № 40458.

3. Труды комиссии о губернских и уездных земских учреждениях [Текст]. Ч. II. Кн. I. СПб., 1863. С. 59.
4. Коркунов, Н. М. Русское государственное право [Текст] / Н. М. Коркунов. Т. II. Особенная часть. СПб., 1893. С. 311.
5. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века [Текст]. М., 1997. С. 78.
6. Городовое положение [Текст] // Отечественные записки. 1873. № 3. Современное обозрение. С. 16.
7. Городовое положение с объяснениями [Текст]. Издание Хозяйственного департамента МВД. СПб., 1870. С. 102.
8. Там же.
9. Решение Правительствующего Сената 7 ноября 1879 г. – 12 февраля 1880 г. № 8478 [Текст] // Систематический сборник решений Правительствующего Сената и распоряжений Правительства, разъясняющих Городовое Положение. Составили Барон В. Майдель и В. Белюстин. 2-е значительно дополненное издание. СПб., 1881. С. 137–138.
10. Отношение С.-Петербургского обер-полицмейстера к Главноуправляющему Вторым Отделением Собств. е. и. в. канцелярии по вопросу об издании в городах обязательных для местных жителей постановлений по предметам городского благоустройства от 14 марта 1870 г. № 1435 [Текст] // Материалы, относящиеся до нового общественного устройства... Т. III. С. 451–453.
11. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства... Т. I. С. 473.
12. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства... Т. II. С. 76.
13. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства... Т. III. С. 507.
14. Решение Правительствующего Сената 13 февраля – 28 июня 1880 г. № 1517 [Текст] // Систематический сборник решений Правительствующего Сената и распоряжений Правительства, разъясняющих Городовое Положение. С. 138.
15. Решение Правительствующего Сената 10 декабря – 26 марта 1880 г. № 9547 [Текст] // Там же. С. 138.
16. Городовое положение с объяснениями. С. 102–107.
17. Циркулярное указание Правительствующего Сената от 20 июня 1877 г. [Текст] // Систематический сборник решений Правительствующего Сената и распоряжений Правительства, разъясняющих Городовое Положение. С. 142–143.
18. Циркуляр Хозяйственного департамента 19 января 1877 г. № 281 [Текст] // Систематический сборник решений Правительствующего Сената и распоряжений Правительства, разъясняющих Городовое Положение. С. 140.
19. Труды комиссии о губернских и уездных земских учреждениях [Текст]. Ч. I. Кн. II. СПб., 1860. С. 52.
20. Городовое положение [Текст] // Отечественные записки. 1873. № 3. Современное обозрение. С. 17.

НОВЫЕ КНИГИ

Вылегжанина, Н. А. Операционные системы, среды и оболочки [Текст] : методические рекомендации для студентов II курса специальности «Прикладная информатика в экономике» факультета информатики / Н. А. Вылегжанина. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 25 с.

Цель данных рекомендаций – обучение студентов навыкам работы в операционных системах MS-DOS и Linux.

Каждая лабораторная работа содержит теоретическую часть, где кратко изложены основные положения темы и самостоятельные задания за компьютером. Задания носят исследовательский характер и формируют у студента навыки управления основными подсистемами операционных систем: подсистемой управления ресурсами, файловой системой, специальными утилитами, разграничением прав доступа к данным.

ПЕРСОНАЛИИ

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕТРУСЬ

Кандидат филологических наук, доцент Т. В. Петрусь принадлежит к семье лингвистов, судьбы и профессиональная деятельность которых теснейшим образом связаны с ВятГГУ. Ее отец – известный ученый-славист, профессор В. П. Петрусь. Выпускник славяно-русского отделения историко-филологического факультета Киевского университета, он в 20-е гг. прошлого века являлся деканом этого факультета, но в 1930 г. был репрессирован и провел полтора года в печально знаменитом лагере на Соловках. Лишь спустя несколько лет В. П. Петрусю удалось добиться разрешения вернуться к преподавательской работе в провинциальном городе. Он выбрал Киров и с 1940 г. до своей кончины в 1957 г. работал на кафедре русского языка Кировского государственного пединститута. В. П. Петрусь, будучи заведующим кафедрой, создал высокопрофессиональный коллектив. Его аспиранты, защитив диссертации, составили ядро целого поколения преподавателей (В. В. Симонов, Ю. В. Солоницын, А. И. Горева, Р. Д. Лебедева-Пятина). Мать Т. В. Петрусь работала в нашем вузе в течение сорока пяти лет. Кандидат филологических наук, доцент З. Ф. Петрусь была ученицей известного языковеда С. Г. Бархударова. Студенты многих поколений могли оценить не только высокий уровень ее лекций, но и изысканную артистичность самого лектора. В 80-е гг. З. Ф. Петрусь создала факультетский театр, спектакли которого были настоящим праздником для всего института. Именно она стоит у истоков самой древней традиции факультета – так называемых литературных часов, которые проводятся с середины 50-х гг.

Т. В. Петрусь, окончив с отличием филологический факультет Кировского государственного пединститута, избрала тот же профессиональный путь, что и ее родители. Начав в 1970 г. работу на кафедре русского языка, в 1972 г. она поступила в аспирантуру на кафедру общего языкознания Московского государственного пединститута и прошла превосходную научную школу у своего научного руководителя – члена-корреспондента АН, директора Института русского языка АН Ф. П. Филина. Кандидатская диссертация Т. В. Петрусь «История предлога О(ОБ) в русском языке (на материале памятников письменности XI–XVIII вв.)» – это исследование в области исторической морфологии, представляющее собой анализ развития семантики и грамматических связей предлога О(ОБ) на протяжении восьми столетий. Диссертация выполнена на весьма обширном материале, собранном в уни-

кальных словарных картотеках Института русского языка. После защиты диссертации в 1976 г. Т. В. Петрусь продолжила работу на кафедре русского языка и с течением времени выросла в высококвалифицированного преподавателя с широким профессиональным диапазоном, который включает такие курсы, как «История русского литературного языка», «Филологический анализ текста», «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Стилистика русского языка». Для специальности «Филология» ею разработан впервые изучающийся на факультете курс «Введение в славянскую филологию». Научные интересы Т. В. Петрусь, первоначально связанные с историей языка, в последние годы распространяются на проблемы художественного текста. Результаты наблюдений над оригинальным стилем А. С. Грина изложены в сборнике статей «Неповторимое слово Александра Грина» (Петрусь, Т. В. Неповторимое слово Александра Грина: Филологические этюды. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007).

Т. В. Петрусь является специалистом по технике речи и регулярно проводит речевые тренинги для ведущих информационных программ ГТРК «Вятка». Она участвует в Государственной программе подготовки управленческих кадров, в рамках которой преподает курс делового этикета.

Т. В. Петрусь много сил и энергии отдает нравственно-эстетическому воспитанию студентов: это и факультетский поэтический театр, и кружок «Звучащее слово», и традиционные «Поэтические часы», и смотры художественной самодельности факультета и университета.

Т. В. Петрусь – образец широко образованного, интеллигентного, гармонично развитого, удивительно доброй и щедрой души человека.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА МОСУНОВА

Людмила Александровна Мосунова родилась в г. Чите. В 1974 г. окончила Пермский государственный университет им. А. М. Горького, получив квалификацию «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы». На ее профессиональное становление значительное влияние оказала работа в качестве учителя русского языка и литературы, а позднее – заместителя директора школы по внеклассной и учебно-воспитательной работе.

Как педагог-практик Людмила Александровна в 1991 г. приглашена в КГПИ им. В. И. Ленина на кафедру педагогического мастерства. В 1997 г. Л. А. Мосунова окончила очную аспирантуру на кафедре методики преподавания литературы МПГУ им. В. И. Ленина и защитила кандидатскую диссертацию «Методика обучения словесному рисованию на уроках литературы в V–VII классах» по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения литературы.

Следующий важный этап ее профессиональной деятельности был связан с филологическим факультетом. С 1998 г. она – доцент кафедры литературы XX века и методики преподавания литературы. С 2003 по 2005 г. – старший научный сотрудник ВятГГУ. С 2005 г. Л. А. Мосунова заведует кафедрой издательского дела и редактирования социально-гуманитарного факультета ВятГГУ. В 2006 г. Людмила Александровна успешно защитила докторскую диссертацию «Структура и психологические условия развития смыслового понимания художественных текстов» в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки).

Область научных интересов Л. А. Мосуновой – психология чтения художественной литературы, а также совершенствование процесса обучения литературе в школе и вузе. Она является автором более 50 работ, среди которых книги «Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов», «Обучение смысловому чтению художественных текстов», «Личностно ориентированное проектирование чтения художественной литературы». Результаты ее научных изысканий широко представлены в центральных журналах: «Вопросы психологии», «Вестник МГУ» (серии «Психология», «Педагогическое

образование»), «Русская словесность», «Литература в школе», «Библиотекосведение» и др.

Результаты научной деятельности Л. А. Мосуновой востребованы педагогами-практиками. Более 10 лет она руководит исследованиями учителей, занимающихся внедрением идей развивающего обучения. Под ее научным руководством издано 4 сборника научно-методических статей учителей-экспериментаторов г. Кирова и Кировской области. Заслуженной признательностью педагогов пользуются сборники «Урок литературы: инновационная практика обучения» (2002 г.), «Преемственность в обучении и развитии школьников» (2001 г.), в которых представлены научно обоснованные и эффективные подходы к решению проблем обучения и развития школьников, обобщен уникальный опыт талантливых педагогов. Инновационный подход к делу характеризует и саму Людмилу Александровну. Преподаватели и студенты уважают ее за высокий профессионализм, трудолюбие, ответственность. Она – талантливый руководитель, обаятельный и доброжелательный человек. За добросовестный труд Людмила Александровна награждена Почетными грамотами ВятГГУ (2002, 2007 гг.), Почетной грамотой Министерства образования (2002 г.).

Коллектив социально-гуманитарного факультета сердечно поздравляет Людмилу Александровну с юбилеем и желает ей крепкого здоровья, семейного благополучия, дальнейших творческих свершений на благо российской науки и образования.

АНАТОЛИЮ ЕВДОКИМОВИЧУ АНУФРИЕВУ – 55 ЛЕТ

Ученый не может не обладать содержательной внешней или внутренней биографией. «Наука требует от человека всей его жизни», – считал И. П. Павлов. Жизнь Анатолия Евдокимовича Ануфриева посвящена литературе и литературоведению. Доктор филологических наук, профессор А. Е. Ануфриев говорит, что любовь к чтению, уважение к художественному слову и интерес к русской литературе составляют внутреннее содержание его жизни.

Анатолий Евдокимович – общительный, творческий человек. Его стихи и пародии, которыми профессор Ануфриев сопровождает вручение дипломов выпускникам факультета, любят все студенты.

С историко-филологическим факультетом Кировского пединститута им. В. И. Ленина связана вся биография Анатолия Евдокимовича. После окончания института 3 года работал учителем русского языка и литературы, а затем директором Больше-Таринской восьмилетней школы Лебяжского района Кировской области. Именно там он встретил свою будущую жену Веру Георгиевну, сейчас она ведущий журналист областной газеты «Вятский край».

С 1978 г. – ассистент кафедры литературы КГПИ. А аспирантура при кафедре советской литературы Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина открыла ему путь в науку: в 1984 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Своеобразие психологического анализа в прозе 70–80 гг. XX века (В. Астафьев, В. Распутин)». И с тех пор он учит студентов-филологов русской литературе. Был и заместителем декана факультета русского языка и литературы по работе на национальном отделении. А в 2002 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Жанр утопии и антиутопии в русской прозе первой трети XX века. Эволюция. Поэтика».

Область научных интересов А. Е. Ануфриева – проблемы поэтики русской прозы 20–30-х гг. (творчество Е. Замятина, А. Платонова, Ю. Олеши) и 60–70-х гг. (творчество В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова). Им опубликовано более 60 статей и 2 монографии: «Утопия и антиутопия в русской прозе 1-й трети XX века. Эво-

люция. Поэтика» в московском издательстве «Прометей» и «Жанр антиутопии в русской прозе 1-й трети XX века» в Кирове.

Профессор А. Е. Ануфриев читает курсы лекций по истории русской литературы XX века, истории русской критики, руководит научной работой аспирантов, неоднократно выступал с интересными докладами на научных конференциях в Москве, Тамбове, Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Кирове. Является членом докторского диссертационного совета по философии и культурологии ВятГГУ.

Анатолий Евдокимович – заядлый библиофил. Любимое чтение – труды русских и западноевропейских филологов, философские работы В. Розанова, И. Ильина, А. Лосева, А. Панарина, А. Зиновьева, Хёйзинги, Ортеги-и-Гассета, Тойнби, К. Юнга. Студентов поражает то, что все стихи на своих лекциях он читает только наизусть.

По своему мироощущению Анатолий Евдокимович – романтик, человек долга и чести, с твердыми нравственными принципами. Он нежный сын, преданный муж, заботливый отец, понимающий брат.

Преподаватели и студенты филологического факультета от всей души поздравляют с юбилеем Анатолия Евдокимовича Ануфриева – интеллигентного человека, талантливого педагога, состоявшегося ученого!

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ (о результатах проведения межвузовской научно-практической конференции)

Качество образования традиционно связывается с обеспечением общества высококвалифицированными специалистами. Эта проблема стала еще более актуальной в период осуществления перестройки системы высшего профессионального образования. В связи с этим в настоящее время все острее проявляется потребность во всестороннем совершенствовании процесса обучения, в привитии студентам умения самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в достижениях науки и культуры.

Профессионализм преподавателя проявляется, прежде всего, в свободном владении педагогикой, психологией, методикой вузовского обучения и воспитания. Иначе говоря, преподаватель все больше выступает не только как специалист в той или иной области знаний, но и как профессионал в деле организации образовательного процесса. Одно из проявлений этого – продуманное использование различных методов и средств обучения в соответствии с характером изучаемого материала, целями каждого вида работы, особенностями обучаемых. Таким образом, инициаторы и организаторы проведения на базе ВятГГУ межвузовской научно-практической конференции на тему «Использование современных технологий в вузовском образовании» ставили перед собой первоочередную задачу – акцентировать внимание руководителей образовательных учреждений и их представителей: ученых, педагогов-практиков – на проблемах учебно-методического обеспечения образовательного процесса в вузе и использования современных технологий в образовательной, научной и профессиональной деятельности.

В Вятском государственном гуманитарном университете в ходе работы конференции 11–12 октября 2006 г. приняли участие 128 преподавателей из десяти высших учебных заведений, одного среднего профессионального и трех общеобразовательных учреждений гг. Кирова, Слободского, Ижевска и Глазова.

Основные вопросы, обсуждавшиеся на конференции:

1. Модернизация содержания и критериев оценки качества образования.

2. Эффективность и результативность современного педагогического процесса.

3. Личностно-развивающие технологии профессионального образования.

4. Информационные технологии в образовательной, научной и профессиональной деятельности.

5. Коммуникативная компетентность преподавателя вуза.

В день открытия конференции, 11 октября, на пленарном заседании было заслушано 4 научных доклада:

– «Учебно-методическое обеспечение образовательного процесса в вузе». Докладчик Т. В. Машарова – д. пед. н., профессор, проректор по учебно-воспитательной работе ВятГГУ;

– «Технологии открытого образования как ресурс развития личности». Докладчик Е. О. Галицких – д. пед. н., профессор, зав. кафедрой русской литературы и методики обучения литературе;

– «Междисциплинарный подход в подготовке специалистов». Докладчик А. А. Бондаренко – д. мед. н., профессор, проректор по учебно-методической работе КГМА;

– «Использование интернет-ресурсов в обучении студентов». Докладчик Г. Н. Некрасова – д. пед. н., доцент, декан факультета технологии и дизайна.

Кроме того, работало три секции: «Модернизация содержания и критериев оценки качества образования», «Личностно-развивающие технологии профессионального образования», «Информационные технологии в образовательной, научной и профессиональной деятельности», – на которых было заслушано 18 докладов.

12 октября вниманию участников конференции был предложен просмотр трех аудиторных занятий со студентами с последующим обсуждением:

– «Применение информационных технологий в образовательном процессе вуза». Преподаватель Н. А. Бушмелева – к. пед. н., доцент, зам. декана факультета информатики;

– «Использование метода проектов в преподавании гуманитарных дисциплин». Преподаватель Е. А. Кобелева – к. пед. н., доцент кафедры русской литературы и методики обучения литературе;

– «Коммуникативная компетентность преподавателя вуза». Преподаватель Г. И. Корчаги-

на – к. психол. н., доцент кафедры практической психологии.

Необходимо отметить, что большинство преподавателей с интересом откликнулись на просьбу опубликовать статьи в сборнике, в который вошли 80 статей, включая работы авторов, принявших в конференции заочное участие.

В день окончания конференции была принята резолюция и вынесено решение:

1. Развивать сотрудничество преподавателей вузов, ссузов и учителей средних общеобразовательных школ г. Кирова и Кировской области с целью совершенствования образовательного процесса и повышения его эффективности на основе современных технологий обучения.

2. Признать в качестве эффективного средства систему междисциплинарных заданий, интегрирующих предметную и информационную подготовку студентов.

3. Разрабатывать учебные программы, учебные материалы на электронных носителях и технологии обучения, направленные на успешную интеграцию выпускника в профессиональную деятельность, развитие его личностной и профессиональной культуры.

4. На базе ВятГГУ организовать работу межвузовского научно-методического семинара по проблемам модернизации содержания высшего профессионального образования и критериев оценки его эффективности.

5. Для обобщения опыта использования развивающих образовательных технологий создать электронный портал современных методических разработок.

6. Регулярно проводить межвузовские конкурсы методических материалов и разработок.

7. Центру дополнительного образования ВятГГУ организовать работу по повышению квалификации преподавателей вузов г. Кирова в области использования современных информационных и коммуникационных технологий обучения.

8. Сделать регулярным проведение межвузовских научно-практических конференций по актуальным проблемам высшего профессионального образования в Кировской области с проведением серии открытых аудиторных занятий (по применению современных технологий в вузовском образовании).

*Е. А. Агафонова,
методист отдела образовательных
программ и стандартов
профессионального образования
учебно-методического управления,
ассистент кафедры педагогики ВятГГУ*

ПРОБЛЕМНЫЙ СЕМИНАР «ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ»

3 апреля 2007 г. в Вятском государственном гуманитарном университете состоялся проблемный семинар «Перспективы образования в XXI веке», организованный Вятским философско-обществом и социально-гуманитарным факультетом. В его подготовке участвовали Вятский фонд сотрудничества и развития, Кировский филиал Института бизнеса и политики, Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Работой семинара руководили секретарь Вятского философского общества, директор Кировского филиала Института бизнеса и политики, кандидат философских наук Вячеслав Михайлович Селезнев и проректор Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Валерий Теодорович Юнгблуд.

На семинаре были заслушаны и обсуждены два доклада. Первый доклад на тему «Образование в свете теории генетического единства мира» зачитал Борис Александрович Астафьев, доктор медицинских и философских наук, профессор, действительный член и научный руководитель Отделения проблем школьного образования РАЕН, автор известных монографий «Основы Мироздания», «Законы Творения», «Стратегический прогноз и управление».

Второй доклад – «Законы мира и образование» – был сделан Наталией Владимировной Масловой. Она – доктор психологических наук, профессор, действительный член и председатель бюро Отделения проблем школьного образования РАЕН, автор монографий «Периодическая система всеобщих законов Мира», «Периодическая система законов человеческого общества», «Ноосферное образование», учебных пособий «Древо английской грамматики», «Русский язык», разработчик системы «Ноосферное образование».

Докладчики отталкивались от идей В. И. Вернадского о ноосфере и основателя синергетики Ильи Пригожина, свободно цитировали Библию и Гераклита. Объясняли землетрясения на нашей планете метagalacticкими циклами периодом в сотни миллиардов и в триллионы лет. Была продемонстрирована формула генома мира, открытая Борисом Александровичем. Приведем эту формулу:

$$e_{0,5H} - \Delta e \times [Pq : (\Pi - F)]^{-1} \quad \uparrow C^3_e \times e_{n-1} \quad e_{0,5H} + \Delta e \times Pq : (\Pi - F)$$

Докладчики подчеркивали, что открытые ими законы устройства Вселенной необходимо напря-

мую учитывать при построении российской системы образования и в методике преподавания гуманитарных дисциплин.

Оба доклада были заслушаны с большим вниманием многочисленной аудиторией, среди присутствующих можно было заметить преподавателей и студентов ВятГГУ, представителей различных Кировских общественных организаций. Задавались вопросы, на которые докладчики отвечали, демонстрируя обширную эрудицию.

В целом можно сказать, что семинар, прошедший в стенах ВятГГУ, явился значительным событием в интеллектуальной и научной жизни нашего города.

*М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и социологии
ВятГГУ, действительный член РАЕН*

59-я НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ВятГГУ ЗА 2006 г.

В апреле 2007 г. в Вятском государственном гуманитарном университете прошла 59-я научная сессия по итогам научно-исследовательской работы за 2006 г. В ходе работы сессии были проведены секционные заседания по естественнонаучному, краеведческому, филологическому, психолого-педагогическому, социально-гуманитарному направлениям, в рамках которых действуют научные школы университета.

Подведение общих итогов научной работы состоялось 17 апреля на пленарном заседании. Во вступительном слове проректор по научно-исследовательской работе, доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнгблюд отметил, что качественное университетское образование основывается прежде всего на фундаменте науки и одним из важных показателей работы вуза является наличие научных школ. В настоящий период развитие научной мысли идет в направлении осмысления проблем, решение которых возможно благодаря усилиям представителей многих наук. С учетом этого критерия строится научно-исследовательская работа вуза.

На заседании были заслушаны четыре доклада. Доктор педагогических наук, доцент Е. А. Ходырева посвятила свой доклад проблемам становления индивидуальности студентов в образовательной среде гуманитарного вуза, доктор географических наук, профессор М. М. Пахомов – смене ландшафтно-климатических обстановок Вятского края за последние два миллиона лет, кандидат исторических наук, доцент М. С. Судовиков – купеческому сословию в контексте

социальной истории России конца XVIII – XIX в., кандидат филологических наук, доцент К. С. Личарева – проблеме национального самосознания в контексте современной социокультурной ситуации. Эти доклады вызвали живой интерес у собравшихся, в ходе дискуссии была подчеркнута актуальность и значимость данных тем в развитии современной науки.

Установка на новизну, общественную и научную значимость исследований в университете является обязательным элементом планирования всей работы вуза и одной из основ его инновационного развития. В конце заседания были вручены дипломы победителям традиционного конкурса на лучшую научную работу. Лауреатами 2006 г. стали: в номинации «За лучшую научную работу в области естественных наук» – Савиных Наталья Павловна, профессор кафедры ботаники за монографию, статьи, учебники и учебно-методические издания, руководство научной лабораторией и научной школой «Биоморфология растений»; в номинации «За лучшую научную работу по гуманитарным наукам» – Бакулин Владимир Иванович, профессор кафедры отечественной истории за монографию «Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX в.» и успехи в подготовке аспирантов; в номинации «За лучшую научно-методическую работу» – коллектив лаборатории биомониторинга, за работу «Учебно-методический комплекс по экологии» (руководитель – Т. Я. Ашихмина); за многолетний вклад в методику обучения математике в школе и в вузе – Подгорная Ирина Исаковна, доцент кафедры высшей математики.

В дальнейшем, помимо конкурса на лучшую работу, планируется обеспечить стимулирование научной деятельности путем предоставления внутренних грантов университета на проведение исследований научными лабораториями, научными школами и учеными. Планируется также осуществлять материальную поддержку молодых ученых и аспирантов, докторантов, выполняющих исследования по приоритетным направлениям развития науки. Все это должно способствовать созданию системы инновационной деятельности университета с целью формирования динамичной инновационной среды, способствующей производству новых знаний и их внедрению в практику.

Одновременно с научной сессией преподавателей в университете прошла Неделя студенческой науки. На факультетах это мероприятие проводилось в различных формах: научно-практические конференции, олимпиады, презентации, семинары и т. д. 18 апреля 2007 г. под председательством В. Т. Юнгблюда состоялось пленарное заседание по итогам научно-исследовательской работы студентов, на котором прозвучали доклады молодых исследователей по наиболее актуальным научным темам и были вручены дипломы победителям конкурса на

лучшую студенческую научную работу по естественным и гуманитарным наукам за 2006 г. Дипломы получили 10 студентов, и 15 студентов – грамоты участника конкурса.

В целом 59-я научная сессия по итогам научно-исследовательской работы ВятГГУ показала высокий научный потенциал вуза и его способность быть в центре решения научных проблем по многим актуальным направлениям. Богатые традиции научно-исследовательской работы, заложенные за более чем 90-летнюю историю учебного заведения не одним поколением профессорско-преподавательского состава, находят достойное продолжение и в наши дни.

*М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ*

РАСШИРЕНИЕ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ УЧЕНЫХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(по материалам выездного заседания
бюро президиума Коми научного центра
Уральского отделения РАН в г. Кирове)

С 1999 г. развивается активное межрегиональное научное и научно-техническое сотрудничество Республики Коми и Кировской области. Интерес кировчан к такому сотрудничеству вызван желанием объединить усилия вузов, НИИ в решении совместных научных проблем, развивать новые научные направления в области фундаментальных и прикладных исследований, активизировать взаимодействие науки и высшего образования.

За этот период по линии Президиума Коми НЦ УрО РАН и Вятской торгово-промышленной палаты с участием ученых как г. Сыктывкара, так и г. Кирова на регулярной основе проводятся научные выставки, семинары, идет активный обмен научно-технической информацией.

С целью интеграции фундаментальной науки и высшего образования в области естественно-научных проблем руководством ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН в 2000 г. был подписан договор о сотрудничестве учебного вуза и академического Института. В рамках данного договора на базе Вятского государственного гуманитарного университета создана совместная научная лаборатория биомониторинга, которая является структурным подразделением Института биологии Коми НЦ УрО.

3–4 мая 2007 г. на базе Вятского государственного гуманитарного университета состоялось расширенное выездное заседание бюро Президиума Коми научного центра Уральского отделения РАН, Вятской торгово-промышленной палаты. В

его работе приняли участие ректоры вузов города Кирова, директора научно-исследовательских институтов, руководители областных медицинских учреждений, деканы и заведующие кафедрами, научные сотрудники лабораторий, созданных институтами биологии и физиологии Коми НЦ.

Заседание открыл председатель Вятской торгово-промышленной палаты Н. М. Липатников. Он представил участникам нового председателя Президиума Коми НЦ УрО РАН, члена-корреспондента РАН, д. г.-м. н. Асхаба Магомедовича Асхабова; директора Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, члена-корреспондента РАН, д. э. н. Виталия Николаевича Лаженцева и Института физиологии, академика РАН, д. м. н. Юрия Семеновича Оводова, ученого секретаря Президиума Коми НЦ УрО РАН, д. б. н. Надежду Валериановну Ладанову, академика РАН, д. м. н. Михаила Павловича Рощевского и отметил, что творческое и научное сотрудничество Коми НЦ УрО РАН и кировских вузов и НИИ активно развивается и нуждается в поддержке со стороны Правительства Кировской области.

От Правительства Кировской области участников заседания поприветствовал первый зам. Председателя Правительства Э. А. Носков. Эдуард Алексеевич поддержал инициативу проведения выездного бюро Президиума Коми НЦ УрО РАН в г. Кирове, поблагодарил руководство Коми НЦ УрО РАН за поддержку, помощь и развитие научного и научно-технического сотрудничества с вузами и НИИ г. Кирова и выразил уверенность в поддержке по линии Правительства Кировской области наиболее важных для региона научных изысканий и исследований.

С приветствием участникам заседания выступил ректор Вятского государственного гуманитарного университета, д. п. н., член-корреспондент РАО В. С. Данюшенков.

В своем выступлении Владимир Степанович особое внимание обратил на необходимость интеграции фундаментальной науки и высшего образования в современных условиях реформирования высшей школы. Одобрил целесообразность создания на базе ВятГГУ Институтом биологии Коми НЦ УрО РАН лаборатории биомониторинга, деятельность которой связана с необходимостью укрепления межрегионального сотрудничества и объединения научного потенциала для решения актуальных проблем биологии и экологии, охраны и рационального использования биологических ресурсов. Отметил, что лаборатория биомониторинга в рамках научного сотрудничества выполняет фундаментальные и прикладные исследования; участвует в разработке и выполнении федеральных, межрегиональных и региональных научно-технических проектов и программ; поддерживает деловое сотрудничество с вузами и НИИ

г. Кирова и других регионов в форме координации и обмена научной информацией, консультаций, выполнения совместных исследований. Объединение усилий вуза и академического института весьма эффективно и в подготовке высококвалифицированных специалистов. Научные кадры для лаборатории готовятся как в аспирантурах Института биологии, Института химии Коми научного центра, так и на базе аспирантуры по специальности «Геоэкология» нашего университета.

Особо отметил Владимир Степанович многолетнюю работу коллектива лаборатории биомониторинга в рамках Федеральной целевой программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации»: лаборатория осуществляет научное сопровождение экологического мониторинга объектов по хранению и уничтожению химического оружия и является головной среди 6 регионов, где решается проблема уничтожения химического оружия.

Владимир Степанович познакомил участников расширенного заседания со структурой и деятельностью Вятского государственного гуманитарного университета. В презентации к выступлению было отмечено, что в 2005 г. введен в действие новый главный корпус университета, в 2006–2007 гг. проведен капитальный ремонт корпуса № 1 и введен новый спортивный корпус. В университете на сегодня созданы хорошие условия для совершенствования учебного процесса и развития научных исследований и научного сотрудничества.

Председатель Президиума Коми НЦ УрО РАН А. М. Асхабов в своем выступлении подчеркнул важную роль в организации межрегионального сотрудничества Вятской торгово-промышленной палаты, поддержал деятельность институтов Коми научного центра в области научного и научно-технического сотрудничества с вузами и НИИ г. Кирова, одобрил создание и развитие научных ла-

бораторий. Выразил уверенность в дальнейшем всемерном содействии развитию академической науки, совершенствованию научных связей на вятской земле.

С сообщениями выступили директор Института физиологии Ю. С. Оводов, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера В. Н. Лаженцев, ректор Вятского государственного университета Е. М. Пименов, зав. лабораторией криофизиологии крови Института физиологии Коми НЦ УрО РАН Е. П. Сведенцов, зав. лабораторией биомониторинга Института биологии Коми НЦ УрО РАН Т. Я. Ашихмина. Все выступающие отмечали важность и необходимость дальнейшего развития научного и научно-технического сотрудничества институтов Коми НЦ УрО РАН с вузами и НИИ г. Кирова в рамках фундаментальной и прикладной науки. Опыт и практика создания совместных научных лабораторий подтверждают, что подобная форма интеграции академической науки и высшей школы вполне оправдывает себя и нуждается в совершенствовании, развитии и поддержке по линии Правительства Кировской области.

После выступлений участники заседания познакомилась с деятельностью, кадровым составом и материальной базой лабораторий биомониторинга и криофизиологии крови, посетили Вятский государственный университет.

Второй день работы бюро Президиума Коми НЦ УрО РАН был посвящен обсуждению вопросов по сотрудничеству в области охраны и рационального использования рекреационных ресурсов Кировской области.

*Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор
по кафедре химии и методики преподавания
химии ВятГГУ, зав. лабораторией
биомониторинга ВятГГУ
и Института биологии Коми НЦ УрО РАН*

РЕЦЕНЗИИ

«ЛИСТАЯ ИСТОРИИ СТРАНИЦЫ...»

Бакулин, В. И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке [Текст] : сборник научных статей / В. И. Бакулин. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 203 с.

В сборник статей профессора В. И. Бакулина включены работы, написанные им в 1989–2005 гг. Интересен замысел сборника: показать историю Вятского края на фоне российской истории XX в. Разнообразны темы сборника: история экономического развития, проблемы научной организации труда в разные периоды истории России, национальный вопрос, государственное строительство, история политических партий и движений, история Гражданской войны, кадровые «чистки» 1933–1938 гг.

На разнообразном историческом материале В. И. Бакулин раскрывает, с одной стороны, общие закономерности исторического развития России, проявляющиеся и в истории нашего края, с другой – выясняет специфику истории Вятского края, объясняет истоки данной специфики. Хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Известно, насколько актуальны сейчас вопросы национальных, межэтнических отношений. В. И. Бакулин рассматривает проблемы национального строительства в 1917–1920 гг., когда закладывались основы национальной политики Советского государства, знание которых позволяет понять содержание многих современных национальных проблем. В статьях «Принцип национально-территориальной автономии в большевистской политике государственного строительства в период 1917 – начала 1920 гг.» и «Национальный вопрос в деятельности властей Вятской губернии» В. И. Бакулин отмечает внешние и внутренние сложности национальной политики. Это отсутствие опыта, ситуация хозяйственной разрухи, интервенции и гражданской войны, «левацкие» настроения, противоречия между классовым и национальным подходом.

Утверждение равноправия наций и языков предполагало право наций на государственное самоопределение в трех вариантах – самостоятельного государства, федерации равноправных республик, национально-территориальной автономии в составе обновленного Российского государства (с. 80, 86). Выбор национальной поли-

тики зависел от особенностей региона, от того, в какой степени в нем было представлено нерусское население. Вятская губерния относилась к регионам, где «в места обитания численно преобладавшего русского населения “вклинивались” компактно проживавшие иные этнические группы» (с. 87), поэтому проводимая в ней политика являлась типичной для такого рода регионов, то есть соответствовала третьему варианту. Кроме того, общий накал социально-политической активности населения Вятской губернии нельзя было назвать высоким.

Степень урбанизации губернии оставалась очень низкой (если в среднем по России число городских жителей составляло в 1913 г. 15%, то в Вятской губернии – 4%), плотность населения в большинстве уездов была крайне невысокой. По переписи 1897 г. 77% вятчан были русскими, 12% – удмуртами, 5% – марийцами, 4% – татарами. Поскольку проблема межнациональных отношений в регионе не была приоритетной, активность местных властей была направлена, главным образом, на вопросы образования, просветительства и политической пропаганды. При этом большинство нерусских народов не владели русским языком (его знали, например, 0,38% марийцев), уровень их грамотности был очень низким (например, среди удмуртов в конце XIX в. грамотными были 10,5% мужчин и 0,4% женщин). Поэтому развернулась работа по повышению грамотности, развитию сети библиотек, культурно-просветительских кружков; эта работа шла непросто, в первую очередь, из-за нехватки кадров. Конечной ее целью было преодоление фактического неравенства наций, достижению которого способствовало создание Марийской, Удмуртской, Татарской национальных автономий на основе ряда уездов Вятской губернии.

Во всех своих статьях В. И. Бакулин доказывает, что история России не носила случайного характера, он считает недопустимым волюнтаризм в объяснении важнейших исторических событий.

Сборник отличается методологическим единством статей. Свою позицию В. И. Бакулин определяет так: «избегать крайности». Признавая, в целом, адекватность и правильность материалистического понимания истории, он подчеркивает необходимость очищения методологии марксизма от вульгаризации и догматизации, а так-

же учета иных методологических и концептуальных подходов (с. 7). Плодотворным может быть взаимодополнение формационного и общечивилизационного подходов.

Особое внимание автор уделяет характеристике разных слоев населения России, обосновывая положение о том, что именно из действий широких масс населения, а не отдельных личностей или партий, и создается «ткань истории», что интересы и поступки масс влияют на принятие политических решений, на определение стратегических и тактических задач вождями общественных движений. Показательны в этом отношении статьи «Избегать крайности: к вопросу о методологии исторического исследования», «К методологии исследования событий 1917 г.», «Ленин и стихийный социализм в России», «Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии». «Я глубоко убежден, – пишет В. И. Бакулин, – что мы делаем грубую методологическую ошибку, не учитывая влияния политических факторов на публичные высказывания крупных политических деятелей» (с. 19). Так, говоря о «корректировке» В. И. Лениным марксизма летом-осенью 1917 г., он, ссылаясь на документы, исторические факты, объясняет ее «давлением» ситуации в стране – развалом армии, реальной угрозой голода, ростом преступности, а также настроениями широких масс – популярностью анархизма и проявлениями непосредственной демократии (волостные сходы или советы), распространенностью идеалов социального равенства, настороженным отношением к капитализму в среде крестьянства, недоверием масс народа к парламентским, либеральным формам власти.

Работы В. И. Бакулина отличает стремление к объективности исторической истины, тщательное исследование исторических источников. Книга заинтересует всех, кто не равнодушен к отечественной истории.

*О. А. Останина,
профессор по кафедре философии
Всероссийского заочного
финансово-экономического института*

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНУЮ ПРОБЛЕМУ

Данюшенков, В. С. Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения [Текст] : монография / В. С. Данюшенков, С. А. Барамзина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 160 с.

Значимым событием в научно-педагогической жизни стала книга В. С. Данюшенкова и С. А. Барамзиной «Активизация учебной деятельности

школьников в условиях личностно-ориентированного обучения». Она представляет интерес не только для научных работников, но и для управленцев образования, педагогов-практиков, аспирантов, студентов и других специалистов, интересы которых находятся в области обучения школьников.

Значимость этой новой работы объясняется прежде всего тем, что в период поиска эффективных технологий активизации учебной деятельности школьников она носит ярко выраженный научно-практический характер, поскольку отражает насущную потребность науки и практики в обобщении опыта в этом направлении.

Результаты исследования расширяют представления о возможностях гуманизации учебного процесса обучения. Учёные в совершенстве владеют информационным полем этого направления. Далеко не секрет, что заявленная более пятнадцати лет назад тенденция гуманизации во многом пока только декларируется. Это позволяет однозначно отнести работу В. С. Данюшенкова и С. А. Барамзиной к разряду актуальных и востребованных.

Рецензируемое издание, определяемое авторами как монография, представляет собой тщательно выполненную работу, имеющую научную новизну и теоретическую значимость. Содержание монографии вносит значительный вклад в общую педагогику, историю педагогики и образования и может быть отправной точкой в дальнейших исследованиях по этому направлению.

Важно подчеркнуть, что в книге «Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения» раскрывается механизм её организации в условиях новой парадигмы образования.

Книга содержит три главы. В первой главе «Личностно-ориентированное образование в современных условиях» авторы выделяют и обстоятельно рассматривают теоретические основы личностно-ориентированного образовательного процесса в современных условиях. Авторы обоснованно отмечают, что лучшие традиции образования в каждой исторической эпохе повлияли на становление современной гуманистической традиции, аргументируют аксиологические основания личностно-ориентированного образования в современных условиях, что ещё раз подчёркивает компетентность исследователей.

Материалы этой главы имеют не только научную новизну, но и практическую значимость: их можно рекомендовать для чтения лекций в процессе подготовки специалистов педагогических профилей, специалистов, работающих с персоналом, и т. д.

Можно согласиться с тем, что для решения проблем активизации личности школьника важ-

но принципиально изменить не только отношение к проблеме активизации, но и выяснить специфику дидактических средств активизации школьников. Для этого авторы обстоятельно рассматривают методологические особенности активизации учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения. Этот материал представлен во второй главе «Методологические особенности активизации учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения».

В ходе анализа учебной деятельности как основной формы активности школьника авторы правомерно уделяют большое внимание классификации средств по их отношению к субъекту обучения и системе учебной деятельности. Нужно поддержать позицию авторов в том, что активность школьника зависит от характера выполняемой работы. Именно этот факт не всегда осознаётся учёными и практиками, отражается на общей организации учебного процесса и качестве обучаемости школьников.

Особо надо отметить авторскую модель активизации учебной деятельности школьника, которая включает субъект, предмет, продукт, средства, процедуру и внешние условия.

Принципиально важно, что авторы заостряют внимание читателя на моментах, которые являются наиболее острыми. Так, в частности, анализ практики работы общеобразовательных школ показывает, что часто вместо ожидаемого положительного эффекта наблюдается отчуждение детей

в системе современного образования. Это является характеристикой самой системы и результатом отдаления детей от мира взрослых. Кроме того, не секрет, что учитель «использует» ребенка как средство самоутверждения и реализации своих программ и учебных планов. Авторы книги подводят читателя к выводу о том, что необходимо в первую очередь принципиально пересмотреть условия организации обучения. Этому посвящена третья глава «Дидактические средства активизации в условиях личностно-ориентированного обучения», и она имеет важное значение в общей структуре работы.

Ознакомление с содержанием представленной рукописи позволяет утверждать, что материал базируется на глубоком и логично выстроенном анализе научной литературы, творческом осмыслении и современной трактовке идей педагогики, психологии, философии.

Книга В. С. Данюшенкова и С. А. Барамзиной «Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения» представляет собой подтверждение тому, что проблемы, рассмотренные авторами, современны и актуальны. Книга легко и с интересом читается, вызывает раздумья и вдохновляет.

*Н. С. Александрова,
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой педагогики
Вятского социально-экономического
института*

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В 2007 ГОДУ

27–29 сентября

Диалектное слово и диалектный дискурс как объект изучения

Международная научно-практическая конференция

г. Киров, ВятГГУ, кафедра русского языка и МОРЯ, «Лаборатория экстралингвистических исследований»

Октябрь

Модели и моделирование в методике обучения физике

Республиканская научно-теоретическая конференция

г. Киров, ВятГГУ, кафедра дидактики физики и математики

Октябрь

Актуальные проблемы адаптивной физической культуры и пути их решения

Региональная научно-практическая конференция

г. Киров, ВятГГУ, кафедра адаптивной физической культуры и методики обучения

16–17 октября

Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии

Всероссийская научно-практическая конференция

г. Киров, ВятГГУ, кафедра отечественной истории, Кировская государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена

Октябрь

Вхождение ребенка дошкольного возраста в систему российского образования: позиции ребенка, родителя и педагога

Всероссийская научно-практическая конференция

г. Киров, ВятГГУ, кафедра педагогики и методики дошкольного и начального образования

Октябрь

Эстетизация полоролевого воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста посредством искусства

Всероссийский научно-практический семинар
г. Киров, ВятГГУ, кафедра педагогики и методики дошкольного и начального образования

1–2 ноября

Психология эмпатии: современные подходы к проблеме и перспективы развития

Всероссийская научно-практическая конференция
г. Киров, ВятГГУ, кафедра психологии

26–30 ноября

Экологические проблемы региона в условиях устойчивого развития. 1-й этап

Всероссийская научная школа
г. Киров, ВятГГУ, кафедра химии

Декабрь

Личность в правовом пространстве

Межвузовская конференция
г. Киров, ВятГГУ, кафедра государственно-правовых дисциплин

Декабрь

Актуальные проблемы регистрационной деятельности

Межрегиональная научно-практическая конференция
г. Киров, ВятГГУ, кафедра гражданско-правовых дисциплин

Декабрь

В глубины познания

IV городская научно-исследовательская конференция
г. Киров, ВятГГУ, кафедра педагогики и методики дошкольного и начального образования

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1 (16)

Подписано в печать 15.02.2007
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 Тираж 999. Заказ 660.

Издательский центр ВятГГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674